

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПЕТРОВ Иван Васильевич

**Идеологические и национальные аспекты деятельности
православного духовенства Балтии и Северо-Запада России
(1940-1945 гг.)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Рачковский Валерий Александрович

Санкт-Петербург
2014

Оглавление.

1. Введение.....	3
2. Глава 1. Православные приходы Балтии в 1940 - первой половине 1941 гг.....	63
§1. Краткий обзор истории Православия в Балтии в 1920-1930-е гг.....	63
§2. Дискуссии о литовской-белорусской автокефалии в конце 1939 – первой половине 1941гг.....	77
§ 3. Возращение православных приходов Латвии и Эстонии под омофор Московского Патриархата. Деятельность владыки Сергия (Воскресенского) в 1940-первой половине 1941 гг. в Балтии.....	90
§4. Репрессии против православного духовенства и мирян Балтии в 1940-первой половине 1941 гг. Национальный аспект.....	119
3. Глава 2. Православные приходы Балтии в годы нацистской оккупации. Национальный и идеологический аспекты деятельности.....	136
§1. Активизация автокефалистского движения в Балтии в 1941-1944 гг. Противодействие данному процессу Экзарха Сергия (Воскресенского).....	136
§2. Идеологический аспект деятельности православного духовенства Балтии в период нацистской оккупации.....	180
§3. Православные приходы Балтии во второй половине 1944-1945 гг.....	205
4. Глава 3. Идеологический аспект деятельности Псковской Православной Миссии.....	225
§1. Прибытие первых миссионеров из Балтии на Северо-Запад России и начало работы Псковской Миссии. Возращение местных пастырей к служению. Отношение местного населения к Православию.....	225

§2. Отношение членов Псковской Православной Миссии к большевизму и советским репрессиям. Оценка священниками досоветской истории России. Взгляды священников на будущее России.....	235
§3. Взаимоотношения православного клира Северо-Запада России с представителями эмигрантских политических организаций и Русским Освободительным Движением.....	249
§4.Участие представителей Псковской Православной Миссии в пропагандистских акциях Третьего Рейха на оккупированной территории Северо-Запада России. Сотрудничество духовенства с немецкими органами СД.....	270
§5.Православные приходы Северо-Запада России в 1944-1945 годы. Наследие Псковской Православной Миссии.....	290
5.Заключение.....	306
6.Список использованных источников и литературы.....	317

Введение.

История Русской Православной Церкви в прошедшем столетии является для современных исследователей советского периода истории России одной из главных тем жарких дискуссий и бурных обсуждений. На протяжении века о Православии, да и о религии в Советском Союзе вообще принято было высказываться только в ключе резкой критики, с позиций принятых в стране и научно-исследовательской среде концепций, напрямую связанных с государственной идеологией. В таких работах редко встречался объективный взгляд, его начисто заполняли стереотипные, рамочные подходы. В то же время в зарубежных исследованиях, и, прежде всего, эмигрантских, существовала другая крайность: о Православной Церкви и религии писали только в возвышенных тонах, зачастую не вдаваясь в подробности и не имея четкого представления о церковно-государственных отношениях в СССР, о всей сложности и противоречивости бытия Московского Патриархата и иных конфессий в главном атеистическом государстве планеты. Как ни странно, не уменьшается подобный разброд мнений и поныне.

Другой важный и, пожалуй, еще более дискуссионный вопрос для современного научного общества – вопрос коллаборационизма, сотрудничества части населения страны в военный период с нацистами. Практически во всех фактах его проявления нельзя отбрасывать национальную специфику, а именно участие того или иного народа в борьбе против большевизма и советского государства на стороне Третьего Рейха. По сей день очень сложно взглянуть на данную проблему, как бы подняться над происходящими в те годы событиями, объективно посмотреть на все со стороны.

Обе эти сложнейшие темы отечественной истории как бы незримо переплетаются в истории Православия в Балтийском регионе и на Северо-Западе России в период войны. В Балтии первые серьезные изменения в положении православных приходов были связаны с постепенным вхождением трех балтийских стран в состав Советского Союза. Именно тогда в Латвии и Эстонии начался процесс воссоединения Православных Церквей с Московским Патриархатом, в то время как в Литве, которой был возвращен так называемый «Виленский край», наоборот активизировалось движение за литовско-белорусскую автокефалию. С началом Великой Отечественной войны и нацистской оккупации в странах Балтии с одной стороны происходит процесс усиления латвийских и особенно эстонских сторонников независимости от московских церковных властей, с другой стороны вокруг Экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского), назначенного окормлять православные приходы Балтии в марте 1941 г., консолидируются по преимуществу те силы, которые, при четкой

антибольшевистской позиции, хотят отстаивать линию канонического подчинения Русской Православной Церкви. Также, вскоре после начала нацистской оккупации, для воцерковления огромной территории Северо-Запада России, ставшей после 25-летнего периода гонений практически «безрелигиозной пустыней», была образована «Православная Миссия в освобожденных областях России» как ее называли гитлеровцы или Псковская Православная Миссия, как принято именовать эту миссионерскую организацию в церковных и светских кругах. Существовавшая практически весь период оккупации, а затем продолжившая свою работу на территории балтийских государств в среде русских беженцев, она как нельзя лучше отображает всю сложность миссионерского христианского подвига в XX в., переплетение этого подвига с сотрудничеством с властями, причем как с одной, так и с другой стороны конфликта не заинтересованными в торжестве Христианского вероучения. На протяжении своего существования священнослужители Псковской Миссии не только осуществляли активную миссионерскую работу, но постоянно находились между двух огней, одна часть из них сотрудничала с немецкими органами безопасности, другая искала возможности союза с советскими партизанами. В это же время в среде православных приходов Балтии продолжалось соперничество автокефалистов и сторонников Экзарха Сергия (Воскресенского), арбитром же в этом «межправославном споре» очень часто были германские оккупационные власти. Зачастую вопреки установке той или иной из идеологических систем, священники высказывались по поводу текущих событий, давали оценку вехам прошедших лет, задумывались о будущем России, Балтии и всей Европы.

Однако до сих пор именно «идеологическое» наследие Псковской Православной Миссии не получило своего должного исследования как с богословской, так и с исторической точки зрения. Огромный пробел существует в вопросе отношения членов Миссии с представителями русских эмигрантских политических организаций, таких, к примеру, как НТС, представители которых проникали во время нацистской оккупации на занятую Вермахтом территорию. До сих пор не ясно в какой степени высказываемые псковскими миссионерами идеи были так или иначе связаны с тем, что заявляли в своей программе представители Русского Освободительного Движения, с представителями которого, в том числе лично с генералом Власовым встречались балтийские и псковские священнослужители.

Что касается вопроса автокефалистских споров в среде православных приходов Балтии, то по данному вопросу рассматривались только проблемы, связанные с Латвийской Православной Церковью и частично с Эстонской Апостольской Православной Церковью. Вопрос о дискуссии по поводу литовско-белорусской

автокефалии в конце 1939-первой половине 1940 гг., равно как и проблема воссоединения православных приходов Балтии с Московской Патриархией как в довоенный период, так и после нацистской оккупации не рассматривался исследователями вообще.

Таким образом, объектом данного исследования является процесс бытия православного духовенства Балтии и Северо-Запада России в период 1940-1945 гг. Предметом является борьба между балтийскими православными автокефалистами и сторонниками канонического единства с Московской Патриархией в указанный период, издательская и пропагандистская деятельность православного духовенства региона, степень его вовлеченности в проводимые оккупационными властями мероприятия, процесс сотрудничества и взаимовлияния православного духовенства с Русским Освободительным Движением и эмигрантскими организациями.

К национальному аспекту мы относим в первую очередь борьбу между двумя направлениями в среде православных приходов региона: автокефалистов, то есть сторонников максимальной независимости от Московской Патриархии и образованного его священноначалием Прибалтийского Экзархата со сторонниками канонического единства с Русской Православной Церковью, группировавшимися вокруг митрополита Виленского и Литовского Экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского). Под идеологическим аспектом деятельности православного духовенства данной территории мы подразумеваем целый спектр проблем, а именно: вопрос использования православных иереев в пропагандистских кампаниях Третьего Рейха, отношения священнослужителей к столь сложному феномену Второй Мировой войны как Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная армия, восприятие ими прошлого России, в особенности периода советских гонений на Православную Церковь, взаимоотношения духовенства с русской эмиграцией и политическими организациями, созданными в межвоенный период за рубежом СССР, сумевшими отправить своих членов на оккупированную нацистами территорию, видение духовенством будущего России, Балтии и Европы в целом и многое другое.

Историографию национального и идеологического аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России можно разделить на четыре большие категории:

1) Советская. В ней преобладало критическое отношение практически ко всем проводимым в годы оккупации мероприятиям, полное отождествление деятельности православных священнослужителей Балтии и Северо-Запада России с нацистской пропагандой на оккупированной территории, акцентирование читательского внимания на

«предательской» сущности их работы, частое замалчивание или пренебрежение к национальным аспектам происходящих в те годы процессов;

2) Зарубежная, в основном эмигрантская. За рубежом СССР преобладали диаметрально противоположные подходы к изучению Прибалтийского Экзархата и Псковской Миссии в связи с иной политической конъюнктурой и другой источниковой базой. Привлечение воспоминаний самих миссионеров и не столь многочисленных документов из западных архивов привели к, условно говоря, «оправдательной» концепции рассмотрения деятельности псковских миссионеров, однако зачастую без углубления во многие тонкости событий тех лет. Что же касается деятельности православных приходов в Балтии, то здесь до сих пор преобладают разные концепции. С одной стороны, те исследователи, которые стояли на «прорусских» позициях критиковали вновь усилившееся в годы войны и оккупации автокефалистское движение, в то время как сами последователи балтийских автокефалистов наоборот показывали принужденность возвращения ЭАПЦ и ЛПЦ в лоно Московской Патриархии в 1940-начале 1941 гг. и доказывали правоту действий сторонников митрополитов Александра (Паулуса) и Августина (Петерсона) во время немецкой оккупации. В настоящее время в церковной и светской западной историографии начинает преобладать именно второе направление.

3) Современная-«оправдательная». К этой категории следует отнести все постсоветские работы авторов, во многом продолжающих и развивающих принятые на Западе концепции истории православных приходов исследуемой территории. Именно к этой группе можно отнести работы трех основных современных историков Православия в Балтии и на Северо-Западе России в годы Второй Мировой войны: Константина Петровича Обозного (Псков-Москва), Александра Валентиновича Гаврилина (Рига, Латвия) и Михаила Витальевича Шкаровского (Санкт-Петербург), которые ввели в научный оборот громадный пласт ранее не исследованных источников. К недостаткам данной категории следует отнести замалчивание историками многих иногда вынужденных, а иногда и нет пронемецких заявлений духовенства, резко антисоветского, а иногда и пронацистского характера в рассмотрении идеологического аспекта деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России, а также недостаточное акцентирование внимания на вопросах бытия православных Литвы и Эстонии в военный период.

4) Современная-«критическая». К данной категории относятся исследования, авторы которых выступают с позиций близких к тем, которые высказывались советскими исследователями, хотя в них уже нет такого огульного критицизма по поводу взаимоотношения миссионеров с немецкими оккупантами. Однако все же крайностью

работ данных историков является преобладание материалов послевоенных допросов священнослужителей, в объективности которых можно усомниться, а также частое встраивание истории Псковской Православной Миссии, а особенно ее пропагандистских и идеологических шагов, в историю русского коллаборационизма. Вопросами национальных проблем в истории православных приходов Балтии углубленно исследователи данного направления практически не занимаются.

Рассмотрим историографию идеологического и национального аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. более подробно. Первой известной нам работой, в той или иной степени затрагивающей исследуемую тематику, является небольшая по объему книга российского эмигранта Г.А. Рара, активного члена Народно-Трудового союза, видной фигуры в истории Русской Православной Церкви Зарубежом в послевоенный период.¹ В этой небольшой монографии дается краткая история Русской Церкви в СССР с использованием материалов, автором которых являлся Экзарх Сергей (Воскресенский). В частности в период немецкой оккупации владыка написал небольшую работу-записку о положении дел с религией в СССР в довоенные годы, описав те события, свидетелем и участником которых являлся непосредственно он сам. Впервые после войны его труд был опубликован в виде статьи под заглавием «Церковь в СССР перед войной» в нью-йоркской эмигрантской газете «Россия» в октябре 1945 г. В ней критически описывается положение Православной Церкви в Советском Союзе, высказываются острые оценки самого режима и идеологии большевизма. О деятельности православных приходов Балтии и Северо-Запада России в интересующий нас период в книге говорится буквально два слова, и то в контексте характеристики личности владыки Сергея (Воскресенского).

Тональность книг, вышедших в СССР, была изначально иной. И если сразу после войны резко антирелигиозные пассажи связанные с темой нахождения части православного духовенства на временно оккупированной территории подробно не затрагивались, то в более поздний период, особенно во время, которое принято именовать «хрущевскими гонениями», подобный аспект не могли обойти стороной. Объектом критики первоначально был выбран Псково-Печорский монастырь, который действительно был своеобразной «занозой» для атеистического государства. Во многом благодаря этому в 1963 г., уже в самый разгар гонений в издательстве «Госполитиздат» выходит книга Г.И. Геродника под незамысловатым названием «Правда о Псково-

---

¹ Рар Г. (А.Ветров) Плененная Церковь. Очерк взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Мюнхен: Посев, 1954.

Печерском монастыре» (вдобавок было указано, что данное издание предназначено для беседы с верующими).¹ Скорее всего целью подобного произведения была попытка доказать всю «предательскую» сущность монастыря еще с самого момента его основания. Несмотря на многочисленные фактические ошибки (к примеру автор утверждает, что «Балтийский экзархат» был создан при поддержке гитлеровцев во время оккупации, хотя общеизвестно учреждение его руководством Московской Патриархии еще до прихода немцев)², митрополит Сергей (Воскресенский) у Геродника самый ярый нацист и «фашиствующий экзарх», таковы же и сами миссионеры, что автор доказывает приводя многочисленные пронемецкие заявления и высказывания духовенства, красочно описывая их встречи и переговоры с оккупантами (особо отмечается встреча в монастыре в конце августа 1943 г.). В данной работе сошлись все элементы антирелигиозной пропаганды: и упоминания в связи с противостоянием СССР со странами Запада о нахождении части миссионеров в США, и паразитирование на теме пронацистских высказываний, и увещевания верующим старушкам – матерям, потерявшим детей на фронтах Великой Отечественной войны о «монах-фашистах». Однако есть у работы и один несомненный плюс: она впервые поднимает вопрос о религии во время оккупации, обогащая исследование цитатами из архивных документов и уникальными для того времени фотографиями.

Ведущую же роль в изучении деятельности православных приходов Латвии и Псковской Православной Миссии в советской историографии суждено было сыграть рижскому исследователю З.В. Балевицу. Основной его работой, не считая работ на латышском языке, касающейся истории Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии, с уверенностью можно назвать небольшую по объему монографию, вышедшую в свет в Риге в 1967 г.³ Данный труд не единственная книга исследователя по религиозной тематике, до нее он уже создал несколько работ по разным аспектам церковной политики.⁴ Главным достижением данного исследователя и, пожалуй, в этой связи он разительно отличается от многих, является его двуязычие и возможность использования документов как на русском, так и на латышском языках. Именно он впервые вводит в оборот и многочисленный материал латвийских ведомственных

---

¹ Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М.: Госполитиздат, 1963.

² Там же. С. 84.

³ Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941-1944). Рига: Зинатне, 1967.

⁴ Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920-1940. Сб. документов. Рига, 1962; Он же. Старообрядчество в Латвии без прикрас. Сб. документов. Рига, 1961.

архивов, правда в большинстве случаев используя его довольно предвзято. В работе Балевица, как и в исследованиях многих историков советской поры, поиск исторической правды и констатация фактов тесно переплетены с диктатом идеологии и реальное описание событий тех лет следует искать между строк. Так, довоенное положение Православной Церкви в Латвии он демонстрирует как противостояние «буржуазных латышских националистов», сторонников «фашистского режима Ульманиса» с ярыми «монархистами и черносотенцами, белогвардейцами» во главе с владыкой Иоанном (Поммером). Утрируется автором разногласия между главой Латвийской Церкви с Русским Студенческим Христианским Движением. Возглавление Латвийской Православной Церкви митрополитом Августином (Петерсоном) и переход приходов страны под юрисдикцию Константинополя Балевиц описывает в мрачных тонах, также особо отмечая, что к 1939 г. противоборство между «русской» и «латышской» частями ЛПЦ обострилось до угрожающих размеров: «Положение внутри церкви настолько обострилось, что по совету охраны митрополит Августин и синод отсрочили поместный собор, созыв которого был намечен на 1939 г. и на котором оппозиция, по сведениям охраны, намеревалась выступить против церковной верхушки. Латвийская православная церковь переживала острый внутренний кризис».¹ Приписывая введенной советской властью «свободе совести» возвращение православных приходов страны в лоно Русской Православной Церкви, латвийский историк хоть и не явно, но осуждает деятельность «прибалтийских схизматиков-автокефалистов», незримо тем самым все же симпатизируя линии Экзарха Сергия (Воскресенского) и его сторонников на единство православных приходов. Если же охарактеризовывать описанную Балевицем деятельность Псковской Православной Миссии, в особенности в аспектах взаимоотношений ее членов с немцами, то тут нельзя не сказать о свойственной автору предвзятости. Многие моменты из истории Псковской Миссии он специально выделяет, хотя их подлинность довольно сомнительна, откровенно спекулирует на них, к примеру, заявляя о взаимоотношениях миссионеров с немцами: «Одна из многочисленных заявок на вина: “духовные” услуги церкви оккупанты оплачивали также “натурой” – спиртом, коньяком и вином» или «Миссионерское подвижничество подогревалось и этими 20 бутылками спирта....».² Данный пример не единичен, практически вся книга буквально пестрит описаниями подобных событий. Еще больше усиливает автор свою критическую по отношению к клирикам позицию в своих выводах, например: «Итак, антинародная, предательская политическая линия

---

¹ Балевиц З.В. Православная церковь Латвии... С. 16.

² Там же. С. 74-75.

епархиальных властей, грубые нарушения канонического строя и дисциплины церкви, аморальность (пуще прежней!) ее пастырей – таким был итог “нового порядка”, введенного экзархом Сергием в православной церкви в Латвии».¹ Все это свидетельствует о попытке автора представить оказавшихся под оккупацией священников не только как предателей Родины, но и как людей с низменными желаниями и потребностями, не знавших к тому же пастырских обязанностей. Именно у Балевица можно выделить определенную схему взаимодействия миссионеров с немецкими органами безопасности, которую потом будут повторять во всех работах, критически настроенных по отношению к Псковской Миссии: Миссия была организована немцами для замирения местного населения и проведения своей пропагандистской политики с помощью пастырей; большинство, если не все миссионеры были активными сотрудниками гитлеровских спецслужб, вдобавок к этому представляя из себя людей не очень моральных, а иногда и морально опустившихся, митрополит же Сергей (Воскресенский) сотрудничал с оккупантами для получения наибольших выгод, а возможно и представлял себя будущим Патриархом. Но, несмотря на общую линию, направленную на дискредитацию Экзарха, иногда присутствуют более объективные суждения по поводу его деятельности, что особенно видно при описании разногласий митрополита и немецких оккупационных властей по вопросу об избрании в Москве в сентябре 1943 г. Патриарха. И, если в начале монографии говорилось только о «превышении владыкой полученных от Московской патриархии временных полномочий»,² то уже в ее конце говорится, что антисоветские воззвания выпускались под нажимом Гестапо³ или отмечается “строптивость” Экзарха⁴. Впервые же, благодаря З.В. Балевицу, появляется в историографии концепция “меньшего зла”, то есть меньшей опасности для нацистов единства русских приходов, которые должны были быть удалены из Остланда после окончания войны, чем боязнь возникновения национальных православных церквей в Латвии и Эстонии. К тому же, как показали последующие исследования, практически все работы как российских, так и эмигрантских авторов не выходили без ссылок на монографию Балевица, что тоже является подтверждением ее значимости.

---

¹ Балевиц З.В. Православная церковь Латвии .... С. 76.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 46.

Классической антирелигиозной работой с критикой истории Православной Церкви в советский период является работа Г.А. Суглобова, изданная издательством «Научно-популярной библиотеки военного издательства» в 1969 г. тиражом аж в 50000 экземпляров.¹ В данном политизированном труде, историческим исследованием данная работа не является, автор пытается дать краткое описание взаимоотношений государства и Церкви в истории России и зарубежных стран, лейтмотивом которого он считает поддержку духовенством «захватнической и империалистической политики царизма» и в противовес этому рвание за непотворление или прямое благословение сил противостоящих СССР. Сами названия глав книги уже говорят о многом: «С Серафимом Саровским-на японцев, со штыками-на рабочих», «С богородицей – на кайзера и султана», «Гражданская война и церковная контрреволюция» и т. д. Сотрудничество же части духовенства с немцами во время Второй Мировой должно было стать апофеозом критической оценки действий клира в «военном вопросе». Досталось от автора и балтийскому православному духовенству и псковским миссионерам для критики которых он упоминает все о той же встрече в Псково-Печерском монастыре. Г.А. Суглобов в этой характеристике не жалеет красок: «... Званные гости, обласканные митрополитом, отягощенные обильными закусками и марочными винами.... У многих массивные кресты. Это церковная знать, представители монастыря и приходского духовенства. В центре – полнолицый, довольный собою бородач в праздничном подряснике и белом клобуке, с крестами и наградами.»² Помимо этого упоминаются и некоторые участники «пира» поименно, причем среди епископов и монахов мы видим и упоминание отца Элия Верхоустинского, который, пережив послевоенные гонения, еще долго служил, одно время даже был печорским благочинным. Все это наводит на мысль о направленности работы не только и не столько на атеистов, сколько на верующих, особенно военнотружущих, для того чтобы они «оставили свои религиозные заблуждения».

Затрагивалась в советское время деятельность православных приходов на Северо-Западе России в годы Великой Отечественной войны и в общих работах по проблемам истории региона. Так, в вышедшем под редакцией кандидата исторических наук С.И. Колотиловой в 1971 г. издании «Псков. Очерки истории» о Псковской Миссии писалось как о «политической организации, основной задачей которой были антисоветская пропаганда и контрразведывательная работа», состоящей из «священников-эмигрантов»,

---

¹ Суглобов Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969.

² Там же. С. 76.

желавших свести счеты с Советской властью, отобравших у них привилегии.¹ В подобном же русле рассказывается и о воцерковлении миссионерами местного населения, описание же некоторых фактических сторон истории Миссии вообще не выдерживает критики, в частности говоря о пропагандистском аспекте деятельности православного духовенства, авторы сборника кроме всего прочего отмечают: «Священники внушали верующим, что Красная Армия разбита, они даже поздравляли паству со взятием Ленинграда».²

Также очень показательна работа рижского исследователя Я.Я. Веверса, написанная им в 1973 г. и вышедшая под заглавием «Православная духовная миссия – агентура немецкой разведки (материал в помощь лектору)».³ Все священнослужители у Веверса охарактеризованы как «оголтелые контрреволюционеры и разного рода авантюристы и проходимцы», деятельность которых находилась под полным контролем СД.⁴ Продолжая данную критическую линию историк заявляет о массовых актах содействия немецким карательным органам со стороны духовенства и, в частности, говорит о том, что «предательская связь представителей внешней православной миссии с органами гитлеровской СД была прекрасна известна Экзарху Сергию, осуществлялась с его ведома и благословения», хотя тут же автор входит в противоречие с данным тезисом упоминая, что официальных личных донесений от священнослужителей не поступало, а сведения об утайке крестьянами урожая или об ошибках в деятельности местного волостного и сельского управления доходили до немцев неофициально или «от имени членов миссии»⁵. Конкретных ссылок на архив, периодику или исследования при цитировании автор не делает, лишь включая в работу небольшой список литературы, состоящий или из претенциозных сборников документов и из уже упоминавшейся книги З.В. Балевица. Отсутствие ссылок не мешает Веверсу постоянно приводить различные докладные записки священников Легкого, Перминова, руководителя миссии Кирилла Зайца и других к оккупантам или Экзарху. При всем этом, есть в работе историка и некоторые примечательные моменты. Во-первых, он упоминает в своей работе про генерала А.А. Власова и РОА, что является редкостью для того времени. Во-вторых, именно Веверс вывел в лице бывшего профессора Московской Духовной академии

---

¹ Псков. Очерки истории. Л.: Лениздат, 1971.

² Там же. 285.

³ Веверс Я.Я. Православная духовная миссия – агентура немецкой разведки (материал в помощь лектору). Рига: Общество “Знание” Латвийской ССР, 1973.

⁴ Там же. С. 7

⁵ Там же. С. 13.

Михаила Виноградова агента, “представителя” СД по делам Миссии, что будет затем развито в других исследованиях. В-третьих, упоминается и о НТСНП (Национально-трудовой союз нового поколения), эмигрантской организации, активно действовавшей на территории Советского Союза в годы войны, что тоже не характерно для историографии тех лет. Примечательно и завершение этого 22-страничного труда: помимо стандартного для антирелигиозных кампаний тезиса о предательстве народа священниками именем бога и веры в него, автор сначала патетически заявляет об изгнании из родной страны захватчиков вооруженными силами, руководимыми Коммунистической партией Союза ССР, а потом вдруг объясняет убийство митрополита Сергия (Воскресенского) боязнью немцев послевоенного “рассказа” экзарха-предателя и агента СД о фашистских зверствах.

Через два года выходит работа Э.И. Лисавцева, целью которой является опровержение тезисов западных, в преимуществе своем эмигрантских, авторов, о положении религии в Советском Союзе¹. Частично касается исследователь и темы войны, в том числе Балтии и Северо-Запада России, как бы отвечая на некоторые замечания иностранных авторов, в частности Никиты Струве, полемизируя с ними. Несмотря на использование выводов Балевица, автор открыто упоминает о выходе за границей воспоминаний священника Алексея Ионова под заглавием «Записки миссионера», часто говорит о вынужденности действий многих клириков, о том что не все из них являлись откровенными нацистами, особо заостряет свое внимание на противоречивой оценке личности митрополита Сергия (Воскресенского), так как других архипастырей, в частности главу Украинской Автокефальной Православной Церкви Поликарпа (Сикорского) историк характеризует гораздо жестче.

Для того чтобы закончить описание советского периода историографии исследуемых вопросов скажем о работах последних лет советской власти. Казалось бы, некоторые изменения должны были произойти в советской историографии после общего изменения государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви и широкого празднования тысячелетия Крещения Руси в 1988 г., чего однако не произошло. Об этом можно судить по известной работе исследователя Н.Гордиенко «Современное русское православие», где “Балтийский экзархат”, наряду с Украинской и Белорусской православными церквями характеризуется как «профашистская церковная организация или объединение».²

---

¹ Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М.: Мысль, 1975.

² Гордиенко Н. Современное русское православие. Л.: Лениздат 1988.

Теперь следует вернуться к зарубежной историографии изучаемой нами тематики. Важнейший вклад в разработку рассматриваемых нами вопросов внесли американские исследователи В.И. Алексеев и Ф. Ставру, чьи работы вышли сначала на английском языке¹, а затем были переведены и изданы на страницах крупного эмигрантского периодического издания «Русское Возрождение».² Собственно интересующей нас территории авторы уделяют одну главу, объединяя данную тему под заглавием «Прибалтика и район Пскова». Главным отличием, во многом определившим выведенную историками концепцию, является источниковая база, основой для которой, в отличие от советских исследователей, служили сообщения немецкой СД и оккупационной администрации, Еврейский архив в Нью-Йорке, воспоминания выживших участников Псковской Православной Миссии и духовенства Прибалтийского Экзархата. Впервые главный фокус исследования направляется на главу данной церковной территории митрополита Сергия (Воскресенского). Именно в данной работе говорится о причинах, побудивших Экзарха отказаться от эвакуации и остаться в Риге. Авторы считают, что необоснованно заявлять, что владыка руководствовался только возможностью спасения собственной жизни, а хотел сохранить единство церковной организации в случае занятия немцами Москвы. Также впервые, пока в качестве предположения, говорится о возможной договоренности между Экзархом и Местоблюстителем Патриаршего Престола Сергием (Страгородским). Появляется здесь же и детальное описание принципов организации Псковской Миссии и Экзархата, вводится тезис о попытке объединить православных Балтии с верующими Белорусской Православной Церкви, оставаясь при этом в лоне Московского Патриархата, приводятся основные контуры борьбы автокефалистов с владыкой, говорится об основных проблемах, возникавших у прибывавших в северо-западные районы России православных пастырей. Также подробно описаны Алексеевым и Ставру разногласия между Экзархом и немецкой администрацией, усилившиеся после избрания в сентябре 1943 г. в Москве Патриарха, что и могло привести к его убийству. С уверенностью можно говорить и о том, что именно заложенные в работе данных эмигрантских историков концепции впоследствии станут базой для формирования ведущей позиции по рассматриваемому нами вопросу, так как многие российские историки после событий 1991 г. часто будут опираться на

---

¹ Alekseev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, 1976.

² Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. №№ 13, 14, 15.

разработанную этими зарубежными исследователями точку зрения, перерабатывая и укрупняя источниковую базу.

Еще раньше появления русскоязычных работ В.И. Алексеева и Ф. Ставру в 1971 г. в издании «Cambridge Russian research center studies» выходит работа зарубежного исследователя Харви Фейрисайда под громким заглавием «Icon and swastika».¹ Историк рассматривает взаимоотношения немцев и православного духовенства как в Европе, так и на оккупированных территориях СССР. Интересны и весьма экстравагантные названия глав данного труда, которые можно перевести как, к примеру: «Украинская власть Коха» или «Религиозное возрождение среди политических принуждений». Глава же о Псковской Православной Миссии и Прибалтийском Экзархате озаглавлена как: «Границы давления: положение Сергия».² Фейрисайд дает краткую оценку происходящих в Балтии событий в преддверии нападения нацистов на Советский Союз, в частности говорит о борьбе автокефалистов с Экзархом, а затем, описывая подробности перехода митрополита Сергия (Воскресенского) на сторону немцев, привязывает это и к аресту его отца коммунистическими специальными службами в 1935 г. Тем не менее, автором очень высоко оценивается деятельность Псковской Миссии, также как и экзаршее противостояние с “националистическими клириками Латвии и Эстонии”, которые пытались представить владыку как агента московского влияния и скрытого советского шпиона. Описаны исследователем и причины, побудившие немцев долгое время не принимать доводов предводителей автокефалистов. Главной причиной историк называет попытку “выдавливания” Православной веры из данного региона после победоносного окончания войны. Говоря о лавировании Экзарха между оккупантами и подчиненным священством, Фейрисайд высоко оценивает его организаторские способности. Также владыка фигурирует в исследовании как русский патриот, желавший, сохраняя каноническое единство с Московским Патриархатом, объединить Прибалтийский Экзархат с Белорусской Православной Церковью (автономной), что не могло встретить сочувствие со стороны нацистского руководства, выслившего как можно быстрее разделить Русскую Православную Церковь. Именно этой причиной автор объясняет гибель Экзарха. В других главах заграничный историк еще несколько раз обращается к данной тематике, но подобные обращения носят эпизодический характер, к примеру,

---

¹ Fireside H. Icon and swastika. Cambridge: Russian research center studies, 1971.

² Ibid. P. 133-139.

дается краткая характеристика отношения Сергия (Страгородского) к происходящим в Балтии событиям.¹

Встречается упоминание о изучаемых проблемах и у зарубежных историков «Власовского движения», в частности у известного немецкого историка Йоахима Хоффманна. В своей основной работе по историю Русского Освободительного Движения, переведенной на русский язык под заглавием «Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1941-1945» упоминается о поездке генерала А.А. Власова по северо-западным районам России и о реакции на его выступления местного православного духовенства и в особенности Экзарха Сергия (Воскресенского)². Немецкий исследователь считает, что митрополит Литовский и Виленский хотел противостоять Русской Православной Церкви Зарубежом в деле окормления будущих частей русских антикоммунистов, что по мнению Хоффманна подчеркивает значимость и возрастающее влияние идей генерала Власова в среде русского населения, а также светской и церковной элиты оккупированной территории России. Балтийский владыка предстает в данном труде как активный сторонник союза формирующегося движения именно с «Патриаршей церковью», о ложном голосе руководства которой не раз заявлял Экзарх, который, по мнению автора, был настоящим противником большевизма, из-за чего он возможно и был устранен советскими карательными органами (правда немного ошибается автор с датой, называя 23 апреля 1944 г.)³. Опровергает Хоффманн и версию о причастности к гибели владыки активного члена «Власовского движения» полковника В.В. Позднякова.

С открытием границ на рубеже веков издаются и работы крупных эмигрантских историков Русской Православной Церкви. Так, в 1995 г. в Москве выходит самая крупная работа эмигрантского исследователя истории Русской Православной Церкви Д.В. Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке».⁴ Деятельности православных иерархов на оккупированных немцами территориях уделена целая глава, а один из ее параграфов («Положение Церкви в период оккупации Прибалтики»), посвящен Прибалтийскому Экзархату и Псковской Православной Миссии. Так, переход эстонского и латвийского православного духовенства под омофор Константинопольского Патриархата автор объясняет «давлением растущего национализма», а назначение на

---

¹ Fireside Н. Op.cit. P.174.

² Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1941-1945. М.: АСТ, 2005

³ Там же. С.381-382.

⁴ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в 20 веке. М.: Республика, 1995.

должность Экзарха Западной Европы митрополита Елевферия (Богоявленского) действиями владыки Евлогия (Георгиевского). Одним из первых исследователь выдвигает концепцию, согласно которой Сергей (Воскресенский) заранее спланировал свои действия на случай занятия Балтии немцами и даже победы нацистов в войне. Высоко оценивает эмигрантский историк и созданную владыкой Псковскую Миссию, приводя некоторые статистические данные ее деятельности. Катализатором же осложнений между германскими властями и Экзархом Пospelовский, вслед за Балевицем и Веверсом, считает резолюции Архиерейского совещания в 1943 г., в которых осуждалось и не признавалось избрание в Москве в сентябре того же года Патриархом Сергия (Страгородского). Именно отрицательная реакция на подобные заявления «зарубежников» со стороны Виленского митрополита, по мнению автора, и «стоила ему жизни». Несмотря на подобную позицию, Пospelовский приводит другие точки зрения, используя свидетельства протоиерея Трубецкого и журналиста Бачманова. Также особое внимание историк уделяет личным качествам владыки Сергия (Воскресенского), отмечает высокое значения для исследования положения Русской Православной Церкви его написанный в оккупационные годы труд о взаимоотношениях Московского Патриархата с советской властью в предшествующие войне годы.

Завершая краткую характеристику зарубежных исследований, в которых так или иначе затрагиваются идеологический и национальный аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России, следует особо отметить работы последних лет. Прежде всего нужно выделить работу С.М. Майнера из серии «История сталинизма» под заглавием «Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941-1945».¹ Разбираясь в перипетиях так называемого «нового курса» Сталина по отношению к Церкви, американский исследователь, рассказывая о внешних сношениях Московской Патриархии с зарубежными духовными и светскими властями, вскользь затрагивает и тему истории православных приходов оказавшихся на временно оккупированной немцами территории. Нахождение митрополита Сергия (Воскресенского) в занятой нацистами Балтии автор называет «головной болью» для Москвы, а его самого именует не иначе как «мятежный владыка», противостоящий силам местных церковных и светских националистов¹. Интересно, что несмотря на все это, Майнер отдельно останавливается на его антисоветских заявлениях, в частности прозвучавших незадолго до гибели Экзарха,

---

¹ Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941-1945. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

высказывая интересное мнение о том, что подобные действия, ставящие под большое сомнение столь быстрое перерождение атеистического сталинского интернационального режима в режим, защищающий интересы Православной Церкви и несущей русскую национальную идею, могли нанести серьезный урон новому амплуа и престижу советского государства на международной арене. Подтверждает историк свое мнение приводя цитаты с одной стороны из записки заместителя наркома внутренних дел Б.З.Кобулова члену Политбюро А.С.Щербакову с предложением дезавуировать подобные акты балтийского духовенства путем создания обращений к православным верующим оккупированных районов¹, а с другой стороны приводя цитаты из мнения главы РСХА Эрнста Кальтенбруннера о пропагандистской выгоде и адекватности этих заявлений². Наконец, размышляя о борьбе двух режимов за умы и души вспомнившего во время войны о своей православной вере русского народа, Майнер дает и довольно объективную, характеристику митрополита Сергия (Воскресенского): «Подлинное лицо Сергия остается загадкой, если он был коллаборационистом или просто приспособленцем, то его судьба иллюстрирует, насколько опасна подобная позиция. Если он был патриотом, надевшимся создать несоветскую Россию, лавируя между нацизмом и коммунизмом, как утверждали и утверждают его защитники, тогда его убийство доказывает бесполезность таких мечтаний в нацистско-советском аду».³ К сожалению, исследователь мало останавливается на столь важной тематике, допускает некоторые неточности в фактологии (в частности в одном месте датой гибели Прибалтийского Экзарха называется 18, а в другом - 28 апреля, хотя может быть это ошибка переводчиков), но эти его выводы, вкуче с рассмотрением вопроса о запрещении в служении балтийского и псковского духовенства в Москве, кажутся нам очень смелыми и важными.

Особо следует выделить также работу молодого немецкого исследователя Себастиана Римстэда, изданную в Вене в 2012 г. на английском языке.⁴ В данной работе автор рассматривает в большей степени строительство национальных Православных Церквей в обретших независимость Латвии и Эстонии в межвоенный период, особо акцентируя внимание на литургические, календарную и другие реформы. В то же время происходящие изменения он связывает и с политическим развитием двух новых балтийских государств. Широко представлено в работе Римстэда и описание

---

¹ Майнер С.М. Указ. соч. С. 107-108.

² Там же. С.109.

³ Там же.С.110.

⁴ Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Wien: PETER LANG, 2012.

национальных противоречий в православных приходах Балтии, что впоследствии сказалось на их истории и в изучаемый нами период. Важно отметить, что немецкий исследователь привлек для написания своего труда широкий спектр издаваемых в межвоенный период публицистических работ православных и светских авторов, издаваемую в этот период периодическую печать, полемические сочинения сторонников и противников внутрицерковных реформ (важно, что источникам и историографии по данной теме он посвящает отдельные главы книги). Пожалуй, впервые изучена и проблема участия в церковных реформах властей двух стран, с заострением особого внимания на национальную подоплеку подобных действий. Отметим, также, что большое место Римстэд уделяет и участию русского меньшинства, в особенности православных пастырей, в политической жизни двух стран, в частности в работе парламента. Однако описание истории православных приходов Балтии исследователь, к сожалению, заканчивает на конце 1930-х гг., не акцентируя внимания на изучаемый нами период.

Закончить рассмотрение зарубежной историографии идеологического и национального аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России логично, как нам кажется, работами представителей Русской Православной Церкви Зарубежом. Как известно, во время войны между РПЦЗ и митрополитом Сергием (Воскресенским) существовали определенные канонические разногласия и несколько по-иному направленные оценки происходящих в Московской Патриархии событий, при довольно схожих антикоммунистических позициях. Тем не менее антисоветское, крайне критическое по отношению к властям СССР письменное наследие Виленского митрополита получило очень высокую оценку в трудах одного из самых ярких критиков Московской Патриархии протопресвитера, а впоследствии митрополита Григория (Георгия) Граббе. В своем фундаментальном труде «Правда о Русской Церкви на родине и зарубежом»¹ он много цитирует послания Экзарха, адресованные немецким властям, так как в них подробно и честно описываются все тяготы и лишения, вся сложность положения Русской Православной Церкви в Советском Союзе до войны, указывается на значимость подобной точки зрения из-за непосредственного участия владыки Сергия (Воскресенского) в довоенных процессах в рядах сторонников и сподвижников митрополита Сергия (Страгородского).

Теперь следует перейти к современной российской историографии данных вопросов. После распада Советского Союза и уменьшения государственного идеологического контроля над исторической наукой многие ранее запретные или

---

¹ Граббе. Г. протопресвит. Правда о Русской Церкви на родине и зарубежом (По поводу книги С.В. Троицкого «О неправде карловацкого раскола»). Джорданвилль, Типография преп. Иова Почаевского, 1984.

полузапретные темы стали объектом пристального внимания исследователей. Не осталась в стороне от данного процесса и интересующая нас тематика. Однако последнее десятилетие двадцатого века не явило больших и серьезных работ по проблемам Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии, за исключением нескольких журнальных статей, материалов конференций и книги, авторами которой стали историк Сергей Фомин и рижский священник Андрей Голиков.¹ Книга эта состоит из двух частей, первая, названная «Кровью убеленные», авторство которой принадлежит Фомину, представляет собой скорее описание довоенной и военной истории Русской Церкви в историософском ключе, хотя некоторые ее главы, к примеру, «Сергий Младший», «За други своя» и «Псковская Миссия», напрямую затрагивают интересующие нас вопросы. Рассказывая об истории православных приходов Балтии и Северо-Запада России, автор лишь кратко обрисовывает их деятельность, используя уже упоминавшиеся работы Фэйрисайда, Алексева и Ставру, а также воспоминания как миссионеров (а отрывки из воспоминаний протоиерея Алексея Ионова «Записки миссионера» вообще печатаются в данном разделе), так и членов РОД или НТС. Во многом именно этим обусловлена направленность главы - в ней говорится лишь о количестве восстановленных храмов, особенностях религиозного возрождения, поддержки этого процесса со стороны местного населения, и практически ничего не сказано о проблемах участия православного духовенства в пропаганде немцев, их сложных отношениях с советскими партизанами, лишь тезисно говорится и о «национальном вопросе» в бытии православных Балтии в годы войны (хотя в специальном параграфе «Перед грозой» и говорится о положении православных во «вновь присоединенных» к СССР территориях в два предвоенных года в контексте политики Московской Патриархии по «увещеванию расколов»). Важно, что в работу включена и основательная критика и оценка отношения нацистов к религии и Христианству. Широко затронут и вопрос отношений, как до войны, так и во время ее, митрополитов Сергия (Страгородского) и Сергия (Воскресенского), хотя и в весьма историософском и агиографическом ключе.

Что же касается части написанной священнослужителем Латвийской Православной Церкви Московского Патриархата Андреем Голиковым, то отметим, что она представляет собой мартиролог репрессированных в период с 1940 по 1952 гг. в Латвии священнослужителей и церковнослужителей. В данном мартирологе можно найти

---

¹ Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо – Запада России и Прибалтики (1940-1955). М.: Паломник, 1999.

биографии многих представителей латвийского духовенства, часть из которых впоследствии стала клириками Псковской Православной Миссии, а также некоторых «светских» членов Миссии. Особое место автор уделит митрополиту Сергию (Воскресенскому), описывая, как и в разделе Фомина, его линию на каноническое единство с Московским Патриархатом (в текст даже включен разворот миссионерского журнала «Православный Христианин» за ноябрь 1942 г., в котором владыка комментирует заявление Местоблюстителя Патриаршего Престола¹). Многих спорных моментов, в частности проблем личных взаимоотношений священнослужителей, церковный историк в своем труде не исследует. Несмотря на некоторую агиографичность созданных в работе образов, необходимо отдать отцу Андрею Голикову должное – он первый включил в источниковую базу следственные дела духовенства из бывшего архива КГБ Латвийской ССР, что, безусловно, является особой заслугой этой работы. Также важно отметить, что в составленном мартирологе он расположил биографии мучеников и исповедников по времени их ареста, выделив тем самым волны репрессий против православного клира в Балтии: 1) до 1940 г. и 1941 г.; 2) 1944 г.; 3) 1945 г.; 4) с 1947 г. до 1952 г. выделен каждый год.

В тот же временной отрезок выходят и статьи по отдельным аспектам истории православных приходов данной территории. Пожалуй, первым исследователем, “по-новому” написавшим об интересующей нас тематике на страницах периодических изданий, была О.Ю. Васильева. Статьи автора выходили в основных журналах, изучающих подобные проблемы, таких как: «Вопросы истории» или «Наука и религия».² Здесь историк говорит о “двойном” контроле за деятельностью православного духовенства Балтии и оккупированных территорий Северо-Запада РСФСР – со стороны немецких специальных служб и со стороны набирающих силу партизанских отрядов. Особое внимание автор уделяет личности митрополита Сергия (Воскресенского), которого по праву считает главным действующим лицом в процессе возрождения Православия в военные годы. Приводит исследовательница и результаты работы миссионеров, не забывая в то же время приводить и статистику как разрушения храмов в довоенный период советскими властями, так и в военные годы нацистами. Также отмечается Васильевой и юрисдикционный вопрос в Балтии в предвоенное и военное время, кратко описывается автором борьба автокефалистов с Виленским владыкой, что и

---

¹ Голиков А., священник, Фомин С. Указ. соч. С.18.

² Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927-1943 годах // Вопросы истории. 1994. №4.; Васильева О.Ю. Жребий митрополита Сергия. // Наука и религия. 1995. №5.

могло стать причиной его гибели. Многие “журнальные тезисы” исследовательница затем повторила в своей монографии, посвященной взаимоотношению высшего руководства Советского Союза с Русской Православной Церковью в период с 1943 по 1948 гг.¹

Большой вклад в изучение вопросов истории православных приходов Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. внес петербургский исследователь М.В. Шкаровский. Историк за более чем десятилетний период создал несколько разноформатных – от газетных или журнальных статей до полноценных монографий – работ по данной тематике, в которых он сначала занимаясь историей Русской Православной Церкви в 1930-е - 1950-е гг. в целом, перешел к исследованию ее положения в годы войны. Первым крупным исследованием автора можно считать изданную в Москве в 1999 г. книгу «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве».² Исследуемой нами территории он уделяет отдельную главу, в которой дает краткую характеристику благотворительной, издательской, просветительской деятельности местного православного духовенства. Особо говорится о каноническом положении Прибалтийского Экзархата и организованной им Миссии, о сложных взаимоотношениях Экзарха и подчиненных ему клириков с немецкими оккупационными властями. Одним из первых Шкаровский говорит об участии клириков Псковской Православной Миссии в вербовке населения в ряды Русской Освободительной армии. Затронул исследователь и вопрос взаимоотношений священнослужителей с партизанскими отрядами, отмечая героическое, с его точки зрения, поведение некоторых из них, приводившее иногда к репрессиям в отношении православного духовенства со стороны оккупантов. В 2002 г. автор выпускает в «Издательстве Крутицкого подворья» в серии «Материалы по истории Церкви» книгу под названием «Нацистская Германия и Православная Церковь».³ В 2007 г. в издательстве «Вече» под весьма оригинальным названием выходит другая его работа «Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь»⁴, в которой Шкаровский более подробно касается интересующей нас тематики, выделяя под историю Прибалтийского Экзархата отдельный параграф

---

¹ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 1999.

³ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 1999.

⁴ Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007.

«Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике». Важным преимуществом этой работы является увеличение источниковой базы исследования, так автор использует не только российские ЦГА СПб и ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации), но и немецкие: Бундесархив в Берлине (ВА), Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (АА), Бундесархив-Милитарархив в Фрейбурге (ВА-МА), Архив института современной истории в Мюнхене (IfZ). Здесь историк повторяет тезисы более ранних работ, подтверждая их с помощью новых источников. Автором проводится линия критики как советской, так, причем в большей степени, нацистской церковной политики, с использованием работ основных идеологов нацизма. В то же время в работе не дается прямых ответов на некоторые вопросы взаимоотношений между клириками, также наряду с, условно говоря, “оправдательной” линией оценки деятельности владыки Сергия (Воскресенского) и его подчиненных, в таком же ключе пишется о действиях деятелей РПЦЗ, направленных на непризнание факта избрания в Москве Патриарха. Тем не менее, рассказывая об убийстве Виленского митрополита, Шкаровский более убедительной считает версию немецкого следа.¹ Уделяет внимание исследователь и Псковской Православной Миссии, включая историю ее деятельности в параграф «Церковное возрождение в русских областях прифронтовой полосы». Здесь дается краткий обзор данной проблемы, во многом повторяющий написанное в 1999 г. Новое крупное исследование Шкаровского выходит в свет в 2005 г. в годовщину 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.² Данная работа разделена автором на три части: первая повествует о религиозной жизни в окруженном Ленинграде, вторая отображает духовное возрождение на оккупированных территориях Северо-Запада РСФСР, третья резюмирует положение приходов Ленинградской епархии в 1944-1945 гг. после ухода частей Вермахта. Описывая бытие православного духовенства в занятых немцами северо-западных областях России, историк рассматривает ранее поднятые им вопросы деятельности Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии, вводя в то же время ранее неизученные аспекты подобной тематики в научный оборот, в частности: приходскую жизнь на Новгородчине, взаимоотношения с оккупантами неканонических ветвей Русской Православной Церкви (иосифлян, обновленцев и старообрядцев), деятельность монастырей рассматриваемых территорий, вопросы духовного возрождения под патронажем финских войск и т.д. Вновь расширяет Шкаровский и источниковую

---

¹ Шкаровский М.В. Крест и свастика. ... С. 347-349.

² Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб.: Сатисъ; Держава, 2005.

базу своих работ, на этот раз он добавляет в исследование материалы Архива Санкт-Петербургской епархии, архивов Федеральной Службы Безопасности Новгородской области (АУФСБ Новгородской области), Псковской области (АУФСБ Псковской области), Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). Также исследователь задействовал при написании книги «Церковь зовет к защите Родины» большой материал духовных, светских и военных периодических изданий военных лет. Но самое полное исследование этих вопросов предстает перед читателем в 2010 г. в книге «Русская Церковь и Третий Рейх», которая была выпущена все тем же издательством «Вече», но теперь в популярной серии «Русский вопрос».¹ В данном издании более двухсот страниц посвящено только истории Псковской Православной Миссии, к тому же около пятидесяти страниц из другой главы рассказывают о Прибалтийском Экзархате. Шкаровский подробно останавливается на усилении автокефалистского движения среди православных приходов Балтии в военный период, описывая его часто в контексте противостояния разных ведомств Третьего Рейха. Подробно дает петербургский исследователь оценку всем аспектам истории Миссии, хотя и не выделяет в отдельный параграф вопросы пропаганды и агитации. Интересно, что здесь он еще более углубляет свои исследования в вопросах взаимоотношения миссионеров с партизанами, причем пишет как о сотрудничестве священнослужителей с ними, так и о гибели некоторых клириков от их рук, более подробно останавливается на истории посещения Северо-Запада России и в том числе православных храмов и Псково-Печерского монастыря генералом Власовым, приводит примеры саботажа священниками указаний СД, подробно рассматривает вопрос борьбы сторонников Экзарха Сергия (Воскресенского) и самого владыки с балтийскими автокефалистами. Как небольшой недостаток этой работы можно отметить отсутствие прямых ссылок из-за специфики научно-популярного жанра серии «Русский вопрос».

Основополагающий вклад в изучение Псковской Православной Миссии внес псковский историк, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин московского Свято-Филаретовского института К.П.Обозный. На протяжении большего периода времени он собирает и вводит в научный оборот ранее не попадавшие в зорю специалистов воспоминания участников Псковской Православной Миссии, простых жителей оккупированного Пскова, деятелей различных коллаборационистских и полуколлаборационистских политических и военных формирований, материалы Государственного архива Псковской области (ГАПО), ЦГА СПб, Латвийского

---

¹ Шкаровский М.В. Русская Церковь и Третий Рейх. М.: Вече, 2010.

государственного исторического архива (LVVA) и бывшего архива КГБ Латвийской ССР, АУФСБ по Псковской области, Псковского историко-художественного музея-заповедника (ПИХМЗ), периодике оккупированных территорий. Долгое время работы Обозного выходили на страницах местных исторических журналов.¹ Изменилась ситуация после защиты им в 2006 г. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Псковская Православная Миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941-1944 гг.».² Именно после этого события в 2008 г. в «Издательстве Крутицкого подворья» в серии «Материалы по истории Церкви» выходит его полноценное исследование – монография «История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг.».³ В данном исследовании рассмотрены не только практически все аспекты деятельности Псковской Православной Миссии, но и дано краткое описание истории бытия православных приходов Латвии в довоенное время. Особо отметим, что в качестве отдельного раздела выносятся проблемы, с которыми сталкивались миссионеры как в контексте взаимоотношений с местным населением, так и в контексте взаимоотношений с немцами, к тому же отдельно поднимается вопрос о межличностных конфликтах в среде духовенства. Подробно рассматривается исследователем и влияние на священнослужителей партизанских отрядов и представителей советской власти. Наконец, Обозный останавливается и на вопросах эвакуации клириков Псковской Православной Миссии в связи с наступлением частей Красной армии, образования и деятельности «Внутренних миссий» в Латвии и Литве, послевоенных судеб священников. Снабжена книга и примечательным, доселе не представленным, фотоматериалом. Интересен вывод Обозного о том, что “резонанс духовного всплеска на оккупированных территориях” «докатился до Москвы».⁴

---

¹ Обозный К.П. Псковская Миссия в 1941–1944гг. Миссионерский аспект деятельности // Православная община. 2000. №№55, 56; Обозный К.П. Псковская Православная Миссия.(Памяти протоиерея Николая Колиберского) // Псковские хроники. Вып.3. Псков, 2002; Обозный К.П. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (Прибалтийский Экзархат и Псковская Миссия): помощь советским военнопленным 1941-1944гг. // Псков. 2005. №23.

² Обозный К.П. Псковская Православная миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941-1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

³ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008.

⁴ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии...С.517.

Справедливо автор замечает и то, что: «Благодаря служению Псковской Православной Миссии, не только возрождалась Православная Церковь, а плоды этого возрождения сохранились в северо-западном регионе СССР и в послевоенные 40-50-е годы, но и происходило сплочение народа, его национальное духовное укрепление, позволившее вынести и тяготы оккупации, и восстановить разрушенное хозяйство после войны».¹ Подробно рассматривает автор и вопрос о коллаборационизме миссионеров, опровергая существующую в некоторых советских и современных работах концепцию о полном подчинении работы Псковской Православной Миссии немецким органам СД и проведении ими нацистской пропаганды. Для опровержения подобных тезисов автор использует и такой спорный источник как протоколы допросов клириков советскими карательными службами, проводя однако правильную переоценку ранее принятых интерпретаций этих документов. Не умалчивается в его работах и вопрос об участии духовенства Псковской Миссии в пропагандистских мероприятиях немцев, хотя и при замечании о вынужденности таких мер, особо ставится вопрос о генерале Власове и о возможном появлении «третьей силы» в войне. Частично затрагивается Константином Петровичем и важный вопрос сотрудничества с местными русскими властями, некоторые из которых представляли в Управление Миссии благодарности за служение того или иного священника. Нам кажется, автор согласен с мнением, что священники следовали в своих взаимоотношениях с немцами позиции «из двух зол выбирай меньшее», так как немцев в действительности было гораздо легче убедить в открытии того или иного храма или во многих других административных вопросах, чем большевиков (о чем он и размышляет на одном из богословских семинаров, говоря о взаимоотношениях Русской Православной Церкви с властями в двадцатом столетии)². Безусловно, К.П. Обозный наиболее полно осветил все вопросы истории Псковской Православной Миссии, коснулся большинства проблем ее существования, выработал определенную концепцию исследования ее деятельности. Продолжает свои изыскания Обозный и после выхода в свет на данный момент самого полного труда по истории Псковской Миссии, в частности,

---

¹ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии... С. 534-535.

² Из опыта новомучеников и исповедников Российских. Материалы семинаров Преображенского содружества малых православных братств. Материалы семинаров. М: Культурно-просветительный центр «Преображение», 2011. С.115-116.

в некоторых своих последних статьях и выступлениях он более подробно рассматривает биографии конкретных священников.¹

Нельзя не упомянуть и о работах крупного нижегородского исследователя Русской Православной Церкви Зарубежом А.А. Корнилова. Первой его работой, так или иначе касающейся нашей проблематики, стала вышедшая в 2000 г. монография под заглавием «Преображение России».² Автор останавливается на истории религиозного возрождения на всей оккупированной территории России (следует отметить очень смелое название работы), затрагивая и историю Псковской Православной Миссии и Внутренних миссий в Балтии. Также Корнилов вводит в научный оборот многие издававшиеся под оккупацией периодические издания, особенно псковско-рижскую газету «За Родину». Поднимается в работе и вопрос юрисдикционных споров в среде православных приходов всей оккупированной немцами и их союзниками территории, чему автор отводит отдельную главу «Юрисдикционные проблемы в процессе восстановления церковной деятельности». «Балтийский вопрос» исследователь описывает в контексте борьбы иерархов Прибалтийского Экзархата с «самостийниками». В целом выход данной работы, написанной при поддержке научно-исследовательской лаборатории «Русское Зарубежье», можно назвать важной вехой в процессе зарождения объективных подходов к истории православных приходов на оккупированной немцами территории. О биографии многих представителей духовенства православных приходов Балтии и Северо-Запада России можно узнать из других работ Корнилова, которые посвящены судьбам духовенства из среды перемещенных лиц.³

Безусловно, к современной русскоязычной историографии истории Православия в Балтии и на Северо-Западе России в XX столетии необходимо отнести и многочисленные работы доктора истории, ассоциированного профессора Историко-философского

---

¹ Обозный К.П. Добрый воин Христов (памяти протопресвитера Алексея Ионова) // Псковский летописец. Краеведческий альманах. 2011. No1(5).

² Корнилов А.А. Преображение России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941-1945). Н. Новгород: ИФ ННГУ, 2000.

³ Корнилов. А.А. Духовенство перемещенных лиц. Н. Новгород: НИЛ «Русское Зарубежье», 2002.; Он же. На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек. Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004; Он же. На реках Австрийских. Духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг (1945-1952 гг.). Н. Новгород: ФМО ННГУ НИЛ «Русское Зарубежье», 2006.; Он же. «Переправимся на ту сторону...» Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лет Шляйсгайм (1945-1951 гг.). Н. Новгород-Мюнхен: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское Зарубежье», Обитель преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 2011.

факультета Латвийского университета (Рига, Латвия) А.В. Гаврилина. Под редакцией Гаврилина уже много лет выходит альманах «Православие в Латвии», некоторые номера которого посвящены изучаемой нами проблематике,¹ (в последние годы его дополнило издание «Православие в Балтии»²), некоторые же статьи о положении дел в Латвийской и Эстонской Православных Церквях в довоенное время, во время войны, и в конце XX – начале XXI вв. выходили в отдельных изданиях и материалах богословских и светских конференций.³ Крупным событием стало появление уже несколько раз переизданной книги латвийского историка под заглавием «Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса)».⁴ Главной целью исследования, что видно даже из его названия, является воссоздание жизненного пути Рижского епископа, впоследствии эмигрировавшего в США, Иоанна (Гарклавса). Военный период описывается Гаврилиным в трех главах: «Пастырь добрый в годину мира и лихолетье», в которой очень хорошо описаны происходящие в Балтии до 22 июня 1941 г. и в первые месяцы войны события, в частности реорганизация церковного управления назначенным Москвой Экзархом Сергием (Воскресенским), «Епископ Рижский: война» (собственно оставшийся период войны в Балтии) и «Епископ Рижский: изгнание» (о проблемах эмиграции балтийского духовенства на Запад). В них церковный историк кропотливо и беспристрастно описывает жизнь владыки, значительно расширяя ранее использованную другими авторами источниковую базу, прежде всего за счет периодики тех лет, издававшихся на латышском языке газет «Ventas Balls», «Tevija», православных изданий «Dzīvības Vards»; «Распоряжения и Сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского» и «Троице-Сергиевские листки» на русском языке. Часто ссылается автор и на ранее неисследованный американский «The Archive of the Orthodox Church in America» (АОСА), в котором сохранились многие вывезенные из балтийских республик и России документы. К тому же Гаврилин обладает довольно богатым личным архивом, в котором, как видно из данной монографии, хранятся многие

---

¹ Православие в Латвии: Исторические очерки 1. Рига, 1993.; Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997.

² Православие в Балтии. №10. Рига. 2013.

³ Гаврилин А.В. Современное положение Православной Церкви в Латвии и Эстонии: проблемы и их истоки. // XI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 2001 г. М.: Изд-во Свято-Тихоновского Богословского института, 2001.

⁴ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Алаборг, Тихвин: издательская служба Тихвинского монастыря, 2009.

личные свидетельства и документы балтийского духовенства. С помощью именно этого архива историк снабдил свою работу уникальным фотографическим материалом. В контексте биографии владыки Иоанна (Гарклавса) хорошо представлено и отношение православного клира и рядового православного населения к происходящим в Латвии и Северо-Западе России процессам, будь то ввод в страны Балтии советских войск в июне 1940 г. и последовавшие за этим репрессии против духовенства, оккупация региона немцами, организация Псковской Православной Миссии или убийство Экзарха Сергия (Воскресенского) весной 1944 г. Не боится исследователь и острых тем: канонических споров, отношений с немцами, касается и «пропагандистских вопросов». Важен и впервые поднятый вопрос причин и возможности эвакуации клириков Балтии и Северо-Запада вместе с отступающими немецкими частями: «Могли ли они избежать эвакуации? Теоретически могли, судя по – всему, германские власти не слишком строго контролировали высылку духовенства в эвакуацию. Так, одному из священников о. Николаю Трубецкому в последний момент, уже в порту, удалось избежать эвакуации и остаться в Риге. Впоследствии он дорого заплатил за свою любовь к Родине: 20 октября 1944 года о. Николай был арестован органами НКВД и приговорен к 10 годами лагерей. Его судьба не была исключением. Достаточно сказать, что в послевоенные годы органами НКВД был репрессирован каждый четвертый православный священник Латвии.»¹ Помимо данной книги-биографии владыки Иоанна (Гарклавса) в контексте «скитаний», Тихвинской иконы Божией Матери на фоне происходящих в Латвии событий Гаврилин исследует и другие связанные с нашей тематикой вопросы. Большой вклад в историю довоенного и военного бытия православного духовенства в Латвии и на оккупированной территории России внесла его статья в журнале «Церковь и время» за июль - сентябрь 2010 г.² В ней автор дает свою оценку уголовным делам православных священников региона как исторического источника, проводит параллели между ведением следствия до и после войны, убедительно указывает на абсолютно выдуманные обвинения в адрес духовенства, опровергает распространенный, к сожалению, и сейчас в историографии миф о лояльном ведении следствия в послевоенные годы. В итоге исследователем доказана абсолютная несостоятельность большинства приговоров, многие из которых уже давно пересмотрены и отменены, показаны те «пути», которыми добывались признательные

---

¹ Гаврилин А.В. Указ. соч. С. 237-238.

² Гаврилин А. В. Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии // Церковь и время. 2010. №52(3).

показания. Совсем недавно «Общество Церковной истории», которое стало прямым преемником «Издательства Крутицкого подворья», выпустило в серии «Материалы по истории Церкви» еще одну работу Гаврилина под заглавием «Латвийские священнослужители на Американском континенте».¹ В данном издании автор описывает жизненные пути многих православных священнослужителей Латвии, некоторые из которых были видными членами Псковской Православной Миссии, от рождения и обучения до последних лет жизни в эмиграции. Через призму этих судеб можно восстановить и историю православных приходов Латвии и Северо-Запада России в период 1940-1945 гг. Особо стоит отметить тот факт, что исследователь подробно рассматривает антирелигиозную кампанию против местного православного духовенства в период советизации страны в 1940-1941 гг., отдельно останавливаясь на всех ее формах: начиная от широкой пропаганды на страницах появившихся в Балтии периодических изданий, в том числе откровенно атеистических, до широкомасштабного террора против активного духовенства и мирян. Выделяет Гаврилин и основные группы духовенства, которое в предвоенный период было подвергнуто репрессиям. Впервые широко вводится в работе и тезис о подготовке к полному решению так называемого «религиозного вопроса» в Балтии советскими властями в 1941 г. Исследователь не ставит перед собой задачу в этом издании углубляться в юрисдикционное противостояние между латвийскими православными приходами в годы войны, однако и этот вопрос находит свое место в биографиях пастырей. Также необходимо заметить, что автор хорошо показывает процесс перехода в период эмиграции местного духовенства в состав Русской Православной Церкви Зарубежом и Американской Митрополии (впоследствии Православной Церкви в Америке). Отдельно затрагивается и вопрос попыток воссоздания в послевоенный период Латвийской Православной Церкви в изгнании. Что касается источниковой базы, то и на этот раз Александру Валентиновичу удалось ее расширить за счет введенных в научный оборот документов архивных хранилищ Латвии и Архива Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей (АГЕ РПЦЗ). Также нельзя обойти вниманием и тот факт, что именно профессор Гаврилин совместно с Байбой Пазане написал статью по истории Православия в странах Балтии в прошедшем столетии, которая вошла в сборник «Православная Церковь в Восточной Европе в XX веке» под редакцией Кристин Шайо.²

---

¹ Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М. Общество любителей Церковной Истории, 2013.

² Гаврилин А, Пазане Б. Православная Церковь в XX столетии в балтийских странах: Эстония, Латвия, Литва. // Православная Церковь в Восточной Европе. К.: Дух і Літера, 2010. С. 263-287.

Помимо рижского, петербургского, псковского и американского “центров” исследования Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии появляются работы историков и из других регионов. Так, нельзя не отметить двух книг исследователя из Поволжья В.Н. Якунина, одна из которых вышла в Самаре¹, а вторая в Тольятти². В этих своих работах автор разделяет историю Экзархата и Миссии по разным главам, в одной из которых обрисовывает общие контуры деятельности православных приходов в Балтии в годы войны, а в другой рассказывает о возрождении православной веры в Псковской и прилегающих к ней областях в общем контексте описания бытия духовенства оккупированных областей России. По фактическому материалу книги практически идентичны. Источниками для них служат в основном материалы уже изданных трудов историков раннего поколения, материалы периодической печати. Общая заданная автором линия оценки деятельности священнослужителей интересующего нас региона близка к высказанным в работах Шкаровского, Обозного и Голикова концепциям, хотя и с некоторыми оговорками. В частности в оценке управленческих качеств Экзарха Сергия (Воскресенского) Якунин говорит о таких явлениях как “видимость соборности” или авторитарность в попытках объединить Прибалтийский Экзархат и Белорусскую Православную Церковь, чего никак не встретишь в исследованиях других светских историков с похожими взглядами на происходящие в оккупации процессы религиозного возрождения. Часто используются им и выводы Балевица, особенно при описании открытых фактов сотрудничества некоторых представителей православного духовенства с немецкими специальными службами. Именно поэтому исследователь особо выделяет пропагандистскую и антисоветскую деятельность, в некоторых местах, в соответствии с концепциями Балевица, абсолютизируя сотрудничество немцев и духовенства. Тем не менее, в окончательных своих выводах самарский историк повторяет все основные постулаты своих предшественников, высоко оценивая миссионерский подвиг оказавшегося под оккупацией священства.

Как еще одну важную веху в изучении истории Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии следует выделить защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия священника Германа Григорьева на тему «Патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей

---

¹ Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945гг. Самара: Изд-во самар. ун-та, 2001.

² Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. пособие по курсу “Отечественная история”. Тольятти: Тольят. Акад. Гос. сервиса, 2004.

(Воскресенский)» на кафедре истории Русской Церкви в Московской Духовной Академии.¹ Автором была проделана довольно большая работа по поиску материалов о всем жизненном пути владыки Сергия (Воскресенского), и в то же время он прекрасно вписывает биографию пастыря в контекст всей церковной истории тех лет. Использование протоколов довоенных допросов тогда еще молодого священнослужителя, рассказ о его взаимоотношениях со старшим поколением пастырства помогает нам лучше понять поведение Сергия (Воскресенского) и во время его служения в Балтии. Специальному рассмотрению исследователь подвергает положение дел в православных приходах Латвии как в период независимости страны, так и в период так называемого «добровольного вхождения» в состав СССР в короткий довоенный период. Несмотря на отсутствие отдельного рассмотрения идеологического и национального аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (при наличии кстати большой главы с рассмотрением идеологии национал-социализма и отношении его идеологов к религии), отец Герман вводит в научный оборот и даже приводит в примечаниях такие важные для нас документы как итоговое заявление конференции епископов Остланда от 5 апреля 1944 г.² Также для нас очень важен факт освещения в этой диссертации вопроса взаимоотношения и взаимовлияния православного духовенства Северо-Запада и Балтии с Русским Освободительным Движением и лично генералом Андреем Власовым. Автор описывает данное событие, приводя при этом новые архивные документы, чем делает очень большой шаг вперед в изучении вопросов напрямую затрагивающих нашу тематику. Много сказано Григорьевым и о сложностях взаимоотношений владыки с немцами, с помощью документов он прекрасно демонстрирует всю сложность и противоречивость этого процесса. Стоит только посоветовать, что многие линии не доведены автором до логического завершения и выводов, и что его исследование не получило пока широкого распространения, оставшись в рамках диссертации.

В особый подраздел историографии интересующей нас проблематики также необходимо выделить защищенные в Санкт-Петербургской Духовной Академии работы по кафедре Церковной истории под научным руководством ее заведующего протоиерея Георгия Митрофанова, как и его собственные исторические и историософские работы.

---

¹ Григорьев Г., свящ. Указ. соч.; Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : дис. ... канд. ист. наук СПб., 2008.

² Там же. С.242-248.

Как известно отец Георгий, в своих выступлениях на радио- и телепередачах, интервью часто, в том числе и как профессиональный историк (он окончил исторический факультет ЛГУ), критикует антирелигиозную политику советских властей и саму идеологию большевизма, проводит своего рода реабилитацию в глазах российского общества генералов А. А. Власова, П. Н. Краснова и их сторонников, размышляет об идеологии Русского Освободительного Движения. Важным моментом в историософии отца Георгия стал выход сборника его ранее печатавшихся статей и панихид под общим заглавием «Трагедия России: «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике» в 2009 г.¹ В этом издании помимо не вызывающих жарких споров статей о философе Иване Ильине, владыке Агафангеле (Преображенском), историке Церкви и государственном деятеле Антоне Карташеве или писателе Александре Солженицыне, присутствуют статьи и проповеди по вопросам истории РОА и КОНР, находящегося на оккупированной территории духовенства. В контекст развития русских военных и гражданских коллаборационистских объединений автор вписывает и деятельность духовенства. Прежде всего, им рассматривается деятельность главы Русской Православной Церкви Зарубежом митрополита Анастасия (Грибановского), но в похожем ключе автор касается и интересующей нас тематики. Приводя все в той же статье («Русская Православная Церковь и Русское Антикоммунистическое Движение») “антибольшевистскую” цитату из проповеди владыки-Экзарха Сергия (Воскресенского), протоиерей заявляет о “созвучной антикоммунистической позиции” двух православных иерархов. В статье «Церковное возрождение в контексте конфликта двух тоталитарных режимов» отец Георгий приводит факты закрытия немцами антирелигиозного музея в кафедральном соборе Пскова и передачу его, как и чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери, Православной Церкви. Совершенно правильно, с нашей точки зрения, церковным историком характеризуется организация и основные формы деятельности Псковской Православной Миссии – главного деяния Виленского митрополита Сергия (Воскресенского). Упоминает Георгий Митрофанов о деятельности Псковской Православной Миссии и в другой статье сборника («В пленении и скорби. Русская Церковь и советские военнопленные в годы Второй мировой войны»). Свообразным продолжением этого сборника можно считать другой сборник отца Георгия «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века», в котором священник тоже затрагивает интересующую нас проблематику в статьях о возрождении Православия в

---

¹ Митрофанов Г., прот. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб. 2009.

борьбе двух тоталитарных режимов, эпистолярном наследии двух митрополитов – Сергия (Страгородского) и Сергия (Воскресенского) в годы войны, и об отношении православного духовенства к советским военнопленным.¹ Из этих статей мы впервые узнаем ранее неизвестные факты довоенного сотрудничества будущего балтийского Экзарха с советскими органами НКВД, к тому же в данном труде приводятся многочисленные цитаты из посланий и записок Виленского митрополита, очень резко характеризующие антирелигиозные гонения большевистской власти в предшествующие войне годы. Примечательно, что отец Георгий ссылается на еще неизданную книгу Михаила Витальевича Шкаровского и кандидата богословия иерея Ильи Соловьева, полностью посвященную биографии митрополита Сергия (Воскресенского). Остается надеяться, что данный труд поможет в еще большем познании ранее неизвестных моментов и нашей темы.

Как мы уже упоминали ранее особо следует упомянуть о работах учеников отца Георгия Митрофанова, в которых затрагиваются интересующие нас вопросы. Прежде всего, следует отметить дипломную работу студента 5 курса Санкт-Петербургской Духовной Семинарии Вячеслава Дмитриева, посвященную гонениям на православных Эстонии в 1940 – первой половине 1941 гг.² Условно данное исследование можно разделить на две части, в первой автор описывает жизнь православных приходов Эстонии в межвоенный период и в начале Второй Мировой войны, в том числе в контексте национальных противоречий, во второй же описываются сами репрессии против православного духовенства с подробным описанием биографий репрессированных пастырей. Важным достижением данного исследования является тот факт, что его автор пользовался материалами Эстонского Исторического архива (Eesti Ajalooarhiiv) и Государственного архива Эстонии (Eesti Riigiarhiiv), существенно расширив источниковую базу исследования деятельности православных приходов Балтии в прошлом столетии. В данной работе Дмитриев использует многие малоизвестные в России исследования по истории Эстонии и Православия в этой стране, в том числе из числа неопубликованных. Особо следует отметить цельность выводов церковного исследователя, правильное и точное описание происходящих в довоенной Балтии событий, особенно в вопросе причин и особенностей гонений на местных православных

---

¹ Митрофанов Г., прот. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М: Арефа, Лепта Книга, 2011.

² Дмитриев В. Гонения на Православную Церковь в Эстонии со стороны Советского Союза в период 1940-191 годов. (Дипломная работа). СПбДА. 2005.

пастырей и активных мирян. Стоит посетовать, что данная работа также осталась в рамках дипломной работы и не переросла в отдельное исследование, в котором бы подробно описывалась жизнь эстонских православных приходов в столь критическое для них время. Заметим, что сейчас отец Вячеслав Дмитриев является настоятелем храма святого Николая в Муствезе в Эстонии.

Еще одним учеником протоиерея Георгия Митрофанова, в дипломной работе которого так или иначе затрагивалась интересующая нас тематика стал диакон Константин Лебедев, защита которого также состоялась в 2005 г.¹ В данной работе автор анализирует как жизнь православных приходов в блокадном Ленинграде, так и на занятых нацистами территориях Северо-Запада России (отдельно выделена в этой связи деятельность Псковской Духовной Миссии). Отдельно диакон Константин Лебедев ставит и вопрос о коллаборационизме местного православного духовенства уделяя этой проблеме специальный раздел под заглавием «Свои или чужие? К вопросу о коллаборационизме духовенства на оккупированных территориях». Примечательно, что отдельная глава в данной дипломной работе уделяется монашеской жизни на оккупированном Северо-Западе в контексте истории обителей Вырицы, возрожденных как раз в этот сложный период.

Кратко следует сказать и о некоторых «статейных» работах по истории православных приходов Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. Из примечательных статейных работ 1990-х гг. можно отметить статьи из журналов и сборников по материалам конференции петербургских исследователей А.К. Галкина и А.А. Бовкало. Так, в 1995 г., еще до появления работ М.В. Шкаровского, авторы на страницах новгородского журнала «Новгород (София)» впервые изучают Новгородскую епархию как часть Псковской Православной Миссии в отдельности.² Через два года исследователи приняли участие в «Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института», где выступили с докладом на тему подконтрольных миссионерам монастырей оккупированных районов Северо-Запада РСФСР.³ Основными источниками, использованными А.К. Галкиным и А.А. Бовкало,

---

¹ Лебедев К., диакон Церковная жизнь в оккупированных районах Ленинградской области в 1941 – 1944 годах. (Дипломная работа). СПбДА. 2005.

² Галкин А.К., Бовкало А.А. Новгородская епархия в годы оккупации (1941-1944) // София (Новгород). 1995. №2.

³ Галкин А.К. Бовкало А.А. Псковская духовная миссия и монастыри на северо-западе России // Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского Богословского института. М., 1997.

являются материалы из издаваемых на оккупированных территориях периодических изданий.

Примерно в тот же временной промежуток на свет появляются исследования псковских историков и краеведов по различным аспектам интересующей нас тематики. Так преподаватель местного университета О.В. Попова на страницах главного регионального исторического журнала «Псков» рассматривает аспект благотворительной деятельности православных миссионеров¹, в статье же М.Т. Макаровой, изданной в том же журнале «Псков», правда уже за 2005 г., говорится о местных школах в годы Великой Отечественной войны и немецкой оккупации (несмотря на рассказ о светских и художественных школах края, работавших на временно занятых нацистами территориях, автор говорит и о преподавании Закона Божия в воскресных школах при храмах Варлаама Хутынского, Дмитрия Солунского, Свято-Троицком соборе).² Исследовательница О.Л. Церпицкая впервые подняла вопрос о преподавании истории Псковской Православной Миссии.³ И хотя автор лишь обрисовывает предполагаемый план преподнесения обучающимся данной информации, используя самые известные монографии упоминавшихся нами исследователей, к примеру Шкаровского, сам факт обращения к теме очень значителен.

Упоминается история деятельности православных приходов Балтии и Северо-Запада России в годы Второй Мировой войны и в контексте истории Русской Освободительной армии и Русского Освободительного Движения. Так, петербургский историк К.М. Александров в своем фундаментальном исследовании – биографическом справочнике «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945» упоминает о благословлении формирующего движения со стороны митрополита Сергия (Воскресенского) и игумена Псково-Печерского монастыря Павла (Горшкова) во время поездки Власова по российским регионам в 1943 г.⁴ Проливает свет автор и на такой

---

¹ Попова О.В. Благотворительная деятельность Псковской Православной Миссии (1941-1944) // Псков. 1997. №7.

² Макарова М.Т. Школы Псковского края в годы Великой Отечественной войны // Псков, 2005. №23.

³ Церпицкая, О.Л. Русская православная Церковь и освободительное движение на оккупированных территориях (Псковская миссия): новый раздел в преподавании истории Великой Отечественной войны // Проблемы преподавания истории Второй мировой войны : материалы II-й международной научно-практической конференции. 5 - 7 мая 2005 г., Санкт-Петербург / Российский государственный гидрометеорологический университет. - СПб., 2005.

⁴ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945. М: Посев, 2009

архиважный вопрос истории Псковской Миссии и Прибалтийского Экзархата как обстоятельства гибели Экзарха. Исследователь опровергает довольно распространенное мнение о причастности к убийству Виленского митрополита полковника Владимира Позднякова, позже сумевшего перебраться в США, указывая на ложность аргументов сторонников «власовского следа» в этом злодеянии.

Появляются и такие работы, которые вписывают историю деятельности православных приходов Балтии и Северо-Запада России в указанный период в историю коллаборационизма на оккупированной территории России в целом. Так, историк Игорь Ермолов в своем исследовании «Три года без Сталина» дает краткую оценку религиозного возрождения на временно оккупированных территориях РСФСР, причем с акцентом на Орловский и Смоленский регионы.¹ Автор считает сохранение канонического единства Прибалтийского Экзархата с Московской Патриархией парадоксальным явлением. Отметим, что исследователь допускает в описании бытия православных приходов данной территории ряд фактических ошибок, заявляя, к примеру, что митрополит Августин (Петерсон) “руководил церковной жизнью Прибалтики до февраля 1941 года” или называя владыку Сергия (Воскресенского) митрополитом «Вильнюсским и Литовским», а не «Литовским и Виленским» (возможно тут автор боится несоблюдения некой “новой политкорректности”). Ничего кардинально нового автором не высказано, за исключением довольно примечательного упоминания о пронемецки настроенном отце Романе из Гдова, изгнанном за доноительство с прихода местными жителями.

Частично затрагивает нашу тематику специалист по истории катакомбных православных религиозных деноминаций в СССР А.В. Беглов, отображая в своих работах процесс легализации некоторых «катакомбников» в начальный период деятельности Псковской Миссии.²

В качестве отдельного раздела изучения национального и идеологического аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России следует выделить работы духовенства и близких к Русской Православной Церкви исследователей истории Православия в Балтии. Начать данный обзор, как нам кажется, следует с почившего предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Алексия II

---

¹ Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками 1941-1945. М., 2010.

² Беглов А. В. «Миссионерская разведка» отца Николая Трубецкого. Как начиналась Псковская миссия // Альфа и Омега. 2001. №2 (28).; Он же. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное подполье в СССР. М., 2008.

(Ридигера). Первосвященник никогда не скрывал факта служения своего отца в оккупации, часто воспроизводил в интервью и документальных фильмах жизнь православных региона в столь сложный период. Однако в первую очередь следует отметить его исследовательскую работу по истории Православия на Эстонской земле.¹ В данном труде Святейший посвящает целую главу истории Православной Церкви в Латвии и Эстонии в оккупационный военный период. В своем исследовании он рассказывает о воссоединении ЭАПЦ с Москвой, последовательно описывает историю эстонских приходов под оккупацией, дает непредвзятую оценку как деятельности автокефалистов во главе с митрополитом Александром (Паулусом), так и контрмер Экзарха Сергия (Воскресенского). Примечательно, что целый параграф книги под заглавием «Деятельность Псковской миссии по восстановлению церковной жизни в крае», полностью посвящен Псковской Православной Миссии. В 2010 г. «Православная энциклопедия» переиздает работу Патриарха, хотя и со значительными сокращениями, в уже упоминаемом нами сборнике «Православие в Эстонии».² Однако кроме исследования главы Московского Патриархата первый том данного сборника также примечателен большой редакционной статьей под заглавием «Эстонский церковный кризис». В данном исследовании перед авторами прежде всего стояла задача описать события последних двух десятилетий в контексте юрисдикционного противостояния между Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата и Эстонской Апостольской Православной Церковью, приходы которой сейчас находятся в лоне Константинополя. Однако описанию недавних событий предшествует рассказ о предыстории данного конфликта, в ходе которого воссоздаются события не только межвоенной истории Православия в Эстонии, но и события 1940-1945 гг. С помощью опубликованных во втором томе данного сборника документов и новейших работ эстонских исследователей достаточно подробно восстанавливается процесс возвращения православных приходов ЭАПЦ в состав Русской Православной Церкви в конце 1940-начале 1941 гг. Описываются события и периода Великой Отечественной войны в контексте шагов митрополита Александра (Паулуса) по отходу от канонического единства с Москвой и его противостояние со сторонниками Экзарха Сергия (Воскресенского). Отмечено в работе и отрицательное отношение к автокефалистам наследника Экзарха архиепископа Даниила (Юзвюка), а также осуждение действий митрополитов Александра (Паулуса) и

---

¹ Патриарх Алексей II. Православие в Эстонии. М.: Церков.-науч. Центр «Православная энциклопедия», 1999.

² Православие в Эстонии. Т.1. Исследования / Под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010.

Августина (Петерсона) со стороны Патриарха Алексия I (Симанского), архиепископа Павла (Дмитровского) и других иерархов РПЦ после окончания нацистской оккупации региона. Отдельно говорится в работе и о воссоздании владыкой Александром (Паулусом) в эмиграции в Стокгольме Синода своей церковной юрисдикции и истории верных ему приходов в послевоенный период.

В том же ключе описываются события в прошлом столетии в среде православных приходов Эстонии в работе под заглавием «Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк.» местного священника Игоря Прекупа.¹ Историю Православия в Эстонии автор делит на периоды, интересующий же нас временной промежуток по данной схеме исследователь относит к четвертому периоду: от 1940 г. до начала юрисдикционных противоречий в начале 1990-х гг. Важно отметить, что отец Игорь после описания процесса возвращения владыки Александра (Паулуса) в лоно РПЦ МП приводит поименно список репрессированного православного духовенства Эстонии, справедливо отмечая, что большинство представителей этого списка являются этническими русскими. Именно этим доводом автор с одной стороны отмежевывает действия руководства Московской Патриархии от гонений советской власти (в чем позже «промосковское» духовенство будут обвинять автокефалисты), с другой же опровергает достаточно распространенный сейчас тезис о том, что основная волна репрессий в Балтии в 1940-1941 гг. была направлена против этнического большинства населения. Кратко рассматривает автор и автокефалистское движение в период нацистской оккупации и его перенос за рубеж Эстонии после войны. Существенно обогатил исследователь свою работу и за счет публикации документов, многие из которых позже войдут в сборник «Православие в Эстонии». Совсем недавно вышла еще одна исследовательская работа протоиерея Игоря Прекупа, написанная в соавторстве с протоиереем Николаем Балашовым, заместителем председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата под заглавием «Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране»».² В данном издании авторы анализируют работу представителя Эстонской Апостольской Православной Церкви Константинопольского Патриархата архимандрита Григория, изданную в эстонской столице в 2007 г. для того чтобы представить позицию Вселенского Патриархата по

---

¹ Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: Trukis Astrukis, 1998.

² Прекуп. И. прот., Балашов. Н., прот. Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллин, 2013.

поводу «эстонского юрисдикционного вопроса».¹ Заметим, что как работа представителей Московского Патриархата, так, и еще в большей степени, труд архимандрита Григория, носят скорее богословский характер, хотя, конечно, присутствуют в них и ссылки на исторические события, с помощью которых обе стороны пытаются оправдать собственную каноническую правду. Как нам кажется, подобные издания прежде всего важны для нас для того чтобы понять позицию современных ЭПЦ МП и ЭАПЦ КП по вопросу национальных противоречий между православными приходами Эстонии в 1940-1945 гг.

Косвенно касаются исследуемой нами тематики сборники статей и исследования по истории русского национального меньшинства в Эстонии в прошедшем столетии, из которых следует отдельно выделить два: изданный в 2000 г. в Таллине сборник «Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее»² (некоторые работы сборника, такие как статьи Юрия Мальцева, Галины Пономаревой и все того же протоиерея Игоря Прекупа напрямую затрагивают нашу проблематику) и коллективную работу тартуских авторов «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике» под редакцией кандидата филологических наук, известного общественного деятеля Эстонии С.Г. Исакова, в которой отдельные параграфы рассказывают о жизни православного населения страны, а также показывают их настроения в преддверии вхождения Эстонии в состав Советского Союза.³

Отдельные работы по данной проблематике существуют и в историографии Литвы. Прежде всего отметим исследование настоятеля церкви святого Николая в Вильнюсе протоиерея Василия Новинского.⁴ Отец Василий наверное первым затрагивает тему воссоединения православных приходов Литвы после возвращения ей оккупированного Польшей в межвоенный период «Виленского края», в том числе в контексте противостояния части духовенства литовской столицы во главе с архиепископом Феодосием (Феодосиевым) и архимандритом Филиппом (Морозовым) с митрополитом Елевферием (Богоявленским). К сожалению, данная тема, в особенности в ключе желания

---

¹ Архим. Григорий Д. Папатомаас. Несчастье быть маленькою церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллин, 2007. С.141-240.

² Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000.

³ Русское национальное меньшинство в Эстонии. / под ред. С.Г.Исакова. Тарту: Крипта, 2000.

⁴ Новинский В., прот. Очерк история Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005.

некоторых светских и церковных кругов провести «литовско-белорусскую автокефалию», не доводится автором до логического завершения. Небольшое место протоиерей Василий Новинский отводит и довоенным репрессиям советских властей против местного православного духовенства. Отдельную главу он отводит периоду немецкой оккупации. Основным лейтмотивом рассмотрения данного периода является описание действий немецких властей по отношению к литовским православным, а также деятельности Экзарха Сергия (Воскресенского) по поддержанию канонического порядка как в Балтии в целом, так и на Литовской земле в частности. Уделяет он немного места и такому феномену как пастырско-богословские курсы в столице Литвы, а также деятельности некоторых конкретных литовских священников в оккупационный период. Наконец, дается церковным исследователем и небольшое описание деятельности православных приходов Литвы под руководством владыки Даниила (Юзвюка) после гибели Экзарха.

Также нельзя не упомянуть и о работах близких к Виленской и Литовской епархии Русской Православной Церкви исследователей Германа Шлевиса и Ирины Арефьевой. Первой следует выделить работу Шлевиса под заглавием «Православные храмы Литвы».¹ В данной работе история Православия в стране рассматривается через историю каждого отдельного храма от момента его создания до сегодняшних дней (главы книги разделены по соответствующим благочиниям). Естественно, что в истории церквей Литвы отразился и интересующий нас период. К важным достоинствам данного исследования следует отнести широкое использование автором личных воспоминаний православного духовенства и мирян в период XX в., а также широкое цитирование архивных материалов, в том числе уголовных дел священнослужителей. К сожалению, на большинство цитат нет ссылок, что скорее всего обусловлено не строго научным характером исследования. Снабжена книга и богатым иллюстративным и фотоматериалом. Особо следует отметить, что по материалам работы Г. Шлевиса фактически можно кратко воссоздать бытие православных приходов Балтии в минувшем столетии. Важные для рассмотрения нашей проблематики статьи как самого Германа Петровича, так и председателя Общества Православного просвещения в Литве «Живой колос» И.С. Арефьевой опубликованы на интернет-сайте этой организации. В первую очередь следует упомянуть о разбитой на 11 частей статье под названием «Митрополит Сергей (Воскресенский). Жизнь и судьба.», в которой рассматриваются разные аспекты биографии балтийского владыки: краткое описание его жизненного пути до назначения в Балтию; визит в Литву в довоенное время и преодоление существующих в регионе нестроений; начало войны и немецкой оккупации в контексте предпринятых Экзархом шагов по организации жизни православных

---

¹Шлевис. Г. Православные храмы Литвы. Вильнюс: SAVO, 2005.

приходов региона в новых условиях; краткая история Псковской Православной Миссии; собственно жизнь православных Литвы в военное время; особенности возведения в сан мирянина Николая Порфирьевича Юзвюка; изменение немецкой оккупационной политики по отношению к Православию и даже пастырский путь Николая Гурьянова.¹ Важным достижением данной работы является широкое использование автором Архива вильнюсского Свято-Духова монастыря (до конца еще не разобранный и практически недоступный для рядовых исследователей), в котором хранится уникальный материал, способный по-новому показать историю православных приходов Литвы в двадцатом столетии, также как и реакцию литовской части Прибалтийского Экзархата на происходящие в регионе события. Из статей Ирины Степановны следует отметить опубликованную на сайте работу о гибели Экзарха Сергия (Воскресенского),² небольшой аналитический материал о репрессиях против православного духовенства Литвы в 1940-1950-е гг.,³ а также подробное описание уголовного преследования отца Евгения Насекайло.⁴ Все эти исследования так или иначе связаны с рассматриваемой нами проблематикой, так как в них прекрасно показаны судьбы того православного духовенства, которое принимало самое активное участие в происходящих в 1940-1945 гг. событиях, за что поплатилось или жизнью, как владыка Сергей (Воскресенский), или свободой, как большое число балтийских пастырей. К похожим работам можно отнести опубликованную в сети Интернет статью об отце Луке Голоде иерея Виталия

---

¹ Шлевис Г. [Электронный ресурс]: Митрополит Сергей (Воскресенский). Жизнь и судьба. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/246-mitropolit-sergij-voskresenskij-zhizn-i-sudba>. Свободный. Загл. Яз. рус. Последнее обращение 30.02.2013.

² Арефьева И. [Электронный ресурс]: Гибель экзарха под Ковно. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/129-gibel-ekzarkha-pod-kovno>. Свободный. Яз. Рус. Последнее обращение. 29.02.2013.

³ Арефьева И. [Электронный ресурс]: И СМЕНИЛИ РЯСЫ НА ТЮРЕМНЫЕ РОБЫ. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/133-i-smenili-ryasy-na-tyuremnye-roby>. Свободный. Яз. Рус. Последнее обращение. 29.02.2013.

⁴ Арефьева И. [Электронный ресурс]: Особенности репрессий духовенства Литвы в 1939-1958 гг. и «собственноручные показания» о. Евгения Насекайло. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/128-osobennosti-repressij-duxhovenstva-litvy-v-1939-1958-g-g-i-sobstvennoruchnye-pokazaniya-o-evgeniya-nasekajlo> Свободный. Яз. Рус. Последнее обращение. 29.02.2013.

Серапинаса.¹ Следует отметить академический характер данной статьи, а также широкое привлечение священником источников: помимо литовских архивных хранилищ и периодики межвоенных лет он широко использует Архив Варшавской Православной Митрополии (Warszawska Metropolia Prawaslawna Archiwum), чем расширяет источниковую базу исследования интересующих нас проблем. Хочется только посетовать, что биографию пастыря отец Виталий с доводит только до 1939 г., напрямую не рассматривая военный период.

Итак, мы рассмотрели современную российскую церковную и светскую историографию темы, говоря о позиции тех авторов которые в большинстве своем положительно оценивают деятельность православных приходов Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. В то же время нельзя упустить из виду и работы историков, которые стоят зачастую на диаметрально противоположных позициях, часто продолжая линию оценки советских исследователей. Первым в этом списке является крупный исследователь из Новгородского Государственного университета Б.Н. Ковалев. Автор исследует коллаборационизм в годы Второй Мировой войны как феномен в двух своих фундаментальных работах по данной тематике, вышедших в прошлое десятилетие.² «Духовный коллаборационизм» автор выделяет в отдельное явление, рассматривая его, прежде всего, в контексте политики Третьего Рейха по усмирению местного населения с помощью в том числе и временного религиозного возрождения. Исследователь не ставит перед собой задачу оправдать или замолчать атеистические акции советских органов в довоенный период, поэтому начинает он этот раздел своих монографий с правдивого описания закрытия церквей и монастырей в регионе. Однако затем, довольно четко определив антирелигиозную сущность нацистского режима и описав негативное отношение его руководства к Православию, Ковалев начинает доказывать причастность духовенства указанной территории к подготовке многих деяний карательных органов гитлеровцев и особенно их агитационной работы. В связи с данным тезисом историк выделяет и основных пособников (хотя в его представлении, к примеру, буквально все миссионеры активно помогали нацистам в антипартизанской или «провласовской» деятельности) немцев, а именно: третьего руководителя Псковской Православной Миссии

---

¹ Серапинас В. [Электронный ресурс]: Подвижник благочестия протоиерей Лука Голод. Режим доступа: <http://cerkov.by/page/podvizhnik-bлагоchestiija-protoierej-luka-golod> Свободный. Яз. Рус. Последнее обращение 1.04. 2013.

² Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. М., 2004; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

протоиерея Кирилла Зайца, согласившегося на сотрудничество при первом вызове в рижское отделение СД перед отправлением на Северо-Запад России, и настоятеля Псково-Печерского монастыря игумена Павла (Горшкова), благословившего генерала Андрея Власова на “крестовый поход против жидо-большевизма”. Более того, согласно Ковалеву, практически все действия православного духовенства, служившего на оккупированной территории, будь то открытие приюта при Дмитриевской церкви или издание журнала «Православный Христианин», так или иначе являлись организованными нацистами антинародными акциями. Во многом такие выводы вызваны опять-таки узким кругом источниковой базы, состоящей из допросов священнослужителей как со стороны советских, так и со стороны немецких карательных служб. В некоторых своих утверждениях и при употреблении терминов подобных “буржуазная” Эстония, историк показывает определенную марксистскую идеологическую заданность своей работы. Многие свои старые тезисы Ковалев повторил в своей последней работе, изданной в серии «Повседневная жизнь» издательства «Молодая гвардия».¹ И эта работа опять же грешит, с нашей точки зрения, слишком большим акцентом на сотрудничество духовенства с оккупантами, порой кажется, что священнослужители кроме пропаганды национал-социализма ничем и не занимались. С другой стороны, многие спорные тезисы Ковалева надо рассматривать отдельно, что мы и сделаем в основной части нашего исследования. Нам кажется, что зачастую гипертрофированная оценка вынужденных, на наш взгляд молитв и здравниц в адрес Гитлера, уменьшает научную ценность исследований данного автора.

В похожем ключе выходят работы и С.К. Бернева,² защитившего в 2008 г. кандидатскую диссертацию об агитационной и пропагандистской деятельности властей Третьего Рейха на Северо-Западе РСФСР.³ Главным направлением трудов исследователя является, как нам кажется, попытка показать истинные цели нацистской пропагандисткой

---

¹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.

² Бернев С.К. Образование Псковской православной миссии // Жизнь и безопасность. СПб. 2004. №1-2; Бернев С.К. «Православная миссия» в оккупированном Пскове. «Докладная записка управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г.» // Исторический архив. 2008. №5; Бернев С.К. Русская святыня за рубежом // Жизнь и безопасность. СПб. 2002. №4; Бернев С.К. Русская святыня в эмиграции // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и матер. всерос. науч. конф. / РГИ СПбГУ; СПбГУКИ. СПб., 2004.; Бернев С.К. Псковская православная миссия. Факты и документы. // Жизнь и безопасность. 2003. №3-4.

³ Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : дис. ... канд. ист.наук СПб., 2008.

и агитационной работы, с сопряженной с этим жесткой критикой всех сотрудничавших с оккупантами жителей занятых территорий, в том числе из среды православного духовенства. Также Бернев хочет защитить “честь мундира” своего ведомства (что впрочем не мешает ему объяснять высказывания религиозных деятелей, в том числе Патриарха Алексия II ¹, с оправдательными оценками деятельности миссионеров попыткой “безапелляционной защитой корпоративного мундира”), отправившего многих священнослужителей в сибирские лагеря. Помогают в этом историку основные использованные им источники – материалы архивов Федеральной Службы Безопасности и издаваемая в оккупации прогерманская пресса. Интересен и отбор статей: в одной, из власовского «Добровольца», митрополит Сергей (Воскресенский) связывает “воскрешение Новой России” с победой над «большевиками и жидами - интернационалистами» (явный намек на антисемитизм владыки),² заявляет о том, что «Россия ждала войны, хотела войны», воспринимает поражение советского руководства как расплату за антирелигиозные гонения в германоязычной хорватской газете «Новый порядок»³ (предательская позиция). Никаких сомнений в том, что подобные заявления не вызваны давлением со стороны немцев у автора, как видим, нет. Схоже он относится к материалам допросов священников советскими органами безопасности после освобождения оккупированных территорий, то есть безоговорочно им доверяет. Однако, несмотря на подобные утверждения, некоторые важные вопросы Бернев рассматривает впервые. Среди них: возможное желание Ленинградского владыки Алексия (Симанского) оказаться в начале войны в оккупированной Сиверской, попытка установления советскими спецслужбами связи с Экзархом в конце войны, детальное описание политики Виленского митрополита по защите имени Местоблюстителя Сергея (Страгородского) перед немцами после резких просоветских заявлений последнего. Однако утверждения о полном антагонизме между оказавшимся в оккупации духовенством, без попыток осмыслить как личные довоенные контакты иерархов, так и антирелигиозную сущность

---

¹ Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : автореф. дис. ... канд. ист.наук СПб., 2008. С.12.

² Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : дис. ... канд. ист.наук СПб., 2008. С.109.

³ Там же. С.173.

марксистской идеологии, тезисы о “гуманности” допросов советских «компетентных» органов и утверждение, что чуть ли не каждый священнослужитель Прибалтийского Экзархата или Псковской Православной Миссии - скрытый агент немецких карательных служб, снижают имеющиеся многочисленные достоинства исследовательской работы Бернева. Что же касается важных моментов «адресных» обвинений некоторых священников Миссии в подчинении немцам, то, по нашему мнению, такие вопросы надо рассматривать отдельно, окидывая свои взором весь жизненный путь того или иного миссионера, причем как до, так и после войны. Более объективно Бернев рассматривает национальное противостояние внутри православных приходов Балтии, более, как нам кажется, сочувствуя линии Экзарха, а не автокефалистов.

Поразительным образом концепции разработанные советскими исследователями получают сейчас второе дыхание и у «православных историков». Очень показательны в этом смысле статьи (к сожалению сейчас мы располагаем лишь сведениями о них в сети Интернет) Л.И. Соколовой, секретаря Комиссии по канонизации в Санкт-Петербургской епархии и ее постоянного члена, одного из авторов Санкт-Петербургского Синодика. Автор, судя из контекста некоторых статей и очерков, ставит перед собой задачу подвергнуть определенной ревизии широко распространенный взгляд на деятельность православных приходов Балтии и Северо-Запада России, по-иному оценив деятельность миссионеров. Примечательно, что в качестве своей главной источниковой базы Соколова как и Бернев, выбирает материалы следствия, хранящиеся в архивах ФСБ, во многом принимая все сказанное священниками на допросе как непреложную истину. Интересны и некоторые аргументы критики петербургской исследовательницы в ее статье под громким названием «Влияние западничества на изучение истории Псковской Православной Миссии»: так, в монографии Обозного автор усматривает тлетворное влияние Запада из-за членства в редакционной коллегии тома профессоров Эриха Бриннера и Гюнтера Шульца, а также Поспеловского, хотя эти церковные историки входят в состав редколлегии многих книг из серии «Материалы по истории Церкви», а Шкаровский, по мнению Соколовой, применяет неправильный термин «плененный генерал» по отношению к Власову: «... всем известно, что на Руси человек, добровольно сдавшийся в плен врагу, всегда назывался другим словом – предатель». ¹ Инициативу создания Псковской Миссии автор приписывает исключительно СД, причем характерно, что тут же высказывается удивление

---

¹ Соколова Л. [Электронный ресурс]. Влияние западничества на изучение истории Псковской Православной Миссии (1941-1944). Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/22/vliyanie_zapadnichestva_na_izuchenie_istorii_pskovskojpravoslavnoj_missii_19411944/. Свободный. Яз.рус. Последнее обращение. 10.01.2013.

по поводу православного миссионерства на территории Северо-Запада России: «Да и само слово «миссия» было применимо только для Японии или Китая, когда миссионеры несут Слово Божие народам не ведавшим его. Но православная миссия в своей православной (для духовенства) стране, в Пскове! Понятно, когда миссионерами называли себя явившиеся в Россию в 1990-е годы протестанты, мормоны и прочие. А это, простите, уже не миссия, а западная экспансия...».¹ Историк как будто сознательно умалчивает о религиозных гонениях предвоенных лет, хотя возможно упоминание об этом она считает не столь важным в раскрытии данной темы, о закрытии в Пскове всех храмов, превращении большой территории в безрелигиозную пустыню. Некоторые моменты взаимоотношений священства с немцами очень утрируются. К примеру визиты митрополита Сергия (Воскресенского) во время своих пастырских поездок по российским землям представлены как долгие «посиделки за чайным столом», особенно отмечается благодарственный тост Экзарха перед немецким командованием за праздничным столом в годовщину образования Миссии. Некоторые аспекты истории Миссии поднимаемые автором довольно значимы, например, «национальный вопрос»: довольно резонным выглядит тезис о неприятии митрополита Сергия (Воскресенского) со стороны балтийских националистов, но тут же священники называются Соколовой латышами или даже поляками исходя из фамилии или страны, в которой оказался священнослужитель в связи с распадом Российской Империи, где он учился или жил до войны. Почему-то автор не допускает, что живя в независимой Латвии или служа в суверенной стране православным священником можно в то же время быть человеком несущим в себе и пропагандирующим русскую национальную идеологию и традиции. Также примечательным фактом является отказ исследовательницы даже в термине «Псковская Православная Миссия» принятом в историографии и упоминаемым еще церковным священноначалием и духовенством как в военные, так и в послевоенные годы с высказыванием мнения, что реальной деятельности духовенства больше подходит претенциозное название Миссии во время оккупации – «Православная Миссия в освобожденных областях России». Повторяются и любимые советскими историками постулаты о стремлении священников к обогащению за счет местного населения и с позволения немецких властей, их низком моральном облике, постоянных ссорах и склоках в их среде, активном доносительстве, в особенности на просоветское подполье. Не трудно догадаться, что автор крайне критически относится и к восприятию многими миссионерами идей генерала Власова и участия небольшой их части в деятельности Русского Освободительного Движения. Не обходится в работе и без некоторых

---

¹ Соколова Л. Указ. соч.

фактологических неточностей, так, говоря о назначении владыки Сергия (Воскресенского) на новую кафедру, говорится о негативном его восприятии со стороны именно литовской паствы (видимо из-за его официального титулования как Виленского митрополита и Экзарха Прибалтики), хотя общеизвестно, что большую часть своего времени он проводил в Риге, где основная его паства состояла из этнических русских или людей из смешанных семей. Отдельно следует выделить и последнее исследование Лидии Ивановны, также размещенное на сайте «Русской народной линии» в мае 2013 г. под заглавием «Вновь о Псковской православной миссии» (сразу отметим, что теперь автор пишет принятое название Миссии с маленьких букв).¹ В этой публикации Соколова ставит перед собой задачу ознакомить читателей интернет-сайта с делом Псково-Печерского монастыря из Архива ФСБ по Псковской области. Прежде всего, автор громогласно заявляет, что некоторые исследователи любят «подгонять исторические события под свое мнение, жонглируя документами в «свою пользу»». Именно поэтому она выбирает иной, как ей кажется, путь, а именно публикацию документов с небольшим комментарием «неясных фактов». Как и во многих других своих публикациях, Лидия Ивановна здесь пользуется своим излюбленным приемом – резкого отделения новомучеников и жертв сталинских репрессий 1930-х гг. от служивших под немецкой оккупацией пастырей, мотивируя это тем, что если в 30-е гг. священнослужители и активные православные миряне могли поплатиться за свою верность Богу жизнью, то в годы войны, оказавшееся на занятой врагом Советского Союза представители духовенства якобы «жили совершенно спокойно». Тут, опять же, исследовательница почему-то забывает сказать о развернувшемся в предвоенной Балтии витке репрессий против духовенства, в том числе православного, и изменении в связи с этим отношения многих православных пастырей и мирян к большевикам: от спокойно-равнодушного и иногда восторженного к резко отрицательному и враждебному. Также исследовательница не говорит и о контроле за проповедями священнослужителей как со стороны нацистов, так и со стороны просоветского подполья, тоже часто настроенного резко антирелигиозно. Переходя же к описанию самой статьи, отметим, что автор начинает ее с довольно подробного описания, к сожалению, неудачных попыток реабилитации проходивших по так называемому «делу Псково-Печерского монастыря». Затем Соколова переходит к описанию самих жертв послевоенных репрессий, которых она естественно «жертвами» не считает: игумена Павла (Горшкова), иеромонаха Лина (Леонтия Никифоровича

---

¹ Соколова Л. [Электронный ресурс]. Вновь о Псковской православной миссии. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/11/vnov_o_pskovskojpravoslavnojmissii/ Свободный. Яз. рус. Последнее обращение. 22.06. 2013.

Никифорова), заведующую монастырским хозяйством Татьяну Архиповну Хитрову, кучера монастыря Ефима Петровича Петрова, а также заведующую иконописной мастерской Эльзу Грюнверк. Автор восстанавливает процесс следствия по этому делу, перечисляет следователей, которые его вели, и даже приводит статьи по которым обвиняемых впоследствии осудили. Приводятся и показания свидетелей, в которых кстати, есть очень большие расхождения. Наконец, и в этой связи следует отметить особую ценность данной интернет-публикации, приводится перенос записанной на магнитофон беседы Татьяны Архиповны Хитровой с архимандритом Алипием (Вороновым) на письменный протокол, записанный в Псково-Печерском монастыре в 1968 г., в котором в частности узница сталинских лагерей говорит и о ведении против нее следствия. Также приведены и протоколы допросов самих обвиняемых, в которых они действительно признаются в работе на немецкие органы в том числе в том, что передавали нацистским властям советских граждан, в основном подпольщиков, евреев и резко антисоветски настроенных лиц (подробно мы проанализируем эти показания, когда будем говорить о сотрудничестве православного духовенства Балтии и Северо-Запада России с немецкими карательными органами). Довольно печальным для православного человека, как нам кажется, выглядит переходящий из статьи в статью вывод исследовательницы о религиозном возрождении не из-за деятельности православных миссионеров, а лишь по причине тягот войны. Странен и тот факт, что на портале «Русская народная линия» в краткой биографии Лидии Ивановны говорится о ее крещении в Православие в 1985 г. архимандритом Кириллом (Начисом), активным участником Псковской Миссии (духовенство которого она так усиленно критикует в своих работах), узником советских лагерей и человеком из смешанной русско-латышской семьи.¹

Источниковая база данной диссертации состоит из архивных материалов, сборников опубликованных документов, периодических изданий тех лет, а также источников личного происхождения.

Материалы по истории национального и идеологического аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. разбросаны по разным странам. Прежде всего, следует отметить достаточно обширный материал, хранящийся в Латвийском Государственном Историческом архиве (LVVA) в Риге. Основной пласт документов содержит Фонд № 7469, Фонд Синода Латвийской

---

¹ Авторы на РНЛ.[Электронный ресурс] Режимдоступа: http://ruskline.ru/author/s/sokolova_lidiya_ivanovna/ Свободный. Яз.рус. Последнее обращение. 22.06. 2013.

Православной Церкви (Latvijas Pareizticīgā Baznīca Sinode). Первые две его описи содержат богатую информацию не только о жизни Латвийской Православной Церкви в довоенную эпоху, но и о положении дел собственно во время войны. Так, часть документов отображает процесс постепенного возвращения Латвийской Православной Церкви в лоно Московского Патриархата в 1940 и начале 1941 гг. Многие материалы этого фонда помогают восстановить процесс отпадения части православных приходов от руководства Прибалтийского Экзархата с началом войны и оккупации, а также установить какие меры принимались для того, чтобы приостановить активную деятельность латвийских автокефалистов, сторонников владыки Августина (Петерсона). Протоколы и копии заседаний Синода в военные годы, отчеты духовенства Латвии из числа тех, кто вошел в состав формирующейся Псковской Миссии о положении вещей и церковной жизни на занятой немцами территории, личные дела миссионеров, их переписка со священноначалием, документы связанные с Богословскими курсами в Вильно, документы по убийству создателя Миссии митрополита - Экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского), отчеты связанные с Внутренней Миссией в Латвии по работе в среде русских беженцев – вот основной материал данного фонда. Именно материалы фонда №7469 помогают определить отношение местных православных клириков и мирян к населению, которое попало на балтийскую территорию после наступления советских войск и освобождения от нацистов Северо-Запада России, а также демонстрируют религиозную жизнь этих беженцев. Отдельные дела полностью состоят из личных дел и иных материалов преподавателей и учащихся организованных в годы нацистской оккупации богословских курсов в литовской столице. Также документы заседаний Синода в последний период деятельности Прибалтийского Экзархата важны для понимания жизни православных приходов после трагической гибели владыки Сергия (Воскресенского) в апреле 1944 г. Фонд № 1370 (Iekšlietu ministrijas Baznīca un konfesiju departamentī) состоит из переписки Синода и других частей Латвийской Православной Церкви с религиозным министерством довоенной Латвии, и, по понятным причинам, большинство документов здесь на государственном языке республики, хотя изредка встречаются впечатляющие материалы и на русском языке, что тоже очень важно для определения внутренних предпосылок возвращения приходов Латвии в состав Русской Православной Церкви накануне Великой Отечественной войны. Наконец, любопытен рассекреченный в последнее десятилетие Фонд Р-1005, в котором содержатся материалы, в основном рисунки, из редакции издаваемой в Риге и распространяемой на Северо-Западе России русскоязычной газеты «За Родину» (многие из них на религиозную тему).

Не менее существенный пласт документов по исследуемой нами проблематике находится в архивных хранилищах Литовской республики: Литовском Центральном Государственном архиве (LCVA) и в Литовском Особом архиве (LYA) – бывшем архиве КГБ Литовской ССР в Вильнюсе. Дело 695 Описи 4 Фонда 391 (F.391), хранящееся в LCVA, содержит обширную информацию по поводу возникновения и развития движения за литовско-белорусскую автокефалию в период 1939-1940 гг. Данное движение возникло в связи с ликвидацией польского государства и возвращения оккупированного Польшей с начала 1920-х гг. так называемого «Виленского края» Литве. Находящиеся в описи материалы представляют собой не только переписку между местным духовенством, часть из которого поддерживала яркого сторонника Московской Патриархии митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского), а другая же была на стороне поддерживающего автокефалистов владыки Феодосия (Феодосиева), но и статьи и послания известного политического публициста межвоенной Балтии Дмитрия Ишевского; послания православных Литвы как в защиту, так и в осуждение архиепископа Феодосия; материалы периодических изданий, в частности одной из главных литовских газет «Lietuvos Aidas», рупора литовско-белорусских автокефалистов газеты «Круписа», а также таких изданий как русскоязычное «Эхо», критикующих сторонников автокефалии; послания и публицистические работы самих архиепископа Феодосия (Феодосиева) и архимандрита Филиппа (Морозова). В Фонде № R-238 хранятся обширные материалы по истории православных приходов Литвы уже после освобождения Балтии от нацистской оккупации. Он состоит из рапортов духовенства, их автобиографий, посланий и отчетов, в которых частично рассказывается о бытии местных православных в период оккупации. Отдельные дела состоят из заявлений и прошений, поступивших от самих верующих. В них активные прихожане очень часто рассказывают о нацистской оккупации не только для того чтобы показать ужасы разрушения, оставшиеся после отступления немецких войск, но и спасти многие приходы от запустения и закрытия уже в связи с начавшимся процессом ресоветизации страны и произволом многих местных светских властей, настроенных по меньшей мере прохладно к религии вообще и к православным в частности. Также эти материалы хорошо демонстрируют общее состояние приходов в 1945 г., уже с водворением в Литве советской власти. В материалах Фонда R-1399 хранится обширный материал связанный с органами немецкого СД в Литве. Часть документов посвящена православным приходам. В частности в описях данного фонда хранится материал по поводу попыток дезавуирования органами СД избрания в Москве Патриархом митрополита Сергия (Страгородского), статьи на немецком языке, осуждающие, причем как в каноническом, так и в чисто идеологическом плане данное

событие, отчеты немецких карательных служб, в которых содержатся важный материал о сотрудничестве с СД наиболее опорочившего себя миссионера отца Иоанна Амосова, а также ректора пастырских курсов в Вильно Василия Виноградова. Также огромный интерес вызывают хранящиеся в Фонде № R-1399 фотоматериалы, связанные с убийством владыки Экзарха Сергия (Воскресенского).

Что же касается Литовского Особого архива (LYA), то мы сразу же отметим, что в большинстве своем он состоит из уголовных дел жертв политических репрессий советского периода. Уголовные дела тех представителей православного духовенства, которые были арестованы еще до 22 июня 1941 г., помогают выделить особую группу священников, которые представляли первостепенный интерес для советских карательных служб. Это прежде всего активные члены русских эмигрантских политических и благотворительных организаций (в частности дело P-9041-L отца Евгения Насекайло), а также те пастыри, которые были военными священниками и были так или иначе связаны с военными и гражданскими властями Польши и Литвы (к примеру уголовное дело P-13752-L отца Стефана Семенова). Другие уголовные дела православных священников и мирян, арестованных уже после окончания нацистской оккупации Балтии и даже в послевоенный период помогают восстановить быт православных приходов Литвы в военный период, выявить через показания самих священников и свидетелей участие православного духовенства в пропагандистских кампаниях Третьего Рейха, жизни местного русского населения и советских военнопленных, отношение оных к формирующемуся в годы войны русскому антибольшевистскому движению. Особенно в этой связи можно выделить дело отца Луки Голода (P-4012), в котором частично сохранилась его переписка с владыкой Экзархом Сергием (Воскресенским), хорошо характеризующая политику главы Прибалтийского Экзархата по противодействию автокефалистскому движению в 1940 – начале 1941 гг., и уже в военный период, а также некоторые пропагандистские аспекты деятельности литовского православного священства. Отметим и другие дела православных пастырей, арестованных уже в послевоенный период: отца Федора Ракецкого (P-12048), Александра Нестеровича (P-12162), иеромонаха Евстафия (Андрейчука) (P-11894) и некоторых других.

Если же коснуться архивов Эстонии, в которых хранятся материалы по интересующей нас проблематике, то следует выделить два основных архива: Эстонский Исторический архив (ЕАА) в Тарту и Государственный архив Эстонии (ЕРА) в Таллинне. В ЕАА следует в первую очередь выделить Фонд №1655, который содержит практически весь пласт имеющихся документов, связанных с историей Эстонской Апостольской Православной Церкви (ЭАПЦ) в первой половине двадцатого столетия. Следует отметить,

что дела отображают проблемы воссоединения в 1940 г. ЭАПЦ с Московским Патриархатом, в особенности в ключе некоего негласного противостояния русских печерских приходов, желающих как можно скорее воссоединиться с Русской Православной Церковью с руководством Церкви в Эстонии в лице митрополита Александра (Паулуса), который не хотел столь быстро отказываться от независимости своего управления православными в Эстонии. Также отметим, что другие дела показывают противостояние уже в годы немецкой оккупации сторонников эстонской автокефалии и митрополита Александра с Нарвским епархиальным советом и владыкой Павлом (Дмитровским), который пытался отстоять каноническую верность Экзарху Сергию (Воскресенскому). Часть документов помогает установить насколько важным был в этом противостоянии именно национальный аспект, показывает, что далеко не всегда все русские приходы были верны сторонникам РПЦ, также как и не все эстонцы сохранили каноническую принадлежность владыке Александру (Паулусу). Другие фонды данного архива, в частности Фонд №5355 хранит материалы, по которым можно восстановить жизнь Эстонской Апостольской Православной Церкви в изгнании во главе которой стояли сам митрополит Александр (Паулус), а после его кончины владыка Юри (Вяльбе).

В столичном ERA следует выделить фонд F-1961, в котором хранятся материалы Совета по делам Русской Православной Церкви в Эстонской ССР в 1944-1966 гг., различная переписка между советскими и церковными властями о жизни православных в советской Эстонии. По материалам данного фонда можно восстановить историю православных приходов Эстонии в период 1944-1945 гг., установить насколько новое воссоединение с Московским Патриархатом тех эстонских приходов, которые в годы немецкой оккупации были в лоне юрисдикции митрополита Александра (Паулуса), отвечало интересам и желаниям как самих православных верующих, в особенности эстонцев по национальности, так и тех представителей православного духовенства, которые резко отрицательно относились к Московской Патриархии в годы нацистского владычества над Балтией. Статистические материалы помогают установить национальный состав православных приходов Эстонии в послевоенный период. Некоторые данные помогают сравнить ситуацию с Православной Церковью в Эстонии в частности, и в Балтии в общем, в сравнении советизации 1940 - начала 1941 гг. с послевоенной советизацией. Отдельно выделим материалы фонда F.130SM, который содержит протоколы допросов многих активных православных пастырей и мирян Эстонии в предвоенный период, в частности проходящих по делу РСХД (Русского Студенческого Христианского Движения) Ивана Аркадьевича Лаговского, Татьяны Евгеньевны Дезен,

Николая Николаевича Пенькина, а также духовенства осужденного по другим делам. Подобные материалы могут помочь определить национальный и социальный состав «православных» жертв предвоенных репрессий в Балтии, выявить по какой именно части духовенства советские карательные органы решили нанести удар в период первой советизации. Также, несмотря на вполне понятную предвзятость такого вида документов как протоколы допросов, можно судить о политических и идеологических предпочтениях виднейших православных священников и религиозных деятелей Эстонии, понять почему с началом нацистской оккупации многие собратья осужденных заняли ту или иную каноническую и идеологическую позицию.

Не могла история Миссии не отразиться и на архивных документах главного архива Псковского региона – Государственного архива Псковской области (ГАПО). Специальный Фонд №Р-1633 полностью посвящен Псковской Православной Миссии и состоит из списков сотрудников, переписки, обращений, хозяйственных отчетов священников. Материалы данного фонда как нельзя лучше показывают в какой степени клирики Псковской Православной Миссии являлись орудием нацистской пропаганды, если они вообще им являлись, сотрудничали ли они с органами СД, в особенности в контексте противодействия партизанскому просоветскому подполью региона. Также проливают свет на идеологический аспект деятельности миссионеров документы, в частности отчеты духовенства своему священноначалию, характеризующие отношение как самого духовенства так и вверенной ему паствы к Русскому Освободительному Движению и антикоммунистическим вооруженным формированиям из местного населения. Часть документов относится к Богословским курсам в Вильно. Отдельно отметим, что некоторый материал характеризует процесс эвакуации местного населения в Балтию, подготовку священнослужителей и мирян к этому сложному и трагическому процессу. Содержит Фонд Р-1633 и несколько номеров издаваемого в годы войны Псковской Православной Миссией журнала «Православный Христианин», изучение номеров которого необходимо для понимания «идеологических» установок псковских миссионеров.

Объемный материал по выбранной нами тематике хранится и в архивных хранилищах города Санкт-Петербурга. Большую ценность представляют фонды Центрального Государственного архива Санкт Петербурга (ЦГАСПБ). Основной материал находится в двух фондах: №3355 (Коллекция документов немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области), и №9324 (Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по городу Ленинграду и области). Описи Фонда №3355,

касающиеся истории Псковской Православной Миссии, состоят прежде всего из хозяйственных материалов, документов учета работы свечной мастерской, иконописной мастерской и магазина Миссии, а также первого номера журнала «Православный Христианин». В Фонде №9324 преобладают документы, посвященные первым послеоккупационным месяцам, в них оставшиеся на территории Северо-Запада священники докладывают своему священноначалию в Москву и Ленинград о происходящих во время немецкой оккупации событиях, даются количественные характеристики религиозного возрождения в годы войны, часть материалов помогает разобраться в изменениях в положении Православной Церкви с освобождением территории от нацистов. Часть материалов касается национального вопроса, в частности воссоединения с Московской Патриархией части печерских приходов, где в годы войны особо «кипучую» деятельность развил один из главных сторонников главы Эстонской Православной Церкви юрисдикции митрополита Александра (Паулуса) благочинный Петр Пякхель. Многие документы свидетельствуют о свертывании процесса религиозного возрождения после освобождения территории Северо-Запада России от нацистов и даже о новом ограничении деятельности православных приходов в конце 1944-начале 1945 гг. Частично затрагивающие исследуемые вопросы материалы хранятся и в других фондах архива, особенно в тех, которые касаются политики Московской Патриархии по отношению к вновь присоединенной территории Балтии в 1940-1941 гг.

Еще одним архивохранилищем Северной столицы, фонды которого помогают пролить свет на историю Псковской Православной Миссии, является Центральный Государственный архив Историко-политических документов (ЦГАИПД). В описи №9 Фонда О-116 (Ленинградский штаб партизанского движения) помимо партизанских отчетов, передаваемых на советскую территорию, листовок и газет есть довольно внушительный пласт издававшихся в оккупации русскоязычных периодических изданий: газет и журналов «Православный Христианин», «За Родину» (Рига-Псков), «За Родину» (Дно), «Северное слово», «Доброволец», «Правда», «Заря», «Двинский вестник» и многих других. Особая ценность подобных изданий заключается в том, что именно в них печатались статьи миссионеров, в которых они высказывали свои политико-идеологические, религиозные и историософские позиции по всем важнейшим вопросам российского прошлого, будущего и настоящего. Пожалуй, именно материалы этого архивного хранилища могут как нельзя лучше раскрыть большинство спорных вопросов идеологического аспекта деятельности Псковской Православной Миссии.

Богатейший материал содержит и Архив Санкт-Петербургской Епархии. В описях его фондов хранятся личные дела той части духовенства, которая осталась на территории

России и вошла в состав Ленинградской епархии или вернулась к служению после пребывания в заключении в послевоенные годы, отчеты с подробной и непредвзятой характеристикой отношения местного населения к Православию и к деятельности Псковской Миссии, записки, прошения, обращения воцерковленных людей с требованием противодействия закрытию храмов в первые годы после окончания войны, материалы по тем епархиям, которые позже станут самостоятельными, в частности Эстонской, Латвийской, Псковской и Новгородской. Особенность документов этого архива является их исключительная важность в вопросе рассмотрения бытия простого духовенства в период войны и в послевоенные годы, возможность проследить судьбы уже известных исследователям и мало затрагиваемых в научных работах представителей духовенства и мирян, полностью испивших за эти годы чашу страданий, подозрений и гонений. Через данные материалы можно составить некую схему возвращения ранее не служившего в советское время духовенства к служению с образованием Псковской Православной Миссии, а также ответить на вопрос о том, как складывались отношения между пребывающими из Балтии пастырями, ставшими ядром Миссии, и местным духовенством. К тому же важно выявить идеологические позиции данного духовенства, гораздо в большей степени подверженного в предвоенный период советским репрессиям с одной стороны, с другой же усвоившего особенности советского быта и устройства, часто уже инкорпорированного в «большевистское» общество. Что касается документов о жизни Латвийской и Эстонской епархий, то здесь отметим, что именно эти материалы помогают определить внутрицерковную политику по отношению к смешанным приходам региона, выявить своеобразную «национальную» политику Московской Патриархии после окончания Великой Отечественной войны. Также личные дела духовенства и монашествующих Псково-Печерского монастыря прекрасно характеризуют тернистую послевоенную судьбу основного состава Псковской Православной Миссии.

Затрагивается история Балтии и Северо-Запада России и в сборниках опубликованных документов по истории Великой Отечественной войны и Русской Православной Церкви¹. Большинство документов из этих сборников содержит или документы из немецких архивных хранилищ, по которым можно восстановить отношение германской администрации к православным региона, а также особенности их

---

¹ Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов. (Сборник документов). М: Изд-во Крутицкого подворья, 2003.; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009.

национальной политики, или документы архива Федеральной Службы Безопасности, в которых приводятся показания пастырей, с помощью которых можно реконструировать жизнь православных приходов столь обширной территории в годы нацистской оккупации. Отдельно выделим второй том сборника «Православие в Эстонии. Документы», изданный в Москве в 2010 г. Церковно-научным центром «Православная энциклопедия»¹. В данном издании приводятся документы о «церковном расколе» в Эстонии как в период 1920-1930-х гг., в период войны, так и в постсоветский период, в частности обширный пласт документов привлечен из эстонских архивных хранилищ. С другой стороны следует выделить сборник исследований и документов по «эстонскому вопросу», изданный представителями Константинопольской Патриархии в 2002 г.² В нем впервые публикуются многие документы, способные доказать каноническую правоту именно Вселенского Патриархата, в то же время тот факт, что в выше упоминаемом сборнике, изданном представителями Русской Православной Церкви перепечатываются многие его материалы, говорит в пользу особой значимости «константинопольского сборника».

Еще один блок источников состоит из воспоминаний непосредственных участников событий тех лет. В данном случае следует разделить этот блок источников по региональному признаку. Так, если мы коснемся Балтии, то в первую очередь необходимо отметить, что многие участники и очевидцы описываемых нами событий тех лет, впоследствии стали первыми лицами в иерархии Русской Православной Церкви или известными и почитаемыми пастырями. Так, если Патриарх Алексей II (Ридигер) не оставил после себя отдельной книги воспоминаний, то нынешний глава Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий (Якобс) подготовил работу «О моем пути», в которой среди прочего затронул и годы своего юношества в период 1940-1945 гг.³ Некоторые аспекты истории периода Второй Мировой войны отложились и в вышедшей в 2001 г. в Таллинне книге писем, проповедей и воспоминаний о почитаемом эстонском православном священнике второй

---

¹ Православие в Эстонии. Т.2. Документы. / Под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010.

² The Autonomus Orthodox Church of Estonia. L'Église autonome orthodoxe d'Éstonia / Approche historique etnomocunonoquel.. Thessalonoquen: editions pektajis. D. ParaTHomas et R.P. Matthias. H. Palli. Bibliotheque Nomocanonique.2002.

³ Митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. О моем пути. Таллин: Типография «Sata», 2009.

половины двадцатого столетия отце Валерии Поведском.¹ Если же коснуться воспоминаний об этом периоде представителей Литвы, то здесь надо упомянуть о книге одного из главных миссионеров Русской Православной Церкви Зарубежом на американском и африканском континентах во второй половине прошлого века архимандрите Алексии (Чернай), бывшего в период 1940-1945 гг. литовским священником.² Что же касается Латвии, деятельность духовенства которой в годы Второй Мировой войны более всего связана с историей Псковской Православной Миссии, то в этой связи большинство воспоминаний оставили именно священники Миссии.³ Отдельно следует выделить и воспоминаний «светских» членов Миссии Р.В. Полчанинова⁴ и Р.И. Матвеевой-Рацевич⁵. Так или иначе затрагивается тема бытия православных приходов Балтии и Северо-Запада России и в воспоминаниях деятелей Русского Освободительного Движения⁶. В отдельную группу можно выделить также воспоминания работавших в местных гражданских органах во время оккупации представителей российской

---

¹ Поведский В. прот. Таллинский пастырь. Письма, проповеди, воспоминания. Таллин: Православное издательское общество священномученика Исидора Юрьевского, 2001.

² Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний отца Архимандрита Алексея (Чернай). Сан-Франциско: Глобус, 1981.

³ Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 26-27; Бенигсен Г., прот. Христос Победитель // Вестник РХД. 1993. №168; В воспоминания о Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941-1944 гг. // Православная жизнь (Приложение к «Православной Руси»). 2001. № 1; Кирилл (Начис) архим. Было много боли, и надо было ее преодолеть// Морская газета. 17 авг. 2002. ; Кирилл (Начис), архим. Сохраним лучшее наших отцов. СПб: Абрис, 2001; Трубецкой М. Свидетельство (из архива Н. А. Струве) // Вестник РХД. 2003. № 186.

⁴ Полчанинов Р. В. Молодежь русского Зарубежья. Воспоминания 1941-1951 гг. М: Посев, 2009. 432 с. Полчанинов Р. НТС во Пскове 1941-1943.. Посев. №6 .2001.

⁵ НТС в Прибалтике: От Нарвы до Норильска. Интервью с Раисой Иоанновой Матвеевой-Рацевич. Посев. 1999. №11.

⁶ Жадан П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о гражданской и второй мировой войне. М.:Терра,1991.; Казанцев А. Третья сила. М.: Посев, 1994.; Киселев А., прот Облик генерала Власова (Записки военного священника). Нью-Йорк: Книгоиздательство «Путь жизни», 1978; Кромиади К.Г. «За Землю, За Волю!». Воспоминания соратника генерала Власова. М: Вече, 2011; Рутченко-Рутыч Н.Н.. Среди земных тревог. Воспоминания. М.:Русский путь, 2012; Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб.: Белое и черное, 2002.; Штрик-Штрикфельдт В.К.. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М: Посев, 1993.

интеллигенции¹.

Целью данной диссертации является исследование идеологического и национального аспектов деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. Ввиду этого можно определить и его основные задачи:

1) определение причин и хода возвращения большинства православных приходов Латвии и Эстонии в лоно Московской Патриархии в 1940 – первой половине 1941 гг., в том числе выявление причин данных действий со стороны глав Латвийской Православной и Эстонской Апостольской Православных Церквей митрополитов Августина (Петерсона) и Александра (Паулуса) и выявление причин и хода процесса дискуссий о литовско-белорусской автокефалии в Литве.

2) изучение процесса антирелигиозных гонений в период довоенной советизации Балтии, в том числе в контексте национального вопроса;

3) рассмотрение активизации автокефалистского движения среди латвийских и эстонских православных приходов в 1941-1945 гг. и противодействие этому процессу со стороны сторонников единства с Московской Патриархией;

4) рассмотрение вопроса о причинах и особенностях образования Псковской Православной Миссии в августе 1941 г.;

5) рассмотрение идеологических «вопросов» ее деятельности (проведение сравнительного анализ отстаиваемой Псковской Миссией идеологии и идеологии германского национал-социализма, изучение оценки деятелями местного духовенства прошедшего двадцатипятилетнего периода истории России, начиная с 1917 г., реконструкция и оценка участия священноначалия и клира Балтии и Северо-Запада России в пропагандистских кампаниях гитлеровцев на оккупированных территориях СССР с выявлением отношения миссионеров к этим шагам.

6) рассмотрение взаимоотношений деятелей Русского Освободительного Движения и православного духовенства Балтии и Северо-Запада России, в особенности лично генерала Власова и митрополита Сергия (Воскресенского), оценка степени близости их взглядов на будущее России и Балтии;

7) оценка религиозной жизни в Балтии и на Северо-Западе России после окончания периода оккупации, в том числе в контексте национальной политики как советских властей, так и Русской Православной Церкви по отношению к балтийским православным

---

¹ Пирожкова В.А. Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. СПб.: Журнал «Нева», 1998; Пирожкова В.А. Мои три жизни. Автобиографические очерки. СПб.: Издательство Журнал «Нева», 2002; «Свершилось. Пришли немцы» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М.:РОССПЭН, 2012.

приходам;

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что в 1940 г. началась активная стадия советизации Балтии, сопряженная с ослаблением автокефалистского движения в Латвии и Эстонии и возвращением приходов этих стран в лоно Русской Православной Церкви, в то время как в Литве началась дискуссия о литовско-белорусской православной автокефалии, в период с 1941 по 1944 гг. во время нацистской оккупации региона вновь усиливаются национальные и канонические противоречия, тогда же на Северо-Западе России действует Псковская Православная Миссия, в 1945 г. происходит окончательное освобождение Европы от нацизма, полное присоединение православных приходов балтийских республик к Московской Патриархии и их реорганизация, а параллельно с этим эвакуация руководства ЛПЦ и ЭАПЦ, как и некоторых псковских миссионеров за пределы СССР.

Географические рамки исследования обусловлены тем, что мы сознательно берем только ту часть Балтии и Северо-Запада России, которые были оккупированы в 1941-1944 гг. германскими армиями, рассматривая историю данного региона также в довоенные годы и сразу после освобождения региона от нацистов.

Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что оно призвано восполнить пробел в изучении истории деятельности православных приходов Балтии и Северо-Запада России в 1940-1945 гг. - осветить и проанализировать национальный и идеологические аспекты их деятельности. К тому же его основные положения и выводы могут быть использованы при написании научных работ и учебников по истории России, истории стран Балтии в XX веке, истории Русской Православной Церкви в двадцатом столетии, истории русского меньшинства в странах Балтии, антисоветской религиозной мысли и истории быта русского населения на оккупированной территории Северо-Запада России. Также исследование может быть полезно в процессе религиозно-исторического воспитания детей и юношества, антитоталитарного осмысления истории Отечества. Кроме того, данная диссертация может способствовать решению нынешних автокефалистских споров в среде православных приходов Эстонии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процесс возвращения православных приходов Эстонской Апостольской Православной Церкви и Латвийской Православной Церкви в юрисдикцию Московской

Патриархии был инспирирован православными приходами «снизу», после чего на позицию присоединения перешло и руководство Церкви.

2. Возвращение православных приходов «Виленского края» в лоно Московской Патриархии подняло дискуссию о «литовско-белорусской автокефалии» в конце 1939-1940 гг.

3. В годы немецкой оккупации в Балтии вновь была воссоздана параллельная Прибалтийскому Экзархату юрисдикция ЭАПЦ и ЛПЦ.

4. Самое острое противостояние в годы нацистской оккупации между автокефалистами и сторонниками Прибалтийского Экзархата проходило на территории Нарвского и Печерского краев.

5. Ключевую роль в создании Псковской Православной Миссии сыграл Экзарх Прибалтики митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский).

6. Выработанная Псковской Православной Миссией в годы войны идеология носила резко антибольшевистский характер, однако в то же время имела существенные различия по сравнению с идеологией немецкого национал-социализма. Наиболее близка она была к идеологии Русского Освободительного Движения.

7. Освобождение Балтии и Северо-Запада России от нацистской оккупации привело к возвращению всех православных приходов в лоно Московской Патриархии, но не разрешило национальных противоречий в среде местных православных.

Научная новизна работы заключается в первом крупном самостоятельном исследовании автокефалистского движения в среде православных приходов всех трех балтийских стран в 1940-1945 гг. с привлечением материалов основных архивных хранилищ Латвии, Литвы и Эстонии. В данной диссертации впервые ставится и рассматривается вопрос о дискуссии по поводу литовско-белорусской автокефалии в среде православных приходах «Виленского края» в конце 1939-середине 1940 гг. Также впервые исследуется весь спектр идеологических вопросов деятельности православных приходов Балтии и Северо-Запада России в указанный период с широким привлечением материалов Архива Санкт-Петербургской епархии.

Методологической основой диссертационного исследования являются принципы историзма, научности и объективности познания. Автором были использованы историко-критический, сравнительно-исторический, социально-психологический, историко-типологический, биографический методы исторического познания. Также автор применял общенаучные методы (описание, объяснение, сопоставление, интерпретация, анализ).

По поводу основных положений работы исследователь докладывал на 54-ой Всероссийской заочной научной конференции «Россия: история законности и беззакония»

(Санкт-Петербург, 2009); Международной научно-практической конференции «XXXVIII Неделя науки СПбГПУ» (СПбГПУ, 2009); Третьей Всероссийской студенческой конференции «Архивы и историческая наука» (СПбГУ, 2010); Международной научно-практической конференции «XXXIX Неделя науки СПбГПУ» (СПбГПУ, 2010); Международном Триалоге «Воспоминания о Второй мировой войне: Германия – Россия – Чешская республика» (Университет Регенсбурга, ФРГ, Фонд имени Фридриха Эберта в РФ, 2010); Четвертой Всероссийской студенческой конференции «Архивы и историческая наука» (СПбГУ, 2011); Международном Триалоге «Воспоминания о Второй Мировой войне: Германия – Россия – Чешская республика» (СПбГУ, 2011); XVIII ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Сретенские чтения» (Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва, 2012); XVI Царскосельских чтений (ЛГУ имени Пушкина, 2012); международной конференции студентов и аспирантов «Советская цивилизация: 1917-1991 гг.» (Исторический факультет СПбГУ, 2012), Международном Триалоге «Воспоминания о Второй Мировой войне: Германия – Россия – Чешская республика» (Карлов Университет города Праги, Чешская республика); V международной военно-исторической конференции «Военная история России XIX-начала XX вв.» (Санкт-Петербург, 2012); международной конференции «Равнина Русская. Опыт духовного сопротивления» (Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Московская область, 2013); XIX ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Сретенские чтения» (Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва).

Глава 1. Православные приходы Балтии в 1940 - первой половине 1941 гг.

§1. Краткий обзор истории Православия в Балтии в 1920-1930-е гг.

Начиная разговор о православных приходах Балтии в 1940-1941 гг., нам следует дать краткую характеристику предшествующих этому событий межвоенных лет. В первую очередь необходимо определить истоки и ход автокефалистского движения в Латвии и Эстонии в эти годы, а также выявить причины данного процесса. С началом распада Российской Империи и усиления национальных и социальных противоречий на ее обломках, в том числе и в регионе Балтии, усиливаются национальные конфликты и в среде православных приходов, причиной чему, кроме всего прочего, было зачастую враждебное отношение к Православию со стороны многих сил, участвующих в возникающих социальных конфликтах и военных противостояниях. Так, резко отрицательно к Православной Церкви, как и вообще к религии, относились те силы региона, которые так или иначе ориентировались на российских большевиков. Также не питали к Православию «теплых чувств» и приходящие к власти во всех трех балтийских государствах местные национальные силы, часто считавшие православное духовенство инструментом русификации и угнетения национальной гордости в период Российской Империи. В связи с этим возникают и распространяются идеи если не полного вытеснения с территории Балтии православных в целом и русских в частности, то хотя бы ограничения русского влияния в Православной Церкви, постепенная ее «эстонизация» или «латышизация». Помимо государственной власти особую роль в этом процессе играло лютеранское в Латвии и Эстонии и католическое в Литве духовенство, желавшее не только ограничить влияние православных в обретающих национальную независимость балтийских странах, но и вернуть (а иногда и просто отобрать) у православных храмовые здания. На все эти процессы должно было реагировать церковное священноначалие в Москве, в то время уже испытывающее колоссальное давление со стороны атеистических властей.

Наиболее подробно процесс образования Латвийской Православной и Эстонской Апостольской Православной Церквей описывается в работе Себастиана Римстэда¹, в которой с помощью как архивных материалов, так и церковной публицистики и

---

¹ Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Wien: PETER LANG, 2012.

периодической печати описывается данный сложный период в истории балтийского Православия. Мы же выделим лишь некоторые контуры данных событий. Во второй половине 1917 г. во главе образованного Ревельского викариатства встал невероятно одаренный просветитель православных эстонцев, один из главных инициаторов строительства православной церкви во имя священномученика Исидора Юрьевского в Санкт-Петербурге протоиерей Павел Кульбуш. Прежде всего, следует отметить, что данную кандидатуру поддержали как эстонские, так и русские православные приходы, не встретила она противоречий и у священноначалия в Москве. Подтверждением доверия к владыке Платону (Кульбушу) является его назначение Патриархом Тихоном (Беллавиным) главой Рижской епархии в сложной и постоянно меняющейся обстановке. Находясь в Тарту, епископ Платон смог находить нужные компромиссы в общении с оккупационным немецкими властями, чинившими многим православным приходам разные препятствия. Однако после поражения Германии в Первой Мировой войне и с окончанием на территории Балтии немецкой оккупации, вспыхивают события, подобные российским, развернувшиеся в частности в ограничении деятельности духовенства и прямом терроре со стороны красных властей. 2 января 1919 г. новые власти арестовывают владыку Платона (Кульбуша) вместе с протодиаконом Константином Дориним. В ночь с 14 на 15 января 1919 г., когда красные власти оставляли Тарту, произошел расстрел арестованных, в том числе жертвами красного террора в Эстонии стали сам епископ Платон, протоиереи Успенского собора Михаил Блейве и Николай Бежаницкий, многие православные верующие (подробнее о судьбе жертв антирелигиозного террора в Эстонии времен Освободительной войны (1918-1920 гг.) можно прочитать в работах отца Владислава Кумыша)¹. С гибелью влиятельного пастыря и молитвенника, не вызывавшего споров у обеих частей православных приходов страны, в связи со сложной религиозной ситуацией в Советской России и стремлением определенных церковных кругов обрести независимость от Москвы в обретшей национальный суверенитет Эстонии в марте 1919 г. был созван Собор Эстонской Православной Церкви, прошедший в Таллинне. Вдовый протоиерей Александр Паулус был избран викарным епископом ЭПЦ, но был вынужден отказаться от хиротонии по причине неприятия со стороны русских приходов. Компромиссной фигурой в столь сложной ситуации стал этнический эстонец профессор Московского университета, участник Поместного Собора 1917-1918 гг. профессор Александр Каэлас, однако кончина его в Иркутске в следующем году вновь поставила вопрос о викарном епископе Эстонии. В и без того тяжелой ситуации патриарх Тихон

---

¹ Кумыш В., свящ. Священномученики Эстонской Церкви, в Юрьеве пострадавшие. СПб.: Журнал «Нева», 2000.; Он же. Сотрудники и братья убиенных за Слово Божие. СПб.: Ника, 2001.

(Беллавин) принимает 10 мая 1920 г. достаточно мудрое решение о даровании Эстонской Православной Церкви статуса автономии. В сентябре собирается Собор Эстонской Православной Церкви, на котором настоятель Преображенского прихода в городе Пярну протоиерей Александр Паулус единогласно избирается архиепископом Таллинским и всея Эстонии, что утверждается и Московским Патриархом.

Будущий митрополит Александр, а в миру Александр Карлович Паулус, родился в Лифляндской губернии в крестьянской семье православных эстонцев в 1872 г. Как лучшего ученика местной приходской школы его направляют в Рижское Духовное Училище, после окончания которого он заканчивает и Рижскую Духовную Академию. Около десяти лет после окончания семинарии Паулус служил на приходах эстонского региона в качестве псаломщика-учителя. В 1901 г. епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским) он рукополагается в священники и служит на протяжении всего дореволюционного периода на эстонских приходах Рижской епархии. В декабре того же 1920 г. бывшим Порховским архиепископом Евсеием (Гроздовым) и архиепископом Финляндским и Выборгским Серафимом (Лукьяновым) принявший незадолго до этого рясофор Паулус был хиротонисан в архиереи. Постепенно глава Эстонской Православной Церкви окружает себя своими сторонниками, многие из которых входят в учрежденный им Синод. Со временем верх начинает брать точка зрения о возможности перехода из подчинения Москве, религиозная ситуация в которой была далека от спокойной, под омофор Константинополя, не взирая на вполне ожидаемые протесты части консервативно настроенных иерархов, клира и мирян. 23 сентября 1922 г. собранный Собор ЭПЦ принимает решение обратиться к Константинопольскому Патриарху Мелетию IV (Метаксакису). И если в Москве это событие могло быть понято только как раскол, то в среде сторонников переподчинения обращение в Константинополь классифицировалось как продолжение постепенного перехода к независимому состоянию.¹ Очередное обращение было направлено 17 апреля 1923 г. после одного из заседаний Синода, а в июне в Турцию была направлена специальная делегация, которую возглавлял владыка Александр (Паулус). Особое видение этого процесса высказал в своем основном историческом труде Патриарх Алексей II, выросший в независимой Эстонии, к тому же лично знавший многих участников тех событий. Согласно его мнению одну из ключевых ролей в данном процессе играли новые власти

---

¹ The Autonomus Orthodox Church of Estonia. L'Eglise autonome orthodoxe d'Estonia / Approche historique etnomocunonoquel.. Thessalonoquen: editions pektajis. D. ParaTHomas et R.P. Matthias. H. Palli. Bibliotheque Nomocanonique. 2002. P. 287.

Эстонии, состоявшие из лиц «принадлежащих преимущественно к лютеранскому исповеданию».¹ Исходя из этой особенности они, по мнению Святейшего, не знали, да и не проявляли особого интереса к особенностям канонического устройства Поместных Православных Церквей и характера их отношений и поэтому действовали по подобию установленных в евангелическо-лютеранских церквях правил. К тому же Алексей II считал, что впоследствии они бы стояли на позициях полной независимости Эстонской Православной Церкви, в том числе и от церковных властей, находящихся в Турции. 3 июля 1923 г. на приеме у Вонстантинопольского Патриарха митрополит Александр, описывая ситуацию с православными приходами в Эстонии, в частности отмечал, что: «...С 1920 г. Эстонская Церковь была фактически независима на территории суверенной Эстонской Республики, так как поддерживать связь с Русской Церковью было невозможно вследствие беспорядков в России и Русской Церкви. Общие собрания 1920 и 1922 гг. постановили, что для роста и развития Эстонской Церкви жизненно необходимо признание ее автокефалии...».² Переговоры в Стамбуле возымели действие и Константинопольский Патриарх Мелетий (Метаксакис) без долгих промедлений выпустил Томос от 7 июля 1923 г., по которому признавалась автономия Православной Церкви в Эстонии, по похожим с теми условиями, которые установил Патриарх Тихон в мае 1920 г. Отныне Эстонская Православная Церковь разделялась на три епархии: Таллиннскую, Силламяэскую (Нарвскую) и Печерскую. Примечательно, что если первая была смешанная - русско-эстонская, то в двух других преобладали русские в этническом плане прихожане. Это отразилось и на назначении правящих архиереев: епископом Нарвским и Изборским стал бывший архиепископ Псковский и Изборский Евсевий (Гроздов), сам, как нами уже упоминалось, несколько лет назад рукополагавший владыку Александра, а Печерскую кафедру занял выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Иоанн (Булин), посвящение которого совершил сам глава ЭПЦ. Интересно отметить, что в своем послании нареченный митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус) 23 сентября 1923 г. особо подчеркивал, что: «...Наше единство с прежде бывшей Матерью Церковью прервалось в связи с войной в России и политическими обстоятельствами, и продолжение его стало невозможным, пока все проблемы, связанные с соседней Российской Церковью, наконец не разрешатся. Это

---

¹ Патриарх Алексей II. Православие в Эстонии. М.: Церков.-науч. Центр «Православная энциклопедия», 1999. С. 190-191.

² Православие в Эстонии. Т.2. Документы. под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010. С.41.

признал Глава Русской Церкви Патриарх Тихон, чьей отеческой доброте мы обязаны получением в конце концов своего эстонского епископа, потому что наша Церковь по своему устройству является независимой церковной единицей».¹ Далее в этом обращении владыка Александр (Паулус) заявлял о трагических нестроениях в Русской Православной Церкви, аресте Патриарха Тихона (Беллавина) и даже прохладной позиции по отношению к Эстонской Православной Церкви со стороны русских православных приходов за границей. Именно этим объясняет Таллиннский митрополит и обращение к «Матери всех Церквей» - Константинопольскому Патриархату. Уже тогда далеко не все представители русских приходов Эстонии были согласны на такое изменение в положении вещей в среде местных православных и естественно ждали реакции со стороны руководства Московской Патриархии. 12 декабря глава ЭПЦ митрополит Александр отправляет Святейшему Патриарху Тихону письмо с разъяснением своей позиции по поводу своих действий, в котором благодарит его за предоставление автономии, в то же время объясняет и свой переход под омофор Константинопольской Патриархии, опять же заявляя о сложной, «смутной» ситуации в России. В завершении письма владыка Александр (Паулус) выражает надежду на понимание его шагов со стороны священноначалия Русской Православной Церкви: «Доводя обо всем этом до сведения Вашего Святейшества и будучи уверены, что Ваше святительское сердце сорадуется нам в успешном укреплении канонических начал нашей Церкви, единою целью чего является соблюдение в неприкосновенной чистоте святой православной веры, особенно важно в нынешнюю трудную для Церкви годину, мы приносим Вашему Святейшеству искреннюю благодарность за бывшие о нашей Церкви отеческие заботы о Церкви нашей и просим Вашего благословения самостоятельной митрополии Эстонии и на дальнейшие труды по утверждению с Божиею помощью православной Церкви в Эстонии и право править Слово Христовой истины, согласно с устройством, данным первосвятительскою властью собрата Вашего, Патриарха Константинопольского...».²

Следующим важным шагом в деле образования полунезависимой церкви в Эстонии стало решение от 3 августа 1926 г. Министерства Внутренних Дел Эстонской Республики о регистрации Устава Церкви, которая теперь именовалась Эстонской Апостольской Православной Церковью (ЭАПЦ). В то же время ситуация внутри формирующейся ЭАПЦ была далека от безоблачной. Все сильнее с годами развивался то

---

¹ Православие в Эстонии. Т.2. Документы. / Под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010. С.45.

² Там же. С.51-52.

тлеющий, то усиливающийся конфликт между настроенными узко национально клириками во главе с самим митрополитом Александром (Паулусом), бывшими в основе своей этническими эстонцами и остальными приходами, в большинстве своем состоящими из русских. Своеобразным негласным лидером второй части можно назвать очень популярного в среде русского православного населения Эстонии епископа Иоанна (Булина). Именно благодаря этому владыке своеобразным центром единения русских национальных сил становится Печерский монастырь, находящийся под его особой опекой. Владыка Иоанн добивается выделения средств на реконструкцию храмов и прочих монастырских построек как со стороны прихожан и меценатов, так и со стороны властей. Кипучая деятельность Печерского епископа вызвала широкую поддержку со стороны местного русского населения и представителей народности сету, ярким выражением чего стало избрание его депутатом Эстонского парламента (подробная биография владыки Иоанна (Булина) содержится в книге Т.П. Зотовой-Печерской)¹. Оказывал своего рода покровительство владыка и христианским организациям, и прежде всего возникшему в начале 1920-х гг. Русскому Христианскому Студенческому Движению (РСХД), открыто противостоящему распространению атеизма и материализма. Второй съезд РСХД в Прибалтике прошел 4-11 августа 1929 г. именно в Печерском монастыре. Непосредственное участие в нем принял и сам владыка. Широкий протест в среде русской в этническом плане части ЭАПЦ вызвала и попытка части Государственного собрания внести в 1928 г. законопроект о разрушении Александро-Невского собора в эстонской столице, против чего выступило и руководство Церкви и лично митрополит Александр (Паулус). Владыка же Иоанн (Булин) продолжает приобретать популярность как в Эстонии, так и за ее пределами. Так, в 1930 г. владыку избирают членом центрального совета РСХД и приглашают на очередной съезд в Париж. Активная его деятельность в то же время не могла не вызвать своего рода зависти со стороны митрополита Александра, который так и не мог стать настоящим главой православных всей Эстонии, имея при этом поддержку государственных властей. Нарастающий между двумя пастырями конфликт вылился в открытое противостояние на Соборе ЭАПЦ 15-17 июня 1932 г. Поводом к конфликту стало желание светских властей Эстонской Республики поставить вопрос о конфискации в связи с новыми законами части имущества монастыря, при чем шли разговоры даже о его закрытии. Закончилось растущее противостояние тем, что Печерскому епископу запрещалось даже говорить на заседании на понятном для всех присутствующих русском языке, смещением его с Печерской кафедры с предложением

---

¹ Зотова-Печерская Т.П. Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М.: Приход храма Святого духа сошествия, 2004.

возглавить Нарвскую, управление которой он совмещал с 1929 г. после смерти епископа Евсевия (Гроздова). Не согласившись на такое несправедливое решение пастырь увольняется на покой. Опальный владыка продолжает сопротивление принятой митрополитом Александром (Паулусом) линии вытеснения всего русского из Эстонской Церкви, выступая с лекциями среди верующих. В 1934 г. к нему приходит осмысление невозможности решить вопрос на уровне Синода и он предпринимает отчаянный шаг обращения к Вселенскому Патриарху Фотию II с заявлением: «...Когда в 1920 г. Константинопольский Патриарх даровал Архиепископу Александру (ныне главе Эстонской Православной Церкви) титул Митрополита, то это было сделано, исходя из того, что в Эстонии будет учреждена митрополия, которая по каноническим правилам должна состоять из трех епархий, не менее. Условие это, однако, не выполнено до сих пор. ... Разлад, существующий между Синодом и русским православным населением, во всяком случае может зайти так далеко, что в Эстонии может произойти раскол Православной Церкви».¹ Однако Константинополь не внял обращению изгнанника, а вот в среде Русской Православной Церкви Зарубежом он нашел понимание, хотя и отказался от предложения занять епископские кафедры в этой юрисдикции. Следующие четыре с половиной года пастырь путешествует по Греции и Ближнему Востоку, проживая затем долгое время в сербском монастыре Раковица. С решением на время споров внутри Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополит Александр (Паулус) подтверждает ее статус в 1934 г., а через год она уже будет официально зарегистрирована как Эстонская Апостольская Православная Церковь. В этом же году выходит и ее расширенный Устав.² Важным моментом поддержки его линии управления Церковью можно назвать пребывание у власти сначала в качестве премьер-министра, а затем и президента православного (его отец-эстонец, а мать-русская), по вероисповеданию Константина Пятса. Поддержка ЭАПЦ со стороны государственной власти можно незримо увидеть и в назначении в 1936 г. на должность настоятеля кафедрального собора Александра Невского брата Пятса Николая, чей эстонский приход был переведен в собор из Симеоновской церкви. Именно в таком состоянии, то есть наполненной внутренними противоречиями, ЭАПЦ подошла к драматичным событиям Второй Мировой войны.

---

¹ Зотова-Печерская Т.П. Указ. соч. С. 165.

² Православие в Эстонии. Т.2. Документы. под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010. С.74-113.

Совершенно по-иному ситуация складывалась в среде православных приходов Латвии, где проблема национальных противоречий, как и автокефалистское движение активизировалось в 1930-х гг. На первый взгляд все было еще хуже. Сразу же после обретения независимости в стране стали раздаваться голоса о сносе многих православных храмов, в том числе и кафедрального Христорождественского собора в Риге. Как нам кажется, очень правильно отношение к Православию со стороны новых властей характеризует латвийский исследователь К. Озолиньш: «Латвийское государство, только что обретшее независимость от царской власти, с недоверием относилось к факторам, которые связывали Латвию с ее недавним прошлым. Одним из таких факторов, по мнению определенных кругов общественности, была Латвийская Православная Церковь. ЛПЦ воспринималась ими как «часть механизма царского режима» и «орудие русификации» народов бывшей империи. В результате Православной Церкви не нашлось места в общественных структурах нового национального государства». ¹ Уже в этот период появляются на территории Латвии те местные пастыри, которые ратуют за полное отделение ЛПЦ от Московской Патриархии. В частности православный учитель Я. Давис и священник рижского Вознесенского прихода Я. Намниекс выдвинули идею полного разрыва какой-либо канонической зависимости от Москвы, что, однако, не было воспринято большинством латвийского духовенства. Ситуация в среде православных Латвии кардинально изменилась после избрания архиепископом Рижским и всея Латвии владыки Иоанна (Поммера). Прибыв из охваченной Гражданской войной и внутрицерковной борьбой России, он сразу же приступил к восстановлению церковной жизни в Латвии, составив вскоре после своего прибытия пространный меморандум и проект закона о юридическом положении Латвийской Православной Церкви для светских властей государства. Удалось одаренному владыке и отстоять в глазах властей и противников Православия каноническое единство с Московской Патриархией, и, с одной стороны объединить в единое целое как латышские, так русские приходы молодой республики, с другой же он сумел не довести до исполнения замысел о переходе в лоно Константинопольской Церкви по примеру Эстонии. Многие достижения владыки Иоанна может продемонстрировать и статистика: так, если в 1922 г. в Латвии было 138 тысяч православных, в 1925 г. – 167 тысяч, то в 1935 г. – уже 174 тысячи. ² Удалось владыке и

---

¹ Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 13.

² Сахаров С.П. Рижские православные пастыри за сто лет (1836-1936). Daugavpils: Издатель С.П. Сахаров, 1937. С.51-52.

восстановить Рижскую Духовную семинарию (подробно об этом событии можно прочитать в статье автора Труфанова)¹. Интересный вывод сделал и Себастиан Римэстэд, который, подводя итог деятельности православных приходов в Латвии и Эстонии, сравнивая глав двух Православных Церквей: владыку Иоанна (Поммера) и митрополита Александра (Паулюса), и, как нам кажется, более симпатизируя второму, заявил о том, что латвийскому владыке удалось справиться с национальными противоречиями в среде своей паствы, направив обе ее части в русло борьбы не с русским влиянием, а с общим врагом – большевизмом.² К сожалению, владыка Иоанн в ночь с 11 на 12 октября 1934 г. был зверски убит на своей даче (споры об убийцах пастыря не утихают до сих пор). С гибелью влиятельного главы Латвийской Православной Церкви в ее жизнь стало все активнее вмешиваться светское государство. Светские власти назначили своего представителя – юрисконсульта военного министерства адвоката Элкнитиса на Церковный Собор, который участвовал во всех подготовительных к его созыву работах. Главной опасностью для сторонников ползучей «латышизации» Православной Церкви было избрание главой ЛПЦ настоятеля Христорождественского собора, ректора Рижской Духовной семинарии протоиерея Иоанна Янсона, популярного как в среде русских приходов, так и среди латышей. Однако вмешательство в дела светских властей, в том числе выразившееся в затягивании созыва Собора и протесты против некоторых его участников, привели к совершенно иному развитию событий. Свою роль в этом процессе сыграло и священноначалие Московской Патриархии, которое назначило временным управляющим Латвийской епархией митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского), что крайне отрицательно было воспринято светскими властями. Сам же Литовский владыка желал бы, «чтобы главой Латвийской Православной Церкви был избран достойный этого иерарх и в этом смысле жизнь Церкви протекала бы по законному каноническому руслу».³ Именно в этот период на церковном небосклоне и появляется фигура будущего митрополита Августина (Петерсона). Родившийся в 1873 г. будущий иерарх закончил Рижские духовное училище и Духовную Семинарию. Затем он почти десять лет был

---

¹ Труфанов. Из истории Рижской Духовной семинарии (1926-1936 гг.). // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 5-12.

² Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Wien: PETER LANG, 2012.

³ Цит по.: Кулис А. К вопросу об автокефалии Латвийской Православной Церкви в 30-х годах XXвека. // Православие в Латвии: Исторические очерки 1. Рига, 1993. С. 65-70.

псаломщиком на разных небольших приходах, после чего в 1904 г. был рукоположен сначала в диакона, а затем в иерея. Во время Первой Мировой войны он становится военным священником, а во время же независимой Латвии занимает пост гарнизонного священника в даугавпилсской крепости с 1926 по 1935 гг. Несмотря на занимаемый пост ректора Елгавской духовной семинарии, этот вдовый священник не играл какой-либо важной роли во времена Иоанна (Поммера), но имел тесные связи с Вооруженными Силами страны, что вместе с его национальным происхождением, как оказалось, очень быстро привело Петерсона к руководству Латвийской Православной Церковью. В ноябре 1935 г. по приглашению эстонского МВД в Ригу прибыл посланник Константинополя митрополит Фиатирский Герман (Стренополус) и уже через неделю после его прибытия Синод Латвийской Православной Церкви составляет прошение Вселенскому Патриарху с просьбой о даровании Церкви автономии под омофором Константинопольской Патриархии по примеру Эстонской Апостольской Православной Церкви (подобное решение полностью удовлетворяло и светские власти Латвии). Процесс перехода из одной юрисдикции в другую несколько затянулся в связи с кончиной Константинопольского Патриарха Фотия II (Маниатиса) и избранием на этот пост Вениамина (Кириаку). Однако и новый Патриарх продолжил линию своего предшественника и назначил владыку Германа своим представителем на Соборе Латвийской Православной Церкви. Отныне Латвийская Православная Церковь стала Латвийской Православной Митрополией в составе КП. Однако борьба между двумя направлениями, названными исследователем А. Кулисом, «государственниками» и «ортодоксами» продолжилась¹. И здесь свою основную роль сыграли светские власти, поддержанные посланцем Константинополя – митрополитом Германом. Именно благодаря им была окончательно отстранена кандидатура отца Иоанна Янсона и был изменен Устав Латвийской Православной Церкви, что в итоге и привело к избранию владыки Августина. 29 марта 1936 г. в Христорождественском соборе Риги состоялась его хиротония в митрополита Рижского и всея Латвии, причем в рукоположении участвовали Фиатирский митрополит Герман, митрополит Принцевых островов Фома, Иерапольский митрополит Константин, глава ЭАПЦ митрополит Александр и архиепископ Петсерийский Николай (Лейсман). В качестве реформы были образованы два новых викариатства – Елгавское и Ерикское. Средства на данное мероприятие выделила государственная власть Латвии. В 1936-1938 гг. во главе викариатств встали владыки Иаков (Карп) и Александр (Витол). Но если такое начинание еще принесло какие-то

---

¹ Кулис А. Указ. соч. С.70-71.

плоды, то попытки повсеместного перехода на богослужения исключительно на латышский язык, ликвидация приходского самоуправления, попытка введения нового календарного стиля вызвали массовое недовольство среди верующих, особенно не латышской национальности.¹ В тот же период происходит и складывание некоего альянса «трех единомышленников»: главы Финляндской Православной Церкви архиепископа Германа (Аава), главы ЭАПЦ митрополита Александра (Паулуса) и митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона). В 1936 г. владыка Августин посетил Финляндию, что, по мнению исследовательницы Православия в Финляндии в прошлом столетии Т.И. Шевченко «должно было свидетельствовать об одинаковом каноническом положении Православных Церквей в Финляндии, Эстонии и Латвии».² В августе 1937 г. и сентябре 1938 г. владыка Герман (Аав) собрал у себя предстоятелей трех Православных Церквей для обмена опытом в церковных вопросах. Тем не менее многие нововведения, укрепившиеся в Эстонии и Финляндии, так и не успели полностью воплотиться в жизнь в Латвии: начался процесс присоединения стран Балтии к СССР.

Теперь перейдем к краткому описанию дел с бытием православных приходов в межвоенный период на Литовской земле. Здесь ситуация, при многих сходствах, была несколько иной. Прежде всего, в Литве, большинство населения которой было этническими литовцами, да к тому же еще и католиками по вероисповеданию, православными были в основном этнические русские, белорусы и часть украинцев. Исходя из этого, можно предположить, что перед властями Литвы не стоял так остро вопрос о переподчинении Православной Церкви. Но, с другой стороны, в стране могла начаться политика, которая пыльным цветом расцвела в независимой Польше, направленная на ревизию зданий, в том числе и культовых сооружений и имущества от православных приходов римско-католическим. Всего же к обретению Литвой независимости в составе населения республики было 23 тысячи православных верующих с 58 церквями³ Викарием Литовской епархии был епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский), возглавлявший ее с 1911 г., с небольшим перерывом, связанным с

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Алаборг, Тихвин: издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. С. 88-91.

² Шевченко Т.И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917-1957). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 249.

³ Новинский В., прот. Очерк история Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005. С. 408-409.

отъездом владыки из епархии в связи с разразившейся Первой Мировой войной. После окончания военных действий он вернулся на Литовскую землю. Вспышки национализма по отношению к русским, подогреваемые в том числе и католическим духовенством, притесняемым в Российской Империи, привели к попытке консолидации православных сил в Литве. В 1919 г. епископ Елевферий (Богоявленский) принимает решение об учреждении Литовского Епархиального Совета. Находящийся в Вильнюсе Совет уже в 1920 г. столкнулся с первой серьезной проблемой – «Виленский край» был оккупирован польскими войсками. Новые церковные власти, зависимые в том числе и от польского правительства, реорганизуют Литовский Епархиальный Совет в Виленскую Духовную Консисторию. Такое положение вещей не могло получить одобрение владыки Елевферия и он осенью 1921 г. перенес центр управления в Каунас, образовав там «Каунасское Православное Духовное управление». Несмотря на изначальное неприятие литовскими властями Православия, они в марте 1922 г. признали возведенного в июле 1921 г. в сан архиепископа Елевферия (Богоявленского) главой Литовской Православной Церкви, а еще через год выпустили «Временные правила нормирования отношений Литовского правительства и Православной церкви в Литве». В октябре 1922 г. польские власти арестовывают владыку Елевферия и помещают его в Камендульский католический монастырь в местечке Беляны в Карпатских горах. Близкие к святителю Александр Чернай (впоследствии известный литовский священник и после войны архимандрит Русской Православной Церкви Зарубежом Алексей) и местная помещица Юлия Васильевна Пуртуладзе, добрались к месту заключения архиепископа Елевферия (Богоявленского), где он находился под жестким контролем католиков и польских властей. Наконец, польские власти выслали владыку Елевферия в Берлин, откуда он окончательно перебрался в Каунас. И тут за православными началась настоящая охота. Тот же Александр Чернай вспоминал, что после возвращения из Белян: «...хозяйка дома сообщила мне, что полиция, дважды, являлась за мной. Жребий был брошен. Я немедленно бежал в Литву...».¹ После установления нормальных отношений с властями независимого государства главным критиком и недоброжелателем православных уже на территории Литвы в 1920-х гг. оставалась Римско-Католическая Церковь. Именно с ее подачи и в Литве началась столь широко распространенная в Польше ревиндикция, благодаря которой за весь межвоенный период количество православных церквей в стране уменьшилось почти вдвое: с 58 до 27. Помимо «проталкивания» удобных для себя «имущественных» и земельных законов части католического клира пришла в голову идея

---

¹ Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний отца Архимандрита Алексея (Чернай). Сан-Франциско: Глобус, 1981. С.74.

реанимировать идею Унии, для чего ксендзы Каунасского деканата предлагали открыть в своем городе костел «восточных обрядов». Идея была с энтузиазмом воспринята и Ватиканом, который учреждает специальную должность епископа восточных обрядов, коим стал Пятрас Бучис, но столь манящая идея на практике закончилась абсолютным фиаско: уже вскоре было принято решение проводить подобные богослужения всего раз в году с предварительным упоминанием об этом в прессе. Неудачей оказалась и образованная в 1937 г. Римской Конгрегацией Восточных Церквей «Папская Миссия для оказания помощи в духовных делах русским Литвы», просуществовавшая несколько лет.

Интересным фактом является и влияние смены государственной политики в Литве на ситуацию в Православной Церкви. В отличие от Латвии и Эстонии, где сползание режимов от довольно демократических к мягко авторитарным отрицательно отразилось на бытие православных приходов, подняло «национальный вопрос» в среде епископата, клира и пасты, в Литве замена правительств умеренно-левых сил и христианских демократов, покровительствующих католицизму, Союзом Литовских Националистов («таутиников») после переворота 1926 г. привело только к положительным результатам: вторые имели более прохладные отношения с Римско-Католической Церковью, а дела Церкви Православной их мало волновали, так как она не пыталась играть определяющей роли в политической жизни. Именно в этот период православным удалось вернуть несколько церквей, получить государственные субсидии на строительство нового кафедрального собора в Каунасе взамен отобранного, открыть Богословские курсы и организовать свой печатный орган «Голос Литовской Православной Епархии». Достаточно лояльно к православным в Литве относился и президент страны Антанас Сметона. Особые отношения у него сложились с православным священником, бывшим генерал-лейтенантом Русской Императорской армии, героем Первой Мировой войны отцом Иоанном Гандуриным. Президент приезжал в Семелишкес (где служил И. Гандурин) на каждый храмовый праздник, подолгу наедине общаясь с отцом Иоанном (возможно именно с помощью литовских властей отцу Иоанну удалось уехать из Литвы перед установлением там советской власти, впоследствии во время Второй Мировой войны он станет священником Русского Корпуса)¹. Особо отметим, что некоторые приходы, к примеру Александро-Невский в Кибартай, были возвращены православным и спасены от закрытия только благодаря личному вмешательству литовского президента.

---

¹ Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М: Рейтар, «Форма-Т», 2009. С. 87.

На контрасте с происходящими в Литве событиями, дела обстояли в соседней Польше. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, который довольно неплохо изучен в историографии (отметим довольно известную работу Свитича¹ и очень эмоциональный труд прихожанина РПЦЗ Анатолия Попова²), и приведем лишь одну характеристику из современной работы: «На территории Речи Посполитой открыто велась политика подавления Православия. В годы польского правления в Виленском крае не возник ни один новый Дом молитвы, напротив, православные храмы осквернялись и разрушались. В Вильне варварски была разорена Александро-Невская часовня на Георгиевской площади (ныне Савивальдибес) в городе прекратили существование все – как средние, так и начальные православные духовные заведения, общеобразовательные русские школы были лишены государственных субсидий. Отношение к православным в Польском государстве стало настолько антибратским, что собравшиеся в Нью-Йорке 8 марта 1936 г. русские эмигранты назвали его на Общем русском собрании “пережитками средневекового варварства”». ³ Свою роль в этих процессах в оккупированном «Виленском крае» сыграли и будущие сторонники литовско-белорусской автокефалии. Так, назначенный Синодом новой юрисдикции бывший Смоленский епископ Феодосий (Феодосиев) воспринимался частью паствы как представитель вредного и антиправославного польского влияния, в результате чего он так и не был принят всеми православными епархиями. Хорошо характеризует ситуацию и отпадение в католичество ректора Виленской Духовной Семинарии архимандрита Филиппа (Морозова), с последующими попытками возвращения в Православие (о дальнейшей судьбе этих духовных лиц мы расскажем в следующем параграфе).

Подводя итог межвоенной истории православных приходов в Балтии, можно констатировать, что во всех трех балтийских государствах существовали внутренние противоречия, прежде всего связанные с национальным вопросом и политикой светских властей, влиявших и контролировавших Православные Церкви. Так, в Эстонии еще в начале – середине 1920-х гг. был взят четкий курс на образование самостоятельной Православной Церкви, связанный также с ограничением в ней русского влияния (как в богословском, так и в политическом плане). Большую роль в этом сыграл глава Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр

---

¹ Свитич А.К. Православная церковь в Польше и её автокефалия. - Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1959

² Попов А. Пора проснуться! Гонение на православных и русских в Польше в XX в. СПб: Община Казанской церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря, 1993.

³ Шлевис Г. Православные храмы Литвы. Вильнюс: SAVO, 2005. С. 6.

(Паулус). В Латвии похожие процессы, также начавшиеся после обретения страной независимости, были заглушены под мудрым и умелым руководством владыки Иоанна (Поммера). Однако его убийство в 1934 г. и вмешательство латвийского правительства, наряду с Константинопольским Патриархатом, привели к избранию главой Латвийской Православной Церкви митрополита Августина (Петерсона), проводившего курс, похожий на эстонский. В Литве же во главе Церкви стоял владыка Елевферий (Богоявленский), четко придерживавшийся промосковской позиции и явно на ней стоящий весь период своего служения на Литовской земле. Не были в 1930-е гг. заинтересованы в автокефалистском движении в стране и светские литовские власти. Самой трагичной была ситуация с православными приходами в оккупированном Польшей так называемом «Виленском крае», где пышным цветом расцвели национальные и религиозные противоречия, а также проводился настоящий террор по отношению к православным со стороны светских властей. Во многом именно поэтому в этом регионе и встал вскоре вопрос о литовско-белорусской автокефалии.

§2. Дискуссии о литовской-белорусской автокефалии в конце 1939 – первой половине 1941 гг.

Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, ситуация в православных приходах Литвы была осложнена оккупацией ее столицы и региона вокруг Вильнюса Польшей. Однако по договору от 10 октября 1939 г. в состав Литвы возвращался оккупированный Вильнюсский уезд, и теперь здесь вновь вставал вопрос о церковной принадлежности данной территории. Как известно с мая 1923 г. этими районами руководил назначенный Польской Православной Церковью бывший архиепископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий (Феодосиев), получивший сан архиепископа Виленского и Лидского. Этот иерарх ориентировался прежде всего на светские и духовные власти в Варшаве и часто пренебрегал интересами местного духовенства и мирян. Однако теперь владыка Феодосий находился более чем в двусмысленном положении: в 1923 г. он фактически занял кафедру владыки Елевферия (Богоявленского), который был насильно выдвинут польскими властями в Литву, а в 1939 г., когда польской государственности на время был положен конец, ему нужно было искать определенных контактов как с самим Елевферием, так и с церковными властями в Москве. Также важно отметить, что именно митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский) был одним из последних сторонников Московской Патриархии в Европе в конце 1920-х-1930-х гг., почему он и был назначен управляющим Западно-Европейскими русскими

приходами Московского Патриархата. Нельзя не отметить и его работы «Неделя в Патриархии»¹, в которой литовский иерарх описывает свои впечатления от визита в Советский Союз в 1928 г., от встречи с митрополитом Сергием (Страгородским) и от заседания Синода. Смысл данных воспоминаний состоит и в том, что литовский владыка негласно пытается в своей работе оправдать каноническую линию митрополита Сергия (Страгородского) и Московского Патриархата в целом, в особенности в среде зарубежных православных. Уже в октябре 1939 г. владыка Елевферий (Богоявленский), еще находясь в Каунасе, заявляет о том, что является единственным каноническим главой Православной Церкви региона, подтверждая тем самым и каноническое единство с Московской Патриархией. В ноябре того же года митрополит Литовский и Виленский вернулся в Вильнюс, из которого был польскими властями когда-то изгнан. Однако не все духовенство и миряне положительно воспринимали возвращение владыки в литовскую столицу. Так, один из основных будущих проводников литовско-белорусской автокефалии архимандрит Филипп (Морозов), так описывал данные события: «Вашего приезда въ Вильну ожидали духовенство и народъ съ миромъ и надеждою, так утомленные недавними военными и политическими переживаніями. Вы же, войдя 2 ноября 1939 г. въ первый разъ послѣ долгаго отсутствія въ наши храмы, сочли необходимымъ сначала освятить ихъ... своей святой водою. И вотъ мы почувствовали, что Вы насъ считаете оскверненными и безблагодатными, а наши храмы нечистыми... Наша протянутая рука опустилась, сердце, готовое вспылать любовію охладѣло ...».² Также прибывшего владыку обвиняли и в том, что он вместо принципа соборности, начал осуществлять свою собственную иерархическую диктатуру, пренебрегая интересами многих местных священников. Не нравилось части православных приходов Вильнюса и то, что особую роль в жизни епархии стал играть Литовский Епархиальный Совет, изначально в основном состоящий из прибывших из Каунаса сторонников митрополита Елевферия (Богоявленского). Начался в конце 1939-начале 1940 гг. и процесс отстранения от служения части неблагонадежного местного духовенства, которое либо запятнало себя в период насильственной «пацификации» и ползучей колонизации Православия в стране, либо считалось неблагонадежным в глазах новых церковных властей. Так, 7 декабря 1939 г. священник А. Ковш, белорус по национальности, был отстранен от настоятельства

---

¹ Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии. // Из истории Христианской Церкви на Родине и За Рубежом в XX столетии. М: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С.173-318.

² LCVA. F.391.Ар.4.В.695.L.138.

православной церкви святителя Николая Мирликийского по жалобе части своих прихожан¹. И хотя данный священнослужитель подал на жалобщиков в суд, он так и не был возвращен к служению. Началось расследование и служения самого архимандрита Филиппа (Морозова), в особенности в ключе его уклонения в унию и возвращения в Православие в 1920-е гг. Закончилось данное расследование также отстранением от служения. Между тем другая часть литовского духовенства, в особенности из числа тех кто находился ранее в опале со стороны польских церковных и светских властей, возвращается к священнослужению. Классическим может послужить в этой связи пример отца Луки Голода. На биографии данного пастыря мы остановимся отдельно. Именно отец Лука в период начала жестких гонений на православных в так называемом «Виленском крае» со стороны польских властей и местных автокефалистов сохранил со своим приходом верность Патриарху Тихону. Как раз из-за своей непримиримой позиции по отношению к Польской автокефалии Голод был запрещен в середине 1920-х гг. в служении и даже был арестован и этапирован в слонимскую тюрьму. После кратковременного служения в оккупированной литовской столице в 1927 г., тяжело больной священник переехал во Францию, где совмещал лечение с занятием сельским хозяйством и служением в храме. Сначала отец Лука проводит два года в местечке Ромбы в Лотарингии, а затем перебирается в Лион.² После 1932 г. отец Лука вернулся в Вильнюс, где окормлял местную православную общину, сохранявшую верность Московской Патриархии, что, однако, тут же вызвало противодействие со стороны польских властей и автокефалистов, которым удалось выслать священника с территории так называемого «Виленского края» под Варшаву. До лета 1939 г. опальный клирик вынужден был находиться вне своей виленской паствы, но позже ему все же удалось вернуться в Вильнюс и даже стать, благодаря назначению от митрополита Елевферия (Богоявленского), настоятелем Никольской церкви в столице (как раз вместо отца А. Ковша). Со стороны противников митрополита Елевферия такое назначение, конечно, вызвало ярое противодействие. Тот же архимандрит Филипп (Морозов) писал о назначении протоиерея Луки Голода, связывая это с отстранением части вильнюсского духовенства: «А въ то же время *прот. Л.Голодъ съ котораго былъ въ свое время снятъ санъ Свящ. Синодомъ Православной Церкви въ Польшѣ*, принять теперь Совѣтомъ въ сущемъ санѣ безъ всякаго каноническаго разслѣдованія и возстановленія его въ санъ.

---

¹ LCVA. F.391.Ар.4.В.695. L.139.

² LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.L.19.

Прот. Л.Голодь награжденъ недавно даже высокой священнической наградой «палицей» и назначенъ представителемъ Ковенскаго Совѣта в Вильнѣ.»¹ Естественно, что подобные изменения в составе клира литовской столицы вызваны прежде всего недоверием владыки Елевферия (Богоявленского) к местному духовенству, часть которого действительно содействовала процессу полонизации Польской Православной Церкви. Также важно отметить, что часть из них могла содействовать и его изгнанию из города в Литву в начале 1920-х гг., а также ограничению деятельности его сторонников в период межвоенной независимости Польши. На сторону владыки Елевферия встали и церковные власти в Москве. 20 декабря 1939 г. последовал указ Московской Патриархии митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому) по которому в ответ на прошение владыки Феодосия (Феодосиева) от 10 ноября того же года, было принято решение, что архиепископ Феодосий после принесения им «должного покаяния» должен был быть принят в общение Московской Патриархией в сане бывшего архиепископа Смоленского на покое в ведении владыки Елевферия с возможностью возвращения к служению с согласия главы Литовской кафедры.² Владыка Феодосий объяснял «свое отпадение в раскол», тем что не уяснил отношения между Польской Православной Церковью и Московской Патриархией, почему и принял Литовскую кафедру в 1923 г., не разобравшись в каноничности подобного шага и просил простить ему этот шаг. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Старгородский) руководствовался своим решением от 16 октября 1939 г., согласно которому священники, уклонившиеся в межвоенный период в автокефалию, могли вернуться к служению через чин покаяния (так как на них не было наложено официального запрещения, то их таинства и хиротонии признавались действительными) в то время как назначения автокефалистскими церковными управлениями глав церковных кафедр действительными не признавались и их должности признавались вакантными.³ Сохранение же архиерейской кафедры за принесшим покаяние автокефалистом, исходя из этого указа, зависело от распоряжения церковных властей, подчиненных Московскому Патриархату. Однако вскоре владыка Феодосий (Феодосиев) изменил свою лояльную позицию по отношению к Москве, что во многом было вызвано точкой зрения его окружения, часть которого была временно запрещена в служении митрополитом Елевферием (Богоявленским), а также позицией состоящей из белорусских националов паствы,

---

¹ LCVA. F.391.Ap.4.B.695.L.139ap.

² Ibid. L.150.

³ Ibid.

высказывавшейся за создание автономной Литовско-Белорусской Церкви в составе Вселенского Патриархата. Сначала отметим, что владыка Феодосий (Феодосиев) встал на защиту некоторых запрещенных в служении своих сторонников. Особенно показателен в этой связи пример архимандрита Филиппа (Морозова). 13 февраля 1940 г. архиепископ Феодосий составил на имя митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского) отношение по поводу «дела об уклонении архимандрита Филиппа в 1925 г. в католичество», в частности заявив, что сразу после его измены Православию на него было возложено запрещение в священнослужении, он был извергнут из сана, лишен монашества, отлучен от Церкви и предан анафеме. Однако также владыка Феодосий отмечает не только факт покаяния со стороны архимандрита Филиппа, но и его «открытость», «искренность его заблуждения», «то, что он якобы не отрекался от догматов Православия», и, наконец, факт возвращения в Православие вместе с архимандритом целой группы священников. К тому же описывается аудиенция в январе 1927 г. главы Виленской кафедры с раскаявшимся архимандритом, а также согласие на отмену запрещения как самим митрополитом Дионисием (Валединским), главой Польской Православной Церкви, так и другими иерархами ППЦ. Наконец, отмечено, что уже в 1930 г. архимандрит Филипп (Морозов) был на Пасху награжден Иконой Нерукотворного Спаса за «свою законоучительско-миссионерскую работу на пользу Церкви».¹ Следует отметить, что владыка Феодосий (Феодосиев) мог быть недоволен и тем, что многие действия священноначалия Польской Православной Церкви, совершенные в межвоенный период, митрополитом Елевферием (Богоявленским) не признавались, а зачастую ими прямо пренебрегали.

Теперь же для части православного клира и паствы региона, недовольных решениями владыки Елевферия, а также возвращением в лоно Московского Патриархата, стали все более соблазнительны примеры автономных Православных Церквей Финляндии, Эстонии и особенно Латвии. Рупором литовско-белорусских автокефалистов стала издаваемая в Вильнюсе белорусскоязычная газета «Крупіца», в которой вышла целая серия статей, где приводилось множество аргументов, в том числе из средневековой истории Литвы, в пользу независимости Православной Церкви от Москвы. Аргументы эти часто представляли собой параллели с временами императорской России, сравнения с синодальным управлением Российской Церковью. К примеру, недоумение и даже озлобление вызвало решение Литовского Епархиального Совета о запрещении владыке Феодосию (Феодосиеву) каких – либо встреч с гражданскими властями (с вполне

---

¹ LCVA. F.391. Ap.4. B.695. L.141-141ap.

ожидаемыми обвинениями митрополита Елевферия и Литовского Епархиального Совета в «папизме» и напоминаниями о времени обер-прокурорства).¹ В № 32 (741) «Кругіса» от 23 апреля 1940 г. автор К. Миланович анализировал опубликованное ранее в газете открытое письмо архимандрита Филиппа (Морозова) митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому) и пришел к выводу, что Православная Церковь в регионе находится в кризисе и срочно необходимо искать пути для «ее оздоровления».² Обобщая сказанное, автор статьи вообще обвиняет владыку Елевферия в прямом пренебрежении национальными интересами белорусов и потаканию только лишь русскому элементу региона. В № 38 (747) того же издания выходит статья, которая стала квинтэссенцией всего высказываемого сторонниками белорусско-литовской автокефалии ранее.³ В частности в ней говорилось, что нынешняя Православная Церковь в Литве является ничем иным как «оплотом российской реакции» и что она далека от народных масс, ибо находится под нажимом «российских националистических традиций». Опять же приводились примеры Православных Церквей в соседних Латвии и Эстонии, которые выбрали путь автокефалии от Московского Патриархата и большевистской Москвы. Важным был и тот тезис, согласно которому Литовский Епархиальный Совет, как и все окружение митрополита Елевферия (Богоявленского) состояло из бывших «русификаторов», «бывших людей» - русских эмигрантов. Политическим называется в статье и тот аргумент, что только независимая держава может иметь свою Православную Церковь (особенно отмечается неканоничность данного мнения). В основном среди всех приведенных выше аргументов в пользу автокефалии Литовско-белорусской Православной Церкви следует отметить несколько. Во-первых, это желание части белорусской интеллигенции и мирян иметь свою независимую Православную Церковь, в которой не будет какого-либо русского влияния, им ненавистного и олицетворяющего русификацию. Во-вторых, отметим, что для этой части жителей Литвы, пожалуй, впервые возникла возможность проведения автокефалии при благоприятном отношении к их идеям со стороны Константинопольского Патриархата.

Конечно, на такой демарш со стороны части клира и паствы следовало отвечать сторонникам владыки Елевферия (Богоявленского). Так, в одной из литовских русскоязычных газет автор Лебедев сделал попытку подробно разобрать сущность идеи проведения литовско-белорусской автокефалии.⁴ Автор называет себя «рядовым

---

¹ LCVA. F.391. Ap.4. B.695. L.73.

² Ibid. L.71.

³ Ibid. L.70.

⁴ Ibid. L.102ap.

мирянином» и желает «вопреки соблазну части верующих» поделиться своими мыслями. Он выделяет предпосылки появления автокефалий, внимательно рассматривает канонические аспекты проведения автокефалии Православных Церквей и приходит к неутешительному для многих выводу, что Православная Церковь в Литве невероятно бедна и не сможет содержать своих иерархов (заявляя, что у Поместной Православной Церкви должно быть как минимум 12 епископов ибо в противном случае это была бы «пародия на автокефалию»). Приводит Лебедев и интересное сравнение автокефальной Православной Церкви с независимым государством, которое, по его мнению, не может состоять всего из 40 000 человек. Единственным вопросом, который, по мнению автора статьи, сейчас стоит перед православными Литвы, является вопрос о викариатстве, хотя и здесь Лебедев замечает, что нельзя забегать вперед и идти на поводу у «непрощенных советов».

Другой автор, скрывающийся под псевдонимом «К. В-ский», проанализировал религиозную ситуацию с православными приходами в стране, считая, что возникшие с возвращением Вильнюса дебаты о создании автономной Литовской Православной Церкви в составе Константинопольского Патриархата есть лишь безосновательные претензии со стороны некоторой части окружения архиепископа Феодосия (Феодосиева), оказавшейся после ограничения деятельности Польской Православной Церкви «не у дел». ¹ Он напоминает читателям, как происходили арест и выдворение митрополита Елевферия (Богоявленского) с территории оккупированной поляками Вильны и как его кафедру занял владыка Феодосий (Феодосиев). Проводит он и апологию единства Литовской Церкви с Московской Патриархией, особо отмечая дарование широкой автономии со стороны Русской Православной Церкви, которое митрополит Елевферий получил около 20 лет назад во время своего визита в Москву (именно это событие для автора и есть доказательство самостоятельности Литовской Православной Церкви).

Вопрошая о возможности автокефалии Литовской Православной Церкви под омофором Константинопольского Патриархата «К. В-ский» приходит к следующим выводам: «Возможна ли автокефалия Литовской православной Церкви? Конечно, нѣт! Автокефалию одной епархіи никто не даст и никто не признает. Автономію литовская православная церковь имѣет законным образом. Остается третье – порвать официальный акт об автономіи и начать поиски другой весьма сомнительной автономіи. Игра не стоит свѣч.» ² Правда, в конце статьи достаточно громогласно и тенденциозно говорится о

---

¹ LCVA. F.391. Ap.4. B.695. L.88ap.

² Ibid.

малой зависимости Московской Патриархии от советского государства и о возможности такой же малой зависимости от новых литовских властей в случае вхождения литовских приходов в Русскую Православную Церковь. В другой статье тот же автор провел каноническую критику Латвийской Православной Церкви, описывая ее переход в лоно Константинопольского Патриархата.¹ Особый интерес для нас представляет окончательный вывод автора, согласно которому Латвийская Православная Церковь, также как Эстонская Апостольская Православная Церковь и Финляндская Православная Церковь не имеют и не могут иметь автокефального статуса, что объясняется недостатком как приходов, так и иерархов (про Литву вообще говорится, что на ее территории всего 40 православных приходов и один епископ, что никак не может говорить об автокефалии там Православной Церкви).

Но особый интерес для нас представляет статья журналиста и публициста Дмитрия Ишевского. Он пишет специальную статью под заглавием «Политиканизація Православія въ Литвь. (Отъ нашего Каунаскаго корреспондента), в которой анализирует выступление части вильнюсского духовенства и мирян, считая, что часть православного духовенства города была «развращена» в прошлые годы польскими властями и попала под влияние организации «Белорусский Центр» во главе со ксендзом Адамом Станкевичем.²

Однако до того как приступить к анализу самой статьи, следует сказать несколько слов и об ее авторе. Во время Первой Мировой войны Ишевский (псевдоним-М.А. Привалов) издавал собственный журнал «Неделя», ездил на Кавказский и Персидский фронты. В 1918 г. он, по заданию газеты «Русское слово» находился в Заволжье. Известно, что Дмитрий Александрович Ишевский в 1918 г. был осужден по широко известному «делу Локкарта» на 5 лет тюремного заключения с применением принудительных работ. Однако в июле 1919 г. ему удалось бежать при этапировании из Таганской тюрьмы в Польшу. Там он читает лекции о своем заключении в Советской России и о большевизме. До 1927 г. Ишевский проживает на территории Германии (в Берлине и Лейпциге), где продолжает свою журналистскую деятельность, которую совмещает с должностью помощника епископа Тихона (Шарапова) в контактах с зарубежьем.³ В 1925 г. за свое служение Дмитрий Ишевский был удостоен был удостоен благословенной грамоты от Патриарха Тихона (Беллавина) с формулировкой за «усердие

---

¹ LCVA. F.391.Ap.4.B.695.L.99.

² Ibid. L.32.

³ Шевченко Т.И. Игумен Харитон. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь; ИПО «У Никитских ворот», 2011. С.499.

и ревность по защите словом печатным Св. Матери Церкви Православной и неизменную преданность Московскому Патриаршему Престолу преподаем Наше первосвятительское благословение». ¹ Затем Ишевский перебирается в Балтию, где продолжает активную журналистскую деятельность, в том числе составляет несколько очерков о церковной ситуации на Валааме в период, когда монастырь относился к Финляндской Православной Церкви. В частности, известно, что он имел переписку с владыкой Елевферием (Богоявленским) в межвоенный период по поводу возможности Принятия Христовых Тайн с «новостильниками». ² В статье же по поводу событий связанных с литовско-белорусской автокефалией Ишевский сделал особый упор на притеснение русских в Литве, приводя пример прессы, в частности заявляя, что практически у всех общин страны есть свои газеты, в том числе у поляков, белорусов и евреев, у русских же после закрытия газеты «Русское слово» нет своего печатного органа в Вильнюсе. Что же касается сторонников проведения автокефалии, то их Дмитрий Александрович характеризует более чем в темных тонах: «Во главѣ этихъ темныхъ элементовъ сталь т.н. “Бѣлорусскій Центр” руководимый небезвѣстнымъ ксендзомъ Адамомъ Станкевичемъ. Къ этой ничтожной кучкѣ политиканствующихъ крикуновъ примкнула группа такихъ же “белорусскихъ церковныхъ дѣятелей” въ лицѣ прот. І. Дзичковского, прот. А. Ковша, свящ. В. Бѣляева и извѣстнаго “перелета” в унію, правда, съ путевкой aller et retour б. архимандрита Ф. Морозова. Вся эта теплая компанія, прикрываясь именемъ безвольнаго и престарѣлаго архіеп. Б. Смоленскаго Феодосія (Феодосіева) уволеннаго на покой указомъ Московской Патріархіи отъ 20.12.39 г. за № 36., открыла на страницахъ своей газетки “Криница” шумную пропаганду за “автокефализацію” Православной Церкви в Литвѣ, до сего времени являвшуюся канонической епархіей Московскаго Патріархата и управлявшейся Митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ Елевфериемъ». ³

Как мы видим, Ишевский более чем жестко характеризует сторонников автокефалии, обвиняя их в нечестии и авантюризме. Сравнил он процесс так называемой «белоруссизации» Православной Церкви в Литве и с печальным периодом пацификации в Польше, обвиняя сторонников автокефалии в том, что они хотят внести

---

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, Позднейшие документы и переписка о преемстве Высшей церковной власти 1917-1943/Сост. М.Е. Губонин. М.: ПТСБИ, 1994. С.355.

² Шевченко Т.И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917-1957). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 233-234.

³ LCVA. F.391.Ар.4.В.695.L.32.

новый раздор между православными Литвы: украинцами и белорусами с одной стороны и русскими с другой. Также публицист критиковал переход православных приходов Чехии и Польши в ведение Берлинского и Германского владыки Серафима (Ляде), находящегося в юрисдикции Русской Православной Церкви Зарубежом и некоторые «виды» Берлина на православное население бывших польских территорий (во многих своих работах межвоенного периода Д.А. Ишевский часто критиковал и «карловчан» за их «отпадения» от митрополита Сергия (Страгородского)). Острая критика времен названной Ишевским «эрзац-автокефалией» Польской Православной Церкви, а также выхода в самой известной литовской газете «Lietuvos Aidas» от 22 апреля 1940 г. статьи профессора А. Янулайтиса, в которой была предпринята попытка обоснования, в том числе канонического, литовско-белорусской автокефалии, переплетается с завуалированной поддержкой советской религиозной политики, в частности через упоминание присутствия советского посла Деревянского вместе с супругой и торгпредом на пасхальном богослужении в Рижском Кафедральном соборе, а также расплывчатых выражений о положительном отношении руководства СССР к Московской Патриархии.¹

Очень важно, что Ишевский специально «обращается» к «авторитетным представителям» государственных властей для «разъяснения ситуации» с автокефалистами (об их ответе он говорит очень расплывчато). Вполне возможно, что Дмитрий Ишевский был не только сторонником митрополита Литовского и Виленского Елевферия и Московской Патриархии, но и «агентом Москвы» (подробнее об этом скажем во время характеристики ситуации в Латвии и Эстонии в 1940-1941 гг.). 2 мая 1940 г. Ишевский отправил два экземпляра своей статьи главе культурного Департамента литовского Министерства образования Витаутасу Собливусу (ссылаясь правда, что это было желание одного после их встречи в Каунасе 24 апреля того же года).² В письме он также упомянул, что данная статья не была опубликована в «Lietuvos Aidas» В своем ответе от 31 мая 1940 г. Собливус выражает Ишевскому искреннюю благодарность, хотя и просит воздержаться от ее публикации в русской эмигрантской и французской печати.³ Как мы видим проблема проведения литовско-белорусской автокефалии в середине 1940 г. на страницах печати обострилась до предела.

Помимо активных сторонников и противников этой идеи из среды духовенства, политических и общественных деятелей, постепенно в спор включились и миряне. В

---

¹LCVA. F.391.Ap.4.B.695.L.32-33.

²Ibid.L.31.

³Ibid.L.30.

частности часть православных мирян Вильнюса отправила специальное послание на имя вице-премьера кабинета министров Литвы, в котором подробно представила свое видение последних событий в связи с конфликтом между сторонниками владыки Феодосия (Феодосиева) и сторонниками митрополита Елевферия (Богоявленского).¹ В данном послании красной линией с одной стороны проходит критика насильственной полонизации местных православных приходов в годы межвоенной независимости Польши, связанной с деятельностью владыки Матфея (Семашко), с другой же отмечается освобождение православных бывшего «Виленского края» от влияния полонизаторов, что характеризуется как светлое и радостное событие. В то же время особо отмечается, что настоящим диссонансом стала в этой связи политика владыки Елевферия, который, согласно позиции авторов послания, пренебрегает интересами местных православных верующих и вносит своими действиями необычайный разброд в бытие православных приходов региона.

Архиепископ же Феодосий наоборот охарактеризован в данном послании как ярый борец с полонизацией края, ревностный и заботливый пастырь, павший жертвой политики вернувшегося на территорию Вильнюса митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского). Кроме этого политика последнего привела по мнению подписантов к таким серьезным ошибкам как: отстранение от управления Пречистенским собором протоиерея Иосифа Дзичковского (отдельно отмечено, что и в годы полонизации данный пастырь находился в опале и только заступничество владыки Феодосия (Феодосиева) помогло ему вернуться к служению); увольнение, охарактеризованное как «изгнание» из учебных заведений преподавателей Закона Божия протоиереев Николая Рогальского и Василия Беляева, которых заменил отец Лука Голод (про которого говорится, что его «не пустили к детям» возмущенные родители); отстранение отца Александра Ковша и архимандрита Филиппа (Морозова); вызванный деятельностью новых церковных властей конфликт между русскими прихожанами и белорусами из-за празднования независимости Литвы и «скандальные выборы» приходского совета Кафедрального собора.

Все это объясняется двумя причинами: отстранением владыки Феодосия и неправильными действиями окружения митрополита Виленского и Литовского, что во многом повторяет риторику газетных статей, описываемых нами ранее. Сами пастыри направили послание и на имя самого архиепископа Феодосия (Феодосиева).² В нем они

---

¹ LCVA. F.391. Ap.4. B.695. L.39.

² Ibid. L.47-48.

выделили основные составные группы его сторонников, а именно: православные белорусы, соединившиеся вокруг Православной Комиссии Белорусского Центра в Литве, русские прихожане Пятницкой церкви, часть братии Свято-Духового монастыря и наконец сами «жертвы политики новых церковных властей»: наместник Свято - Духова монастыря Савватий и архимандрит Филипп, названные выше отстраненные от священнослужения православные священники, мирянин Всеволод Бильдюкевич. Также они буквально «молили» владыку Феодосия (Феодосиева) изменить свою позицию и вернуться к управлению епархией для разрешения столь сложной ситуации.

В ответ на эти «мольбы» архиепископ Феодосий принимает решение 23 апреля 1940 г. (как написано в резолюции «секретно») «для успокоения православной общественности в Виленской области» и «поднятия престижа Православия» в Литве создать при себе Временный Епископский Совет, состоящий из председателя (наместника Савватия) и других его членов: архимандрита Филиппа, священника Александра Ковша и секретаря Бильдюкевича.¹ О данном решении он тут же известил как и самих назначенных пастырей, так и светские власти Литвы. Однако квинтэссенцией данного действия было послание архиепископа Феодосия (Феодосиева) Константинопольскому Патриарху Вениамину (Кириаку) от 22 мая 1940 г.² Прежде всего, владыка Феодосий объясняет главе Вселенского Патриархата свою позицию осени 1939 г. В частности, он пишет, что был «в связи с тяжелыми военно-политическими переживаниями» и утомлением вынужден отказаться от управления Виленской епархией, о чем уведомил в письме от 10 мая 1940 г. митрополита Сергия (Страгородского). Тут же архиепископ обрисовывает картину политики приехавшего в регион митрополита Елевферия (Богоявленского), который не признавал каноническим переход в лоно Константинополя Польской Православной Церкви и вызванные этим фактом церковные изменения. Однако по прошествию месяцев у владыки Феодосия усиливалось отрицательное отношение к политике митрополита Литовского и Виленского. Называет он и конкретные причины подобной жесткой позиции. Во-первых, это не только не признание каноничности ППЦ, но и освящение 2 ноября 1939 г. вильнюсских православных храмов своей святой водой, то есть признание безблагодатности данной Православной Церкви. Во-вторых, «духовная гордость» митрополита Елевферия и его склонность к папизму, обвинение в неправославном понимании догмата о Церкви (ссылка на работу митрополита Елевферия

---

¹ LCVA. F.391. Ap.4.B.695.L.48.

² Ibid.L.54-57.

(Богоявленского) о Соборности Церкви)¹. В-третьих, к подобным «неканоничным» взглядам митрополита Елевферия привязывается и его жесткая политика по отношению к местному православному духовенству (помимо упоминаемых уже смещений говорится о недавней смерти наместника Свято-Духова монастыря Савватия), и «индифферентизм или растерянность» православных верующих, которые перестали посещать храмы и могут теперь перейти к сектантам или униатам. Отмечает владыка Феодосий (Феодосиев) и «обвинение» его лично и его сторонников в бездействии в столь сложной для них ситуации. В-четвертых, отмечается подчеркнуто лояльное отношение литовского государства к Православной Церкви (для подтверждения данного тезиса дается развернутый экскурс в историю церковно-государственных отношений средневековой Литвы). В-пятых, особо отмечается (этот пункт прописан заглавными буквами) каноническая независимость Православной Церкви в регионе от Московской Патриархии, что подтверждено как властями Литвы, так и Константинопольским Патриархатом. В-шестых, архиепископ Феодосий (Феодосиев) объявляет, что белорусская православная общественность не только не считает митрополита Елевферия (Богоявленского) за своего архипастыря, но и белорусская пресса систематически критикует возможность какого-либо подчинения церковным властям в Москве. Наконец, упоминается в послании и о защите Константинополем главы Польской Православной Церкви митрополита Варшавского и Волынского Дионисия (Валединского), после попадания приходов его юрисдикции под управление Русской Православной Церкви Зарубежом. В связи со всеми вышеуказанными пунктами владыка Феодосий (Феодосиев) заявляет о своем выходе из под омофора Московской Патриархии и о возвращении к управлению Виленской епархии. В конце послания пастырь просит главу Вселенского Патриархата простить ему его временное отпадение и подтвердить автономный в церковном отношении статус «Виленской области» под «благодатной защитой и канонической юрисдикцией» Константинополя.

Итак, подводя некий итог вышеописанным событиям, заметим, что владыка Феодосий пошел на такую меру по-видимому из-за крайнего обострения противостояния в среде православных приходов региона. Если сначала он, во многом действительно по причине растерянности и быстрого развития событий в Балтии принимает «условия Москвы», то уже через полгода решает пойти на пересмотр данной позиции. Естественно, одной из главных причин подобного поступка было нежелание идти в фарватере политики митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского), которого сами иерархи Польской Православной Церкви при активной поддержке светских властей

---

¹ Митрополит Елевферий (Богоявленский) Божие и Кесарево. Париж, 1938.

Польша буквально «выдавили» на территорию Литвы. Теперь же и сам Елевферий, активный и верный сторонник Московского Патриархата, решил отстранить от служения многих неугодных и оппозиционно настроенных по отношению к себе и своей позиции священников. Возникшая же оппозиция тоже не бездействовала и, воспользовавшись ресурсами белорусской прессой, а также сторонниками своей позиции из представителей светских властей, интеллигенции и активных мирян, начала активно выдвигать (в том числе с канонических и исторических позиций) идею о проведении литовско-белорусской автокефалии Православной Церкви. В ответ поддерживающие владыку Елевферия (Богоявленского) пастыри и миряне, в том числе и публицисты также начали достаточно широкую газетную кампанию против автокефалистов. Был в этом противостоянии и ярко выраженный национальный аспект. Так, особое место в отстаивании идеи автокефалии играли представители местной белоруской интеллигенции, очень часто характеризующие противную сторону как «потомков русификаторов» и «великодержавных шовинистов». С другой стороны, те, кто поддерживал линию канонического единства с Москвой наоборот были заинтересованы в том, чтобы «затушить» возникающие национальные противоречия в среде православных приходов Вильнюса, обвиняя автокефалистов в том, что они продолжают линию польских националистов и пацификаторов, направленную в том числе на ослабление роли Православия в регионе. Однако даже обращение в Константинополь не возымело силы и архиепископу Феодосию (Феодосиеву) не удалось осуществить своих замыслов. Особую роль тут сыграла и разворачивающаяся война, и начало процесса советизации Балтии, и нехватка сторонников. Больше с такой остротой вопрос о литовско-белорусской автокефалии в довоенные и военные годы уже не вставал. Владыка же Феодосий (Феодосиев) в 1942 г. спокойно скончался на покое в Свято-Духовском монастыре в Вильнюсе. Свою роль в решении в том числе и литовских проблем сыграет здесь назначенный из Москвы Сергей (Воскресенский).

§ 3. Возращение православных приходов Латвии и Эстонии под омофор Московского Патриархата. Деятельность владыки Сергия (Воскресенского) в 1940-первой половине 1941 гг. в Балтии.

Споры вокруг проведения литовско-белорусской автокефалии в возвращенном Литве так называемом «Виленском крае» и активизация там деятельности автокефалистов были скорее исключением из жизни православных приходов в Балтии в 1940-1941 гг. В Латвии и Эстонии вместе с ползучей советизацией и репрессиями наоборот начался

диаметрально противоположный процесс, а именно переход приходов Латвийской Православной Церкви и Эстонской Апостольской Православной Церкви в лоно Московского Патриархата. Во многом эти изменения были связаны и с потерей опоры в лице местных светских властей, которые отныне играли все меньшую роль в жизни страны в целом, и Православной Церкви в частности. Более ярким примером в этой связи может служить ситуация в Латвии и новая позиция и без того не пользующегося популярностью митрополита Августина (Петерсона). После падения режима Карлиса Ульманиса 1 июля 1940 г. на имя митрополита поступает заявление о недовольстве его методами управления Латвийской Православной Церковью со стороны члена Синода Антония Поммера с просьбой исключить последнего из состава Синода. Однако уже к сентябрю того же года из состава Синода выходит еще четверо его членов.¹ Привыкший к достаточно лояльному отношению властей, владыка Августин видимо решает объявить на заседании Синода от 11 июля 1940 г. свою лояльность и поддержку новому правительству Августа Кирхенштейна (по примеру того как Синод Латвийской Православной Церкви славил Ульманиса), однако новому правительству не были интересны какие-либо сантименты со стороны религиозных организаций, тем более православных. В этот же период в Латвии, как и во всех остальных «добровольно вошедших в состав Советского Союза» территориях начинается ползучая советизация, сопряженная с процессом организации широкомасштабной атеистической пропаганды.

Летом 1940 г. в стране запрещалось преподавание Закона Божия в школах, что тем самым также означало изгнание из школьных учреждений представителей духовенства. Продолжился этот процесс закрытием теологических факультетов латвийских университетов, богословских учебных заведений. Планомерно из библиотек изымается вся религиозная литература, закрываются все религиозные средства массовой информации, запрещается миссионерское и социальное служение Церкви, ибо ее в Советском Союзе трактовали только как пропаганду. В августе 1940 г. создана специальная Особая государственная комиссия, целью которой была конфискация всех художественных, антикварных и исторических предметов у частных лиц и организаций, в том числе у религиозных. В 1941 г. начался процесс изъятия и передачи в ведение Отдела музеев и охраны Народного комиссариата просвещения ЛССР ценностей, многие из которых принадлежали Латвийской Православной Церкви. Начинается и широкая пропагандистская кампания, целью которой было представление церковных организаций

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Алаборг, Тихвин: издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. С. 124.

как паразитов и противников «народного счастья», выражением которого был открытый саботаж, к примеру, выборов в Верховный Совет ЛССР. Огромными тиражами печатаются и работы восхваляющих атеизм авторов, подобные труды тут же распространяются по всей Латвии. 27 февраля 1941 г. в официальной газете ЦК ЛКП(б) была напечатана погромная статья «Безбожники организуются», в которой особо отмечалось, что в Латвии уже проделана основная организационная работа, выслана на места антирелигиозная литература и отныне главной задачей является создание в трудовых коллективах до 1 марта «безбожных кружков», зарегистрированных в «Союзе активных безбожников».¹ Еще одним ощутимым ударом по Православной Церкви в Латвии была национализация. 28 октября 1940 г. было объявлено о национализации частных домов, что привело к национализации и домов причта. 20 марта 1941 г. все движимое и недвижимое имущество Церкви объявлялось народным состоянием, за пользование которым теперь необходимо было платить налог, который был пропорционален размеру храма, и налог с земли, на которой находилось церковное сооружение. Важно отметить, что налог необходимо было уплачивать с 1 января 1940 г. Многие православные храмы попали под угрозу скорого закрытия. Начались и репрессии против самих священников (об этом аспекте мы расскажем в отдельном параграфе данной главы). Отметим, что практически идентичные процессы в то же самое время проходили во всех трех балтийских государствах.

Как же отвечал на эти вызовы времени глава Латвийской Православной Церкви митрополит Августин (Петерсон)? Как ни странно, он в этот период бездействовал. В столь сложный для ЛПЦ период фактически перестал созываться Синод, прекратились и архиерейские богослужения митрополита Августина. На подобное поведение владыки стали реагировать и подчиненные ему пастыри и окормляемые миряне. Так, в одном из последних номеров издания Латвийской Православной Церкви «Вера и жизнь» вышла статья Елгавского благочинного протоиерея Петра Гредзенса, в которой кроме всего прочего присутствовали осуждение перехода ЛПЦ под омофор Константинопольского Патриархата и призыв к возвращению в лоно Матери-Церкви Московской Патриархии.² В августе 1940 г. митрополит Августин (Петерсон) все же решает обратиться к Вселенскому Патриарху Вениамину, прося его дать свое согласие на возвращение в лоно

---

¹ Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М. Общество любителей Церковной Истории, 2013. С. 27.

² Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 125.

Москвы, на что, правда, глава КП ему ничего не ответил. Отправляет глава ЛПЦ письма и митрополиту Сергию (Страгородскому). В Москве видимо еще не были определены те условия, по которым «отколовшееся» православное духовенство будет возвращено в состав Московской Патриархии и поэтому владыка Августин получил в октябре 1940 г. только копию «Определения» Заместителя Патриаршего Престола от 5 июня 1936 г., связанную с переходом Латвийской Православной Церкви под омофор Константинопольского Патриархата. Данный документ не мог понравиться владыке Августину (Петерсону), ибо в нем его архиерейская хиротония была признана неканоничной и поэтому недействительной. Он принимает достаточно хитрую тактику, утверждая, что ранее не был знаком с данным «определением». Главный специалист по истории Православия в XX в. в Латвии А.В. Гаврилин, обработавший буквально все связанные с этим вопросом архивные хранилища, приходит к предположению, что митрополит Августин мог специально «потерять» такой неудобный для себя документ, так как в архивах находится лишь его копия, датированная 1940 г.¹ 24 ноября 1940 г. митрополит Сергей (Страгородский) предлагает Августину для разъяснения ситуации приехать в Москву, чему мешает политика советских властей, которые не разрешили латвийскому владыке совершить данную поездку. После этого принимается решение об отправке в Балтию «правой руки» и ученика владыки Сергия (Страгородского) управляющего делами Московского Патриархата, архиепископа Дмитровского Сергия (Воскресенского). Для описания дальнейшей ситуации в среде православных приходов Балтии следует, конечно, остановиться на довоенной биографии этого пастыря, сыгравшего главную роль в жизни православных приходов Балтии и Северо-Запада России в 1940-1944 гг.

Дмитрий Николаевич Воскресенский родился 9 ноября 1897 г. в семье потомственного протоиерея Николая Воскресенского в Москве (однако часть исследователей, в частности Алексеев и Ставру, называют годом рождения Сергия 1898 г.).² С ранних лет он прислуживал в храме вместе с отцом, пел в церковном хоре. До октября 1917 г. Воскресенский-младший учился в Московской Духовной Семинарии до ее закрытия новой властью. Затем, еще до принятия монашества, Дмитрий Николаевич поступил в Московскую Духовную Академию, где доучился до второго курса, так как и она была закрыта в 1920 г. большевиками. Следующим учебным заведением, в которое

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы...С. 126-127.

² Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Москва-Нью-Йорк-Париж, 1981 №14 С.122.

поступил будущий владыка стал историко-философский факультет Московского университета, из которого он был исключен в 1923 г. Советский историк Я.Я. Веверс считает, что причиной данного события была “антисоветская пропаганда” студента и его непролетарское происхождение.¹ Тот же автор говорит о скором аресте Сергия, хотя не во всех современных исследованиях это подчеркивается. Тем не менее, как показывают данные биографа владыки Германа Григорьева, в начале - середине 1920-х гг. и в начале 1930-х гг. он действительно арестовывался, обучаясь в то время на курсах Наркомзема, по подозрению в проведении антисоветской агитации.² Первый арест исследователь датирует июлем 1924 г., после которого обвиненный в антисоветской агитации и пропаганде Воскресенский был отпущен. Второй арест, уже 28 декабря 1930 г. с идентичными обвинениями окончился, к счастью для арестованного, также благоприятно. Третий раз он был задержан в Орехово-Зуеве 18 января 1931 г. и был препровожден в Бутырскую тюрьму.

Здесь затрагивается еще одна важная деталь его биографии, а именно его общение с архиепископом Феодором (Поздеевским). Общеизвестным фактом является тот, что в годы своей молодости Сергей начинал свое служение в Даниловском монастыре, где находился этот опальный архиепископ – монастырский настоятель, участвовавший в работе нелегальной Высшей Богословской школы в Свято-Даниловом монастыре. За свое непримиримое отношение не только к атеистическим властям, но и к сотрудничеству с ними руководства Православной Церкви, владыка Феодор ни раз арестовывался и «периодически» прибывал в заключении. В то же время его питомец Воскресенский со временем перешел на противоположную сторону. Именно в этот период начинается сближение молодого священнослужителя с будущим Патриархом Сергием, бывшим в то время Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Их знакомство и зарождавшаяся дружба быстро развивалась, несмотря на противодействие архиепископа Феодора. Но архимандрит Сергей не послушался Феодора и в 1927 г., даже когда пастыри Данилова монастыря окончательно пошли на конфронтацию с Московской Патриаршей канцелярией. Иеродиакон Леонтий (Филиппович) вспоминал: «При митрополите Сергии в то время состояли: архимандриты Питирим и Сергей (Воскресенский), последний был питомцем архиеп. Феодора. Теперь он был при митрополите Сергии, несмотря на явное

---

¹ Веверс Я.Я. Псковская духовная миссия-агентура немецкой разведки. Рига, 1973. С.5.

² Григорьев Г., свящ. Патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский): дис. ... канд. богослов. Сергиев Посад, 2004. С. 68-71.

неудовольствие архиепископа Феодора. Архиепископ Феодор не желал, чтобы он пребывал в этой среде, столь для него не полезной во всех отношениях. Но архимандрит Сергей не послушался своего духовного отца и предпочел Московскую Патриархию.»¹ Существуют данные, согласно которым этот владыка буквально «умолял» своего питомца «оставить душевредную работу в канцелярии Сергея (Страгородского), но тот не внял подобным мольбам.»² Интересно, что во время этого третьего ареста следователь задал Воскресенскому вопрос, касающийся взаимоотношений с владыкой Феодором, на что арестованный отвечал: «.. у епископа Феодора (Поздеевского) я был всего 3 раза. Ходил я исключительно по церковным делам... наши взаимоотношения по вопросу совместного пребывания в храме Воскресения. Наши точки зрения по церковному вопросу были совершенно противоположные (он при служении митр. Сергея не поминал). Последний раз я у него был 2 января, поругался и в дальнейшем не думал с ним водиться».³

Данные показания довольно четко характеризуют молодого епископа Сергея (Воскресенского), к концу 1920-началу 1930-х гг. уже крепко вставшего на позиции митрополита Сергея (Страгородского), направленные на сотрудничество с советским государством даже при попрании многих моральных устоев и своего рода «предательстве» бывших единомышленников. Постепенно идет процесс продвижения Сергея (Воскресенского) по служебной лестнице: в 1929 г. он хиротонисан в епископа Дмитровского, что в то время фактически означало управление Московской епархией, через год становится настоятелем храма в Орехово-Зуеве (где и был арестован), а с 1931 г. и по 1935 г. является редактором «Журнала Московской Патриархии». Такой быстрый подъем по карьерной лестнице обуславливался многими факторам, как личными качествами, так и лояльностью проводимому митрополитом Сергием (Страгородским) курсу. К тому же практически все исследователи отмечают ум и невероятные способности Сергея (Воскресенского), а Алексеев и Ставру в придачу к этим качествам пишут и о его невероятной общительности как с клиром, так и с мирянами и даже некоторыми интеллигентами, в том числе с некоторыми нерелигиозными людьми.⁴

---

¹ Цит. по Голиков А. , свящ., Фомин С. Кровью убежденные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940-1955). М.: Паломник, 1999. С.55-56.

² Псарев А.В. Жизнеописание архиепископа Леонтия Чилийского (1904-1971 гг.) // Православная жизнь. (Приложение к «Православной Руси». Джорданвилль. №3 (555). 1996. С.19.

³ Цит по: Григорьев Г. свящ. Указ. соч. С.72.

⁴ Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Указ соч. С.122.

Отдельно скажем о нем и как о редакторе официального печатного органа Московской Патриархии. Возглавил его владыка с середины 1931 г. и не оставлял этого поста вплоть до закрытия журнала властями в 1935 г. За время редакторства молодого епископа выходят 17 номеров журнала (иногда номера были сдвоенными). В первые годы номера выходили чаще – по 6 номеров в год – но постепенно, из-за давления властей, выпусков становилось меньше. В этом журнале часто печатались указы Патриаршего Местоблюстителя, особенно направленные против Карловацкого Синода, его письма к Восточным Патриархам, послания главам других христианских конфессий, поздравления верующих. Почти каждый журнал пополняли новые статьи делопроизводителя Патриархии, профессора Казанской Духовной академии протоиерея Александра Лебедева, посвященные церковным обрядам и праздникам. О решениях Святейшего Синода по самым животрепещущим вопросам читатель мог узнать из постоянной рубрики «Хроника церковной жизни».

Сам редактор не всегда высказывался по поводу церковной политики митрополита Сергия (Страгородского), однако две его статьи нам кажется упомянуть необходимо. Сначала скажем о более поздней, напечатанной незадолго до закрытия журнала, в № 20-21 за 1934 г. В нем редактор пишет о важном событии в жизни Русской Православной Церкви, а именно «назначении» его учителя Местоблюстителя Сергия на Московскую кафедру с Горьковской (Нижегородской): «В течении последних двух, трех лет среди Епископата Патриаршей Церкви возникла мысль о необходимости более твердого и определенного положения Главы Церкви Православной. Этому главным образом способствовало ознакомление с церковными делами и положением на местах участие всего Епископата в Патриаршем Синоде при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя, созданном Митрополитом Сергием в 1927 г. согласно положения о Патриаршем Управлении. За это время все участники сессии Синода, как бы вплотную подходят к жизни всей Поместной нашей Церкви и, между прочим, девятилетний опыт открывал для многих и многих все неудобство и даже прямой вред “временного”, как бы случайного возглавления, отдельными иерархами церковного управления. Стоит ли говорить о том, известному всякому интересующемуся жизнью Церкви православному русскому человеку, что именно временное возглавление церковного управления породило столько истолкований отношения к истинному церковному чинопочитанию. Начав разговор о правах Местоблюстителя и Его Заместителя, относясь к решению данного вопроса, да и к самой церковной жизни, не с точки зрения церковной пользы и церковной экономии, а с личной самолюбивой – зря на лица – многие, закрывшись тогой, своего горделивого

правовзглядия, “мудро” отходили и брюзжали в стороне, а иные прямо впали в грех раскола. За всем этим затемнялось не только значение преемственности в церковной иерархии от Святейшего Патриарха, но и сама идея Патриаршества, так близкая Русской Поместной Церкви, как-то стало уходить в желательное, но историческое прошлое, а не настоящее жизненное сознание».¹ Мы специально привели столь обширную цитату из данной статьи, так как в ней прекрасно показаны основные взгляды на церковную жизнь тех лет владыки Сергия (Страгородского) и его окружения. В целом данная линия была направлена против всех «православных сил» Зарубежья и тех, кто внутри страны не признавал власть Московского Патриархата, во многом критически относясь к линии лояльности советским властям. После этого отрывка следует описание положительных качеств владыки Сергия (Страгородского) как пастыря и простого человека (особенно отмечены его образованность и мировоззренческий кругозор), что еще больше доказывает полное сходство позиций «Сергия Старшего» и «Сергия Младшего». Другим важнейшим заявлением редактора можно назвать выпущенное им двумя годами ранее приветственное слово о пятилетней годовщине знаменитой “Сергиевской декларации”. Здесь он раскрывает структуру зарегистрированного властями в 1927 г. Временного при Заместителе Патриаршего Местоблюстителе Священного Синода. Именно такое «соборное управление» кажется молодому иерарху главным оружием против “грехов и соблазнов”, так как епископат во главе Синода постоянно меняется, что не дает почву для расколов и соответствует решениям Поместного Собора 1917-1918 гг. Кроме «синодальной» идеи высказывается им и другой главный смысл декларации: «Как и следовало ожидать, изложенные в декларации мысли – о долге православных быть настоящими сознательными гражданами своей страны, понимать свой долг и обязанности пред новой страной «не за страх, а за совесть», не забывать, что все произошедшее в нашей родине не есть случайность, ибо для христианина не может быть случайностей в мире, а во всем действует Промыслительная Десница Божия ко спасению верных сынов Церкви, - конечно, вызвали ропот в среде эмиграции».² Многим подобные сентенции в адрес взаимоотношения Церкви с атеистическим государством могут показаться по меньшей мере странными, а может и откровенно кощунственными. Но именно такая позиция очень долгое время была у всего руководства Патриархии, во многом объясняемая попытками сохранить церковную структуру хотя бы в урезанном состоянии.

---

¹ Журнал Московской Патриархии. 1934. №20-21. С.1-2.

² Журнал Московской Патриархии. 1932. №11-12. С.1.

Прямо из этого вытекает другой вопрос, который очень часто встает при рассмотрении личности владыки Сергия (Воскресенского), а именно: его взаимоотношения с советскими специальными органами в довоенный период. Так, очень показательно, что в это же время Сергей сочетает редакторскую деятельность со служением в Вознесенском храме в московских Сокольниках, а с 1933 г. управлением Коломенской епархией. Но жизнь Сергия окружают и трагические события: в 1930 г. был закрыт Данилов монастырь, а в 1935 г. его отца посадили в тюрьму. В то же время среди священнослужителей появляются и начинают циркулировать слухи о связи молодого епископа с советскими органами безопасности, что до сих пор так и не доказано исследователями. Наиболее яркое свидетельство в защиту этой точки зрения приводит Анатолий Свенцицкий в своей книге «Они были последними?»: «Владыка Сергей (Воскресенский, будущий митрополит Виленский и Литовский) был посвящен в архиереи после расстрела Владыки Питирима (Крылова) и служил в Дорогомиловском соборе по день его закрытия. Это был красивый полноватый кудрявый блондин. На его служении я был всего лишь раз, о владыке Сергии ходили дурные слухи. [...] А протоиерей о. Георгий Смирнов, которого я уже упоминал, говорил: “Странная история... Один из моих друзей, переживший ГУЛАГ, рассказывал, что до войны митрополит Сергей (Воскресенский) “возглавил” кружок молодых верующих людей. Когда кружковцы вместе с епископом (тогда) Сергием были арестованы, то в машине по дороге в Лубянскую тюрьму, он предъявил ... удостоверение подполковника ГПУ и был отпущен. Что же он на две разведки работал?! Странно все это...”¹ Несмотря на многие фактические неточности, следует отметить его важность, особенно в связи с приведенным выше характеристиками владыки как верного сотрудника органов при назначении в Балтию. Однако до сих пор огромное количество документов, связанных с сотрудничеством большей части духовенства Московской Патриархии с советскими властями не доступно исследователям и полностью восстановить масштабы подобного процесса сейчас не представляется возможным. Важное свидетельство, которое может пролить свет на столь парадоксальное на первый взгляд решение дает последняя монография отца Георгия Митрофанова, который цитирует доклад народного комиссара государственной безопасности Меркулова Сталину о том, что следует «через агентуру НКГБ СССР вынести решение Московской Патриархии о подчинении православных приходов Латвии, Эстонии и Литвы, для чего использовать заявления от местного рядового духовенства и верующих», а для управления ими назначить архиепископа Сергия (Воскресенского), который является

---

¹ Свенцицкий. А.Б. Они были последними? М.: Грааль, 1997. С.114-115.

агентом НКГБ, для чего воспользоваться прошениями духовенства и мирян.¹ Вполне возможно и в этом случае атеистические власти хотели воспользоваться одним из излюбленных своих методов – противопоставить тем «расколам», которые в наибольшей степени или открыто выражают свое несогласие с политикой государства, руководство Московской Патриархии, которое идя на сотрудничество и подавляя то или иное сопротивление, дискредитировало само себя.

Именно этот пастырь стал назначенцем Московской Патриархии в Балтию. Безусловно, такое решение получило одобрение как руководства РПЦ, так и советских властей. 20 декабря 1940 г. владыка Сергей (Воскресенский) прибывает в Ригу. Визит архиепископа Сергея совпал со скоропостижной кончиной митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского) 31 декабря 1940 г., долгие годы возглавлявшего оставшиеся в подчинении Московской Патриархии приходы Балтии и Западной Европы. Интересно отметить, что средства на отъезд владыки Сергея (Воскресенского) собирали его бывшие прихожане. В частности, в одном из обращений к ленинградской пастве, митрополит Сергей (Страгородский) просит членов церковной двадцатки ленинградского Никольского собора организовать сбор средств на отправку митрополита Николая (Ярушевича), назначенного Патриархией во вновь присоединенные территории Западной Украины и Западной Белоруссии: «Служа спасению вновь присоединившихся православных в перешедших в наш союз областях, наша Матерь церковь посылает в эти области своих представителей.... Мы содержим православный Экзархат в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтике, управляющего с канцелярией в Бессарабии, выдаем пособия... во Львове, Черновцах, в дальнейшем же могут возникнуть подобные же учреждения и в других местностях».² Такой документ важен прежде всего тем, что он прекрасно демонстрирует абсолютную беспомощность Московской Патриархии. Она была вынуждена посылать своих последних оставшихся в живых и на свободе пребывающих пастырей в те территории, где было открыто незримо большее количество храмов для того чтобы «увещевать расколы», при том что средств на это, без официальной помощи властей, можно было изыскать только путем сборов с тех приходов, где раньше служили назначаемые епископы. В частности, в этом же документе особо упоминается, что владыка Сергей (Воскресенский) был отправлен в Балтию причтом прихода Преображенской церкви, в которой служил будущий Экзарх

---

¹ Митрофанов Г., протоиерей. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М.: Арфа, Лепта Книга, 2011. С. 80.

² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 337 Д. 76. Л. 122.

Прибалтики. Теперь же, показывая положительный пример бывших пасомых владыки Сергия (Воскресенского), митрополит Сергей (Страгородский) призывает прихожан ленинградского Никольского храма собрать деньги для отправки владыки Николая (Ярушевича).

24 февраля 1941 г. в Балтии учреждается Прибалтийский Экзархат, объединивший все православные приходы Балтии под омофором Московской Патриархии и во главе него ставится новый митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский). Однако теперь необходимо было реально объединить все православные приходы стран Балтии в лоно Московской Патриархии. В Латвии для этого складывалась достаточно благоприятная обстановка. Уже 3 января 1941 г. к митрополиту Августину (Петерсону) обратился как к настоятелю Кафедрального Христорождественского собора приходской совет с предъявлением определения совета от 2 января того же года, на котором было принято решение просить от владыки Августина согласия на требуемое Москвой покаяние в расколе, что должно будет привести к «воссоединению с Матерью—Церковью». По возвращению в Москву из Риги владыка Сергей (Воскресенский) докладывал о том, что православное духовенство и миряне Латвии готовы к воссоединению с Московским Патриархатом, что он вынес в том числе обследовав обстановку на местах.¹

На основании его доклада было принято решение, что Синод Латвийской Православной Церкви следует распустить, а его членов после покаяния принять в общение. Что же касается судьбы самого владыки Августина (Петерсона), то его оставили в архиерейском сане и даже титуле митрополита Рижского, хотя и признавали неканоничность его архиерейской хиротонии, в то же время управление православными приходами Латвии передавалось назначенному Экзарху Сергию (Воскресенскому). В Риге же владыке Сергию предписывалось создать Экзаршее управление и Синод епископов Прибалтийского Экзархата, а в каждой епархии – Епархиальные советы. Закончился процесс «возвращения» православных приходов Латвии в лоно Московской Патриархии 29 марта 1941 г., когда митрополит Августин принес в Богоявленском Кафедральном соборе Москвы публичное покаяние в грехе раскола и пообещал тогда хранить верность Русской Православной Церкви (подробнее мы проанализируем процесс данного «покаяния», когда будем говорить о похожей ситуации в Эстонии и поведении митрополита Александра (Паулуса)).

---

¹Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 129.

11 апреля владыка Августин (Петерсон) подписал протокол последнего заседания Синода, передав дела Экзаршему Управлению и попросил отпустить его «в отпуск» по состоянию здоровья. Управление латышскими православными приходами было Экзархом Сергием (Воскресенским) поручено епископу Мадонскому Александру (Витолу). Следует отметить, главную черту описываемых событий 1940-первой половины 1941 гг. в Латвии в среде православных приходов, а именно: полную потерю опоры своей власти митрополитом Рижским Августином (Петерсоном). Так, светские власти, которые сыграли одну из основных ролей в том, чтобы он возглавил Латвийскую Православную Церковь, постепенно начали сходить с политической арены, в то время как новые атеистические власти были не заинтересованы в какой-либо поддержке религиозных организаций. Теряли свой политический вес и военные круги довоенной Латвии, также служившие владыке Августину опорой. Большая часть духовенства не была довольна управлением Латвийской Православной Церкви со стороны митрополита Августина, именно поэтому на его сторону практически никто со стороны священства не встал. Выявились и многие его нелучшие качества, прежде всего апатия и нежелание управлять Церковью в сложной и меняющейся ситуации. До начала немецкой оккупации Августин (Петерсон) отходит от дел, но вернуться к идеи автокефалии ЛПЦ ему предстоит уже через несколько месяцев.

Важно отметить и деятельность Экзарха Сергия (Воскресенского) по реорганизации церковного управления в среде православных приходов Латвии. В первую очередь Экзарх активно взялся за поднятие церковной дисциплины в приходах. Если раньше во время богослужений царили элементы анархии, кроме как за непослушание иереи не наказывались, а в Латвии проходили отпевания лютеран по православному чину, теперь многое поменялось. В книге Голикова и Фомина упоминается как Экзарх однажды заметил неточность в цитировании творения святого Афанасия Великого эмигрантским богословом и выразил свое негодование по этому поводу.¹ Те же авторы говорят о некоторой его величественности по отношению к клиру вверенной ему территории – но это скорее всего может служить показателем уверенности владыки в своей власти. Экзарх умел произносить проникновенные проповеди, хорошо знал и разбирался в музыке, причем не только в церковной, даже говорил о том, что в молодости мечтал о карьере певца. Отмечается иногда и некая нервность Сергия, проявляющаяся как в общении с паствой, так и в разговорах с духовенством. Также важно, что владыка иногда резко контрастировал с «автономными» митрополитами. Хороший пример упоминает в своей

---

¹ Голиков А., свящ., Фомин С. Указ соч. С.82-83.

работе А.В. Гаврилин: если Августин (Петерсон) очень часто говорил о проблемах со здоровьем, особенно о «хроническом» туберкулезе, то недавно разменявший пятый десяток митрополит Сергей (Воскресенский) казался всем человеком «пышущим здоровьем», хотя после его кончины стало известно о его диабете.¹ С другой стороны, иногда он не следовал личному благочестию: не всегда соблюдал постные дни, мог пропустить рюмку алкоголя, то есть допускал многое, что было свойственно именно новому поколению иерархов Московской Патриархии. В новой для себя ситуации, пытаясь укрепить свое положение в Балтии, владыка начинает собирать вокруг себя верных людей. Так, своим духовником он делает отца Василия Евстафьева, человека глубокой веры и скромности. Происходит и процесс возвращения ранее находившегося в опале духовенства и возведение в сан новых пастырей, многие из которых впоследствии сыграли важную роль в истории Псковской Православной Миссии. Классическим примером может послужить в этой связи биография протоиерея Кирилла Зайца.

Латыш по национальности, происходящий из колонии польских миссионеров, Карл Янович Закис закончил в 1891 г. Рижскую Духовную Семинарию, а через девять лет и Высшие курсы миссионеров в Санкт-Петербурге. В своем служении он был часто посылаем на «сложные приходы», где проводил благоустройство храмов, организовывал братства. Однако главным направлением пастырского служения отца Кирилла было его противокатолическое и противосектанское миссионерство. Широко известна его противобаттистская работа переизданная уже после войны в Джорданвилле.² В 1917 г. пастырь избирается от духовенства Полоцкой епархии в качестве делегата Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. В тяжелые годы Гражданской войны в России клирик настоятельствует в Кафедральном соборе города Гродно, который теперь относился к независимой Польше. В 1920-х гг. он возвращается в Ригу, где с 1926 г. преподает в местной Семинарии сектологию, а с 1929 г. становится настоятелем Кафедрального собора. Важно заметить и факт участия отца Кирилла в деятельности Русского Православного Студенческого Единения еще с самого начала его основания.³ Впоследствии его можно увидеть практически на всех крупных и не очень мероприятиях этого Движения, происходящих на территории Латвии. В это же время Кирилл Зайц

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 133.

² Зайц К., прот. Церковь Бога Живаго. Столп и утверждение истины. Собесѣдование с баптистами. Jordanville: Holy Trinity Monastery, 1956. 92 с.

³ Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж: YMCA-PRESS, 1993. С. 65-71.

становится и главным редактором журнала «Вера и жизнь». Такая головокружительная с виду «карьера» оборачивается для священника вскоре трагедией. В 1933 г. разгорается крупный скандал связанный с недосдачей в храмовой кассе Кафедрального собора. Сейчас довольно сложно установить кто на самом деле был виноват в содеянном - служащие собора или в этом была вина и самого отца Кирилла, но факт остается фактом: он был запрещен в служении. Подробнее всего пережитии этого конфликта, в том числе через рассмотрение латвийской прессы анализирует Себастьян Римэстед, который не отрицает и того, что данный инцидент мог быть вызван и конфликтом между владыкой Иоанном (Поммером) и Зайцом, в том числе по причине активного участия отца Кирилла в РСХД.¹ Дискуссионным является вопрос о том, был ли суд над священником. Следующие годы жизни Кирилл Зайц проводит как фермер в своем небольшом имении. По воспоминаниям участника Миссии будущего архимандрита Кирилла (Начиса) отец Кирилл Зайц по воскресным дням приезжал со своего хутора и присутствовал на богослужениях, причем руки его были поцарапаны и изранены от тяжелого физического труда.²

Незадолго до трагической даты 22 июня 1941 г., 11 июня, Кирилл Зайц направляет специальное прошение Экзарху Сергию, в котором излагает свою версию произошедших в предшествующие годы событий: он дает полное описание процесса над ним до и после смерти владыки Иоанна (Поммера), заявляя, что после снятия с него запрещения митрополитом Литовским Елевферием (Богоявленским), запрещение оставалось в силе. В 1937 г., исходя из того же прошения, Зайц был окончательно оправдан по решению двух основных судебных органов независимой Латвии – Палаты и Сената.

Но и эти обстоятельства не повлияли на судьбу пастыря, и вот в чем он видит причину этого: «Все ожидали, что я буду восстановлен в своих правах и во всех прежних должностях. Но этого не случилось, так как в то время главою Латвийской церкви был поставлен Митрополит Августин, который подчинившись Константинопольской юрисдикции, стал враждебно относиться к Московской Патриархии, а также и ко мне за то, что я остался верен Москве и не подчинился властям с М. Августином и всей Латвийской церковью Константинополю. Впоследствии ... М. Августин пытался уговорить меня отречься от Московской Патриархии, обещав немедленно назначить меня Настоятелем Кафедрального Собора. Но я его предложения не мог принять, в виду моих канонических

---

¹ Sebastian R. The Challenges of... P.155-159.

² Кирилл (Начис), архим. Сохраним лучшее наших отцов. СПб: Абрис, 2001. С.40.

убеждений».¹ Конечно, можно объяснить подобные заявления новой политической ситуацией и веянием времени, желанием подстроиться под новое руководство, но годы которые отец Кирилл провел в запрещении как раз и выпадают на время “схизмы”.

Другой в будущем видный миссионер Георгий Бенигсен, до этого псаломщик, активный член РСХД, просит в конце мая владыку Сергия (Воскресенского) назначить себя после рукоположения в иереи священником к Кафедральному собору в Риге.² Митрополит Сергей ответил, что после допроса священником епархии можно будет перейти к его посвящению. Допрос проводил никто иной как отец Кирилл Зайц, и протоиерей Топогорицкий, после чего Бенигсен был рукоположен.³

Тем самым можно сделать вывод, что сразу же после своего назначения в Балтию Экзарх Сергей (Воскресенский) стал окружать себя верными сторонниками, многие из которых ранее претерпевали ущемления со стороны светских и церковных властей. Похожей ситуация была и в Литве. Архиепископ Сергей (Воскресенский) прибыл на литовскую землю по печальному поводу: в канун нового 1941 г. скончался митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский). Однако и это событие «гость из Москвы» использовал для того, чтобы найти своих сторонников и ограничить роль в Балтии автокефалистов. В частности, он выразил свое искреннее недоумение тем, что владыка Феодосий (Феодосиев) до сих пор не запрещен в служении.⁴ Одним из первых представителей литовского духовенства, на которого владыка Сергей (Воскресенский) обратил внимание был все тот же противник полонизации Православной Церкви в регионе отец Лука Голод.

В своем письме этому пастырю, датированном 5 марта 1941 г., митрополит Сергей (Воскресенский) пишет по поводу желания сменить протоиереем Лукой место своего служения: ...Все же такое положение, Ваша усталость от «друзей» и ретивых приверженцев автокефалии, целый ряд и других причин не говорят за то, что ВЫ должны бросить насиженное место, где не смогут забыть /во всяком случае порядочные люди/ Вашего подвига в отношении церкви. Я, по Воле Всевышнего, решением Блаженнейшего

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 138 apr.1 l.1.

² Ibid. l.8.

³ Ibid. apr. 9

⁴ Шлевис Г. [Электронный ресурс]: Митрополит Сергей (Воскресенский). Жизнь и судьба. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/246-mitropolit-sergij-voskresenskij-zhizn-i-sudba>. Свободный. Загл. Яз. рус. Последнее обращение 30.02. 2013.

Местоблюстителя и Патриархии, получил назначение на старейшую кафедру Виленских иерархов с титулом Митрополита Литовского и Виленского. А это обстоятельство говорит за то, что около меня должны быть люди, преданные Церкви и покойному митрополиту Елевферию, так самоотверженно проводившему линию Москвы среди раставленных тенет. Потерпите немного, а когда приеду, постараюсь устроить Ваше положение и заслужить тем себе искреннего и преданного человека-помощника».¹ Через полтора месяца, 22 апреля 1941 г., Экзарх отправляет клирику пасхальное письмо - ответ на вопрос о том, как следует подавать просьбу в советские органы о снижении квартирной платы.² То есть, буквально напрашивается вывод о том, что владыка Сергей (Воскресенский) выискивая среди православных приходов Балтии своих единомышленников, в Литве на одного из первых обратил внимание на действительно терпевшего в годы польской независимости лишения священника Голода, который действительно впоследствии станет его сторонником в среде православных приходов Литвы.

Ситуация в Эстонии складывалась гораздо более драматично. В первую очередь в этой связи следует выделить те группы представителей православных приходов Эстонии, которые более всего желали в предвоенный период и в особенности с началом ползучей советизации Балтии воссоединиться с Московским Патриархатом. Так, особенно большое рвение в этом вопросе проявляли представители печерских и нарвских приходов. Своеобразный старт данному процессу дал приходской совет Сорокомученической церкви Печер. 4 августа 1940 г. на его заседании была дана очень жесткая оценка переходу Эстонской Православной Церкви под омофор Константинопольского Патриархата, в частности звучали достаточно резкие характеристики смены юрисдикции в 1923 г.: «...Это было сделано без ведома и согласия православных приходов в Эстонии, которые до сего времени были лишены возможности перед кем-бы то ни было опротестовать отторжение».³

Также особо подчеркивалось, что данный печерский приход всегда «по духу, церковному укладу и жизненному быту» был «верным чадом Московского православия», в то время как не имел «никаких точек соприкосновения» с Патриархатом Константинопольским. В связи с этим ныне собравшиеся члены сорокомученического

---

¹ LYA.FK-1.Ap.58.B.P-4012.L.41-10.

² Ibid.L.41-9.

³ EAA. F1655. N.3.S.1186. L.1.

прихода приняли решение незамедлительно обратиться к митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому), которого они считают «законным представителем Московской Патриархии» о непосредственном переходе их прихода в подчинение Русской Православной Церкви. На следующий день товарищ председателя данного приходского совета Петр Васильев, церковный староста Шкоков и другие члены сорокомученического приходского совета отправили владыке Елевферию специальное короткое прошение, в котором было особо отмечено, что они желают перейти в юрисдикцию Московского Патриархата.¹ Однако очень скоро стали появляться и просоветские обращения представителей приходского совета, которые теперь напрямую связывали постепенное установление в Балтии советских порядков с решением насущного для них канонического противостояния с руководством ЭАПЦ. Так, в одном из них исполняющий обязанности главы все того же приходского совета печерского прихода Сорока мучеников Петр Васильев и секретарь Слесарев утверждали, что с принятием 6 августа 1940 года Эстонии в состав «великого союза С.С.Р.» должен быть положен конец с их точки зрения «эстонскому церковному расколу» и власти над православными в Эстонии, ушедшего в схизму священноначалия, опиравшегося на «клику властей-поработителей рабочего народа» и враждебных к советским властям представителей Константинопольского Патриархата.²

В то же самое время события двадцатых чисел июня 1940 г. в данном документе называются «историческим переворотом». Важным аргументом в пользу возвращения под омофор Москвы, который выдвигали многие противники константинопольской юрисдикции, в том числе и приходской совет сорокомученического прихода, было запрещение автокефалистами практически повсеместно празднования православными праздников по старому стилю, чего не было в лоне Московского Патриархата. Следует отметить, что в данной позиции печерских верующих переплелись многие аспекты жизнедеятельности православных в предвоенной Эстонии. С одной стороны, действительно, русские православные приходы Эстонии во второй половине 1930-х гг. были достаточно ограничены в правах, не имели возможности бытия по тем традициям, которым они хотели следовать. С другой, некоторая часть жителей нарвского и печерского региона, состоящая прежде всего из крестьян, желала присоединения стран Балтии к СССР, верила просоветской подпольной пропаганде большевиков и видела в советской государственном устройстве желаемое улучшение собственного жизненного

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.1186. L.22.

² Ibid. L.10.

порядка. Все это выразилось в настроениях части православных, желающих скорейшего осуществления перехода Эстонской Православной Церкви из под омофора Константинополя в лоно Москвы.

7 сентября 1940 г. Литовский епархиальный совет передает сорокомученическому приходу резолюцию митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского), в которой он дает свое «архипастырское благословение» на возвращение прихода в каноническую юрисдикцию Московского Патриархата. Уже 16 сентября приходской совет печерского храма составляет Синоду Апостольской Православной Церкви письмо с разъяснением своей особой позиции. Отметим, что данный документ был составлен, по словам его авторов, после того как Синод выпустил циркуляр за подписью члена Синода протоиерея Константина Густавсона и его секретаря протоиерея Д. Самона, в котором осуждались последние действия прихода Сорока мучеников, в частности они назывались вредными для церковной жизни и общественного порядка, а также были высказаны сомнения по поводу правдивости обвинений в адрес руководства Эстонской Апостольской Православной Церкви.¹ В ответ печерские верующие обвиняли членов Синода в ложной трактовке их резолюций и послания к митрополиту Елевферию (Богоявленскому) церковными властями в Таллинне, а также выдвигали священноначалию все новые и новые обвинения. Главным обвинением являлось то, что митрополит Александр (Паулус) в 1923 г. тайно, не уведомив местные православные приходы о своем решении, сменил каноническую юрисдикцию, к тому же без созыва Собора Эстонской Православной Церкви. К этому добавлялись обвинения в адрес местных эстонских светских властей, которые в буквальном смысле запрещали печерянам праздновать чисто религиозные праздники по старому стилю, при попустительстве руководства ЭАПЦ.

Хотя, однако, следует отметить, что составители письма упомянули в нем, что владыка Александр все же письменно сообщил 29 июня 1940 г., что с его стороны нет никаких препятствий для совершения богослужений по старому стилю, отменять же постановления государственных властей он не может. Печеряне опять же выразили свое удовлетворение тем, что светские власти в Эстонии сменились и теперь им представляется широкая возможность самим решать когда праздновать религиозные праздники (особенно отметим, что в документе есть такая формулировка: «Заявляем, что мы всемерно заботимся об истинном благоустройении церковной жизни в наше ответственное время в рамках сталинской Конституции и согласно с законами и

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.416. L.67.

распоряжениями Правительства Э.С.С.Р.».¹). Завуалированно обвинялся митрополит Александр (Паулус) и в нежелании помогать местным православным отстаивать старый стиль, в отличие от руководителей старообрядческих общин, которым, по мнению составителей письма, удалось вытребовать у светских властей возможность старостильных празднований. В данном письме мы видим уже вполне определенный план действий представителей данного православного прихода: они хотели, обвиняя митрополита Александра (Паулуса), показать непрерывные притеснения по отношению к русским православным приходам со стороны светских и церковных властей в период, предшествующий событиям июня 1940 г. Все это незримо подготавливало почву для дальнейших событий. Столь сложную ситуацию понял и сам митрополит Александр, попытавшийся отправить в Печеры специальное послание с требованием разъяснения принятой позиции (в годы немецкой оккупации он будет однозначно характеризовать представителей сорокомученического прихода как «активных большевистских агентов», о чем мы еще скажем ниже).

16 сентября 1940 г. состоялся общеплачевинический съезд в Печерах, на котором присутствовали как сторонники скорейшего объединения с Московской Патриархией, так и представители окружения митрополита Александра (Паулуса) – представляющий Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви протоиерей Константин Густавсон и местный благочинный Николай Рааг. На данном съезде выявились острые противоречия между двумя возникшими группировками, вылившееся в то, что руководителем собрания был избран местный протоиерей Бежаницкий вместо назначенного Синодом отца Раага, который узнав о решении собравшихся, сложил с себя полномочия благочинного. Впоследствии причины, побудившие православных печерян к данному решению обозначались ими так: «Личные угрозы, построенная во всем уезде, во всех приездах тонкая сеть шпионажа на служителей и работников приходов, сделала жизнь в печерском благочинии жуткой и низвела всех священно – церковно служителей и церковных деятелей перед благочинным на какую-то ступень подхалимства перед ним, под угрозой вечной боязни потерять место и познакомиться в худшем случае с выявлением воли полицейского аппарата, рана слишком наболела и время об этом открыто сказать правду в глаза – о. Н. Рааг перед вашим представителем.».² Впоследствии представители руководства ЭАПЦ признали решение об отстранении благочинного недействительным, а продолжение съезда «незаконным», хотя на нем присутствовал и выступал протоиерей

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.416. L.67-app.

² ЕАА. F.1655. N.3.S.1186. L.19.

Густавсон. В ответ на данное непризнание и письмо к участникам съезда митрополита Александра (Паулуса), датированное 16 октября 1940 г., представители президиума съезда Петр Васильев и Николай Кулинов, бывшие главными инициаторами августовского послания к владыке Елевферию (Богоявленскому), 23 октября составили по поручению президиума съезда послание главе ЭАПЦ, в котором описали всю сложность ситуации с благочинным Николаем Раагом. Следует отметить достаточно резкий тон данного послания, наполненного обвинениями в адрес как самого Раага, так и других видных деятелей Эстонской Православной Церкви: в частности поднимается вопрос о поведении во время съезда и после него отца Константина Густавсона и о «лукавых мудрствованиях» протоиерея Христофора Винка, заявившего, что выпись из общеправославного съезда не может называться выписью.¹ Причиной данного обвинения также было специальное письмо отца Христофора Винка, в котором он действительно заявляет, что протоиерей Николай Рааг, открывший общеправославный съезд в Печерах, вскоре его закрыл, после того, как большинство собравшихся не согласилось подчиняться «законным требованиям председателя». ² Состоявшееся собрание под председательством протоиерея Бежаницкого церковными властями собранием общеправославного съезда не признается. Основным же выдвигаемым требованием печерян заявляется в вышеупомянутом октябрьском послании исполнение принципа избираемости благочинного, а не его назначения церковными властями в Таллинне.

В то же время и руководство Эстонской Апостольской Православной Церкви не могло в данной очень щекотливой для себя ситуации бездействовать, ведь печерский прецедент мог очень быстро распространиться и на другие русские приходы Эстонии, которые также могли в одностороннем порядке обратиться к представителям Московской Патриархии с просьбой перехода под омофор Москвы. Также сказывалась и сложная общеполитическая обстановка в регионе, все быстрее проходил процесс советизации Балтии, что автоматически не могло не сказаться на положении дел в ЭАПЦ. 30 сентября 1940 г. благочинным Печерского края были разосланы специальные извещения Синода Эстонской Православной Церкви для местных приходов, в которых было отмечено, что 23 сентября Синод ЭАПЦ вопрос об объединении с Московским Патриархатом решил положительно.³

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.1186. L.19-21.

² Ibid. L.28.

³ Ibid. L.24.

В ответ на это печерские приходы потребовали более полного разъяснения сложившейся ситуации, заметив, что они не удовлетворены столь краткой и достаточно обтекаемой формулировкой. Одновременно в Печерах полным ходом начался процесс реального постепенного перехода в каноническое подчинение митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского) местных русских приходов. Особую роль в этом процессе сыграл в буквальном смысле слова изгнанный с территории Балтии в предвоенные годы необычайно популярный у местного населения епископ Иоанн (Булин). Так в переписке с другим духовенством региона протоиерей Владимир Преображенский отмечал, что настоятелем Сорокамученического прихода стал старейший член ее приходского совета и его старейшина Михаил Павлович Шкоков, назначение которого митрополитом Елевферием (Богоявленским) не состоялось бы без поддержки владыки Иоанна.¹ Другие письма духовенства, адресованные как митрополиту Александру (Паулусу), так и направляемые друг другу хорошо показывают абсолютный разброд мнений пастырей по поводу происходящих в местной православной среде событий, непонимание кто теперь является священноначалием в Печерском крае (для примера приведем письмо послушника Павла Горшкова, в годы нацистской оккупации игумена Печерского монастыря, митрополиту Александру (Паулусу), в котором он в буквальном смысле слова сознавался и просил прощения у главы ЭАПЦ за то, что служил при вновь назначенном митрополитом Елевферием епархиальном архиерее Иоанне (Булине))².

Постепенно начинается процесс дискуссии о возвращении в лоно Московской Патриархии и в среде нарвских православных приходов. На данные настроения Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви отвечает специальным письмом Нарвскому епархиальному совету от 25 сентября 1940 г., в котором говорилось, что «По случаю вступления Эстонии в союз Советских Социалистических Республик и изменения государственного строя возникла необходимость изменить и общий строй Православной Церкви Эстонии и восстановить прежнее общение с Российской Церковью».³ В связи с этим Нарвскому епархиальному совету также сообщалось, что Синод решил вопрос о воссоединении положительно и теперь просит совет высказать свое мнение по этому вопросу. Окончательное решение митрополит Александр (Паулус) принял уже в ноябре 1940 г., все же решив вернуться под омофор Московской Патриархии. 16 ноября 1940 г. глава Эстонской Апостольской Православной Церкви отправляет Местоблюстителю

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.1186. L.82-83.

² Ibid. L.68-68-app.

³ ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.2.

Патриаршего Престола Русской Православной Церкви митрополиту Сергию (Страгородскому) послание, в котором разъясняет свою собственную позицию в эстонском церковном вопросе, кратко восстанавливая церковную жизнь в Эстонии за последние два десятилетия.¹ Начинает владыка Александр с того, что описывает процесс своего избрания на кафедру правящего архиепископа Эстонии с согласия Российского Высшего Церковного Управления и Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина). Затем он отмечает, что жизнь Православной Церкви в Эстонии изначально была нелегкой, а со временем у православных в Эстонии возникают две важнейшие проблемы: крайняя затруднительность нормального общения с представителями Российской Православной Церкви и возникновение неких «внутренних разногласий». В связи с этими проблемами, а также «согласно постановлениям Соборов Эстонской Православной Церкви» владыка Александр (Паулус) был вынужден отправиться в Стамбул, где Константинопольский Патриарх «утвердил положение Эстонской Православной Церкви особой грамотой – Томосом». Особо отмечает митрополит в послании тот факт, что по прибытию из Турции он отправил в декабре 1923 г. специальный доклад Патриарху Тихону о результатах произошедшей поездки, в котором кроме всего прочего указывалось, что: «...Эстонская Православная Церковь и впредь будет почитать имя Святейшего Патриарха Тихона и что о вступлении в должность каждого нового Митрополита Эстонии будет сообщаться Патриарху Российскому, как и Константинопольскому, то формального отделения Эстонской Православной Церкви от Российской и не было».² Теперь же, судя по тексту данного послания, по причине «перемены обстоятельств» и в связи с вступлением Эстонии в состав Советского Союза, для «Православной Церкви в Эстонии открылась возможность возобновить прежние отношения с Российской Церковью и вступить с нею в тесное каноническое единение».

Заканчивается данное послание тем, что митрополит Александр (Паулус) заявляет, что он по решению Синода ЭПЦ обращается к главе Московского Патриархата с просьбой о принятии Эстонской Православной Церкви «в единение» с сохранением прежних границ и оставлением на прежних местах архипастырей. Как мы видим в данном послании владыка Александр достаточно ловко обходит все сложные в истории ЭАПЦ моменты, акцентируя внимание на вынужденности перехода в лоно КП, ссылаясь даже на не известные пока постановления Собора Эстонской Православной Церкви 1923 г. Скорее всего, к ноябрю 1940 г. эстонский митрополит понял всю сложность нынешней остановки

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.416. L.86-87.

² Ibid. L.86-app.

в стране, проанализировал изменения в системе государственной власти, а также осознал степень опасности для него лично и для всего Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви решений приходских советов на местах.

В то же время нельзя опровергнуть и тот факт, что само послание достаточно сдержанное: в нем открыто среди причин побудивших Синод пойти на изменения отмечается вхождение Эстонии в состав СССР, да и к тому же оно не изобилует раскаянием в содеянном «грехе раскола». Важно отметить, что за три дня до составления данного послания главе ЭАПЦ пришло письмо от епископа Нарвского Павла (Дмитровского), который в нем заявлял, что ничего не знает о ситуации по поводу воссоединения с Московским Патриархатом кроме того, что было решено на заседании Синода 23 сентября 1940 г.¹ В связи с этим у владыки Павла возникает вопрос о том, послано ли какое-либо представление в Москву и если да, то приходил ли на него какой-либо ответ. Свой вопрос епископ Нарвский связывает с «всеобщей взволнованностью», вызванной важностью данной проблемы для большинства православных епархии. 18 ноября митрополит Александр (Паулус) направил в Нарву ответное послание, в котором отмечал, что он отправил соответствующее представление в Московский Патриархат и теперь стоит только ждать ответа.² Некую задержку в своих действиях председатель ЭАПЦ объясняет наведением необходимых справок. Интересно отметить, что свой небольшой ответ он заканчивает описанием дошедших до него слухов о схожей ситуации в Латвии, где митрополит Августин (Петерсон) «выселен из рижских квартир» и поселился у своей дочери, а епископ Иаков (Карп) стал жить в деревне.

Через месяц из Москвы пришел ответ от Местоблюстителя Патриаршего Престола, в котором дается достаточно четкая оценка произошедших в православных приходах Эстонии за последние двадцать лет событий, в особенности жестко оценивается смена юрисдикции в 1923 г. Данное событие представляется митрополиту Сергию (Страгородскому) как действие поспешное, неканоническое и вызванное политическими соображениями, к тому же как раскол, подпадающий под суровые прещения. В то же время он между строк обрисовывает и некие пути к объединению, заявляя, что митрополит Александр (Паулус) видимо раскаялся в содеянном и понял ошибку двадцатилетней давности. В частности, главе Эстонской Апостольской Православной Церкви делается недвусмысленное предложение посетить Москву: «Лучше же всего Вам привести свой ответ сюда лично, захватив, может быть, с собою и кого-нибудь из Ваших

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.416. L.123.

² Ibid. L.123-app.

ближайших сотрудников. В помещении патриархата мы бы оформили восстановление между нами церковного общения / как это мы сделали, напр., с представителями б. Польской автокефалии/, а потом явили бы наше единение совместным служением Божественной Литургии в одном из храмов Москвы.»¹

Мы видим здесь уже некий четкий план действий, который глава Московского Патриархата обрисовал для предстоятеля ЭАПЦ, заключающийся в том, что последнему следует решиться на визит в Москву, без чего решение вопроса о воссоединении судя по всему не представляется возможным. На конкретные вопросы Местоблюститель Московского Патриаршего Престола ответил гораздо более ясно, заявив, что вопрос о границах отпадет по причине совпадения «церковных границ» с государственно-административными, то есть любое изменение границ новообразованной ЭССР автоматически повлечет за собой и изменение границ Православной Церкви в Эстонии. Касательно же вопроса об автономии Эстонской Православной Церкви митрополит Сергей (Страгородский) заметил, что теперь его не стоит ставить на повестку дня, причем объяснил это в достаточно жесткой форме: «...Автономия понятна для церкви, находящейся на территории независимого государства; но теперь мы Вас принимаем, как граждан нашего же Союза, во всем нами равноправных. По какому же признаку мы выделим Вас в особую группу? Национальный признак опять-таки не годится, потому что в Эстонии проживают, хотя и в меньшинстве, и русские православные, да и немало соседних национальностей...».² Далее митрополит Сергей (Страгородский) приводит достаточно странный аргумент о том, что в Эстонии было бы «не дешево» иметь «громоздкую организацию» с периодическим созывом соборов, «постоянным синодом», а также съездами и советами по отдельным епархиям. Далее он дает характеристику положения Московского Патриархата, отмечая, что так как в СССР Церковь отделена от государства, то в ведении Православной Церкви оставлены дела только «непосредственно канонические и пастырские» (намекнув, что вскоре подобная же ситуация будет и в Эстонии).

В результате суть его предложения состоит в том, что в Эстонии будет эстонская православная епархия во главе с архиепископом или митрополитом Эстонским и Таллинским, имеющим в своем попечении все местную православную паству, также он под своим общим руководством может выделить «некие участки» для непосредственного их архипастырского окормления. Среди оных в письме московский митрополит

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.416.L.91-app.

² Ibid. L.92.

упоминает об епископе Нарвском Павле (Дмитровском), а также об архиепископе Печерском Николае (Лейсмане), ушедшем незадолго до этого на покой (видимо и по причине деятельности сторонников объединения с Российской Церковью в Печерском крае). Наконец, крайне примечательно, что особо владыка Сергей (Страгородский) выделил в своем ответном послании владыку Иоанна (Булина), который по его словам был утвержден митрополитом Елевферием (Богоявленским) «в звании епископа Печерского», сказав, что данное назначение было результатом желания печерской паствы и особо отметив: «Надеемся, Вы найдете ему архиерейское занятие где-нибудь около Печерска, пока не откроется возможность устроить его иначе / может быть и вне Эстонии/». ¹

Очевидно, что такое довольно резкое письмо, при всем соблюдении «необходимых приличий» означало ничто иное как руководство к действию для митрополита Александра (Паулуса). Должен был он и понять, что отныне никакой автономии, независимости в управлении Эстонской Церковью, даже в назначении архиереев больше не будет. Понятно было и то, что очень скоро православные приходы Эстонии ждет «советизация» по примеру Православной Церкви в остальном Советском Союзе. Можно было, конечно, получив подобное письмо из Москвы начать сопротивление религиозному курсу Московского Патриархата, но в то же время митрополит Александр (Паулус) должен был понимать, что во-первых, большая часть русских православных приходов нарвского и печерского регионов уже настроена на объединение с РПЦ, а, во-вторых, какое-либо сопротивление могло вызвать недовольство и у новых светских властей, всегда желающих найти повод для нанесения удара по Православной Церкви.

Московский Патриархат решил «разведать» ситуацию с православными приходами Эстонии на месте, приняв 20 декабря 1940 г. решение об отправке в Балтию архиепископа Дмитровского Сергея (Воскресенского). ² Впоследствии появились разные трактовки данной «поездки» владыки Сергея (Воскресенского), так уже в период послевоенной эмиграции митрополит Александр (Паулус) в статье с достаточно провокационным названием «Агент НКВД подрывает эстонскую церковную жизнь (1943/1950)» вспоминал, как он был неожиданно разбужен утром 17 января 1941 г., когда услышал громкий голос, говорящий на русском языке из соседней комнаты. ³ Вошедший в комнату главы ЭАПЦ протодиакон сказал, что к митрополиту пришли «посетители из Москвы», на что владыка

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.416. L.92-app.

² Ibid..L.93.

³ The Autonomus Orthodox Church of Estonia. ...P. 187.

Александр подумал, что за ним «пришли из НКВД». Однако, судя по его воспоминаниям, войдя он увидел сорокапятилетнего с черной бородой, пышущего здоровьем и одетого в епископское одеяние из черного шелка епископа. Как ни сложно догадаться этим визитером был владыка Сергей (Воскресенский), который начал убеждать митрополита Александра в том, что в Советском Союзе обеспечена религиозная свобода, православные иерархи находятся в прекрасном положении, привел этому свой пример. Также он попытался убедить главу Эстонской Православной Церкви, что в Латвии уже достигнуты договоренности с митрополитом Августином (Петерсоном) о переходе Латвийской Православной Церкви из под омофора Константинопольской Православной Церкви в Московскую Патриархию, а теперь дело стоит только за Эстонией. Особо отметил в своих воспоминаниях владыка Александр (Паулус) два очень важных нюанса: во-первых, то, что он был шокирован визитом «московского гостя», о чем ему не сообщалось, и поэтому эстонский Синод не смог подготовиться к серьезным предстоящим решениям канонических вопросов, а во-вторых, отдельно он выделил факт того, что владыка Сергей (Воскресенский) к моменту своего приезда был в контакте с представителем русских в Печерах Матвеевым (судя по воспоминаниям именно этот человек якобы бронировал при содействии НКВД будущему Экзарху «роскошные апартаменты»). Безусловно, верить подобному описанию очень сложно, ибо уже находясь в эмиграции, как и во время оккупации (о чем мы еще скажем отдельно ниже) как самому владыке Александру (Паулусу) так и его сторонникам нужно было доказать насильственность присоединения к Московской Патриархии в 1940-1941 гг., в том числе обосновывая свои «предательские» действия тем, что присылаемое из Москвы духовенство, и особенно будущий Экзарх Сергей (Воскресенский), являются прямыми сотрудниками НКВД, способными на любые действия в адрес эстонского православного духовенства.

Тем не менее в тот же день, 17 января 1941 г., состоялось заседание Синода Эстонской Православной Церкви по поводу посещения Церкви уполномоченного Московской Патриархии архиепископа Дмитровского Сергея (Воскресенского). На нем сначала митрополит Александр (Паулус) рассказывает о причинах, побудивших руководство ЭАПЦ в 1920-х гг. сменить свою юрисдикционную принадлежность, в принципе повторяя то, что он ранее написал в письме митрополиту Сергию (Страгородскому), а уже затем владыка Сергей (Воскресенский) высказал свое мнение о ситуации с православными приходами в Эстонии.¹ В частности, он озвучил позицию Местоблюстителя Патриаршего Престола владыки Сергея (Страгородского) о том, что

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.422. L.12.

отныне следует отказаться по «политическим» причинам от идеи автономии Эстонской Православной Церкви, а также заявил, что русским по национальности православным верующим Эстонии следует придерживаться юлианского календаря и старого стиля, в то время как православным эстонцам, как и большинству их соплеменников, следует придерживаться григорианского календаря и так называемого нового стиля.

Также владыка Сергей (Воскресенский) поспешил заверить собравшихся, что слухи о тяжелом положении Православной Церкви в Советском Союзе слишком преувеличены, отрицая даже, факт преследования Церкви в СССР, ибо «сталинская конституция признает свободу вероисповедания». В завершении заседания члены Синода приняли решение «вновь просить Матерь Церковь принять Эстонскую Церковь в каноническое общение, покрыв любовью невольный грех отпадения».

У нас нет каких-либо сомнений, что итоговое решение данного Синода имело вынужденный характер для его членов, так как в сложившейся ситуации необходимо было быстро менять принятые в последние два десятилетия установившиеся позиции, идя на поводу не только и не столько у Московской Патриархии, сколько у своих же верующих русской национальности, чьи права долгое время ущемлялись церковными и светскими властями.

24 февраля 1941 г., как нами уже упоминалось выше, был издан специальный указ Московской Патриархии по которому вдовствующую после смерти митрополита Елевферия (Богоявленского) кафедру занял архиепископ Сергей (Воскресенский).¹ Через несколько дней, 1 марта назначенный в Балтию владыка Сергей (Воскресенский) выступил перед главой Московского Патриархата с докладом о положении дел в православных приходах Эстонии, в частности рассказав о своих впечатлениях о недавней поездке в Таллинн.² В первую очередь он поведал о том, что Синод ЭАПЦ и лично митрополит Александр (Паулус) желают воссоединения с Матерью Церковью, признавая свои ошибки прошлых лет, хотя и пытаюсь их «несколько завуалировать» сложной ситуацией 1920-х гг. В ответ в указе Московской Патриархии была дана достаточно критическая оценка деятельности руководства Эстонской Апостольской Православной Церкви, которое хотя и поминала имя Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина), но только до кончины последнего в 1925 г., после чего, как Латвийская, Польская, Финляндская и некоторые другие юрисдикции фактически отвернулась от Церкви-Матери, выбрав путь направленный в сторону Константинополя. Ставшему теперь

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.427. L.19.

² ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.8.

Экзархом Сергию (Воскресенскому) поручалось вновь посетить эстонскую столицу, где следовало совершить совместное с митрополитом Александром богослужение и воссоединить ЭАПЦ с Московским Патриархатом. К тому же, как было отмечено в указе «согласно выраженному православным населением желанию», управление церковными делами в Эстонии должен отныне взять на себя митрополит Виленский и Литовский, а владыка Александр (Паулус) сохранял теперь за собой титул митрополита Галлиннского и заведовал только частью православных приходов по соглашению с Экзархом Прибалтики. Языком богослужения объявлялись как эстонский, так и церковнославянский языки, что устанавливал каждый отдельный приход сам, с возможностью служения в порядке очереди и на одном и на другом языке. Общем стилем в то же время объявляется юлианский, а служить по новому стилю приходам разрешалось только с разрешения Экзарха. Епископу Павлу (Дмитровскому) и находящемуся на покое архиепископу Николаю (Лейсману) было разрешено остаться в архиерейском сане после принесения покаяния за свою «раскольническую» деятельность. Подчеркнем, что данные решения все же трактовали прошлые действия представителей Эстонской Православной Церкви как однозначную схизму, осуждали ее возглавителей и существенно ограничивали, фактически сводя на нет, автономию Эстонской Церкви. Также в данном решении можно усмотреть потакание интересам только лишь русским православным приходам Эстонии.

Теперь перед Московской Патриархией стояла последняя задача в деле «увещевания» эстонского раскола, а именно: добиться от митрополита Александра (Паулуса) покаяния. Сам он впоследствии вспоминал, что в конце марта 1941 г. получил из Москвы телеграмму от Экзарха, в которой говорилось, что главе ЭАПЦ необходимо срочно отправиться в Москву.¹ «Не желая никого ставить под удар» митрополит Александр один отправился в Москву. В эмиграции он вспоминал, что увиденное им по дороге его в буквальном смысле ошеломило: разрушенные храмы на всем пути следования, недалеко от Ямбурга часовня использовалась как туалет, в Ленинграде православные храмы также были и музеями и клубами, а также складами. По прибытию его встретил уже знакомый нам Дмитрий Ищевский, который представился секретарем Экзарха. По воспоминаниям митрополита Александра (Паулуса) резиденция Местоблюстителя Патриаршего Престола представляла собой небольшой дом в московском пригороде со старой мебелью. Сам глава Русской Православной Церкви выглядел достаточно устал, был просто одет (интересно отметить, что в своем описании митрополит Александр всячески старается противопоставить Сергия (Воскресенского), в

---

¹ The Autonomus Orthodox Church of Estonia. P. 188.

облике которого он неизменно подчеркивает роскошь и надменность, с митрополитом Сергием (Страгородским)). Есть в статье о «православном агенте НКВД» рассказ владыки Александра (Паулуса) и о самом процесс покаяния. В частности, он упоминает, что он, как и приехавшие из других вновь присоединенных областей СССР православные епископы, собрались в Елоховском Богоявленском соборе. Именно там был зачитан текст покаяния (особо отметим, что по версии митрополита Александра он не был ознакомлен с текстом покаяния, также текст этот был просто зачитан во время богослужения, и что глава ЭАПЦ понял, что это и есть текст покаяния только после пояснения митрополита Августина (Петерсона) уже прошедшего похожую процедуру).¹

Если же рассмотреть сам акт «о присоединении из бывшей автокефалии и Матери Церкви Российской Митрополита Александра /Паулюса/», то следует отметить, что в его тексте отмечено, что «так называемая Эстонская автокефалия была учреждена вопреки дарованной Патриархом Тихоном автономии», обращение же в Константинопольский Патриархат было каноническим нарушением, однако теперь митрополит Александр от имени клира и мирян Эстонской Православной Церкви, «переживая со скорбью свою виновность в грехе раскола, сыновне просит принять его в молитвенно-каноническое общение с Материю – Церковью.»² В этот же день Московская Патриархия выпустила указ №392, в котором митрополит Таллинский Александр (Паулус) признавался находящимся в лоне Московской Патриархии.³

Скорее всего, акт о воссоединении действительно был разработан руководством Московской Патриархии без какого-либо согласования с митрополитом Александром (Паулусом) и членами Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви. Трактовка действий представителей «эстонской схизмы» была однозначной, также как и передача реального управления православными приходами в Эстонии назначенному в Балтию митрополиту Литовскому и Виленскому Сергию (Воскресенскому). Что касается стиля управления, который избрал для себя Прибалтийский Экзарх Сергей, то по этому поводу существует несколько свидетельств и точек зрения. Владыка Александр представлял митрополита Сергия (Воскресенского) как жесткого и авторитарного правителя, требовавшего безоговорочного подчинения себе эстонского православного духовенства, пренебрегая интересами местных православных приходов и сложившимися в Эстонском Православии в последние десятилетия традициями. Следует отметить, что Экзарх теперь

---

¹ The Autonomus Orthodox Church of Estonia P.189.

² EAA. F.1655. N.3S.427. L.61.

³ Ibid .L.59.

постоянно находился в Риге, которая стала центром Прибалтийского Экзархата, и не мог контролировать все процессы, происходящие в православных приходах Эстонии. Для подтверждения именно этой точки зрения можно привести пример его телеграммы митрополиту Александру, в которой он оповещал митрополита Таллинского о том, что прибыл в Ригу и вступил в управление Экзархатом, в связи с чем ждет от последнего доклада.¹ С другой стороны, 10 апреля 1941 г. в письме Экзарху митрополит Александр (Паулус) рапортовал о том, что циркулярно сообщил о новом назначении владыки Сергия (Воскресенского) и о его вступлении в управление Экзархатом. Также в этом письме были и достаточно любопытные строки: «К сему добавлю, что церковная жизнь в ЭССР идет нормально. Покорнейше прошу выслать мне к сведению постановления, касающиеся Церкви и вероисповедальных общин.»² Переписка с митрополитом Виленским и Литовским в довоенный период вел и отец Александр Осипов, рассказывая Экзарху о трудностях и конфликтах в православных приходах Эстонии.³

Подводя итог возвращению эстонских православных приходов в лоно Московского Патриархата отметим, что здесь данный процесс был поддержан и в какой-то степени инспирирован русскими приходами ЭАПЦ, в особенности Печерского края, представители которых стали отправлять прошения о возвращении еще митрополиту Елевферию (Богоявленскому). В ответ на эти действия, в особенности на назначение епископа Иоанна (Булина) Печерским епископом, должен был реагировать и митрополит Александр (Паулус), который в данной ситуации все более походил на раскольника и чуть ли не узурпатора церковной власти в стране, чье утверждение прошло только лишь благодаря поддержки бывших светских эстонских властей. Результатом данного процесса и стал акт о воссоединении Эстонской Православной Церкви с Московским Патриархатом. В то же время будущие события немецкой оккупации покажут насколько сильным был авторитет владыки Александра в Эстонии, так ему удастся восстановить свою власть и на равных вести в стране борьбу со сторонниками Экзарха Сергия (Воскресенского).

§4. Репрессии против православного духовенства и мирян Балтии в 1940-первой половине 1941 гг. Национальный аспект.

В предыдущих параграфах мы уже описывали события советизации балтийских государств в 1940-1941 гг. Важным аспектом этого процесса была широкая атеистическая

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3S.427. L.148.

² Ibid.L.65.

³ Ibid. L.62-62-app.

пропаганда, вытравливание религиозных организаций из школ и высших учебных заведений, большие налоги на землю, полное запрещение миссионерской и благотворительной деятельности, закрытие религиозных средств массовой информации. Однако самый главный удар должен был быть нанесен по самим пастырям и активным мирянам. В связи с этим перед нами стоит задача выявить какая именно группа православных священников должна была быть подвергнута репрессиям, а также как зависела национальная принадлежность иереев к «заинтересованности» к ним со стороны представителей советских карательных служб. Целесообразным нам кажется рассмотрение репрессий против православного духовенства в период первой советизации Балтии отдельно по каждой стране.

Так, в Литве одними из первых начались аресты тех представителей православного духовенства, которые так или иначе были связаны с военными и политическими кругами межвоенной Литвы. Часто «усугубляли» судьбу пастырей такие события их биографий как членство в политических организациях или борьба с просоветскими силами в период российской и балтийских гражданских войн. Классическим примером в этой связи может стать трагическая судьба протоиерея Стефана Семенова. В 1919-1920 гг. Стефан Семенов принимал участие в Белой борьбе на Юге России, после чего эмигрировал с отступающими белыми частями на территорию Польши в Вильно, где служил псаломщиком. Позже он был рукоположен в иереи и стал настоятелем Александровской церкви в Ужусалаяй, а с 1924 г. отец Стефан был избран в состав Литовского Епархиального Совета. С 1935 г. ему суждено было стать военным священником литовской армии¹, что впоследствии сыграло роковую роль в его жизненном пути. После установления советской власти и последующего за этим упразднения института военных священников, отец Стефан Семенов возвращается в ставший уже родным ужусалаяйский приход, что однако не спасает его от ока советских репрессивных органов. Новые власти припомнили ему службу у Деникина, прибавив к этому обвинение «в содействии бывшей сметановской охранке и борьбе с революционной деятельностью».²

2 января 1943 г. бывший военный священник Литовской армии Особым Совещанием при НКВД СССР был осужден по статье 58-13 УК на 10 лет Исправительно-трудовых лагерей.³ Забегая вперед, отметим, что уже в 1950 г. Семенов был полным

---

¹ LYA.FK-1.Ap.58.B.P-13752.L.19.

² Ibid.L.26.

³ Ibid.L.36.

инвалидом и не мог не только заниматься физическим трудом, но и не мог быть отправлен в ссылку на поселение, как это планировалось. Однако даже в таком ужасном состоянии, разменявшему шестой десяток лет священнику отказали в возможности вернуться в Литву из-за опасности, связанной с «острой классово-борьбой с националистическим подпольем в республике». В результате отец Стефан вынужден был скитаться по Домам инвалида отдаленных от центра районов СССР. Как мы видим в данном случае главным аргументом для ареста священника было его особое положение в литовском обществе в межвоенный период, к которому также добавили и службу в Белой армии.

Также особо интересовали советские карательные службы молодые священники, чье становление прошло уже в годы независимости стран Балтии. Многие из них были членами разных политических и общественных организаций межвоенной Литвы. Характерен в этой связи пример отца Евгения Насекайло. Будущий священнослужитель родился в 1912 г. в Виленской губернии в семье священника Исидора Насекайло. Его детство и юность прошли уже в независимой Польше, однако он всегда осознавал себя русским, активно участвовал в жизни русской диаспоры Польши. Если верить материалам допросов священника, с 1924 г. он стал членом одной из скаутских организаций русской молодежи. Учась в семинарии в Вильне в межвоенные годы он сполна почувствовал на себе гнет польских властей и их неуважение к православным и их культурному наследию. В самый разгар межнационального конфликта отца Евгения перевели на служение в Вильно. Однако вскоре на литовскую землю приходят новые власти, которые не могли забыть участие молодого священника в скаутских организациях. Они стали приписывать ему участие не только в достаточно «безобидных» организациях, но и в политических организациях Русского Зарубежья, прежде всего в известной яро антибольшевистской организации «Братство Русской Правды». В 1939 г. Евгений Насекайло арестовывается в первый раз, после чего 16 месяцев находится под следствием сначала в Вильнюсе, а потом в Белостоке и Вилейке.

Позже, уже после войны, в заявлении на имя Лаврентия Берии от 18 апреля 1953 г., он поведаёт о том, что во время следствия к нему применялись некоторые средства из арсенала «советских спецслужб», в частности холодная вода и резиновая дубинка, после чего он был вынужден писать под диктовку следователя Сергеева ложные показания, в которых оговаривал себя в частности в том, что принимал активное участие в антисоветских эмигрантских организациях 1930-х гг.¹ Когда же молодой священник отказался писать клеветнические показания, следователь Сергеев заявил ему, что: «Не

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-9041-L.59-59app.

зависимо от того, что будет написано в ваших показаниях – мы вас не выпустим. Для вас же лучше если вы будете сидеть у нас здоровым, а не изуродованным вот этим инструментом», при этом Сергеев указывал на резиновую дубинку¹. Позже, уже при переводе в Вилейку, Насекайло достались другие следователи, которым он пытался поведать о методах «работы» следователя Сергеева, однако же тут он смог услышать от следователя Артемова лишь «вескую причину» для ареста: «...мы взяли вас не потому, что вы что-нибудь сделали, а потому, что вы могли бы сделать если бы захотели; а так как мы предполагаем, что вы можете захотеть – мы вас взяли».² Именно тогда, во время следствия, отец Евгений написал в ходе дачи показаний проникновенный очерк об истории Православия в Польше и Литве, а также о том, как тяжело пришлось православному населению региона после падения Российской Империи жить в независимой Польше, раскрыл жизненные мотивы молодого поколения русских Литвы, показал как сильно государственная власть польского государства давила на русских, постоянно ущемляя их права. Советские же следователи заставили его признаться диаметрально в противоположном, а именно в работе на 2 отдел польского Генерального Штаба, работе на польские репрессивные органы (особенно в контексте репрессий польских властей против местных коммунистов) и, конечно, антисоветских проповедей, причем не только в православных храмах, но почему-то и в католических костелах.³ Его вынудили сознаться в участии в Братстве Русской Правды, а также в Русском ОбщеВоинском Союзе, распространении антисоветской литературы и вовлечении в эти организации многих молодых представителей православного Вильнюса. Итогом этого, как потом окажется первого, следствия было отбывание Евгением Насекайло восьмилетнего срока в лагерях Заполярья. Там отец Евгений пережил все тяготы не только лагерной жизни в мирное время, но и лагерной жизни в период войны.

Особенно тяжелыми днями для всех тех, кто выглядел подозрительно для советских властей в Балтии были июньские дни 1941 г. Отнюдь не случайно теперь 14 июня этого года именуется в Литве Днем траура и надежды, когда по стране прокатилась массовая волна арестов. Некоторые аресты носили характер настоящих расправ. Очень хорошо процесс «добровольной советизации» продемонстрирован в воспоминаниях архимандрита Алексия (Чернай), который в 1940-1941 гг. был рядовым литовским священником. Прежде всего, пастырь вспоминал, что всех священнослужителей новые власти считали дармоедами, запрещали им носить «священническую одежду», из-за чего

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-9041-Л. L.59-59app.

² Ibid.L.46.

³ Ibid. L.45-46.

большинство представителей духовенства вынуждено было осваивать светские специальности, работу на которых они совмещали с богослужениями (сам отец Александр Чернай стал десятником на починке дорог). Как вспоминал архимандрит Алексей, в то же время начинаются и ночные допросы священников советскими карателями, которые пытались «донести» служителям культа, что они не представляют собой трудовое население, а светская работа является для них лишь «временным прикрытием». Обычно подобные ночные допросы заканчивались уже с утренней зарей. Ухудшилась ситуация с высылкой части населения с территории Литвы в мае 1941 г. Многих представителей духовенства и других «противников» советской власти спецорганы попросту не успели арестовать и эвакуировать в связи с начавшейся войной и нападением нацистской Германии. Однако в уже упомянутых воспоминаниях есть очень примечательный момент, который рассказывает о советских репрессиях против неблагонадежных лиц в самом начале войны. Так, после отступления и оставления Векшней, где служил отец Александр Чернай, вооруженная часть НКВД неожиданно туда вернулась и начала настоящий террор, убив сторожа и местного ксендза. Охотились они и за самим отцом Александром, однако по счастливому стечению обстоятельств его в тот день не было в Векшнях, к тому же его успели предупредить об опасности местные жители (органы НКВД усиленно искали православного пастыря).¹

К сожалению, из-за недоступности для исследователей целого ряда документов, способных помочь раскрыть сущность и масштабы гонений против местного духовенства в мае-июне 1941 г., и даже с началом Великой Отечественной войны, довольно сложно судить о массовости таких вот карательных акций советских властей. Однако следует отметить, что очень схожие репрессивные мероприятия проводились во всех трех странах Балтии. Ведущий специалист по истории Православия в Латвии профессор А.В. Гаврилин характеризует начало репрессий советских властей в стране в 1940 г. так: «Начался страшный год коммунистического режима. Для русского населения Латвии попытки увидеть в солдатах Красной армии «своих», русских вскоре сменились ожиданием неизвестного, которое постепенно поглощалось чувством страха. Люди стали бесследно «пропадать» с первых дней нового политического режима. Вначале аресты в основном

---

¹ Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний отца Архимандрита Алексея (Чернай). Сан-Франциско: Глобус, 1981. С.137-141.

затронули так называемых «белогвардейцев», то есть русских эмигрантов, которых не вывозили в Сибирь, а расстреливали в Латвии без суда и следствия.»¹

Основные категории репрессированных в Латвии представителей православного духовенства были те же, что и в соседней Литве: ранее служившие в Белых армиях лица, члены политических и общественных эмигрантских организаций, активные и трепетные проповедники. К примеру, диакон Покровской церкви латвийской столицы Иоанн Гонестов был обвинен в том, что служил в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича и участвовал в полувоенной организации «айзсаргов». Результатом ареста был приговор И. Гонестова к расстрелу.² Некоторых священников, служивших в Белых армиях не арестовывали лично, ограничиваясь репрессиями против диаконов и активных членов прихода, церковных учителей. Важно отметить и позицию в связи с репрессиями против православных балтийского священноначалия и лично Экзарха Сергия (Воскресенского). Относительно репрессий митрополит Сергей проводил известную ему еще по служению в Московской епархии линию – не замечать тот или иной арест, понимая, что это не даст каких-либо положительных результатов, а может наоборот повредить и себе самому и всей вверенной ему территории. Будущий видный протопресвитер Александр Киселев, который впоследствии будет служить клириком в Комитете Освобождения Народов России, бывший в то время священником в Таллинне, характеризовал позицию Экзарха, исходя из собственных воспоминаний так: «Я обратился с просьбой к митрополиту Сергию защитить недавно арестованного в Эстонии Ивана Аркадьевича Лаговского – церковного деятеля, никакого отношения к политике не имевшего. Чем настойчивее я просил, тем настойчивее отвечал он одной и той же фразой: Советская власть никого напрасно не арестовывает».³

Хотя следует отметить, что Иван Лаговской, как впрочем и отец Александр Киселев, были активными членами Русского Студенческого Христианского Движения, к тому же Лаговской выступал и печатался в довоенное время с темами веры и неверия в СССР, что не могло понравиться новым властям Балтии. Судя по всему аресты членов РСХД стали одной из главных задач советских властей по выдавливанию «чуждых» элементов с вновь присоединенных территорий. Вот как эти события описывает отец

---

¹ Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М. Общество любителей Церковной Истории, 2013. С. 93.

² Там же. С.93-94.

³ Протопресвитер Александр Киселев. Воспоминания // Журнал Московской Патриархии. 2001. №9. С. 58.

Георгий Бенигсен в Латвии: «Наши ряды начинают понемногу редеть. Многие уходят с тем, чтобы кануть в неизвестность. Ночью их уводят агенты НКВД, оставляя в квартире щемящий душу след многочасового обыск... И вдруг - страшные Варфоломеевские ночи двенадцатого и тринадцатого июня 41 года. Во всех городах Прибалтики мобилизованы все грузовые автомобили. Двенадцатого июня я иду с моим другом и сотрудником по студенческой христианской работе по улицам нашего города. Все площади запружены грузовиками. Мы рассуждаем, к чему бы это, и не можем найти ответа....».¹ Сам не так давно рукоположенный отец Георгий тоже ждал неминуемого ареста.

Сейчас в последних исследованиях крупных специалистов по истории Православной Церкви в XX столетии появляются данные о том, что органы НКВД в начале июля 1941 г. планировали депортировать в Сибирь все латвийское православное духовенство, чему помешала только разразившаяся война и начавшаяся оккупация.² Из-за недостатка и недоступности архивного материала сейчас сложно судить о том, какой виделась судьба религии в целом, и Православия в частности на «возвращенных» Советскому Союзу территориях, безбожным властям, однако с уверенностью можно сказать одно: исходя из развернувшихся репрессий дело шло к развертыванию широкомасштабного наступления на Церковь и верующих.

Наиболее показательной ситуация была в Эстонии. Во-первых, несмотря на то, что основная часть именно русских по этнической принадлежности православных христиан поддержала воссоединение Эстонской Церкви, репрессивный удар советских властей был направлен на русских православных мирян и пастырей, что во многом было обусловлено тем, что этих людей зачастую воспринимали как «белоэмигрантов», самых активных представителей «антисоветского элемента». Во-вторых, в отношении эстонских по национальности православных клириков и мирян, был избран путь репрессий против активных политических деятелей межвоенной Эстонии, что прекрасно транслирует пример Адо Бирка и протоиерея Николая Пятса. В-третьих, как и в других балтийских странах, под удар попали и бывшие чины и военнослужащие Белых армий, в особенности Северо-Западной армии. Теперь рассмотрим судьбы некоторых репрессированных отдельно.

Одним из первых были арестованы представители Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД), деятельности которого в межвоенной Эстонии, в отличие от Латвии, не чинили каких-либо препятствий. В этой связи следует выделить

---

¹ Бенигсен Георгий., протоиерей. Христос Победитель/ /Вестник Русского Христианского Движения. С. 130.

² Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители.... С. 205.

репрессии против Ивана Аркадьевича Лаговского, Татьяны Евгеньевны Дезен и Николая Николаевича Пенькина, то есть так называемое «дело РСХД». Данный процесс уже исследовался российскими и эстонскими историками, мы лишь определим некоторые его контуры. Главной целью советских следователей в этом процессе было определение резко антисоветской сущности РСХД, а также доказательство того, что его участники были готовы к вооруженной и подпольной борьбе против советской власти, а также стояли в арьергарде пропагандистской антисоветской кампании в Эстонии. Судя по протоколам допросов, в первую очередь следователи добились от подсудимых признания того, что РСХД является международной организацией, центры которой находятся вне Балтии. В то же время на вопросы о конкретных попытках представителей РСХД проникнуть на территорию СССР Иван Аркадьевич Лаговской отвечал, что: «Посылки людей в Советский Союз со стороны Движения, насколько я знаю работу Движения, не было и связей с Россией Движение не имело. Вести агитацию против Сов. Союза внутри Союза Движение считало бесполезной задачей. Движение твердо было убеждено и в невозможности такой работы и вредности ее».¹ Однако незнакомый в полной мере с особенностями работы карательных служб Советского Союза Лаговской признавался в том, что вел антисоветскую борьбу: «Моя личная антисоветская деятельность выражалась в участии в работе РСХДвижения в качестве одного из его активных работников, в печатании статей, посвященных описанию положения православной церкви в Советском Союзе и в описании «гонений» на веру, в устных докладах на эти темы, как во Франции, так и вне Франции, во время моего пребывания в Эстонии, в участии в выработке педагогических программ, связанных с идеями религиозного воспитания, противостоящего антирелигиозному коммунистическому воспитанию».² Условно говоря «ту же схему» советские следователи применяли и к Т.Е. Дезен и Н.Н. Пенькину. В частности, Татьяна Евгеньевна на одном из допросов заявила, что целью РСХД являлось воспитание молодежи в христианском духе, а также выработка религиозного мировоззрения, что означало борьбу с материализмом и атеизмом (то есть коммунистическим мировоззрением).³ Попытка Т.Е. Дезен отличить борьбу с ложным материалистическим учением коммунизма от борьбы с советской государственной системой (с чем РСХД не боролась) не была «воспринято» советскими следователями.

---

¹ ERAF. 130SM.1.11666.L.49.

² Ibid. L.60.

³ Ibid.L.34.

Получили они от Татьяны Евгеньевны показания и в том, что члены РСХД не признавали права государства на вмешательство в дела совести человека как свободной неповторимой по ценности личности.¹ Особо подчеркнут в протоколе допроса от 23 октября 1940 г. такой момент: «Одним словом деятельность РСХД в Эстонии принимала характер явно антисоветский во всех тех случаях, когда сталкивалась с вопросом насилия и безбожия и в этом проводило последовательную борьбу со сторонниками коммунизма во всех беседах лекциях и докладах».² Получив данные показания следователь Мусатов постановил уже на следующий день, 24 октября, привлечь Татьяну Евгеньевну в качестве обвиняемой по статьям 58-4 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.³ Следующей задачей следователей, что видно из тех же протоколов допросов из «дела РСХД», было доказать попытку ведения членами организации именно вооруженной и подпольной борьбы с советским государством. В частности, от Ивана Аркадьевича Лаговского они добились признания в том, что основными членами РСХД были «белоземляки», отрицательно относящиеся к советской власти и принимавшие участие в борьбе против большевиков в период Гражданской войны, а также не терявшие надежды на возвращение на Родину после ее освобождения.⁴ Особо, и это подтверждает подчеркивание этого места красным карандашом в протоколе допроса, «понравилось» следователям признание Лаговского в том, что «РСХД не отвергало активных методов борьбы с Советской властью, включая сюда вооруженную борьбу и террор против представителей коммунистической партии и Советской власти», что ставилось на обсуждение совета РСХД в 1935 г., и якобы выразилось в работе «Витязей» и «Дружинников» (хотя Иван Аркадьевич и отметил, что положительной резолюции о вооруженной борьбе с советскими властями и терроре принято не было).⁵ И, несмотря на то, что все трое арестованных, а также многие другие допрашиваемые как свидетели по «делу РСХД», отмечали в первую очередь чисто религиозные цели РСХД, следователи «потянули» только за «политическую ниточку». Третий репрессированный по «делу РСХД», Николай Николаевич Пенькин, определил на ночном допросе 30 августа 1940 г. Русское Студенческое Христианское Движение как организацию, ставившую своей целью привлечение молодежи к Церкви и воспитание ее в

---

¹ ERAF. 130SM.1.11666.L.34.

² Ibid. L.47.

³ Ibid. L.52.

⁴ Ibid. L.87.

⁵ Ibid. L.89.

христианском духе, а ее антикоммунизм характеризовал только лишь как борьбу с учениями о материализме и атеизме путем устной и печатной пропаганды.¹ Очень «богатый» материал появился у следователей и о других деятелях межвоенной Эстонии, так или иначе связанных с РСХД, к примеру на отца Александра Киселева, сумевшего выехать до начала репрессий в Германию или на того же владыку Павла (Дмитровского), которого, возможно не успели репрессировать. Так, отца Александра можно было отнести к названной на допросе Николая Николаевича «группе политической активности» внутри РСХД, представители которой якобы действительно ратовали именно за вооруженное сопротивление властям, а также за отправку своих эмиссаров в СССР. Как и в случаях с литовским духовенством, были попытки обвинить «движенцев» в сотрудничестве с другими организациями, в особенности более радикально настроенными, такими как НТСНП или Братство Русской Правды.

Характерна в этой связи и судьба всячески благоволившего деятельности РСХД епископа Иоанна (Булина), который, к тому же, как мы писали выше являлся активным сторонником объединения с Московской Патриархией. Подробно его допросы рассматривала уже упоминаемая нами выше исследовательница Татьяна Зотова-Печерская в своей монографии, посвященной всему жизненному пути владыки Иоанна.² Мы же отметим достаточно любопытный факт, что его показания сыграли особую роль и в «деле РСХД». Так, на «предложение» рассказать о своей антисоветской деятельности епископ Печерский поведал следователю о том, что подобная его работа, вызванная попыткой «ограждения Печерского края от распространения идей безбожия и коммунизма» заключалась в ежегодных созывах пастырских собраний и съездов благочинных». ³ Получили следователи и признание владыки в том, что он разрешил «контрреволюционный антисоветский съезд» РСХД в Печорах в 1928 г. с участием представителей организации из других стран.

Итог следствия против представителей РСХД был трагичным. Всех троих И.А. Лаговского, Т.Е. Дезен и Н.Н. Пенькина обвинили в участии в «белоэмигрантской антисоветской организации РСХД стоявшей на позициях вооруженной борьбы с Советским Союзом и террора против руководителей ВКП(б) и Советского

---

¹ ERAF. 130SM.2.11666.L.169 .

² Зотова-Печерская Т.П. Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М.: Приход храма Святого духа сошествия, 2004.

³ ERAF. 130SM.2.11666.L.323.

правительства», в том, что они «проводили активную антисоветскую деятельность, направленную на свержение существующего в СССР государственного строя и приговорили к высшей мере наказания» в апреле 1941 г.¹ В июле 1941 г. был расстрелян и активный сторонник Московской Патриархии в Эстонии епископ Печерский Иоанн (Булин).

Как мы уже писали ранее, отдельный удар был направлен и по бывшим участникам Гражданской войны в России и Освободительной войны в Эстонии, в то время активным православным клирикам и мирянам Эстонии. Очень показателен в этой связи пример дьякона Петра Григорьевича Козлова, который был арестован советскими карательными службами в апреле 1941 г. На допросе Петр Козлов открыто признал, что в 1918 г. он вступил в «белую армию генерала Деникина», после чего служил в артиллерийском снабжении в «армии Врангеля». ² После поражения белых Козлов попал сначала в Турцию, а затем в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, откуда в 1922 г. переехал в Нарву и стал кочегаром на Кренгольмской мануфактуре. Впоследствии Петру Григорьевичу пришлось поработать и на электростанции, и в должности конторщика. В период с 1925 по 1940 гг. П.Г. Козлов был членом «Союза русских увечных воинов – инвалидов» в Эстонии, успев даже в ней попредседательствовать. К тому же с 1928 г. он был членом РОВСа. Также следователям удалось получить от Козлова признание в том, что он получал антисоветскую литературу, хотя в то же время арестованный заявлял первоначально, в противовес настойчивым обвинениям допрашивающих, что не перенаправлял ее в Советский Союз. ³ По поводу антисоветских высказываний он заявил, что говорил что-то в духе того, что представители советской власти объявляют войну дворцам, а сами находятся в Кремлевском дворце и не более того. Впоследствии, правда, следователям все же удалось добиться от обвиняемого признания в том, что он направлял по заданию антисоветских эмигрантских организаций литературу в Советский Союз. ⁴ Вскоре он был отправлен в Молотовскую область, где был осужден на заключение в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет. 31 марта 1942 г. в Усольлаге Петр Григорьевич Козлов скончался. ⁵ И хотя служение дьяконом при Воскресенской церкви в

---

¹ ERAF. 130SM.1311666.L.337.

² ERAF. 130SM.1.7878.L.15-16.

³ Ibid. L.20.

⁴ Ibid.L.25.

⁵ Ibid.

Нарве не было основным родом его деятельности, данный процесс против бывшего «белогвардейца» и достаточно резко антисоветски настроенного представителя русской эмиграции в Эстонии достаточно показателен.

Не менее показательно в этой связи и дело отца Николая Лейсмана. Сын псаломщика и выпускник Рижской Духовной Семинарии Николай Лейсман в 1919-1920 гг. принимал самое активное участие в эстонской Освободительной войне на стороне национальных сил на Нарвском фронте, что подтвердил на допросе 3 декабря 1941 г.¹ Также отец Николай состоял в Исамаалийте и участвовал как священник во многих мероприятиях данной политической организации. Признал сразу Лейсман и факт своих антисоветских высказываний, в особенности после начала процесса активной советизации Балтии. Также из своих агентурных данных и из материалов допросов свидетелей у советских карательных служб имелись данные, что отец Николай, будучи священником церкви в Селисте, имел тесную связь с Енстатиусом Мидо, активным участником освободительной борьбы и членом Кайтселийта, в частности помогал последнему в сборе оружия и сведений о советских военных объектах для подготовки будущей вооруженной борьбы против советской власти. Также один из допрашиваемых дал показания, согласно которым на одном из застолий Николая Лейсман заявил в марте 1941 г., что «Сов. Власть осталось существовать недолго, самое большое она продержится до весны 1941 г. и советские войска удерут из Эстонии, не успев завязать ботинок».² Есть сведения, что отец Николая достаточно остроумно рассказывал о том, что как-то побил политрука в деревне Вайсте, после чего заявил, что «политрук долго будет помнить то, как побил его поп». После ареста 14 июня 1941 г. и следствия, 12 марта 1942 г. этот эстонский священник заключен в ИТЛ сроком на 10 лет, а 19 мая 1943 г. он скончался «в местах лишения свободы» в Свердловской области.

Дополняет общую картину и дело дьякона Василия Федоровича Астанина. Данного представителя православных приходов Эстонии обвиняли в том, что он служил в годы Гражданской войны в Северо-Западной армии, а также в 1921 г. установил связь с агентом второго отдела штаба эстонской армии И.П. Тупицем, активным «ходоком» через советскую границу, вместе с которым в разведывательных целях посещал Советский Союз.³ Однако сам Василий Федорович показывал, что после окончания Гражданской войны и демобилизации он начал торговать на рынке, а затем и вовсе работал грузчиком.

---

¹ ERAF. 130SM.1.7080. L.8.

² Ibid. L.8.

³ ERAF. 130SM.1.10926. L.24.

После этого на протяжении всего межвоенного периода Василий Астанин сменил много торговых профессий в Эстонии. Что касается своих контактов с Тупицем, то Василий Федорович подтвердил тот факт, что был с ним знаком и действительно просил у него за большую плату провести его за советскую границу в родное село. Факт нелегального посещения Советского Союза Астанин подтвердил, рассказав о том, как посетил в 1920 г. своего отца, находящегося на смертном одре. Данный факт советские следователи тут же использовали для того, чтобы привязать этот «визит» к якобы работе Василия Федоровича на эстонскую разведку. На это Астанин естественно заявлял то, что никакого отношения к разведке не имеет, да к тому же не знает и о иных «миссиях» самого Тупица, в частности не располагает сведениями о том, работал ли этот человек на эстонскую разведку. В период ареста Василий Астанин выразил достаточно интересную оценку своего отношения к событиям 1917 г., что, к сожалению, тоже было использованы советскими карателями против него. В частности в «деле Астанина» сохранилась такая характеристика февраля и октября 17го: «Февральскую революцию встретил очень радушно и принял участие во всех манифестациях. Октябрьскую революцию воспринял совершенно неподготовленным, ходил спустя руки и слушал речи агитаторов. Представление о роли Большевизма было слабо и мало понятно. В последнее же время пред развалом Старой Царской армии, стало недоверие к Коммунистической партии и многие под разными предлогами покидали свои части и я также уволился в 4хмесячный по болезни отпуск и в свою часть не вернулся, так как она была уже расформирована. В этом я усматриваю первый акт моей виновности пред Советской Властью, в чем прошу меня простить.»¹ Однако ничего не смогло спасти Василия Федоровича Астанина от суда и гибели в советских лагерях. От других допрашиваемых советские следователи получили информацию, согласно которой Астанин был связан с генералом Олегом Петровичем Васильковским, в частности помимо лично знакомства Василий Федорович печатался в издаваемой Васильковским газете «Русский голос», издании достаточно антисоветского характера.² В итоге Астанин был обвинен в том, что по заданию 2-го отдела штаба эстонской армии занимался шпионской деятельностью против Советского Союза, совершал вместе с другими «шпионами» нелегальный переход советско-эстонской границы» и был приговорен к расстрелу с конфискацией принадлежащего лично ему имущества.

---

¹ ERAF. 130SM.1.10926.27-app.

² Ibid.L.43.

Протоиерей Игорь Прекуп в своем исследовании попытался определить всех репрессированных в 1940-начале 1941 гг. представителей духовенства Эстонской Апостольской Православной Церкви, в результате чего появился список из 16 фамилий, а именно: епископа Иоанна (Булина), священников Николая Пятса, Александра Филомафитского, Иоанна Коведяева, Валентина Смирнова, Константина Хиоба, Константина Колчина, Иоанна Краава, Василия Ристкока, Иоанна Толстякова, Артемия Ваппера, Николая Лейсмана, Иоанна Сергиева и диаконов Симеона Карпина, Петра Козлова и Василия Астанина.¹ Очень показательно, что ни один из них из мест заключения не вернулся: все или были расстреляны, или убиты, или скончались в заключении. В подобном же списке отца Вячеслава Дмитриева также присутствуют отец Якоб Кийратс, дьякон Петр Кудрявцев, отец Симеон Покровский, отец Валентин Смирнов, иеромонах Алексей Смирнов и монах Аркадий Павлов.² Отметим, что большинство репрессированных представителей православного духовенства были русскими по этнической принадлежности, по чему можно судить о том, что репрессии не были направлены прежде всего против этнических эстонцев и явных автокефалистов. Скорее отметим, что удар был нанесен как раз по представителям русской эмиграции, многие из которых в большой или меньшей степени принимали участие в вооруженной войне против большевиков в период Гражданской войны в России и Освободительной войны в Эстонии, также были подозреваемы в том, что продолжали данное сопротивление в 1920-1930-е гг., писали статьи, критикующие положение религии в Советском Союзе, с амвона выступали против безбожия большевиков и их гонений на Православную Церковь, имели контакты с политическими и общественными организациям Русского Зарубежья в Балтии. Что же касается этнических эстонцев, то здесь следует отметить достаточно любопытный факт того, что был арестован протоиерей Николай Пятс, брат президента Эстонии Константина Пятса. Отец Николай, действительно входивший в ближайшее окружение митрополита Александра (Паулуса), к тому же участвовавший в ограничении «русского влияния» в Эстонской Православной Церкви, был арестован на хуторе своего брата Вольдемара Пятса, после чего содержался под домашним арестом на мызе брата в Таммику. 29 ноября 1940 г. Николая Пятса не стало, причем до сих пор существуют несколько версий его смерти. Согласно первой он умер из-за проблем с сердцем, второй-

---

¹ Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: Trukis Astrukis, 1998. С.27-28.

² Дмитриев В.. Гонения на Православную Церковь в Эстонии со стороны Советского Союза в период 1940-1941 годов. (Дипломная работа). СПбДА. 2005. С.60-61.

был убит красноармейцами, третьей – он повесился, мучимый тем, что сотрудничал с органами НКВД.¹ Важно отметить, что был репрессирован и секретарь Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви Адо Бирк, успевший побывать за свою политическую и дипломатическую карьеру и премьер-министром Эстонии, и послом Эстонии в России. Подробно описывать дело Бирка в нашем исследовании мы не будем, отметим, лишь, что обширные материалы по нему хранятся в Государственном архиве Эстонии.²

Давая оценку советским репрессиям против представителей православных приходов Балтии в 1940-первой половине 1941 гг. отметим некоторые их отличительные черты. Во-первых, большинство арестованных были этническими русскими, представителями русской эмиграции. Также примечательно, что некоторые из них, такие как, например, епископ Иоанн (Булин), были яркими сторонниками объединения с Московским Патриархатом и противниками церковного руководства и светских властей стран Балтии периода независимости. Во-вторых, некоторые из них были членами или же активно поддерживали политические, религиозные и общественные организации Русского Зарубежья, например Русское Студенческое Христианское Движение. В-третьих, очень многие арестованные были участниками гражданского военного противостояния в России и Балтии, почему имели связь с представителями русской эмиграции, что сразу же вызывало подозрение у новых атеистических властей. В-четвертых, часть репрессированных была связана с армией, военными и политическими организациями стран Балтии и исходя из этого были явными или скрытыми противниками новых властей. Также следует отметить, что помимо репрессий против православного духовенства и активных мирян проходил процесс национализации церковных зданий, разрушения православных храмов и кладбищ. Пока говорить о том, что советские власти планировали ликвидацию легальной религиозной жизни в Балтии в течении нескольких месяцев архивные документы не позволяют, однако следует отметить, что в начале июня 1941 г. большинство духовенства и верующих жило ожиданием новых арестов. Последствия для православных приходов Балтии репрессий дали о себе знать сразу же после нападения Германии на СССР, о чем мы скажем в последующей главе.

---

¹ Дмитриев Вячеслав. Указ. соч. С.35.

² ERAF. 130SM.1.8366.

Подводя итог рассмотренным в данной главе проблемам, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, ситуация в среде православных приходов Балтии до начала советизации региона была достаточно наколенной, в особенности в контексте противостояния между православным духовенством и верующими титульных наций и русским клиром и паствой Балтии. В Эстонии, где руководство Эстонской Апостольской Православной Церкви и лично митрополит Александр (Паулус) еще в 1923 г. перешло из под омофора Московской Патриархии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, положение русских приходов было существенно ограничено после фактического отстранения популярного у печерских верующих владыки Иоанна (Булина) и ущемления прав русских верующих (в особенности в вопросах отправления церковных обрядов). В Латвии национальные разногласия были обострены после избрания в 1936 г. главой Латвийской Православной Церкви митрополита Августина (Петерсона), взявшего курс на создание национальной Православной Церкви по примеру Эстонской Апостольской Православной Церкви и Финляндской Православной Церкви. В Литве таких существенных национальных противоречий в среде местных православных не наблюдалось (во главе Литовской и Виленской кафедры стоял ярый сторонник московского Православия митрополит Елевферий (Богоявленский)), в то время как на территории оккупированного Польшей «Виленского края» управление православными приходами осуществляли представители Польской Православной Церкви.

Во-вторых, возвращение «Виленского края» в состав Литвы с одной стороны автоматически привело к воссоединению всех литовских православных приходов, с другой: обострило национальные противоречия в них и подняло дискуссию о литовско-белорусской автокефалии православных приходов Вильнюсского уезда. Перенос Литовского Епархиального Совета из Каунаса в Вильнюс, перемещение нескольких священнослужителей митрополитом Елевферием и крайне жесткая оценка деятельности большинства местного духовенства в 1920-1930-е гг. привели к тому, что бывший глава местных приходов владыка Феодосий (Феодосиев) вместе со своим окружением и при поддержке части белорусской интеллигенции начали широкую кампанию по пропаганде литовской-белорусской автокефалии местных приходов. Очень скоро данная полемика превратилась в настоящую «газетную войну» между представителями русских православных приходов и белорусскими интеллигентами-националистами. Своеобразным пиком противостояния стало послание архиепископа Феодосия (Феодосиева) от 22 мая 1940 г. Константинопольскому Патриарху Вениамину с просьбой о возвращении местных приходов в лоно Вселенского Патриархата. Только дальнейшая советизация региона положили конец данному спору.

В-третьих, нами был восстановлен процесс воссоединения Эстонской Апостольской Православной Церкви и Латвийской Православной Церкви с Московским Патриархатом. В Эстонии начало данному процессу положил Сорокомученический приход Печер, первым принявший решение о возвращении в состав Московской Патриархии. Глава приходов Российской Православной Церкви в Западной Европе митрополит Елевферий (Богоявленский) принял приход в свою юрисдикцию, после чего начался переход и других печерских и нарвских приходов в лоно МП. События общеблагочиннического съезда в Печерах, проходившего в сентябре 1940 г. стали самым серьезным сигналом для главы ЭАПЦ митрополита Александра (Паулуса) того, что ситуация в среде местных православных кардинально изменилась. В Латвии решающую роль в вопросе воссоединения сыграли рижские священники, недовольные курсом владыки Августина (Петерсона). К тому же сам митрополит Рижский и всея Латвии в решающий момент сказался больным и фактически сам отстранился от управления ЛПЦ.

В-четвертых, основополагающую, роль в вопросе воссоединения сыграло назначение в Балтию владыки Сергия (Воскресенского), ставшего впоследствии Экзархом Прибалтики. Его жесткие, а подчас и авторитарные действия по увещанию «схизмы» привели к согласию, глав ЛПЦ и ЭАПЦ, возможно и против их воли, на покаяние в расколе и воссоединение с Московским Патриархатом.

Наконец, отдельно мы рассмотрели репрессии советских властей против православных пастырей и активных мирян Балтии в данный период и пришли к выводу, что основной мишенью советских карательных служб стали лица принимавшие участие в качестве военнослужащих Белых и национальных армиях в Гражданской войне в России или в Освободительных войнах в странах Балтии, члены русских политических и общественных организаций, и те представители Православной Церкви, которые так или иначе были связаны с гражданскими властями стран Балтии. Также нами было установлено, что по преимуществу все они были русскими по национальности и не являлись в прошлом активными сторонниками перехода в юрисдикцию Константинополя.

Глава 2. Православное духовенство Балтии в годы нацистской оккупации. Национальный и идеологический аспекты деятельности.

§1. Активизация автокефалистского движения в Балтии в 1941-1944 гг. Противодействие данному процессу Экзарха Сергия (Воскресенского).

Процесс советизации стран Балтии в предвоенные годы вызвал среди части местного населения широкий протест, частично вылившейся в то, что с началом нацистской оккупации региона большое количество жителей трех балтийских государств видело в солдатах Третьего Рейха своих освободителей от «советизаторов». Безусловно, самыми основными силами, которые желали падения советского режима в Балтии были представители так называемых «эксплуататорских классов», многие из которых были подвергнуты самым сильным репрессиям со стороны новых властей, к этой категории следует отнести и духовенство. Существует вполне распространенная точка зрения, согласно которой основной поток репрессий советских властей как в 1940-начале 1941 гг., так и уже после освобождения территории Балтии от нацистов, был направлен против титульных наций данных государств, славянское же, и прежде всего русское население, наоборот считается явным проводником советской политики. Однако нам кажется, что подобная позиция не соответствует действительности. Большая часть русских по этнической принадлежности жителей Балтии состояла в прошлом из активных борцов с большевиками, в том числе участвовала в вооруженном сопротивлении «красным» в годы Гражданской войны в России, а впоследствии принимала непосредственное участие в борьбе с советской властью в эмиграции. Не всегда положительно воспринимались советские власти у коренного населения Балтии, русского по этнической принадлежности. Для примера можно взять работу латвийской исследовательницы Ирены Салениеце, в которой были опрошены русские жители Латгалии, пережившие как довоенную, так и послевоенную советизацию региона.¹ В частности опрошенные респонденты говорили о советской власти так: «"Советы" – что за государство "Советы"? В детстве не знали... была Россия, я знал по матери рассказу,... но России не стало, стали "Советы", большевики... они шли по шоссе войска советские... они говорят, как и мы, по-русски. Я удивился: "Советы" и вдруг говорят так же, по-русски.»² Также в этом исследовании

---

¹ Салениеце И. Жители Латвии и воины двух армий в годы Второй мировой войны. //Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX-середина XXв. Международный коллоквиум (Санкт-Петербург, 17-20 июня 2013 г.): Научные доклад. СПб.: Нестор-История, 2013. С.242-254.

² Салениеце И. Указ. соч. С.249.

приводятся и примечательные воспоминания русских жителей юго-восточных районов Латвии и об антирелигиозной кампании новых властей, в частности местные жители отмечали: «Религия отчуждалась от государства, кто хотел верить в Бога, тех даже презирали, - кто ходил в храм. Полное отрицание религии: никакого Бога, никаких служителей культа. [...] Родители говорили, что Бог все равно есть и втайне от всех нас водили в моленную.»¹ Многие факторы приводили к тому парадоксальному, как кажется сейчас факту, что немалая часть балтийского населения встречала немецкие войска как освободителей от «большевистского ига». Особенно большие надежды на новые власти возлагали оказавшиеся в опале или подполье военные и примкнувшие к ним гражданские. Именно эти силы ненадолго заполнили политический вакуум: в короткий период, когда советские власти уже отступали, а части Вермахта еще не заняли тот или иной населенный пункт. Классическим примером может послужить в данном случае Литва. Так, уже в первые дни войны созданный в ноябре 1940 г. в Германии «Фронт литовских активистов» объявил о начале на территории страны вооруженного восстания против советской власти. Участники восстания захватывали склады оружия, занимали основные города Литвы, вели открытую вооруженную борьбу с советскими войсками. По мнению части современных исследователей, одной из главных целей восстания было восстановление литовской независимости, в частности вылившееся в повсеместном возвращении литовского государственного флага на административных зданиях, смены местных властей и наконец уже 23 июня один из руководителей «Фронта литовских активистов» Леонас Прапоулянис объявил по каунасскому радио о создании Временного правительства Литвы во главе с лидером ФЛА бывшим послом Литвы в Германии Казисом Шкирпой.² Новые власти достаточно быстро начинают брать власть и на местах, к тому же они помогают наступлению на Балтию частей Вермахта. Разворачивается на местах и террор и самосуды против подозреваемых в «пробольшевистской деятельности». Интересное описание событий конца июня 1941 г. отображены и в не раз уже нами упоминаемых воспоминаниях архимандрита Алексия (Чернай). Вот как он описывает передачу власти в руки местных властей: «...Местное население организует самозащиту из складов оружия, оставленного советскими властями. Раздаются винтовки и патроны всем могущим носить оружие и пользоваться им. Организуется комитет само-охраны из молодых людей. Из бывших военных Литовской армии составляются охрана-полиция; назначаются дневные и ночные дежурства – патрулирование по городу. У каждого патруля белая повязка на левой руке...Вскоре узнали по радио, что в Каунасе образовано

---

¹ Там же. С249-250.

² Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941-1945 гг. М.: Вече, 2000. С.7-11.

Литовское правительство и вся столица разукрашена национальными флагами и во всех радио-приемниках звучит литовский национальный гимн. У нас, на площади состоялась церемония поднятия литовского флага под пение собравшихся литовцев. У многих были слезы на глазах.»¹ Как отмечает тот же отец Александр, у многих тогда было ощущение, что хуже, чем при советской власти уже быть не может. Однако не все силы, стремившиеся захватить власть в Балтии были настроены только на свержение большевиков, многие преследовали свои не только национальные, в большей степени узко националистические цели. Так, в Латвии начали организовывать полувооруженные формирования, также захватывающие власть на местах. Вот как их деятельность описывает петербургская исследовательница Ю.З. Кантор: «...Решив воспользоваться сложнейшей ситуацией, партизаны хотели как можно быстрее ликвидировать коммунистический режим и восстановить государственность Латвии. В движение включилось и гражданское население, желавшее отомстить Советам за недавние депортации, «айзсарги», военнослужащие Латвийской армии, дезертиры из сформированного после включению Латвии в состав СССР Латвийского 24-го территориального корпуса... Нападения на отступающие советские войска были зафиксированы в Риге и других городах на всей территории республики. Летом 1941 г. в Латвии действовало 129 антисоветских партизанских групп.»² Именно местные националисты и сыграют особую роль в развитии автокефалистского движения в среде православных приходов Балтии в военный период, в том числе они будут участвовать и в аресте в первые недели войны Экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского). О его позиции в самой начале войны, как нам кажется, следует сказать отдельно.

Возможно до владыки Сергия (Воскресенского) доходили слухи о приближающейся войне, что, однако не означает его давнюю «готовность» к переходу на немецкую сторону. Перед самым наступлением противника советские власти объявили в Риге всеобщую эвакуацию. Митрополит не подчинился этому приказанию и, как принято считать, спрятался в крипте Собора Рождества Христова. Остается открытым вопрос о причинах подобного шага. Советские историки, такие как Веверс или Балевиц, полагают, что Экзарх уже давно ждал прихода захватчиков и, окруженный сторонниками из бывших

---

¹ Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний отца Архимандрита Алексея (Чернай). Сан-Франциско: Глобус, 1981. С.138.

² Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939-1945). СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. С.172.

белогвардейцев, с радостью перешел на службу новой власти.¹ Совсем по-другому воспринимает данный поступок В.И. Алексеев, который задается справедливым вопросом – «Почему личный друг Местоблюстителя, сторонник компромисса с безбожной властью поступил так решительно и определенно, несмотря на опасность, угрожавшую его матери?». Ответ по мнению историка кроется в том, что владыка хотел спасти не только собственную жизнь, но и думал о своей пастве, часть которой останется на занятой Рейхом территории, также возможный компромисс с оккупантами мог в дальнейшем служить возможностью сохранения целостности всей организации Русской Православной Церкви.² Крупный канадский историк Русской Православной Церкви в XX столетии Д.В. Поспеловский считает, что митрополит думал о будущем Московского Патриархата и хотел спасти его структуру и, вполне возможно понимал, что не исключена победа немцев в войне.³ Нам представляется, что митрополит Сергей (Воскресенский) задумывался о том, что его ждет в случае пребывания в оккупации, а что при эвакуации. Слабо верится, что советские власти решились бы на репрессии против небольшой группы оставшихся на свободе архиереев в столь сложный для себя момент, ведь впоследствии они попытались, причем довольно успешно, использовать Московскую Патриархию для пропагандистских целей, особенно в среде появившихся западных союзников. Ярким примером иного поведения может служить эвакуация и участие в советской пропаганде митрополита Киевского и Галицкого, Экзарха Украины Николая (Ярушевича). Его отъезд с украинской земли вскрыл все нерешенные за год проблемы, на авансцену местной православной жизни тут же вышли автокефалисты, униаты и другие силы яро противостоявшие каноническому единству с Московской Патриархией. Похожий процесс начался и в Балтии, но его гораздо меньший размер обусловлен только активными действиями Сергея (Воскресенского), который очень долго сдерживал разделительные процессы. 1 июля Экзарха арестовывают и держат четыре дня в заключении. Как отмечает К.П. Обозный особое рвение в этом деле проявили местные латышские националисты, которые были готовы без промедления справиться с пришлым «московским» иерархом.⁴ По некоторым сведениям уже во время заключения митрополит убеждал немцев, в том, что воссоздание

---

¹ Веверс Я.Я. Указ. соч. С.6. Балевиц З.В. Указ. соч. С.21.

² Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Указ. соч. С. 127.

³ Поспеловский. Д.В. Указ. соч. С.206.

⁴ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. С.55-56.

Латвийской, а в перспективе и Эстонской Православной Церквей, ни к чему хорошему для немецкой власти и особенно пропагандистской кампании, не приведет, а наоборот поднимет престиж Вселенского Патриархата, на который очень сильное влияние оказывала Великобритания. При поддержке же его юрисдикции, немцы могли разрешить сразу две проблемы: создать благоприятные условия для местного русского населения путем поддержки Православной Веры и в то же время противопоставить свой религиозный курс атеистическому курсу большевистских властей. Тем не менее, события в те дни развивались стремительно. На выручку Экзарху пришел известный и популярный пастырь, который когда-то мог возглавить православных в Латвии, протоиерей Иоанн Янсон и недавно рукоположенный священник Георгий Бенигсен. Очень примечательно данное событие описывает Андрей Герих: «Два священника, один из самых старых – отец Иоанн Янсон и один из самых молодых – Георгий Бенигсен отправились к коменданту города Риги – полковнику Уллерсбергеру, и объяснили ему всю ситуацию, сказав, что митрополит Сергей действительно приехал из Москвы, но не захотел туда возвращаться и остался, чтобы быть и молиться со своей паствой. Полковник Уллерсбергер сел в свою машину и поехал к владыке Сергию. Он там снял караул, извинился перед владыкой и спросил: «Чем я могу Вам помочь?», - на что митрополит ответил: «Мне ничего не надо, а вот если бы Вы мне помогли помочь послать православных священников туда, куда будет двигаться германская армия.»¹ Далее следует суждение автора о том, что именно тогда возникла Псковская Православная Миссия (подробнее этот момент мы рассмотрим чуть позже, когда будем говорить о причинах и ходе образования Псковской Миссии). Важным психологическим моментом для православного в целом, и русского в частности населения Балтии был отказ митрополита Сергия (Воскресенского) от эвакуации: они смогли почувствовать, что их пастырь с ними. Сразу после ареста, 5 июля 1941 г., Экзарх собирает все рижское духовенство в Троице-Сергиевой пустыни, где заявляет о своем каноническом единстве с Московским Патриархатом. В то же время он дает понять, что в изменившейся политической ситуации каноническое единство с Москвой не означает поддержки советской стороны в военных действиях, что отразилось в сообщении оперативной группы А полиции безопасности и СД от 11 июля, где говорилось, что владыка готов опубликовать антикоммунистическое воззвание верующим России.²

---

¹ Герих А. Сергий, митрополит Литовский и Виленский, экзарх Латвии и Эстонии. // Вестник РХД. №186. 2003. С.278.

² Шкаровский М.В. Крест и свастика..... С. 322.

В это же время поднимают голову и почувствовавшие изменение внутренней обстановки в регионе автокефалисты. Совсем скоро после начала немецкой оккупации Латвии поменял свое отношение к Московской Патриархии ушедший на покой по болезни митрополит Августин (Петерсон). В Кафедральном соборе Риги бывший глава Латвийской Православной Церкви заявил о вынужденности своего перехода под омофор Московской Патриархии, объясняя свой поступок прежде всего опасностью советских репрессий, а также он сказал, что теперь не признает над собой власти назначенного Москвой Экзарха Сергия (Воскресенского). 20 июля он собрал Синод и заявил о восстановлении Латвийской Православной Церкви до состояния 1940 г., то есть под омофором Константинополя, параллельно с этим прося нацистскую оккупационную администрацию выслать митрополита Виленского и Литовского из Балтии. При личной встрече двух владык митрополит Августин (Петерсон) подтвердил стойкое намерение выйти из подчинения Экзарха, назвав лицемерием свое покаяние в марте того же года.¹

Впоследствии лидер Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополит Александр (Паулус) даст процессу усиления деятельности автокефалистов в начале войны достаточно примечательную характеристику: «Стараясь заглушить спор о канонической правде столкновением национальных страстей, эстонские и латышские схизматики (раскольники) привлекли на свою сторону сочувствие своих инославных соплеменников и заручились влиятельным покровительством последних, что ввиду напряженных условий военного времени поставило православных противников схизмы, и прежде всего русских, в чрезвычайно тягостное положение, проявлявшееся с особенной силой в Эстонии, вследствие чего некоторые из наиболее оробелых противников схизмы примкнули там к ее сторонникам».² Именно поддержка своих «соплеменников», сумевших зарекомендовать в себя в первые дни войны как ярые антибольшевики, с оружием в руках борющиеся против Советов, помогла не только активизировать, но и сплотить силы, направленные на обретение независимости Православных Церквей как в Латвии, так и в Эстонии. Единственной силой, как это не кажется сейчас парадоксальным, которая могла остановить процесс выдавливания русских, в том числе и Православной Церкви, с территории Балтии были немецкие оккупанты. Православные приходы из этнических русских нужны были нацистам в том числе и как противовес местным националистам, планы которых расходились с немецкими, в особенности по отношению к судьбе государственной независимости балтийских государств. Уже в первые месяцы оккупации

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 146-147.

² Кулис А. Терновый путь.. //Русская газета БСО. 1995. № 3(31). С.1.

местные националисты, также как государственные и военные деятели межвоенной Балтии, помогавшие нацистам очистить территорию от советских войск, были поставлены перед фактом того, что «освободители» хотят лишь включить их Родину в состав Третьего Рейха (данный процесс не входит в тему нашего исследования, поэтому процесс образования и деятельности администрации рейхскомиссариата «Остланд» отдельно мы рассматривать не будем). Понял суть немецкой оккупационной политики и Экзарх Сергей (Воскресенский), наученный в годы своего московского служения понимать, распознавать и подстраиваться под желания светских властей, действия которых носили резко антирелигиозный характер. Прочитал он здесь и пожелания новой администрации. 25 октября 1941 г. он призвал митрополита Рижского Августина (Петерсона) не раскалывать православные приходы в Латвии и осудил его действия.¹

Позже, 12 ноября того же года, митрополит Виленский и Литовский составил пространный меморандум под названием «Заметки о положении Православных Церквей в Остланде», прежде всего направленный на то, чтобы доказать нацистам, что ничего кроме потерь в идеологическом плане им поддержка действий владыки Августина (Петерсона) не принесет. Важным подтверждением данного тезиса было то, что Латвийская Православная Церковь в середине-конце 1930-х гг. перешла под омофор Константинопольского Патриархата, который в годы Второй Мировой войны находился под влиянием Великобритании и теперь восстановление ЛПЦ и ее отход от Московской Патриархии будет козырем в руках англичан. Но если германская администрация наоборот встанет на сторону руководства Прибалтийского Экзархата и лично его, митрополита Сергея (Воскресенского), то она получит большие пропагандистские дивиденды, в особенности в деле идеологического противостояния с советскими властями, которые всегда были яркими врагами любой религии и в особенности ранее государствообразующей Православной Церкви.

В противном случае именно руководство Советского Союза сможет обернуть ограничение деятельности Русской Православной Церкви на занятых Вермахтом территориях в свою пропагандистскую кампанию (что впоследствии и было с блеском выполнено сталинскими агитаторами как для «внутреннего пользователя», так и на международной арене). К тому же в своем меморандуме оккупационным властям владыка решает внести ясность в положение вверенной ему Церкви. Митрополит Сергей (Воскресенский) считает правильным положить в основу управления Прибалтийским Экзархатом четыре принципа. Во-первых, это принцип единства: «Было бы странно, если

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 147.

бы в Остланде существовало четыре рядом стоящие православных церкви – Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу. Чтобы достичь этого, необходимо мне представить возможность встретиться с правящими белорусскими епископами. Тогда мы сможем, воспользовавшись нашей автономией, избрать или же признать одного из нас главным руководителем православной церкви в Остланде.»¹ В данном принципе заложено скорее отнюдь не стремление Экзарха к власти над епархиями и отделению от церковного начальства в Москве, а как раз желание консолидации всех Православных Церквей занятых территорий, в особенности Белорусской, где местные автокефалисты (а со сторонниками белорусской автокефалии он мог коснуться еще при изучении ситуации в «Виленском крае» в 1940 г.) были очень сильны и пользовались покровительством немцев, для сохранения единства с Патриархатом при любом развитии военных событий.

В доказательство данного тезиса приводится второй принцип – принцип канонической законности: в нем владыка Сергей (Воскресенский) предостерегает пастырей от «схизматических ссор» и, хоть и говорит о возможности автономии Экзархата вплоть до выхода из состава Московской Патриархии, но с оговоркой, что данное решение не может быть принято без взаимного согласия с Матерью-Церковью (понятно, что до окончания войны это сделать было невозможно). Третий декларируемый принцип – принцип автономии. В нем владыка говорит, что “Остландская церковь” должна быть автономной, практически независимой от высшей церковной инстанции, на что приводит ссылку на церковное уложение Патриарха Тихона (Беллавина), но только до «окончательного урегулирования отношений» – то есть опять же окончания военных действий. Причем в этом же документе подчеркивается нежелательность получения автономии от Москвы.

Следующий принцип – церковное единоначалие. Вместо названных в документе «демократических статутов» вводился принцип назначения на должность. Все же коллегиальные органы отныне имели лишь совещательные права без возможности самостоятельных решений. А право управления было четко оговорено – священнику было дано право решения в общине, викарному епископу в викариате, правящему епископу в епископате, а самому Экзарху в «Остландской церкви». Тут же оговорено предложение митрополита Виленского и Литовского организовать Православную Церковь в Белоруссии в виде епископства, для чего следовало получить информацию о границах и

---

¹ Алексеев В.И. Ставру Ф. Указ. соч. С. 133-134.

количестве викариатов на упомянутой территории. В Литве, Латвии и Эстонии Православная Церковь мыслилась Экзарху как епископство со многими викариатами, которые должны были быть образованы либо по территориальному признаку, либо по национальному: русский в Литве, латышский и русский в Латвии, эстонский и русский в Эстонии. В результате данного документа можно констатировать несколько фактов: прежде всего владыкой были заявлены основные формы управления церковной жизни – единоначалие, единство и каноническая законность. С одной стороны эти принципы подчиняют Экзарху пытающихся отделиться автокефалистов, с другой же в документе оккупационные власти могли разглядеть столь желанную для них возможность автокефалии Балтийского Православия от Матери-Церкви в Москве.

Однако в данном контексте достаточно спорно выглядит точка зрения советского исследователя З.В. Балевица о том, что в союзе с немцами и во временном отделении от власти патриархии митрополит Сергей видел перспективы занятия предстоятельского престола.¹ Отметим и то, что в этот же период Экзарх начинает пропагандистскую поддержку нацистских властей, хорошо понимая, что в противном случае маятник качнется в сторону автокефалистов и их светских сторонников. Так, в своем послании к нацистам от 5 ноября 1941 г. он заявил: «Наш долг теперь всеми силами свободного существа, искренностью своего гражданского долга оказать всяческое содействие и помощь нашей освободительнице в дни освобождения не только шестой части мира, но всего культурного человечества от гнойника безбожного коммунизма, даже дабы не вдохнули люди растлевающей заразы дыхания зверя и его лжепророков.»²(впоследствии мы подробнее рассмотрим этот вопрос, когда коснемся «идеологических вопросов» деятельности православных приходов Балтии в 1941-1944 гг.).

В споре между автокефалистами и сторонниками Экзарха немецкие власти не имели единого и четкого мнения по отношению к данному конфликту. Эта проблема достаточно полно изучена в историографии, мы же выделим только некоторые ее контуры. Следует отметить, что немалая часть новой администрации Балтии относилась к Экзарху с большим недоверием и верило в то, что он является «большевистским агентом», пребывание которого на территории Остланда не только нежелательно для интересов Третьего Рейха, но и просто опасно. Так, руководитель группы религиозной

---

¹ Балевиц З.В. Указ. соч. С. 24-25.

² Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : дис. ... канд. ист.наук М., 2008. С.169.

политики Рейхсминистерства Розенфельдер считал, что нужно: «насколько возможно быстро удалить из Остланда экзарха Сергия, чтобы полностью исключить там влияние русских. СД собирается первоначально выслать экзарха в Ковно. Точка зрения СД состоит в том чтобы, удалив экзарха от главного места событий в Остланде, не упускать его совсем из поля зрения из-за очень ценной информации, которую от него получают о Московской Церкви .».¹

Не менее сложно было для оккупационных властей принять решение по поводу отношения к автокефалистам и внутрицерковной борьбе – в докладе представителя Рейхсминистерства занятых восточных территорий при группе армии «Север» говорится, что «В Православной Церкви происходит борьба за власть. Назначенный в советский период в Ригу московскими правителями экзарх Сергей был оставлен на своем месте военной администрацией и также введенным затем гражданским управлением в результате, по-моему, ошибочного мнения, что эту церковь можно было бы использовать в борьбе против большевизма. Принимая во внимание тот факт, что Православная Церковь в СССР также не боролась против большевизма, как и церковь в Германии против коммунизма, а часть Православия даже заключила со своей стороны мир с Советами, можно уверенно предполагать, что последние посылали в недавно занятые страны, чтобы руководить там церковной жизнью, только надежных в их понимании священнослужителей. Следует прежде установить, соответствует ли этому Сергей, или он, внутренне отвергая большевизм, только покорился принуждению и принял эту службу.».²

Не произошло кардинального изменения отношения к Экзарху Сергию (Воскресенскому) со стороны нацистов и после составления им вышеупомянутого меморандума. Тот же С.К. Бернев приводит любопытную цитату из одного немецкого документа по поводу роста влияния автокефалистов в среде православных приходов Балтии, в особенности Эстонии и возможной реакции на этот процесс германских властей: «Мы, скорее, должны приветствовать сопротивление эстонцев. По-моему, для нас не может не быть важным то, что с созданием охватывающей обширные территории церковной организации в дальнейшем возникнет фронт против немцев. Эта опасность существует если мы допустим или, может быть, поддержим церковные организации выше рамок прихода.».³ Естественно, при таком отношении к целостности Православной

---

¹ Цит. По Бернев С.К. Указ. соч. С.104.

² Там же.

³ Там же.

Церкви ни о каком едином организме, а тем более о вхождении Белорусского Православия, как об этом помышлял Экзарх, говорить не приходится. Много работавший в германских архивных хранилищах петербургский исследователь М.В. Шкаровский видит во всем этом прежде всего боязнь оккупантов возможности объединения всего русского населения Остланда под эгидой Церкви для будущего сопротивления немцам. В доказательство автор приводит цитату из доклада сотрудника политического отдела РКО Маскова рейхскомиссару Лозе: «Римско-Византийская идея воздействует и сегодня, и Греко-Православная Церковь также и большевизмом в отдельных случаях рассматривается как главенствующая.»¹

Как мы видим выше из приведенных цитат, положение Православной Церкви в Балтии в начальный период оккупации было более чем зыбким. Немецкая оккупационная администрация не хотела мириться с тем, что в регионе очень сильно влияние Православной Церкви, в особенности в контексте консолидации этнических русских региона вокруг нее (в чем даже видели в дальнейшем возможность сплочения всех антиоккупационных сил). Опьяняло многих чиновников Третьего Рейха и молниеносное наступление начала войны, возможность быстрого победоносного ее окончания. Лишь со временем военная обстановка внесет коррективы в церковную политику германской администрации.

В связи с происходящими в Латвии событиями нельзя забыть и об оттоке части православного духовенства страны на Северо-Запад России в связи с организацией Псковской Православной Миссии. Нам кажется, что процесс организации Псковской Миссии напрямую связан с ситуацией в Балтии и поэтому в этой главе мы его и рассмотрим. Вполне возможно, что еще во время ареста Экзарха в начале июля 1941 г. у него возникла идея воцерковления пребывающего в «безрелигиозной пустыне» населения России с привлечением для этого духовенства Балтии и в особенности Латвии (об этом мы уже говорили выше). Конечно, не исключено и то, что уже во время ареста Экзарха контуры данного важного события им обсуждались с немецкими властями, однако нам кажется более обоснованной точка зрения высказываемая в послевоенное время самими участниками тех событий, согласно которой идею образования Миссии на оккупированных территориях подсказали сами жители Северо-Запада России. Для примера приведем мнение о побудительных мотивах владыки Сергия (Воскресенского) архимандрита Кирилла (Начиса), служившего в годы войны в Псковской Миссии, а затем ставшего духовником петербургских духовных школ: «...мне думается, что идею

---

¹ Шкаровский. М.В Церковь зовет к защите Родины. СПб.: Сатисъ Держава, 2005. С. 169.

направить православных миссионеров в приходы северо-запада России ему подал сам русский народ. Ведь после отступления Красной Армии сотни тысяч людей были брошены на произвол судьбы. Народ хлынул в еще уцелевшие церкви и храмы. Люди посылали ходяков с Пскова с просьбой прислать священников».¹ На огромной территории Северо-Запада России Православная Церковь была фактически за годы большевизма уничтожена. Приведем в этой связи некоторую статистику. Так, в 1917 г. только в одном Пскове было 3 монастыря, 45 церквей и 27 часовен. Уже в период Гражданской войны были закрыты все храмы, приписанные к воинским частям, а в 1920-1922 гг. та же участь постигла и домовые храмы.² Окончательный разгром Православия в древнем русском городе связан с деятельностью не только антирелигиозных агентов, но и деятелей обновленческого движения, захвативших кафедральный Свято-Троицкий собор, превращенный затем в атеистический музей. К моменту начала Великой Отечественной войны были закрыты, разрушены или осквернены все монастыри, церкви и молитвенные дома Пскова. Похожая ситуация была характерна для всей территории Северо-Запада России, с некоторым улучшением в населенных пунктах, находящихся в непосредственной близости от Ленинграда. Существовали, конечно, общины проводившие богослужения тайно, православные братства, непоминающие пошедшее на союз с атеистическими властями руководство Московского Патриархата и лично митрополита Сергия (Страгородского) клирики и миряне. Ниже мы еще расскажем отдельно о жизни православного духовенства, оказавшегося врагом государства и не имевшего возможности служения в годы советского владычества.

Были причины дать свое согласие на организацию Псковской Миссии и у нацистских властей. Немцам, безусловно, Православная Миссия была нужна не столько для благих целей, сколько в связи с пропагандой и агитацией. Безусловно, что как только православные церкви на занятой территории станут открываться, это сразу же станет важным, если не сказать больше – определяющим козырем в пропагандистской войне. Некоторые современные исследователи до сих пор склонны утверждать, что именно позиция нацистов сыграла ведущую роль в организации Псковской Православной Миссии. Так, доказывая главенство немецкого участия в образовании «Православной Миссии в освобожденных областях России» С.К. Бернев в подтверждение своей точки

---

¹ Кирилл (Начис) архим. Было много боли, и надо было ее преодолеть// Морская газета. 17 августа 2002. С. 20.

² Ефимов А.Н Процесс закрытия церквей и обновленческое движение в Пскове в 20-30 гг. XXв. // Псков. 2001. № 14. С. 23.

зрения использует протокол допроса члена Миссии Георгия Ивановича Радецкого. Большую роль в организации Миссии допрашиваемый уделяет Ивану Давыдовичу Гримму, который, со слов его сына - бывшего школьного одноклассника Георгия Радецкого Константина Ивановича Гримма лично ходил в немецкие органы СД, где предложил учредить Православную Миссию.¹ Важен и еще один момент, который может пролить свет на взаимоотношения митрополита Сергия (Воскресенского) и юрисконсульта И.Д. Гримма: Радецкий вспоминает, что, прислуживая Экзарху в Кафедральном соборе, ему, как знающему латышский и немецкий языки, поручалось переводить статьи из главного печатного органа тех лет – газеты «Тэвия», ставшей в годы войны настоящим рупором латышского национализма, переводы которых Иван Давыдович относил «в какое-то немецкое учреждение». Мы не можем ручаться за подлинность такого противоречивого источника как протоколы допросов, но отметим, что такие «переводы» могли очень помочь в деле бытия не только оставшихся под юрисдикцией Прибалтийского Экзархата православных приходов, но и всего русского населения Балтии. Понимая всю опасность возрастания влияния местных националистов и находящихся под их крылом православных автокефалистов, митрополит Сергей Младший решил поставить перед собой задачу убедить немецкие власти в небезопасности прежде всего для самих себя деятельности местных националистов, причем в то же время шел процесс «выторговывания» Миссии. Уже к началу августа 1941 г. процесс обсуждения деталей организации Православной Миссии подходил к завершающей стадии и был составлен именной список ее участников. Безусловно, данный список должен был пройти некую проверку у органов СД на лояльность направляемых в Россию священников. Тот же Радецкий вспомнил на допросе, что 13 августа, после проведения за несколько дней до этого «совещания немецких властей и митрополита Сергия (Воскресенского) при участии Гримма», в канцелярию Экзархата явился немецкий офицер, который за закрытыми дверями обсуждал с юрисконсультом возникшие вопросы. Потом Иван Гримм заявил Радецкому о том, что вопрос организации Миссии разрешен и ее состав утвержден. Интересно, что в этих показаниях звучит и первое упоминание официального названия Псковской Миссии – «Православная Миссия в освобожденных областях России». Дальнейшие события происходили без промедлений: Радецкого митрополит Сергей в тот

---

¹ Бернев С.К. Образование Псковской православной миссии // Жизнь и безопасность. СПб. 2004. №1-2 С. 369.

же день посылает на Рижское взморье за будущим миссионером отцом Владимиром Толстоуховым, после чего они вместе приезжают на следующий день в Ригу.¹

Такое быстрое развитие событий подтверждает и другой источник, в объективности которого есть гораздо меньше сомнений, а именно написанные в 1952 г. воспоминания сумевшего выехать зарубеж после войны отца Алексея Ионова. Этот пастырь отметил несколько важных особенностей организации Миссии, во-первых, долгий процесс переговоров с немецкими властями, приведший наконец-таки к отправке группы священнослужителей «в страну за чертополохом», во-вторых, быстроту ее организации, в частности отец Алексей вспоминает, что все происходило в рамках церковной дисциплины, без каких-либо предварительных договоренностей между Экзархом и вверенным ему латвийским духовенством, в-третьих, Ионов не говорит о каких-либо специальных инструкциях, данных оккупантами: «Следует указать и на тот, факт, что со стороны немецких властей никаких инструкций специального или специфического характера Миссия не получала. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, - вряд ли наша Миссия состоялась. Я хорошо знал настроение членов Миссии. С немцами мы все считались по принципу – «из двух зол выбирайте меньшее». Что немцы – зло, никто из нас не сомневался.»²

В первоначальный состав Миссии вошли: священники Алексей Ионов, Иоанн Легкий, Владимир Толстоухов, Василий Рушанов, Федор Ягодкин, Георгий Бенигсен, Иаков Начис, Николай Колиберский, Николай Трубецкой, псаломщики Виталий Караваев, Георгий Радецкий, Леонид Архангельский, Михаил Трубецкой и Константин Кравченко. Следует отметить очень важную деталь: абсолютное большинство отправляемых в Россию миссионеров были молодыми пастырями, которые провели большую часть своей жизни в независимой Латвии, в совместной русско-латышской среде они выросли и приняли священнический сан, стали образованными и понимающими современную обстановку людьми. Ярким примером может служить тот же отец Алексей Ионов, уроженец Двинска (Даугавпилса), которому на момент образования Миссии только исполнилось 34 года. Активный член Русского Студенческого Христианского Движения, окончивший к тому же Свято-Сергиев Православный Богословский Институт в Париже и служивший на приходах Латвии, в том числе и Риги.³ Тот же институт

---

¹ Бернев С.К. Там же. С. 369.

² Цит. по Голиков Андрей, свящ., Фомин С. Кровью убежденные. .... С. СХХVI.

³ LVVA. F.7469. a.2. 192 apr.1.

закончили Владимир Толстоухов, Николай Трубецкой, Василий Рушанов и Федор Ягодкин. Самый же старший по возрасту миссионер Николай Александрович Колиберский, уроженец города Пскова, родившийся в 1872 г., не только успел послужить в Холмском уезде, Изборске, Тюршино, Даугавпилсе, Либаве, Риге и нескольких других местах, но и участвовал за весь период своего служения, как во время Российской Империи, так и в независимой Латвии, в преподавательской, миссионерской и просветительской деятельности, преподавая не только Закон Божий, но и почти весь спектр других школьных предметов.¹ Даже девятнадцатилетний уже упоминавшийся нами Георгий Радецкий, в свой юный возраст выполнял важные поручения владыки Сергия (Воскресенского). Такой высокий уровень подготовки духовенства неслучаен: здесь сказался внимательный и тщательный отбор со стороны Экзарха и И.Д. Гримма. Однако нам не кажется правдоподобным мнение, что молодой возраст духовенства был связан с какой-либо попыткой создания «нового класса проповедников», а скорее всего этот факт обусловлен пониманием того, какие нагрузки и сложности ждут священников в оккупированных районах, в оставленной советскими властями «безрелигиозной пустыне». Перед отправкой на Северо-Запад России владыкой Сергием был отслужен молебен и проведено совещание, после чего, попрощавшись со своими родными и близкими, группа миссионеров отправилась в тяжелое и опасное путешествие на автобусе рижского СД. Тяжелая обстановка, царившая на оккупированной территории Северо-Запада России, почти полная ликвидация в отдельных местах религиозной жизни не означали, как оказалось на практике, неблагоприятного отношения местного населения к «рижским гостям».

Итак, с одной стороны Экзарх решил одну из важнейших проблем первого года оккупации – организовал «Православную Миссию в освобожденных областях России», начав тем самым религиозное возрождение на страждущей от неимения храмов российской земле. В то же время на Северо-Запад России он отправил лучших представителей латвийского духовенства, лично ему преданных, способных и желающих проводить активную миссионерскую работу в столь сложном положении в тяжелое военное время. В Латвии же ситуации с автокефалистами тоже была далека от завершения, ибо противостояние еще не потеряло своей остроты и появлялись представители местного клира и паствы, желавшие в той или иной степени «удалить» с территории Балтии Экзарха Сергия (Воскресенского) и его сторонников, выражавших с их

---

¹ LVVA. F.7469. a.2. 206. apr.11-49.; Обозный К.П. Псковская Православная Миссия.(Памяти протоиерея Николая Колиберского) // Псковские хроники. Вып.3. Псков, 2002. С.37-39.

точки зрения промосковскую позицию. Одним из главных обвинений в адрес владыки Сергия (Воскресенского), как не трудно будет догадаться, была его связь с советскими «компетентными» органами и большевистскими властями. Весь этот пропагандистский арсенал митрополит Августин мог применить и по отношению к епископату, с которым служил в предвоенный период, в отличие от назначенного Москвой Сергия (Воскресенского). Известно, что одним из первых кого стал склонять на свою сторону владыка Августин был епископ Мадонский Александр (Витол), в тоже время как Экзарх надеялся в письме Мадонскому владыке, что действия ушедшего ранее на покой главы Латвийской Православной Церкви не увенчаются успехом: «Слышал о посещении Вас м. Августином. Старцу, видимо, нравится ходить по тонкому льду, но на Ваше благоразумие я надеюсь и Вы думаю не соблазнитесь его новым увлечением. Мы в отношении его не можем отменить своих решений, ни материально его поддержать, пока он не возвратится в лоно Матери-Церкви».¹

Однако как владыка Александр (Витол), так и другая ключевая фигура в православном епископате Латвии епископ Елгавский Иаков (Карп) приняли сторону митрополита Сергия (Воскресенского). Этот факт особенно важно отметить, ибо оба этих пастыря были хиротонисаны во епископов в период управления Латвийской Православной Церковью митрополитом Августином (Петерсоном), и даже несмотря на это, они встали на позицию Экзарха. В результате благоприятное отношение к митрополиту Августину (Петерсону) оставалось только у некоторых отдельных, в основном состоящих только из этнических латышей, приходов и священников.

К примеру, отец Н. Рациус был в марте 1942 г. отправлен Экзаршим Управлением в поездку по тем приходам Латвийской епархии, которые изъявили желание разорвать отношения с руководством Прибалтийского Экзархата. Данный священник заявляет, что особую роль в деле отпадения приходов играет племянник владыки Августина – Николай. В городе Ниамбаге никто не явился на встречу с Рациусом, хотя в других местностях «предложение о мире выслушивали и принимали». В результате своей поездки отправленный Экзаршим Управлением пастырь делает вывод: «..привести к сведению некоторых государственных учреждений о том, что некоторые самовольно перешли к Августину и остались под его руководством, существует определенный сговор»². В ответ на их действия митрополит Виленский и Литовский 25 февраля 1942 г. отправляет

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 77 apr.1 133.

² LVVA. F 7469. a.1. 1093 apr.1 211-23.

владыке Августину (Петерсону) сообщение с уведомлением о том, что из-за самовольного уклонения от своих прямых обязанностей он увольняется на покой.¹ 15 июня 1942 г. Экзарх запретил в служении владыку Августина (Петерсона). Важно отметить и то, что он в своем указе о запрещении в служении указал причины подобного своего шага: в частности он заявил, что владыка Августин воспользовался кончиной благочинного Эрильского округа и самочинно стал служить в нем, поминая за богослужениями только Вселенского Патриарха, от подчинения юрисдикции которого ранее он отошел.²

Важна и позиция немецких властей по этому вопросу. Очень скоро новая администрация стала понимать, что ей не удастся находиться «над схваткой» и рано или поздно придется встать на ту или иную сторону. Так, 23 февраля того же года митрополит Августин (Петерсон) получил распоряжение Генриха Лозе о том, что он как бывший глава Латвийской Православной Церкви должен уйти в «длительный отпуск» по собственному желанию и состоянию здоровья. Фактически такое решение означало непризнание митрополита Августина (Петерсона) главой ЛПЦ и рушило многие надежды как самого владыки, так и его сторонников. Однако в тот же период было принято и другое решение: нацистские власти решили, что Экзарх Сергей (Воскресенский) должен покинуть территорию Латвии и к 5 марта он должен, передав управление православными приходами Латвии епископу Мадонскому Александру (Витолу), переехать в Вильнюс. Только к лету германские власти все же решили поменять свое решение. 18 июня 1942 г. в канцелярии начальника главного отдела политики Рейхсминистерства Лейббрандта было проведено совещание, на котором подвергся критике ранее взятый курс на максимальное разделение Православной Церкви по национальному признаку.

Теперь главной задачей немцев было подчеркнуть именно русский характер Православия для дальнейшего перемещения православных Прибалтики на восток. Через день выходит циркулярное письмо рейхскомиссара Лозе, в котором он пишет, что: «...Экзархат же православной Церкви в прибалтийских генералбецирках должен остаться существовать. Православную церковь необходимо считать в прибалтийских генералбецирках чужеродной организацией. В подходящее время она будет удалена из прибалтийского пространства. Как раз для того, чтобы ясно показать прибалтийским народам, что принадлежность к Православной Церкви находится в противоречии с их исповеданием европейской культуры, желательно оставление в этой церкви русского руководителя. Необходимо постепенно, но целеустремленно добиваться того, чтобы

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 77 apr.1 110.

² Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 149-150.

представители прибалтийских народов выбывали из Православной Церкви. Однако это ни в коем случае не может быть достигнуто, если разрешить образование собственных Эстонской и Латвийской Православных Церквей...».¹ Окончательным закреплением власти над православными приходами Балтии за руководством Прибалтийского Экзархата было распоряжение от 19 июня 1942 г. о порядке регистрации религиозных организаций, по которому и Православная Церковь получила свою регистрацию 20 августа того же года (то есть в Остланде официально признавалась власть Экзарха Сергия (Воскресенского)). После окончания самого острого периода борьбы с «раскольниками всех мастей и рангов» митрополит Сергий начинает реформу управления Экзархата, вызвавшую затем большие споры.

5 августа 1942 г. Экзаршее Управление епархией отныне упразднялось. При епархиальном архиерее учреждался совет из шести священников, в заседании которого принимал участие также секретарь епархиальной канцелярии, правда без права голоса. В епархиальном совете председательствовал архиерей, в подчинении которого находилась епархиальная канцелярия. Со сношениями с подчиненными епархиями при Экзархе была образована канцелярия. Совецательным органом при нем стало уже упоминаемое нами ранее архиерейское совещание. Оно созывалось не менее двух раз в год из епископов Латвии, Литвы и Эстонии, а также епархиальных священников, которые приглашались лично владыкой Сергием (Воскресенским). Предшествовала этому приходская реформа 16 марта 1942 г. Приходские советы, состоявшие, как правило, из 5-12 человек, теперь сначала намечались единолично местным настоятелем, а затем утверждались епархиальным архиереем. Председателем совета назначался настоятель.

И, несмотря на то, что в совет входили все штатные члены причта, он определялся лишь как совещательный и исполнительный орган, содействующий настоятелю, за которым было последнее слово. В случае неразрешимости разногласий приходского совета и настоятеля направлялась апелляция к епархиальному начальству. Совет избирался сроком на один год. Единственной силой, которая могла противостоять настоятелю, была сила ревизионной комиссии, которая состояла из выбранных благочинным лиц. Состав же ревизионных документов составлял все тот же епископ. Унификация церковного управления и его четкая централизация являла собой отход от установленных до войны правил управления Экзархатом. Вот как этот процесс описывает З.В. Балевиц: «Реорганизация церковного управления, проведенная экзархом Сергием, свела на нет временное оживление куцей внутрицерковной демократии, наблюдавшейся в

---

¹ Бернев С.К. Указ.соч. С.105.

1940-41 гг. и возродила ухудшенный вариант порядка, который предшествовал в Латвийской православной церкви в 1936-40 гг.... вместе с тем это было началом так называемой патриаршей деятельности экзарха Сергия, который прикрывался для видимости давно устаревшим указом...».¹ Точка зрения советского исследователя на причины реформ, предпринятых Экзархом, согласно которой он хотел в первую очередь продемонстрировать преданность оккупационной власти и показать желание отделения Балтийского Православия от Москвы, как нам кажется, не соответствует действительности. Данная реформа была проведена скорее с целью не ослабления, а укрепления церковного организма, так как подчинение епархий центру могло уменьшить возможность очередных действий автокефалистов.

После подобных событий силы «схизматиков» в Латвии, безусловно, стали редеть. Важным фактом в цепи происходящего противостояния автокефалистов и сторонников Экзарха Сергия (Воскресенского) было назначение епископом Рижским и всея Латвии владыки Иоанна (Гарклава). Выпускник Рижской Духовной Семинарии, диакон, а в последствии священник отец Иоанн уже к августу 1941 г. окормлял семь приходов в Латвии: Вентспилсский, Дундагский, Колкасагский, Угальский, Талсинский, Кульциемский и Валдемарпилский.² В этот же период как священноначалие, так и миряне отмечают пастырские навыки отца Иоанна Гарклава, его отзывчивость, невероятную трудоспособность (которая особенно проявилась в окормлении «пустующих приходов) и смелость (пастырь проводил богослужения в лагерях советских военнопленных). В середине 1942 г. к Гарклаву приходит мысль о принятии монашества и вскоре, после беседы с митрополитом Литовским и Виленским, он подал прошение на имя настоятеля Свято-Духового монастыря в Вильнюсе о зачислении в состав братии монастыря. После прохождения Богословских курсов в литовской столице 28 ноября 1942 г. он был пострижен в монашество, 3 января 1943 г. он стал архимандритом, а уже в феврале владыка Иоанн становится епископом Рижским. Данное назначение было восторженно принято большей частью латвийского православного духовенства и мирян. В частности, даже такой маститый деятель латвийского Православия как протоиерей Иоанн Янсон, который мог сам в середине 1930-х гг. стать главой Латвийской Православной Церкви, заявлял на страницах местной печати, что «Латвия получила своего родного епископа,

---

¹ Балевиц З.В. Указ.соч. С.51.

² Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С.153.

который говорит на всех местных языках и хорошо понимает местные условия, настоящего сына своего народа».¹

В короткий срок владыке Иоанну (Гарклаву) удается нормализовать ситуацию в среде православных приходов Латвии, усилить церковную дисциплину и сплотить вокруг себя верный круг сторонников. В то же время оставалось небольшое количество духовенства, не желавшего подчиниться руководству Прибалтийского Экзархата и активно противостоявшего принятой линии управления православными приходами Латвии. Очень показательным в этой связи дело настоятеля Балтинавской церкви Иоанна Лапикена. Этот пастырь составил в начале 1943 г. специальное воззвание на латышском и русском языке под красноречивым названием «О положении дел Латвийской православной церкви», в котором очень резко критиковал как политику Московского Патриархата в целом, так и позицию назначенного Москвой митрополита Сергия (Воскресенского), особо заостряя свой взгляд на вопросе о «воссоединении», не имеющим с его точки зрения твердой канонической основы, Латвийской Православной Церкви, прибывающей до войны в лоне Вселенского Патриарха с Московской Патриархией. Не признает священник и пребывание владыки Августина (Петерсона) на покое, заявляя, что до сих пор подчиняется только ему. Как не сложно догадаться, вскоре Лапикен был снят со своего прихода и запрещен в служении.²

Активно включаются автокефалисты и в своеобразную «газетную войну». Особенно выделим в этой связи реакцию Епархиального Совета в Риге на одну из статей в газете «Тэвия», в которой в частности, при обсуждении личности владыки Иоанна (Гарклава), одного из основных сторонников митрополита Сергия (Воскресенского) в Латвии, говорится, что первый прервал связь с Православной Церковью в небольшой период советского владычества в Балтии. В ответе Совета эта информация опровергается с разъяснением, что Гарклав в это тяжелое для всех представителей духовного сана время был настоятелем Дондангенской и нескольких других церквей с совмещением своего служения по причине тяжести времени со службой на железной дороге, при чем как только он отказался пойти на предложение властей оставить духовное поприще, был уволен.³ Любопытно кроме всего прочего отметить, что та же «Тэвия» выделила хиротонию Иоанна (Гарклава) в епископа Рижского в своей передовице февраля 1943 г. в

---

¹ Цит по.: Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С.179

² LVVA. F.7469. a.1. 78 apr.1 68.

³ LVVA. F.7469. a.1. 78 apr.1 58.

одном номере с объявлением о создании Латышского легиона СС.¹ Однако все эти действия были лишь последними попытками хоть как-то попытаться возродить Латвийскую Православную Церковь под руководством владыки Августина (Петерсона), что, как оказалось, было невозможным в период нацистской оккупации. Даже, несмотря на поддержку местных националистов, в том числе получивших ответственные посты в военной и гражданской администрации, автокефалисты не смогли получить расположение паствы, которая была полностью ориентирована на подчиняющихся Экзарху Сергию (Воскресенскому) священнослужителей. Как окажется впоследствии, некоторые попытки возродить Латвийскую Православную Церковь были предприняты уже после эвакуации части ее клира и паствы с территории Балтии (что мы рассмотрим отдельно).

Еще более благополучно для сторонников Экзарха Сергия (Воскресенского) развивалась ситуация в Литве. Как мы уже отмечали в предыдущей главе: пик движения за литовско-белорусскую автокефалию в регионе был достигнут в конце 1939-начале 1940 гг. и к началу нацистской оккупации территории Балтии основные страсти по этому поводу улеглись. В период немецкой оккупации на покое в Свято-Духовом монастыре отошел в мир иной и глава автокефалистов архиепископ Феодосий (Феодосиев). В то же время в этот период именно Вильнюс стал центром подготовки новых пастырей: там открылись пастырско-богословские курсы, в том числе готовившие новых православных пастырей для российских территорий. Митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) большинство своего время в период германской оккупации проводил в Риге и лишь «наездами» бывал в Литве. Именно поэтому в среде духовенства ему нужны были верные и ответственные помощники.

В начале 1942 г. до Экзарха стали доходить слухи, что и группа «феодосиевцев» решила продолжить предпринятые два года назад попытки отделения от канонического подчинения Московскому Патриархату.² Во избежание дальнейшего укрепления позиций местных автокефалистов и предупреждения их действий в дальнейшем необходимо было назначить в Литву епископа. Как не странно главным кандидатом на эту должность стал мирянин Николай Порфирьевич Юзвюк, ставший впоследствии архиепископом Даниилом. Долгое время он работал воспитателем в Духовной семинарии Вильны, а после ее закрытия стал личным секретарем митрополита Виленского и Литовского Елевферия

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 176.

² Шлевис Г. [Электронный ресурс]: Митрополит Сергей (Воскресенский). Жизнь и судьба. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/246-mitropolit-sergij-voskresenskij-zhizn-i-sudba>. Свободный. Загл. Яз. рус. Последнее обращение 30.02. 2013.

(Богоявленского), совмещая данную работу с должностью старосты Свято-Духова монастырского храма. Участие в назначении на столь высокий пост Николая Порфирьевича приняли и верный сторонник «церковной ориентации на Москву» протоиерей Лука Голод, и личный друг Юзвюка адвокат Вишневский. Долгое время будущий владыка отказывался от возможности стать архиереем, однако доводы окружения все же возобладали. Хиротония Николая Порфирьевича совпала с вынужденным пребыванием в Вильнюсе Экзарха весной 1942 г. 1 апреля его рукополагают в диакона, 4 апреля во иерея, уже 12 апреля его награждают саном протоиерея, а на следующий день возводят в сан архимандрита (после принятия пострига с именем Даниил). В этом же месяце, несмотря на все наложенные оккупантами запреты на передвижение владыки Сергия (Воскресенского) по территории Остланда, 24 апреля состоялась хиротония Экзархом и Мадонским епископом Александром (Витолом) Юзвюка в епископа Ковенского, викария Литовской и Виленской епархии вместе с назначением на пост настоятеля Благовещенского Кафедрального собора в Каунасе и заместителя председателя Литовского Епархиального Совета с правами главы, в случаях отсутствия в Литве митрополита Сергия (Воскресенского).

Хиротония прошла в Христорожественском соборе латвийской столицы. Система епархиального управления была практически такой же как в Латвии. Членами Епархиального Совета Литвы стали: все тот же отец Лука Голод, он же имел право замещать председательствующего на заседаниях Совета правящего архиерея при отсутствии одного, настоятель Пречистенского собора Игнатий Ярмолюк (вскоре скончавшийся из-за доноса о нелояльности в нацистских лагерях), настоятель Свято-Евфросиниевской церкви Нил Кульчицкий и настоятель Пятницкой церкви Иосиф Дзичковский (как мы писали выше принадлежащий до этого к сторонникам литовско-белорусской автокефалии). Тем самым Экзарх уравнивал ситуацию в православных приходах Литвы, в то же время зорко следя за ситуацией в регионе.

Главным помощником в деле борьбы с автокефалистами не только на территории Литвы, но и всей оккупированной немцами территории СССР был протоиерей Лука Голод. Так, 10 января 1942 г. митрополит Сергий (Воскресенский) отправил отцу Луке поздравление с прошедшими праздниками и в то же время характеризовал ситуацию в православных приходах оккупированной Белоруссии.¹ В частности желание возглавления владыкой Пантелеимоном (Рожановским) Белорусской Православной Церкви характеризуется Экзархом так: «...Я полагаю, что м. Пантелеимон, убегая от Варшавы и

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.L.34.

ненавистных ему забот м. Діонісія, сам попал в просак. Хорошо, если еще окончится принятием на себя титула м. Минского, а может пойдет и дальше. Хотелось бы его вразумить на старости лет и посоветовать всеми силами и авторитетом сохранить единство церковное, да не знаю, возможно ли сіе. Спасибо Вам, что послали ему письмо. Пусть старик знает, что есть еще люди, живущие не своими и земными интересами, а пользой церкви и идеалами вечности.»¹ Из данного пассажа владыки Сергия (Воскресенского) следует, что он внимательно следил за религиозной ситуацией и в Белоруссии, и по отношению к белорусским православным приходам стойко стоял на позиции канонической их принадлежности Московской Патриархии. Очень жестко высказывается в данном письме он и по поводу еще двух владык, согласно его позиции, ушедших в годы немецкой оккупации в раскол: архиепископе Пинском и Полесском Александре (Иноземцеве) и викарии Гродненской епархии епископе Брестском Венедикте (Бобковском). Обо всех этих деятелях автокефалистского движения он отзывается как о чуть ли не проходимцах, грешниках и отступниках от Веры и Церкви. Столь определенная позиция, безусловно, объясняется верностью Экзарха своему другу и наставнику митрополиту Сергию (Страгородскому), а также его резким неприятием любых, с его точки зрения, разделений в церковной ограде.

Важно отметить, что он во всем доверял отцу Луке Голоду и именно на него возлагал обязанность отслеживания любой деятельности автокефалистов как в самой Литве, так и на всей территории бывшей Польши: «...Тогда же решим и о соблазнах от «священников», поменявших свое делание духовное на заботы о благах мира сего. Прошу Вас и всех, кому дорого единство Матери-Церкви быть на страже и бдительными. Берегите лично себя и чувствуйте молодым и бодрым духом при находящих с годами немощах!»² К сожалению, и по сей день некоторые документы способные пролить свет на историю автокефалистского движения в Литве в годы немецкой оккупации не доступны для большинства исследователей (в особенности хранящиеся в Архиве Свято-Духового монастыря в Вильнюсе).

Однако, судя по имеющимся данным, такого острого противостояния, какое существовало в годы нацистской оккупации между сторонниками Экзарха Сергия (Воскресенского) и латвийскими, и особенно эстонскими автокефалистами в Литве не наблюдалось. В тоже время определенные проблемы в национальных отношениях среди разных этнических групп Литвы в 1941-1944 гг. все же были. Хорошо иллюстрирует

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.Л.34..

² Ibid. L.34app.

данный процесс пример Свято-Никольской церкви в Тельшай. Настоятель храма протоиерей Иоанн Левицкий, преподававший в то же время в городской гимназии и трех гимназиях тельшайского прихода, а также кретингской гимназии и начальной школе (все с литовским языком преподавания) в 1942 г. в отчете епархиальному начальству отмечал, что многие местные литовцы, участвовавшие в расстрелах евреев, угрожали и православным прихожанам расправами. Однако вскоре немецкие власти пресекли подобные угрозы.¹

Гораздо более сложной была ситуация в Эстонии. Связаны данные трудности внутри православных приходов Эстонии с тем, что митрополит Александр (Паулус) на протяжении двадцати лет управлял Эстонской Православной Церковью и события начала 1941 г. внутренне были восприняты им с раздражением. С нападением немцев у него возникла реальная возможность вернуть себе власть над православными приходами в Эстонии. В то же время процесс активизации сторонников независимости Эстонского Православия от Российской Церкви начался «снизу».

Один из основных сторонников владыки Александра «на местах» отец Петр Пякхель в Печерах с помощью обретшего власть с приходом Вермахта городского головы Луйка получил должность благочинного и начал активную агитацию с амвона и на страницах возникшей в местном самоуправлении прессы против Московской Патриархии и Экзарха Сергия (Воскресенского), пользуясь тезисом о «чекистской церкви». На данное, с точки зрения митрополита Литовского и Виленского, самочиние он решил ответить письмом митрополиту Александру (Паулусу) от 16 сентября, в котором сначала выразил свою радость по поводу того, что бывшего главу ЭАПЦ не затронули события разразившейся войны и ознакомил его с последними событиями в жизни православных приходов Балтии, в частности рассказал, что временное управление латвийскими приходами было передано преосвященному Александру (Витолу), а сама латышская кафедра временно перенесена в Мадону.² Далее Экзарх сообщает, что в Псков была направлена Миссия для восстановления приходской жизни православных приходов Северо-Запада России, после чего просит митрополита Таллиннского составить список местного эстонского духовенства, желающего влиться в состав Псковской Православной Миссии (особо отмечая это из эстонских православных пастырей в нее уже вошел отец

---

¹ Шлевис Г. [Электронный ресурс]: Митрополит Сергий (Воскресенский). Жизнь и судьба. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/246-mitropolit-sergij-voskresenskij-zhizn-i-sudba>. Свободный. Загл. Яз. рус. Последнее обращение 30.02. 2013.

² ЕАА. F.1655. N.3.S.427. L.13.

Константин Шаховской). После этого поднимает глава Прибалтийского Экзархата и самый злободневный вопрос – о выступлении Петра Пяхкеля. В частности, он отметил, что Петр Пяхкель объявил себя благочинным до времени «сформирования эстонского правительства», напомнив тем самым вместе с господином Луйком «гоголевских героев: какой мне голова, когда я сам голова!».¹ Также обличает митрополит Сергей Пяхкеля в том, что он самочинно объявил себя настоятелем Печерского монастыря (это назначение он получил от уездного старшины), расширив свое и без того неканоническое положение до невероятных пределов. Судя по письму данный инцидент уже стал известен немецкому военному коменданту Печор Моргнеру, который уже начал расследование данного конфликта. В то же время Экзарх поспешил сообщить митрополиту Александру (Паулусу), что в этом деле не следует тревожить германские власти, и без того «занятые величайшей задачей освобождения России и всего мира от коммунистической заразы большевиков».² Сообщает Экзарх и то, что уже принял меры и запретил в служении Петра Пяхкеля. Закончил владыка Сергей (Воскресенский) свое послание тем, что объявил о том, что в Прибалтийском Экзархате сохраняется прежний порядок управления «до стабилизации нового государственно-политического положения im Ostland». Через два дня, 18 сентября 1941 г., Экзарх отправил благочинному Печер протоиерею Эллию Верхоустинскому копию указа о запрещении в служении отца Петра Пяхкеля с предложением последнему в трехнедельный срок со дня объявления данного указа заявить об отказе «от незаконно-воспринятых обязанностей», если же этого не произойдет, то Пяхкель будет лишен священного сана.³

Судя по всему, некоторое время митрополит Александр (Паулус) думал о том, как ему действовать в изменившейся политической ситуации. Однако уже в октябре 1941 г. он четко стал определять себя как глава Эстонской Апостольской Православной Церкви, при этом оценивая присоединение православных приходов Эстонии к Московской Патриархии исключительно как захватническое и отрицательное явление. Так, в письме, датированном 14 октября 1941 г., таллиннскому благочинному протоиерею Иоанну Богоявленскому он отметил, что «по милости Всемогущего Бога и при помощи победоносного Германского войска освободились мы от террористической власти большевиков», отметил репрессии против духовных лиц и церковных деятелей в период советизации, национализацию церковных зданий и разрушение части храмов во время

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.427. L.13.

² Ibid L.15.

³ Ibid. L.12.

военных действий.¹ После этого, призвав отца Иоанна к занятию творческой и созидательной работой, он открыто заявил, что признан теперь новыми властями единственным главой православных приходов в Эстонии, коим он являлся еще с 1920 г. В соответствии с этим деятельность Эстонской Апостольской Православной Церкви будет продолжена согласно государственным законам, общецерковным узаконениям и уставу ЭАПЦ, принятым до событий июня 1940 г., также все священники и члены приходов должны будут точно, срочно и беспрекословно исполнять распоряжения митрополита Александра. Исходя из этого он делает вывод, что все те, кто активно стоял за единство с Московской Патриархией, к примеру члены приходского совета Сорокомученической церкви в Печерах, ныне должны «иметь дело с новыми властями». Отдельно владыка Александр отметил, что сторонники воссоединения с Матерью - Церковью «хотели тогда и до сих пор стремятся устраивать церковную и религиозную жизнь под сиянием лучей солнца Сталинской конституции», тем самым расставляя некие акценты и отождествляя уже тогда сторонников Московской Патриархии с советскими властями.² Заканчивает митрополит Александр (Паулус) тем, что прямо заявляет о порядке покаяния перед ним тех священнослужителей, которые отказались от своей должности в предыдущий год, а также просит отца Иоанна Богоявленского как можно скорее оповестить приходы о новом порядке управления Православной Церковью в Эстонии.

С этого периода начинается разделение и в православных приходах Эстонии на местах, где зачастую сами пастыри отнюдь не всегда могли понять, кто руководит Эстонской Православной Церковью: Экзарх Сергей (Воскресенский) или же митрополит Александра (Паулус). Так настоятель одного из печерских приходов игумен Агафон 4 ноября 1941 г. направил владыке Александру небольшое письмо, в котором описывал ситуацию на своем приходе таким образом: «...В виду того, что у нас два благочинных, которые ежедневно сыплит каждый свои распоряжения, я нахожусь между двух огней. Положение мое острое. Среди прихожан как Русских, так и Сетов идет страшное брожение зато чтобы подчиняться Экзарху. До сего времени я пытался умиротворить этот вопрос, но дальше незнаю ибо там прихожане заявили, чтобы наш приход также должен быть подчинен Экзарху т.к. окружающие нас приходы подчинены Экзарху...».³ Интересны и аргументы прихожан игумена Агафона за подчинение Экзаршему Управлению в Риге: если перейдем к митрополиту Александру, снова будет водворен

---

¹ ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.18.

² Ibid. L.18-app.

³ ЕАА. F.1655. N.3.S.430. L.13-13-app.

новый стиль. В то же время сам игумен Агафон лично предан Таллиннскому митрополиту и буквально слезно просит его как можно быстрее ответить на его письмо для того, чтобы как можно скорее разрешить кризис в раскалывающемся приходе.

В то же время митрополит Александр (Паулус) и сам не бездействует и активно отвечает на письма и прошения духовенства с мест, тем самым пытаясь продемонстрировать клиру и пастве, что он является единственным каноничным митрополитом в среде православных Эстонии. Так, иеромонаху Павлу (Горшкову) он пишет, что является ответственным главой Эстонской Православной Церкви и поэтому будет неуклонно держаться изложенных им же принципов и порядков, в то время как если кто-нибудь «будет досаждать» братии монастыря при исполнении его, митрополита Александра, распоряжений, следует направить этих возмутителей спокойствия напрямую к главе ЭАПЦ.¹ Стали приходить митрополиту Александру (Паулусу) письма и с территории Северо-Запада России, в том числе приглашения посетить Псков, на что он отвечал, что «готов посетить богоспасаемый город Псков в случае возможности», однако в период начала нацистской оккупации такой визит был маловероятен, но в то же время он отправил в Псков протоиерея Николая Раага, которого «просил любить и жаловать и оказать ему возможное содействие».² Тем самым мы можем ясно увидеть, что архипастырские амбиции владыки Александра распространялись и на оккупированные немцами российские территории, что делалось также в противовес создаваемой Экзархом Сергием (Воскресенским) «Православной Миссией в освобожденных областях России».

Важным преимуществом митрополита Александра (Паулуса) в нарастающем противостоянии с Экзархом Сергием (Воскресенским) был тот факт, что на его стороне было большинство представителей эстонского местного самоуправления, абсолютное большинство из которых состояли этнические эстонцы, более чем прохладно относящиеся к идее эстонской епархии в лоне Московского Патриархата. Судя по переписке с будущим игуменом Печерского монастыря Павлом (Горшковым), совершенно особые отношения сложились у сторонников эстонских автокефалистов с городским головой Луйком, который какое-то время в начальный период оккупации даже служил неким «почтальоном» между отцом Петром Пяхкелем и печерским православным духовенством с одной стороны и митрополитом Александром (Паулусом) с другой.³

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.430. L.7.

² Ibid. L.17.

³ ibid. L.5.

Однако не все оказалось для Таллиннского митрополита так безоблачно в процессе перехода к нему эстонских православных приходов. Несложно догадаться, что ядро неповиновения его распоряжениям составили русские приходы, которые в межвоенный период были не удовлетворены политикой владыки Александра (Паулуса) и светских властей Эстонии, пытавшихся, к примеру, насильно внедрить в богослужебную практику григорианский календарь. Исходя из этого, самыми проблемными районами в Эстонии должны были стать Печерский и Нарвский края, в которых данная диллема всегда стояла наиболее остро. Однако главную роль в этом противостоянии суждено было сыграть Нарвскому владыке Павлу (Дмитровскому), ставшему в период нацистской оккупации Балтии самым верным сторонником Экзарха Сергия (Воскресенского) в Эстонии. Однако конфликт этот разгорелся не сразу же после начала немецкого вторжения в Балтийский регион.

Возможно, одним из катализатором данного противостояния был разгорающийся с началом немецкой оккупации конфликт между владыкой Павлом (Дмитровским) и нарвским протоиереем Павлом Калининским. Поводом для будущего противостояния было разное видение двумя представителями Эстонского Православия чисто внутренних особенностей бытия нарвских православных приходов, выразившееся в некоторые «показные» моменты. Так, в один из визитов епископа Павла (Дмитровского) в нарвские храмы отец Павел Калинин не пожелал поздороваться с владыкой и принять его благословение, чем, по мнению владыки Павла, мог вызвать некую «цепную реакцию» и у других представителей нарвского православного духовенства.¹ Судя по переписке между отцом Павлом и владыкой Павлом данные недоразумения между ними происходили довольно часто, что «вынудило» епископа Павла (Дмитровского) запретить протоиерея Калининского в служении. Теперь арбитром в этом противостоянии естественно должен был стать митрополит Таллиннский Александр (Паулус). Протоиерей Павел Калинин отправил письмо владыке Александру, в котором описывал конфликт, связанный с передачей нарвской Владимирской церкви Никольскому приходу, в ходе чего он мог остаться без места постоянного служения или мог быть перемещен.²

Если проанализировать ответ митрополита Таллиннского, то в нем видно, что владыка Александр получил письма как от одной, так и от другой стороны конфликта в конце февраля 1942 г. и взвесив аргументы высказываемые как протоиереем Павлом Калининским, так и епископом Павлом (Дмитровским) советует нарвскому священнику не

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.430. L.16-app.

² Ibid. L.19-20-app.

осложнять и без того тяжелое и неблагоприятное время «взаимными недоразумениями», а также выражает надежду на то, что обоим удастся найти компромисс и «установить между собой добрые отношения по средствам чистосердечного и истинно-христианского обмена мнениями».¹ В завершении своего письма протоиерею Калинкину митрополит Александр обещает сегодня же, то есть 2 марта 1942 г., написать письмо и владыке Павлу, в котором призовет его поменять свое мнение об отце Павле. И действительно в тот же день владыка Александр (Паулус) отправляет послание Нарвскому епископу, в котором буквально дословно повторяет большинство из того, что написал в письме протоиерею Калинкину, прося его отнестись к последнему благосклонно и доброжелательно, приняв все меры к мирному улаживанию возникающих недоразумений».² Особо отметим, что на состояние марта 1942 г. конфликт между митрополитом Александром (Паулусом) и епископом Павлом (Дмитровским) еще не разгорелся, что видно из позиции в рассматриваемом выше деле главы ЭАПЦ, выступающего здесь в роли миротворца. Не выходил из подчинения юрисдикции митрополита Александра (Паулуса) в тот период и владыка Павел (Дмитровский), что видно из его ответного послания, написанного 4 марта 1942 г., в котором он очень подробно описывает события в своей епархии, произошедшие за последние месяцы, и выделяет основные проблемы, которые встали перед Нарвской епархией с уходом советских властей.³ Естественно, самое основное место в послании уделено «делу протоиерея Павла Калинкина». Однако и в этом послании нет и тени какого-то юрисдикционного противостояния.

Но со временем в переписке между митрополитом Александром (Паулусом) и епископом Павлом (Дмитровским) стали появляться, хотя и едва заметные на первый взгляд, нотки будущего противостояния. Так, в письме датированном 25 марта 1942 г., владыка Павел сначала повествует о том, как протоиерей Калинкин приходил к нему на аудиенцию и между ними было достигнуто, хоть и с большим трудом, некое временное соглашение, а потом пишет о том, что не все в Нарве довольны действиям протоиерея Павла Калинкина.⁴ Но уже после описания событий в нарвских православных приходах владыка Павел напрямую переходит к обсуждению желания митрополита Таллиннского восстановить Эстонскую Православную Церковь. Его претензии по этому поводу заключаются в том, что Нарвская епархия, несмотря на заявленное восстановление ЭАПЦ,

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.430L.21.

² Ibid.. L.22.

³ Ibid.L.26-30-app.

⁴ Ibid.32-32-app.

представляет собой ничтожную величину, состоящую из трех нарвских приходов и несколько принаровских, в то время как остальные приходы края относятся к Таллиннской епархии. Завуалированно начинает епископ Павел (Дмитровский) доказывать митрополиту Александру некоторую правоту реформ Экзарха Сергия (Воскресенского), чье управление православными приходами Балтии глава ЭАПЦ теперь считал узурпацией, в частности особенно отмечая, что тот предложил при устройстве благочиний не считаться лишь с национальным признаком, предоставив тем самым распределение приходов на личное усмотрение епископов на местах. В конце своего послания епископ Нарвский выражает надежду, что митрополит Александр «оставит Нарвскую епархию в таком виде, в котором она была в момент его, Павла (Дмитровского), сюда назначения».¹ В этом письме уже выделяется некое недовольство владыки Павла существующим в эстонских православных приходах положением вещей. Также впервые он так или иначе намекает на то, что далеко не все произошедшие с назначением митрополита Сергия (Воскресенского) события следует характеризовать только лишь как узурпацию или насильственное вмешательство Московской Патриархии, солидаризировавшей себя с советскими атеистическими властями, в дела Эстонской Православной Церкви.

Уже через несколько месяцев владыка Павел (Дмитровский) однозначно стал относиться к себя сторонникам Прибалтийского Экзарха. Так, 2 июня 1942 г. он отправляет письмо настоятелю таллиннской церкви святых Симеона и Анны протоиерею Иоанну Богоявленскому, в котором просит столичного священника «отбросив всякие личные счеты» принять для себя решение чью сторону в конфликте занять: митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) или митрополита Таллиннского Александра (Паулуса).² Епископ Нарвский отметил, что всегда поддерживал сторону Экзарха и не намеревается и теперь отходить от Московской Патриархии, а также что имеет с Ригой постоянную переписку, из которой знает, что вскоре должен состояться Собор епископов, на котором среди прочих будет обсуждаться и «эстонский вопрос». Аргументацию митрополита Александра (Паулуса), направленную на то, чтобы опорочить представителей Московского Патриархата, епископ Павел (Дмитровский) в расчет не берет, считая ее крайне пристрастной, на что он уже указывал в своей переписке с митрополитом Александром (Паулусом). Особо он отметил, что теперь всем русским по национальной принадлежности священнослужителям и мирянам Эстонии следует сделать

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.430. L.33-арр.

² ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.23.

правильный выбор в юрисдикционном вопросе, в том числе прося отца Иоанна ознакомить со своим письмом не только своих прихожан, но и два других русских прихода эстонской столицы, а именно Николаевский и Казанский приходы. Расширенное послание он отправил на имя «причта и правления» таллиннской Симеоновской церкви, в котором отметил, что распространенный по всем православным приходам Эстонии 14 октября 1941 г. циркуляр митрополита Александра (Паулуса) неканоничен, а его аргументы, направленные против Экзарха Сергия (Воскресенского) и Московской Патриархии являются абсолютно надуманными, в то время как Русская Православная Церковь на протяжении 25 лет испытывает большевистские гонения, сохраняя при этом громадное влияние на народ (что свидетельствует, что ее хранит Господь и умудряет ее руководителей).¹ Епископ Павел (Дмитровский) пытался оправдать и Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), заявив о том, что его просоветское заявление если было им подписано, то только под давлением большевистских властей. Владыка считал, что в приходах следует сохранить стабильность до освобождения Москвы от большевизма, а до этого момента сохранить каноническую принадлежность Экзарху Сергию (Воскресенскому). Судя из этого обращения, всю власть над православными приходами Эстонии епископ Нарвский брал теперь на себя вплоть до восстановления в стране действий Экзаршего Управления.

Безусловно, после такого выступления епископа Павла (Дмитровского) митрополиту Александру (Паулусу) нужно было делать выбор: либо прекращать процесс воссоздания Эстонской Православной Церкви вне огады Прибалтийского Экзархата, либо продолжить его и отстранить от управления Нарвской епархией епископа Павла. Владыкой Александром был выбран второй путь. 30 июня он составляет православным приходам Нарвской епархии циркулярное письмо, в котором резко критикует с канонических позиций высказанные в циркулярах владыки Павла мысли о положении православных приходов Эстонии, подтверждая тем самым свой циркуляр от 14 октября 1941 г.² В тот же день глава ЭАПЦ составил письмо самому епископу Павлу (Дмитровскому), в котором разъяснил ошибочное, с его точки зрения, понимание Нарвским владыкой устава Эстонской Православной Церкви, заявляя, что он как митрополит наоборот предоставляет слишком много независимости епископату.³ Далее митрополит Александр упоминает о просоветских сентенциях главы Московского Патриархата митрополита Сергия (Страгородского), особо выделяя, что он теперь

---

¹ ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.25.

² Ibid. L.29-29-app.

³ Ibid. 30.

именует немцев «фашиствующими разбойниками», в то время как они являются освободителями православных от безбожных советских властей. Упоминает он и то, что с прибытием в Балтию владыки Сергия (Воскресенского) произошло необычайное сокращение возможностей епархий, в том числе сам епископ Павел (Дмитровский) стал лишь викарным епископом. В то же время митрополит Таллиннский, исходя из изложенного им в письме, не был настроен на юрисдикционный спор с нарвским владыкой, объявляя аргументы последнего голословными, а также предписывая ему прекратить поминания митрополита Сергия (Страгородского), резко выступающего против нацистов, а также организовывать в дальнейшем свою деятельность в соответствии с уставом Эстонской Православной Церкви. Как мы видим, с этого момента для обеих сторон противостояния в вопросе о канонической принадлежности православных приходов в Балтии не было возможности шага назад. Конфликт стал развиваться стремительно.

Особо отметим, что далеко не все православные пастыри и миряне Нарвской епархии, в том числе и русские по этнической принадлежности, были склонны подчиниться распоряжениям епископа Павла (Дмитровского). Часть из них направила 21 июля 1942 г. специальное послание митрополиту Таллиннскому, в котором осудило действия владыки Павла, кроме всего прочего заявив: «...Мы, считаем, что подчиненный епископ не имеет права объявлять недействительными распоряжения своего законного Митрополита. Своеобразное и крайне смелое выступление еп. Павла повергло нас в полное недоумение. Его требование восстановить поминание представителей Московской Патриархии, по тактическим и многим другим основаниям, для нас не приемлемо».¹ Затею епископа Нарвского они однозначно характеризовали как самочинные, направленное на полное отделение от ЭПЦ, отметив в завершении письма, что будут и дальше сохранять преданность митрополиту Александру. Интересно, что в данную группу нарвского духовенства вошли: все тот же отец Петр Калинин, настоятель Преображенского собора и Свято-Троицкой (называемой местными «Штиглицкой») церкви протоиерей Владимир Благовещенский, настоятель Успенского прихода и церкви Иверской трудовой общины священник Захаров, настоятель Знаменской церкви протоиерей Евгений Яхонтов и настоятель Кренгольмской Воскресенской церкви протоиерей Г. Андерсен.

25 июля Экзарх издал специальный указ, в котором официально передавал управление Нарвской и Печерской епархии епископу Павлу (Дмитровскому) при непосредственном подчинении последнего митрополиту Виленскому и Литовскому.

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.430. L.84.

Катализатором данного события было архиерейское совещание в начале июля 1942 г. в Риге. Приглашали на него и митрополита Александра, что подтверждает сохранившийся в эстонском архиве текст письма Ковенского епископа Даниила (Юзвьюка) в эстонскую столицу на имя главы Эстонской Православной Церкви, в котором его информировали что вскоре в Риге, с согласия германских властей, состоится совещание архиереев православных епархий Литвы, Латвии и Эстонии (отдельно отмечалось, что туда уже прибыли главы латвийских и литовских православных и епископ Павел (Дмитровский)).¹ Естественно митрополит Александр (Паулус) на это совещание приехать не стал. Делались приглашения принять участие в совещании и другим представителям православных приходов Эстонии. 4 июля было составлено приглашение и на покойному епископу Николаю (Лейсману), письмо которому написал епископ Павел (Дмитровский), отметив в нем, что он находится в данный момент в Рижском монастыре, куда явился по приглашению митрополита Сергия (Воскресенского), кроме всего прочего заметив, что последний «...совсем не тот, каким мы его знали в Таллине, когда он находился под особым наблюдением и давлением НКВД». ² Также владыка Павел отметил, что собравшимся необходимо решить все текущие проблемы, что в буквальном смысле слова нельзя сделать без обширных богословских познаний и церковного опыта владыки Николая. Интересно отметить, что на обороте письма свое послание написал и Экзарх, заверив владыку Николая (Лейсмана) в том, что архиерейское совещание проходит с согласия германских властей и обещая спокойное и удобное пребывание в Риге.³ Однако, как мы увидим далее, епископ Николай решит занять выжидательную позицию в период немецкой оккупации.

На данном совещании, как видно из его итоговых документов, было принято решение о том, что необходимо будет созвать церковный суд над митрополитом Таллинским Александром (Паулусом) для того чтобы дать оценку его антиканоническим действиям.⁴

В ответ на действия епископа Павла (Дмитровского) и Экзарха Сергия (Воскресенского) митрополит Александр начинает широкую пропагандистскую кампанию, направленную прежде всего на то, чтобы дезавуировать действия сторонников Московской Патриархии путем демонстрации православным пастырям и верующим Эстонии просоветской политики Российской Церкви. Так, еще в апреле 1942 г. владыка

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.431. L.56.

² Ibid.L.55.

³ Ibid.L.55-app.

⁴ Ibid.127-app.

Александр (Паулус) отправил все тому же протоиерею Иоанну Богоявленскому отрывки статей из издаваемых в оккупации газет, под названием «Как большевики использовали Московского Митрополита Сергия» из №9 «Псковского вестника» от 21 марта 1942 г., «Христоробивые Кагановичи» из воскресного номера «Нового слова» от 15 марта 1941 г., «Свидетели против Сергия» из апрельского номера «Нового времени» и такой же статьи из немецкой газеты.¹ Все это может послужить прекрасным примером того, что сам глава ЭАПЦ быстро сориентировался в том, что подчиненные ему русские приходы, в том числе в Таллинне, очень скоро могут перейти под управление владыки Павла, а через него и Экзарха Сергия, против чего срочно необходимо было принимать меры. Решающим аспектом все разгорающегося противостояния могла стать позиция немецких властей, которые долгое время держались в стороне от конфликта.

Экзарх Сергия (Воскресенский) отчетливо понимал еще по опыту своей работы в Москве насколько важно заручиться при юрисдикционном противостоянии поддержки светских властей. 14 августа 1942 г. он отправляет заявку о регистрации Православного Экзархата на имя рейхскомиссара Остланда Генриха Лозе, в котором описывал всю структуру управления православными приходами Балтии, в том числе, характеризуя епископат, отметив, что митрополит Августин (Петерсон) «по причине неповиновения церковному начальству» уволен на покой, привлечен к архиерейскому суду Церкви-Матери и до решения суда запрещен в священнослужении, в то время как глава Эстляндской епархии митрополит Александр (Паулус) тоже должен был быть привлечен к церковному суду и отстранен от служения, однако пока это решение непринято, ввиду того, что «сохраняется надежда на то, что митрополит Александр раскается и подчинится церковному начальству».²

В ответ рейхскомиссар потребовал согласно распоряжению от 19 июня 1942 г. представить всем епархиям в отдельности особые регистрационные заявки своим генеральным комиссарам. 9 сентября 1941 г. из канцелярии Прибалтийского Экзархата выходит циркулярное письмо благочинному русских православных приходов Таллинна протоиерею Иоанну Богоявленскому, в котором ему предлагается ознакомиться с заявкой от 14 августа и ответом рейхскомиссара от 20 августа (на документе хранится запись, что с этими материалами ознакомились клирики столичных Казанской и Никольских церквей).³ 11 сентября митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский) и его Экзаршее Управление составили заявку о регистрации Эстляндской епархии, в которой

---

¹ ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.38-43-app.

² Ibid. L.114.

³ Ibid. L.116-116-app.

они помимо описания организационной структуры рассказывали о решениях архиерейского совещания в Риге от 23 июля 1942 г., а также постановили, что Устав ЭАПЦ отныне признается недействительным и теряет свою силу ввиду того, он предполагает независимость Эстонии и отклоняется от канонических положений, Синод Эстонской Церкви ликвидируется вместо его учреждается Епархиальный Совет, а глава Нарвского викариатства остается под управлением лично Экзарха вплоть до принесения раскаяния митрополитом Александром.¹

Через четыре дня, 15 сентября 1942 г., была составлена заявка о регистрации Нарвской епархии (викариатства) епископом Павлом (Дмитровским).² Тем самым, можно прямо констатировать тот факт, что на время представители Прибалтийского Экзархата однозначно переиграли митрополита Александра (Паулуса) и его сторонников.

Однако до окончательного и бесповоротного разрыва были предприняты последние попытки общения между Прибалтийским Экзархом и митрополитом Таллиннским. 12 октября 1942 г. митрополит Сергей (Воскресенский) направляет владыке Александру (Паулусу) письмо, в котором излагает свою точку зрения на происходящее в среде православных приходов Эстонии.³ Предваряет он изложение своей позиции тем, что напоминает митрополиту Александру события 1940-первой половины 1941 гг., особо фокусируясь на процесс возвращения ЭАПЦ в состав Московского Патриархата. После этого он четко классифицирует действия главы православных эстонцев как схизму, которая идет вразрез с желаниями большинства православных верующих региона. Отвечает Экзарх и на основной высказываемый митрополитом Александром (Паулусом) аргумент о том, восстановление Эстонской Православной Церкви связано с пробольшевистской позицией Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), отмечая, что следует ждать окончания военных действий и общецерковной оценки заявления главы МП от 22 июня 1941 г.

Высказывает глава Прибалтийского Экзархата и недоумение по поводу распространяемых слухов о себе лично, называя их «обывательскими суждениями». Однако в завершении своего послания митрополит Сергей (Воскресенский) все же отмечал, что для митрополита Александра существуют некие возможности для воссоединения с Экзаршим Управлением для чего ему необходимо прибыть 2 ноября 1942 г. на архиерейское совещание, на котором будут приниматься окончательные решения по поводу положения дел в Эстляндской епархии. Естественно, Экзарх выразил надежду, что

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.431. L.146-154.

² Ibid.155-157.

³ Ibid.L.256.

митрополит Александр прибудет на него. Интересно, что данное письмо митрополит Сергей (Воскресенский) передал через рижского протоиерея Иоанна Янсона и члена Епархиального Совета А. Янсона, с которыми, как ему казалось, Таллиннский митрополит мог предварительно обсудить сложившуюся обстановку. Однако данная миссия не удалась. 14 октября прибывшие из Таллинна Янсоны сделали официальный доклад Экзарху, а 19 октября отец Иоанн Янсон, виднейший латвийский пастырь от себя лично направил главе ЭАПЦ послание, в котором благодарил последнего за «хороший, товарищеский прием», выразив между тем сожаление, что компромисс достичь не удалось. Особо отец Иоанн заметил, что митрополитом Александром было в начале 1941 г. совершено совместное богослужение с московскими церковными властями, что напрямую означало теперь нарушение главой ЭПЦ канонических правил. Также латышский священник советовал владыке посоветоваться с эстонскими пастырями старшего поколения и все же написать письмо Экзарху. Однако, после того как стало понятно, что владыка Александр (Паулус) на совещание в Ригу не прибудет, 5 ноября последовал указ митрополита Литовского Сергея (Воскресенского), Экзарха Латвии и Эстонии, в котором подробно давалась характеристика всему произошедшему с митрополитом Александром (Паулусом) за последние два года, с особым упором на то, что последний отступил от канонов и нарушил данные в Москве в начале 1941 г. клятвы, в результате чего было принято решение запретить митрополита Таллиннского в священнослужении и предать суду Собора архиереев, уволить его от управления Эстляндской епархией, а также признать недействительными все священнодействия, которые он совершит в состоянии запрещения.¹ Естественно, что после данного шага никаких реальных возможностей для изменения ситуации видно не было, произошел четкий раскол православных приходов Эстонии на те, которые остались в ведении митрополита Таллиннского Александра (Паулуса) и те, которые находились в подчинении Прибалтийского Экзархата под омофором Московского Патриархата. Отныне борьба перемещалась на местный уровень, два церковных центра должны были бороться за каждый отдельный приход. Несложно догадаться, что основным «фронтом» данного юрисдикционного противостояния были вновь Нарвский и Печерский регионы, а также русские приходы ядровой части Эстонии.

Немецкие власти сразу же дали понять, что и дальше будут находиться над схваткой, зарегистрировав обе юрисдикции. Так, в конце октября 1942 г. пришло ответное письмо митрополиту Александру от немецкого генерал-комиссара в Таллинне, в котором говорилось, что Эстонская Православная Митрополия и дальше может существовать в

---

¹ ЕАА. F.1655. N..S.431. L.270-273.

Эстонии под тем же названием и с тем же уставом, только при условии временного перерыва в общении с Константинопольским Патриархатом, хотя и отмечал если отдельные православные приходы пожелают перейти в юрисдикцию Прибалтийского Экзархата, им не стоит чинить препятствия в этом желании.¹ 17 ноября митрополит Александр разослал на места послание, в котором знакомил приходы с этим решением нацистской администрации, с небольшим, почти незаметным подчеркиванием того, что следует и дальше подчиняться его власти.²

Для того, чтобы документально закрепить свое положение в Эстонии Экзарх выпустил 16 ноября специальный указ епископу Нарвскому Павлу (Дмитровскому), по которому митрополит Александр вновь признавался находящимся под запрещением, в то время как те православные клирики, которые сохраняют с запрещенным главой Эстонской Православной Церкви общение сами будут признаны находящимися под запрещением.³

Однако данный указ, как и предшествующие ему увещевания, не смогли сдержать начавшегося процесса отхода части русских приходов Нарвского края в Таллинскую епархию под управление митрополита Александра (Паулуса). 14 сентября 1942 г. член Синода ЭАПЦ протоиерей Николай Кокла направил совету Свято-Владимирского братства и протоиерею Павлу Калинин укал Таллинского митрополита, согласно которому по уставу Эстонской Православной Церкви храм этого братства вместе с его настоятелем переходит в непосредственное ведение Таллинской епархии и владыки Александра.⁴ Судя по письму, в котором обсуждался небольшой конфликт между насельницами монастыря и местным священником, монахини Пюхтицкого Успенского монастыря также остались в подчинении митрополита Александра (Паулуса), к тому же он совершал в годы нацистской оккупации архипастырские визиты в этот знаменитый эстонский монастырь.⁵ Настоятель скамейской Ильинской церкви А. Гуковский направил митрополиту Александру (Паулусу) письмо, в котором интересовался нужно ли теперь, после того как епископ Павел (Дмитровский) отошел в ведение Экзарха, «помянуть его в подлежащих случаях», что тоже демонстрирует факт того, что и этот приход сохранил верность таллиннской церковной власти.⁶ Из переписки датированной концом октября 1942 г. можно увидеть, что протоиерей Павел Калинин планомерно стал проводить

---

¹ ЕАА. F.1655. N..S.431. L.262.

² Ibid. L.262-app.

³ Ibid.. L.279.

⁴ ЕАА. F.1655. N3.S.430. L.123.

⁵ Ibid. L.141-141-app.

⁶ Ibid. L.162.

политику, напрямую направленную на открытое противостояние с Нарвским епископом, в частности он пренебрегал его указами, в том числе направленными на перемещение самого Калинкина на Кренгольмскую церковь, пытался не допустить к служению сторонников подчинения Прибалтийскому Экзархату, о чем потом открыто сообщал митрополиту Александру.¹ Был подготовлен главой Эстонской Апостольской Православной Церкви и проект отстранения от должности епископа Нарвского Павла и запрещения оногo в служении в приходах и церковных учреждениях данной юрисдикции, что фактически повторяет действия противоположной стороны по отношению к самому Александру.²

В 1942 г. еще сохранялась некая видимость переговоров и попыток нормализации отношений, вполне возможно, что представители Московского Патриархата в Балтии были настроены на поиск какого-либо компромисса. Но после взаимных запрещений последовала лишь череда последних обвинительных писем. 16 декабря 1942 г. вышло последнее письмо за подписью секретаря Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви протоиерея Николая Коклы, в котором однозначно отрицательно оценивалось решение Экзарха Сергия (Воскресенского) от 5 ноября, а также вновь повторялись аргументы о просоветской линии действий митрополита Сергия (Страгородского), что не могло позволить Эстонской Православной Церкви пребывать в составе Московской Патриархии.³

Следующий год представители обеих юрисдикций встретили уже с четким пониманием того, что в Эстонии сложились две церковные структуры, достаточно враждебно относящиеся друг к другу: Эстонская Православная Церковь во главе с Таллиннским митрополитом Александром (Паулусом), подчиненная Константинопольскому Патриархату, хотя в тот период нельзя было организовать общение с Вселенской Патриархией, чему с одной стороны противодействовали немецкие власти, а с другой Патриарх Константинопольский сам всегда был подвержен политическому влиянию Великобритании, и Нарвское викариатство Эстляндской епархии во главе с епископом Павлом (Дмитровским) и частью других русских приходов Эстонии, подчиняющиеся Экзарху Сергию (Воскресенского). С одной стороны, у митрополита Литовского и Виленского были достаточно выстроенные отношения с немецкими властями, однако с другой - все рычаги, способные повлиять на религиозную жизнь православных приходов находились вне Эстонии, в то время как местное эстонское

---

¹ ЕАА. F.1655. N..S.430. L.175-176-арр.

² Ibid. L.199.

³ ЕАА. F.1655. N.3.S.431. L.308-309-арр.

самоуправление полностью было на стороне владыки Александра, так как оно всячески пыталось ослабить русское влияние в стране.

Существовала некоторая часть православных приходов, которые, возможно, желали перейти из ведения митрополита Таллиннского, но по причине своего нахождения вне Нарвского и Печерского краев, не могли этого сделать. С другой стороны, в Нарве и округе уже возникла группа русских православных приходов, негласным лидером которой был протоиерей Павел Калинин, стойко стоявшая за подчинение Синоду ЭАПЦ. Данные священнослужители сообщали митрополиту Александру обо всем происходящем в регионе, в особенности, с их точки зрения, о поползновениях на «неподчиняющиеся Москве» приходы со стороны епископа Павла. Важность деятельности этих пастырей прекрасно понимал и сам митрополит Александр, что видно из его ответных посланий. В частности, в ответ на отчет о произошедших в нарвском регионе за 1942 г. событиях митрополит особо благодарил за верность отца Павла Калинкина: «Очень благодарен Вам за отчеты и сведения о Кренгольмском приходе и о Владимирском братстве за минувший /1942/ год. Весьма похвально, что Вы в самое тяжелое и опасное время продолжаете усердно и энергично трудиться во славу Божию и на благо ближним. Господь да вознаградит Вас за добрые труды и усердие».¹ Еще одному своему стороннику из Нарвы отцу Владимиру Преображенскому митрополит Александр (Паулус) писал, когда поздравлял его с рождением сына, о каноническом противостоянии в среде православных приходов Эстонии в наступившем 1943 г. так: «... В новом году экзарх лично больше не беспокоит ни меня, ни приходов, входящих в состав Эстонской Православной Митрополии, но зато его здешние сотрудники, хотя и совершенно противозаконно, продолжают вторгаться в дела приходов / напр. Скамейского и Пюхтицкого/ и Пюхтицкого монастыря, желающих остаться в составе Эстонской Митрополии и не признающих экзарха. Надеюсь, что такому незаконному образу действий будет положен конец».²

Пытались сторонники митрополита Александра (Паулуса) также «усоветить» владыку Павла (Дмитровского). Так, в одном из писем, авторство которого можно предположительно отнести владыке Николаю (Лейсману), говорится о «шелковой рясе митрополита Сергия (Воскресенского), в которой он «разъезжал по Эстонии и Советии», а также упоминается том, что он был посвящен в сан епископа только лишь благодаря мнению и воли главы ЭАПЦ, в то время как занятая Нарвским епископом (с декабря 1942 г.-архиепископом) во время немецкой оккупации позиция является «черной

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.430. L.243.

² Idid. L.244.

неблагодарностью».¹ Важно отметить и тот факт, что как автор этого письма, так и некоторые другие сторонники подчинения Таллинну иногда отвечали и на «антирусские» обвинения сторонников Прибалтийского Экзархата, отмечая, что они вместе с русскими православными верующими, но только с теми, кто не предался и не стал послушным орудием в руках безбожных советских властей. Однако в данной ситуации владыка Павел (Дмитровский) должен был стоять на выбранной позиции и не сходить с нее, несмотря на увещевания и послания своих противников.

Возможно не без помощи сторонников Эстонской Православной Митрополии в Печерах были арестованы в годы оккупации диакон Савин и псаломщик Слесарев, оба как мы помним из событий 1940 г., виднейшие сторонники объединения с Московским Патриархатом. Данное событие, безусловно, было очень плохим знаком для сторонников Прибалтийского Экзарха в Эстонии. Но Экзаршее Управление в Риге и лично митрополит Сергей (Воскресенский) приложили все усилия для того, чтобы арестованных отпустили немецкие власти, что, в итоге и произошло.² Особую заботу митрополит Виленский и Литовский проявил и к арестованным таллиннским протоиереям Иоанну Богоявленскому и Георгию Алексееву. В частности, для их освобождения он обратился к рейхскомиссару и генеральному комиссару Отдела политики в Ревеле, а также к главнокомандующему отделом полиции и СД в эстонской столице, к тому же посетил Управление главнокомандующего немецкой полицией безопасности и СД в Остланде, чтобы дело арестованных священнослужителей хотя бы было изъято из ведения эстонских властей и закончено до Пасхи.³ Судя по всему, к этому аресту православных священников могли быть причастны сторонники митрополита Александра (Паулуса), по наводке которых арестованные пастыри были обвинены в том, что участвовали в организации побега военнопленных. Скорее всего, именно заступничество Экзарха Сергея (Воскресенского) спасло отцов Иоанна и Георгия от суровой кары нацистов.

В этот же период, а именно весной 1943 г., на фоне арестов настроенных на союз с Прибалтийским Экзархатом священников, происходит и очередное обострение борьбы между двумя юрисдикциями. Так, митрополиту Александру (Паулусу) удастся раздобыть копию докладной записки о Псковской Православной Миссии, в которой, с позиции таллиннских церковных властей, якобы проводится «враждебная Эстонской Православной Митрополии» пропаганда, о чем владыка Александр тут же сообщил в Генералкомиссариат. В ответ Генералкомиссариат в Ревеле сделал об этом запрос в

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.431. L.327-329.

² ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.19-21.

³ Ibid. L.13.

Генералкомиссариат Остланда, переслав выписки, сделанные владыкой Александром (Паулуsom). В Генералкомиссариат в Риге тут же был вызван для разъяснения ситуации начальник канцелярии Прибалтийского Экзархата Иван Давыдович Гримм, который опроверг все обвинения, а также сообщил, что данная докладная записка в Эстонии была разослана только протоиереям И .Богоявленскому и В. Мартинсону, а также, в чем он сомневается, игумену Печерского монастыря Павлу (Горшкову) и протоиерею Э. Верхоуcтинскому., но все они, по утверждению Гримма, никаких выписок из документов делать не могли. По версии начальника канцелярии Экзархата вина в том, что данный документ оказался в руках митрополита Александра (Паулуca) полностью лежит на работниках польского самоуправления или эстонской почты. В связи с этим Иван Давыдович писал об итоге данного конфликта: «...Вопрос признан исчерпанным, но считаю все же долгом Вам об изложенном сообщить и обратить Ваше внимание на необходимость соблюдать в настоящих условиях крайнюю осторожность».¹ Как оказалось данный конфликт был далеко не последним. В том же мае 1943 г., возможно с подачи «самостийников» - представителей юрисдикции митрополита Александра (Паулуca), эстонские власти допрашивают игумена Дорофея, протоиерея Эллия Верхоуcтинского и иерея Николая Верхоуcтинского без ведома германских властей, которые последних потом обвинили в отступлении от принципа «равного отношения к представителям одной и другой юрисдикции».² Следующий конфликт, опять же разразившейся в мае 1943 г., был связан с принадлежностью кладбищенской церкви эстонской столицы, юрисдикционное отношение которой определить было сложно, чем воспользовались сторонники митрополита Александра. Немецкие власти, которые были главным арбитром в подобных вопросах, определили, что разрешение данной проблемы будет зависеть от того, кто докажет принадлежность данного прихода к своей юрисдикции документально.³

Как нам кажется, данный виток противостояния был обусловлен прежде всего желанием эстонского национального самоуправления активизировать противостояние между эстонцами и русским в Эстонии, а также он пришелся на период некоего ослабления в национальной политике немецкой оккупационной администрации. В тоже время следует отметить, что нацисты всегда стойко стояли вне этой борьбы, понимая как сложно будет им в тяжелой военной обстановке принять ту или иную сторону. К тому же нам не кажется, что они хотели постепенно сделать из православных эстонцев ревностных лютеран, как пишут некоторые исследователи. Сами представители юрисдикции владыки

---

¹ ЕАА. F.1655. N.2.S.2629.L.32.

² Ibid. L.34.

³ Ibid. L.44.

Александра (Паулуса) всегда знали, что окружены своими светскими сторонниками, готовыми помочь им «бороться с русским влиянием» в Эстонском Православии. Отметим, что данные местные власти присутствовали и на территории Нарвского и Печерского регионов, что обостряло и без того сложное положение архиепископа Нарвского Павла (Дмитровского) и его соратников. Также важно отметить, что его окружали явные противники, такие как, например, протоиерей Павел Калинин, возглавлявшие в этническом плане русские или смешанные, но при этом ориентированные на церковные власти в Таллинне, приходы. Пример с протоиереями Богдавленским и Алексеевым прекрасно демонстрирует, что и митрополиту Сергию (Воскресенскому) вместе с владыкой Павлом удалось «пробить брешь» в среде столичных православных приходов, что получило незамедлительную отрицательную реакцию как у Синода Эстонской Церкви, так и у местного самоуправления.

Иногда противостояние двух юрисдикций доходило до достаточно трагичных в личном плане моментов. Хорошо иллюстрируется пример этого случая служением семьи прославленных эстонских священнослужителей Блейве. Михаил Блейве, священномученик, казненный красными эстонцами в период Освободительной войны, был одним из самых почтенных и известных пастырей дореволюционной Эстонии. Его могила находится в Успенском соборе города Тарту. Его сын Федор Блейве, который находился в годы немецкой оккупации в юрисдикции митрополита Александра (Паулуса), отслужил панихиду на могиле своего родителя. Проблема заключалась в том, что собор подчинялся Юрьевскому благочинию, находящемуся в подчинении Прибалтийского Экзархата. Вдова отца Михаила и мать отца Федора обратилась к местному благочинному Павскому с просьбой дать возможность отслужить панихиду ее сыну. И, если благочинный такого разрешения изначально не дал, то Нарвский архиепископ Павел (Дмитровский), которому также написала вдова, дал разрешение на совершение панихиды. Об этом стало известно Экзарху Сергию (Воскресенскому), который расценил подобное решение владыки Павла как существенную каноническую ошибку, в частности заявив: «...Память покойного протоиерея БЛЕЙВЕ дорога всем православным и потому служение в храме панихиды, хотя и сыном, но схизматиком, да притом еще за свое самочиние самого себя лишившим сана, могло только оскорбить и храм, и православных, и внести большую смуту. ... Смутение совершенно основательное и крайне вредное для церковной жизни Нарвской Епархии. Сам факт служения панихиды так называемым священником «александровского эстонского течения» дает полное право церковным безчинникам осуждать нас в отсутствии принципиальности и наличия разногласия среди

архиереев Экзархата, вынесших определение Указом №162».¹ Безусловно, с точки зрения соблюдения канонической позиции, епископ Павел (Дмитровский) и совершил данным действием страшную ошибку, однако с человеческой точки зрения его поведение, как нам кажется, можно понять, тем более когда вопрос касается памяти прославленного отца Михаила Блейве.

В конце 1943 - начале 1944 гг. для православных приходов юрисдикций все более вставали новые, зачастую одинаковые проблемы, а именно: постепенное оставление немецкими армиями занятых территорий, эвакуация на территорию Эстонии части населения российских регионов, и связанная с этим реорганизация церковного управления. Здесь перед обеими юрисдикциями очень часто вставала дилемма: как относиться к данному православному населению, кто будет окормлять прибывших, а впоследствии как подготовить православных пастырей и мирян Эстонии к неизбежному приходу советских войск.

Что касается первой проблемы, то ее представители юрисдикции архиепископа Павла (Дмитровского) решили следующим образом: «...Ввиду того, что 1 / в Латвию и Литву так же прибывают беженцы из эвакуированных областей, причем среди них имеется немало священников – церковнослужителей, устроить которых на место крайне трудно, и 2/ в область Миссии, частично ныне также эвакуируемую, в настоящее время, как удалось выяснить, не представляется возможным направлять священно-церковнослужителей, в особенности, семейных, - приходится придти к выводу, что упомянутых просителей невозможно устроить на церковной службе вне пределов Эстонии. Вполне учитывая недостаток вакансий в Нарвской Епархии, позволительно все же возбудить вопрос о том, не окажется ли возможным устроить в них названных лиц, поручив им обслуживать беженцев в местах скопления последних».² Данным решением представителей Прибалтийского Экзархата национальные проблемы в Эстонии еще более размывались, тем более что приток русского населения способствовал укреплению русской части православных приходов Балтии.

Представители юрисдикции митрополита Александра (Паулуса) не могли опереться на поддержку духовенства и мирян, которые прибывали с оккупированных российских территорий, но в то же время у них были пастыри, которые могли «помочь» в данном вопросе. Одним из них, как не сложно догадаться, стал отец Павел Калинин. С эвакуацией нарвского региона часть духовенства оказалась на ядровой территории Эстонии. Отец Павел направил в связи с этим письмо Таллиннскому архипастырю:

---

¹ ЕАА. F.1655. N.2.S.2629. L.54-арр.

² Ibid. L.57.

«Достопочтейнейший Владыка! Сообщаю Вам, что я жив и здоров. Бесконечно рад, что и Вас Господь сохранил в страшную ночь с 9 на 10 марта. Об этом я узнал сразу же после катастрофы. Заходил в канцелярию Синода два раза, но Вас не застал. А между тем дочь моя стала умолять меня выехать из Таллинна, что я и должен был сделать, принимая внимание ея слабое здоровье. По указанию Е.Ф. Егоровой я выехал в Vändro... Так как здесь появилась русская колония русских беженцев, то я просил их разрешения временами принимать участие в службах на двух языках. Матушка, она же и регентша согласна и написала об этом о. Благодичному, а я пишу Вам и прошу Вашего благословения...».¹ 23 марта 1944 г. последовал ответ митрополита Александра, в котором он дал свое благословение на служение своего ярого сторонника в вяндрской церкви для русских беженцев, но вместе с тем он и дал понять, что отец Павел нужен ему теперь в Таллинне: «... Вместе с сим, сообщаю, что Ваше пребывание было бы очень желательно в Таллинне для организации церковной жизни проживающих здесь православных русских людей нашей Митрополии, особенно, например, для приведения в годный для совершения богослужений вид храма здешняго Пюхтицкого подворья, который хотя довольно сильно пострадал во время последней бомбардировки, но все-таки сравнительно при небольших затратах был приведен в исправный вид».² 20 апреля 1944 г. митрополит Александр принимает решение назначить протоиерея Павла Калинкина благочинным всех входящих в состав Эстонской Митрополии русских беженцев.³ Однако отметим, что подобные назначения были лишь последними отголосками юрисдикционной борьбы. Если проанализировать переписку между главами двух юрисдикций и подчиненными им священниками, можно прийти к выводу, что если некоторые распри связанные с каноническими спорами и имели место, то они было явно неопределяющими. Главными проблемами, вставшими перед православными приходами Эстонии стали вопросы организации нормальной религиозной жизни в период острейшего военного противостояния советских и немецких войск. К тому же важным моментом в истории как православных приходов Балтии в целом, так и Эстонии в частности, стала трагическая гибель Экзарха Сергия (Воскресенского). Мы уже говорили, что большинству священников региона было понятно, что вскоре на территорию Балтии вернутся советские власти, а с ними могут «вернуться» и репрессии против православного духовенства, в особенности того, которое было настроено резко антисоветски и так или иначе участвовало или поддерживало пропагандистскую кампанию немцев. В этой ситуации

---

¹ ЕАА. F.1655. N.3.S.443. L.83.

² Ibid. L.84.

³ Ibid. L.86.

появилось два варианта действий: либо эвакуация с отступающими нацистами вглубь континентальной Европы, либо продолжение служения в Балтии, несмотря на приказы германских властей о принудительной эвакуации. Митрополит Александр (Паулус) и многие его основные сторонники эвакуировались в Германию и там продолжили свое служение, в то время как архиепископ Павел (Дмитровский) и большинство представителей его окружения остались в Эстонии, составив с настоятелями русских приходов Таллинна ядро будущего управления православными приходами Эстонии в 1945-1950-е гг.

§2. Идеологический аспект деятельности православного духовенства Балтии в период нацистской оккупации.

Дискуссия об антирелигиозной сущности национал-социализма, отношении его основателей, идеологов, государственных и партийных деятелей Третьего Рейха к религии в целом терзали как историков и богословов, так и простых обывателей еще в период нацистского владычества в Европе. После войны и военного поражения Германии и ее союзников было принято говорить о яростных антихристианских постулатах нацистской идеологии, о попытках некоторых нацистских вождей уничтожить Христианство и заменить его новым язычеством, заменить христианский крест свастикой. Особое место уделялось в работах специалистов и вопросу взаимоотношений между национал-социалистами и особенно их фюрера с католической и лютеранскими церквями в Третьем Рейхе, ограничении их деятельности и личных антицерковных высказываниях Адольфа Гитлера. Особо отметим достаточно ценный сборник статей и материалов под заглавием «Национал-социализм и Христианство», вышедший под редакцией кандидата филологических наук Вениамина Нуйкина в Ужгороде под эгидой Межрегионального Форума противодействия попыткам фальсификации истории.¹ В данном сборнике рассматриваются многие вопросы религиозной политики нацистов, а также сущности так называемого «нового богословия» вождей Третьего Рейха, опровергаются многие устойчивые мифы по данному вопросу. В нашу задачу не входит ни анализ отношения Гитлера к религии в целом, и к Православному Христианству в частности (этот вопрос уже достаточно обстоятельно и полно исследован), ни государственная религиозная политика властей Третьего Рейха по отношению к Православной Церкви как в самой Германии, так и на временно оккупированных ею территориях. Мы попытаемся проанализировать и понять причины, которые побудили балтийское православное духовенство в той или иной степени участвовать в пропагандистской кампании немецких

---

¹ Национал-социализм и Христианство: Сборник. /сост. Нуйкин В.Э. Ужгород, Эстакада. 2009.

властей, принять, пусть и внешне, проводимую германской администрацией политику и даже отстаивать ее перед местным населением, сотрудничать с оккупантами в том числе в процессе борьбы с противниками нацистской оккупации. Также мы попытаемся определить ход данного процесса, основные формы сотрудничества духовенства с нацистами, выявить сходства и различия в пропаганде национал-социалистов и наследии православных священнослужителей.

Первым фактором, который так или иначе способствовал тому, что часть православного священства в буквальном смысле ждала немецкой оккупации был антирелигиозный террор советских властей в довоенные годы. На всех «добровольно присоединенных» территориях к Советскому Союзу незадолго до 22 июня проходили волны арестов и выселений духовенства и прихожан, была развернута широкая атеистическая пропаганда, Церковь была лишена возможности вести миссионерскую и просветительскую работу. Вторым фактором, напрямую связанным с первым, был широко распропагандированный национал-социалистами тезис о том, что они являются последними спасателями христианской культуры и европейских ценностей от большевистской идеологии. Третьим фактором являлось, как нам кажется, то, что в 1930-е гг. в странах Балтии были установлены авторитарные режимы, которые напрямую ввязывались в церковные дела и влияли на политику внутри Православной Церкви (чего стоит «монастырская война» в Эстонии или назначение главой Латвийской Православной Церкви владыки Августина (Петерсона)), что «приучило» большую часть православного духовенства к сотрудничеству и открытой поддержке светских властей, иногда невзирая на то, что стоит за государственной политикой.

Важно отметить и особую роль в идеологическом аспекте деятельности православных приходов Балтии в годы немецкой оккупации лично главы Прибалтийского Экзархата митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского). Выше мы уже описывали биографию владыки, из которой следует, что он, находясь на протяжении большого количества лет рядом с митрополитом Сергием (Страгородским) хорошо выучил метод последнего во взаимоотношениях с советскими властями: пытаться «выторговать» какие-либо послабления для Православной Церкви путем уступок в критике антирелигиозных кампаний государственной власти и прямого террора против духовенства и мирян, а также «деклараций» поддержки светских властей. Очень часто данная политика приводила к действительным результатам, хотя не раз и представляла собой трусливую податливость по отношению к светским властям. Использовал данную модель в отношении с «новыми хозяевами Европы» Экзарх и в середине 1941 г. Уже сразу после окончания своего ареста, 5 июля 1941 г., митрополит Виленский и Литовский

собирает все рижское духовенство в Троице-Сергиевой пустыни, где заявляет о своем каноническом единстве с Московским Патриархатом. В то же время он дает понять, что в изменившейся политической ситуации каноническое единство с Москвой не означает поддержки советской стороны в военных действиях, что отразилось в сообщении оперативной группы А полиции безопасности и СД от 11 июля, где говорилось, что владыка готов опубликовать антикоммунистическое воззвание верующим России.¹ Как мы уже отмечали, 13 августа, будучи вызванным в Ейнзацкоманду полиции безопасности, Экзарх предъявил немцам свой послужной список и объяснительную записку о своих антикоммунистических взглядах. В послании к новым властям от 5 ноября 1941 г. он снова подтвердил свою лояльность, в частности заявляя: «Наш долг теперь всеми силами свободного существа, искренностью своего гражданского долга оказать всяческое содействие и помощь нашей освободительнице в дни освобождения не только шестой части мира, но всего культурного человечества от гнойника безбожного коммунизма, даже дабы не вдохнули люди растлевающей заразы дыхания зверя и его лжепророков.»² Однако большинство высказанных пронемецких высказываний Экзарха так или иначе были связаны с тем или иным событием с одной и другой линии фронта. К примеру, очень часто ему приходилось в очередной раз подтверждать свою лояльность нацистам и посылать «здравницы фюреру Великогерманского Рейха», пытаясь тем самым оправдать деятельность руководства Русской Православной Церкви в Москве.

В июле 1942 г. было созвано, в том числе по требованию немецких специальных служб, архиерейское совещание Экзархата, на котором был принят текст приветственной телеграммы Гитлеру. Особо в документе оговаривалось разъяснение возвания Патриаршего Местоблюстителя: «За подписью Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего Сергия, Митрополита Московского и Коломенского, большевики распространяют нелепое воззвание, призывающее русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание, Блаженнейший Сергий, муж великой учености и ревности веры, не мог. Либо он вовсе не подписывал его, либо подписал под страшными угрозами, желая спасти вверенное ему духовенство от полного истребления. Для нас это воззвание служит ярким доказательством того, что большевики по-прежнему держат Православную церковь

---

¹ Шкаровский М.В. Крест и свастика..... С. 322.

² Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : дис. ... канд. ист.наук М., 2008. С.169.

в своих тисках, удушая ее и фальсифицируя ее голос. Оплакивая участь Патриаршего Местоблюстителя, мы решительно отмежевываемся от насильно навязанной ему политической установки...». ¹ В этом примере, и в особенности после избрания Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси можно проследить линию Экзарха: он готов снова и снова воспевать немцев, в то же время пытаясь оправдать действия московского духовенства, которое в этот период критиковало нацистов.

Однако один вопрос: участие в пропагандистской кампании нацистских властей, а другой - прямое сотрудничество части православного духовенства Прибалтийского Экзархата с немецкими карательными органами СД. Многие представители духовенства, в том числе и сам митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский) подозревались в подобном сотрудничестве. Но больше всего нареканий в этой связи было по отношению к юрисконсульту и члену Экзаршего Управления Ивану Давыдовичу Гримму. Иван Давыдович родился в 1891 г. в семье будущего члена Государственной Думы. После своего отбытия с фронта в Галиции во время Первой Мировой войны он служит в Белых армиях Корнилова, Деникина и Врангеля. По окончании Гражданской войны Гримм живет за границей, где является активным участником Русского ОбщеВоинского союза. В 1927 г. он, возможно по заданию РОВСа, прибывает в Тарту, откуда через десять лет переезжает в Ригу к своему тестю Василию Маслову, богатому домовладельцу. После установления советской власти Иван Давыдович устраивается на работу младшим конторщиком на керамической фабрике. В июне 1941 г. Гримм стал юридическим консулом и членом Экзаршего управления. Интересно, что лидер эстонских автокефалистов митрополит Александр (Паулус) характеризовал И.Д. Гримма как человека, который раньше вводил в заблуждение владыку Иоанна (Булина), «внося тем самым раздор» в жизнь Эстонской Апостольской Православной Церкви, а теперь проделывал похожие шаги вместе с Сергием (Воскресенским).²

Объяснить такую позицию митрополита Александра, высказанную тем более уже во время немецкой оккупации, довольно просто: не все представители вверенного ему духовенства его поддержали, и, потеряв помощь государства, он стал терять сторонников, ведь не случайно он вспоминает в этой связи Иоанна (Булина), противостоящего ему в

---

¹ Бернев С.К. Указ.соч. С.107.

²The Autonomus Orthodox Church of Estonia. L'Eglise autonome orthodoxe d'Estonia / Approche historique etnomocunonoquel.. Thessalonoquen: editions pektajis. D. ParaTHomas et R.P. Matthias. H. Palli. Bibliotheque Nomocanonique. P.136-137.

1930-х гг. Начальником же канцелярии Гримм стал, скорее всего, не без участия оккупационных властей. С.К. Бернев приводит в подтверждение этого предположения отрывок из протокола допроса одного из руководителей Псковской Миссии протоиерея Кирилла Зайца от 29 апреля 1946 г.: «Гримм, назначенный на должность начальника канцелярии по инициативе немецкой стороны, имел связь с СД и негласно следил за экзархом.»¹

О зловещей роли юрисконсульта Гримма пишут и Я.Я. Веверс, и З.В. Балевиц, которые именно в этой личности видели главную опору немецких властей в диалоге с Православной Церковью. Эти же исследователи приписывают Ивану Давыдовичу открыто прогерманскую позицию без опоры на нужды Православия и Экзархата. Другие исследователи тем не менее более сдержаны в оценке деятельности главы Экзаршей канцелярии. В диссертационной работе С.К. Бернева приводятся некоторые сведения, которые представлял Иван Давыдович Гримм в органы СД, к примеру по поводу резко антинемецкого послания митрополита Сергия (Страгородского) в своем заявлении от 2 июня 1942 г. он подчеркивал: «Я отметил в призыве следующие особенности: а)его стиль не соответствует стилю Блаженнейшего и вообще стилю церковных воззваний, б)Дмитрий Донской не причислен к лику святых, каковой ошибки Блаженнейший сделать не мог, в) в призыве за исключением Александра Невского (и мнимо святого Дмитрия Донского), напоминаются не образы русских святых, но образы былинных языческих богатырей, что Блаженнейший сделать никак не мог, г) объяснить эти несообразности можно только тем, что Блаженнейшего принудили подписать составленное кем-то воззвание, а он не захотел исправить текст этого воззвания, чтобы каждому понимающему было понятно, что он ответственности за такое не имеет.»² Конечно, правильность приведенных Гриммом аргументов достаточно спорна, но следует, тем не менее, заметить, что общая линия 'Экзарха на оправдание деятельности владыки Сергия (Страгородского) строго соблюдалась объявленным советскими исследователями «сексотом» Иваном Гриммом. Отметим и то, что до сих пор достаточно сложно установить, кто являлся реальным «сотрудником» СД или секретным агентом этой карательной немецкой службы, кто был вынужден в какой-либо степени сотрудничать с органами СД, а кого просто оговорили после войны в данном сотрудничестве. В частности даже такого верного сторонника

---

¹ Бернев С.К. Указ. соч. С. 175.

² Там же. С.172.

Экзарха Сергия (Воскресенского) как протоиерея Луку Голода обвиняли в сотрудничестве с СД.

Так, допрашиваемый советскими властями после освобождения Литвы от нацистов архимандрит Филипп (Морозов), о моральных качествах которого и отношении к священноначалию мы уже говорили выше, прямо обвинял отца Луку в сотрудничестве с Гестапо: «...Кроме того Голод занимался изучением настроений среди духовенства и на лиц антифашистски настроенных сообщал в гестапо.»¹ Также на вопрос о конкретных фактах сотрудничества отца Луки Голода с нацистскими специальными службами, архимандрит Филипп рассказывает о связях протоиерея Голода с главой организованного с согласия немецкой администрации в Литве «Бюро поверенного по делам русского населения Литовского Генерального Округа» Алексеем Владимировичем Ставровским, который являлся негласным главой русского населения Литвы в оккупационные годы и по слухам имел тесные связи с немецкими карательными службами. Так как возглавляемая Ставровским организация находилась в Каунасе, встречи священника и Алексея Владимировича, судя по показаниям архимандрита Филиппа (Морозова), происходили и в Вильнюсе и в Каунасе, в их ходе протоиерей передавал ценные сведения о настроениях духовенства и его поведении в оккупационные годы. Признаваясь в том, что о точном содержании бесед архимандриту Филиппу неизвестно, «по слухам» он слышал, что именно отец Лука доносил немцам через Ставровского о действиях Экзарха Сергия (Воскресенского), о чем митрополит Виленский и Литовский лично говорил Морозову в январе 1944 г. за несколько месяцев до смерти.²

Данный тезис звучит более чем странно, особенно если учесть, что именно архимандрит Филипп (Морозов) был одним из главных сторонников литовско-белорусской автокефалии в 1939-1940 гг. и противостоял воссоединению православных приходов Вильнюсского уезда с Московской Патриархией, в то время как отец Лука Голод как в межвоенный период боролся со сторонниками полонизации литовских православных приходов, так и после возвращения оных в лоно Русской Православной Церкви стал доверенным лицом и митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского), и, после его смерти, Экзарха Сергия (Воскресенского). Усиливая правдоподобность своих показаний архимандрит Филипп заявил, что его знакомый немец-архивариус Шпинклер, который «служил во время оккупации в Штабе Розенберга в

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.L.32.

² Ibid. L.32-app.

Вильно», присутствовал при многих совещаниях своих немецких начальников и слышал об отношении немцев к митрополиту Литовскому и Виленскому. Также он отмечал, что гестаповец Мещерский, связанный с религиозным отделом этой карательной организации литовской столицы, заявлял ему, что именно отец Лука и протоиерей Василий Виноградов подавали ему доносы на Экзарха еще с 1943 г., хотя балтийский владыка считал их чуть ли не главными своими сторонниками и помощниками в Литве.¹

В конце пространного допроса архимандрит Филипп на конкретный вопрос следователя о том был ли протоиерей Лука Голод агентом Гестапо ответил следующим образом: «Я не могу утверждать, что протоиерей Голод Лука Филиппович являлся официальным агентом гестапо, но во всяком случае он, как я уже выше привел ряд конкретных фактов, делал доносы гестапо на митрополита Сергия, в результате чего и был убит немецкими оккупационными властями митрополит Сергей Воскресенский – Экзарх Прибалтики».² Примечательно, что в своем «заявлении», поданном 8 августа 1944 г. в Чрезвычайную комиссию по расследованию немецких зверств (оно было несколько лет назад опубликовано в сборнике документов посвященном истории Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны³), архимандрит Филипп (Морозов) еще более подробно, чем на допросе (который пройдет 2 сентября того же года) анализирует причины убийства Экзарха Сергия (Воскресенского), в том числе обвиняя в нем «доносчиков» - литовских священников Виноградова и Голода. В данном заявлении архимандрит Филипп (Морозов) утверждает, что с сентября 1943 г. был в дружественных отношениях с Экзархом (поэтому и может описать его «внутреннюю трагедию») и теперь, согласно предсмертному завещанию владыки Сергия (Воскресенского), должен описать случившееся «перед Родиной и Церковью». Далее архимандрит Филипп рассказывает, что 15 сентября 1943 г. он встретился с митрополитом Литовским и Виленским в его квартире в Свято-Духовом монастыре в Вильнюсе, где поведал Экзарху о своем тернистом пути и кознях, которые чинили ему представители окружения еще митрополита Елевферия (Богоявленского), охарактеризованные здесь архимандритом как «яркие враги Советской власти», которые лишь «прикрывались именем Московской Патриархии».

Если верить «заявлению», Экзарх принял Филиппа (Морозова) и даже «дал ему честное слово оправдать его перед Матерью-Церковью». Затем архимандрит описывает

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012. L.33

² Ibid. L.33-арр.

³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг: сборник документов. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. С. 127-136.

встречу в октябре того же года, когда митрополит Виленский и Литовский уже рассказывал ему о вынужденности своих недавних антисоветских заявлений. В этих «разговорах» между архимандритом и Экзархом то и дело проглядывают фигуры и предполагаемых доносчиков – Василия Виноградова (о нем мы скажем чуть позже) и протоиерея Луки Голода. Однако в связи с данными связанными с архимандритом Филиппом (Морозовым) документами и материалами допросов встает резонный вопрос: можно ли принять на веру сказанное владыкой Филиппом? Нам кажется, что нет. Хотя некоторые исследователи, в частности один из главных современных критиков «справа» служившего под немецкой оккупацией духовенства, петербургская исследовательница Л.И. Соколова, склонны принимать его безусловно.¹ Однако если вдуматься: не все получается так гладко. Во-первых, нельзя забыть о прошлом архимандрита Филиппа (Морозова), который гораздо чаще отца Луки Голода пребывал в стане автокефалистов. Во-вторых, такими подробными показаниями архимандрит, очерняя других вильнюсских архиереев, отводил удар от себя с одной стороны, с другой же еще раз повторял удобную версию о немецком следе в гибели Экзарха Сергия (Воскресенского). Только счастливый случай спас протоиерея Луку Голода от советских лагерей. Его, к счастью, не постигла участь многих служивших под оккупацией священников и он был отпущен советскими властями после войны (хотя на него у них был «богатый материал»). Отметим, что протоиерей Л. Голод оказывал в годы немецкой оккупации и неоценимую поддержку советским людям. К примеру партизанскому врачу А. П. Мануйловой священник во время немецкой оккупации помог скрыться и потом бежать в Белоруссию, где она впоследствии соединилась с партизанами.² Многие избежали насильственной отправки на работы в Германию исключительно благодаря стараниям отца Луки. Впоследствии Мануйлова просила у советских органов отпустить пастыря из под ареста, ручаясь за него и особо отмечая, что он к тому времени был тяжело болен туберкулезом в открытой форме. Через два года после ареста, в 1947 г., отец Лука спокойно скончается всего на 57 году жизни и найдет свое последнее пристанище на Евфросиньевском кладбище литовской столицы. Кстати, немаловажно отметить, что во время тех же допросов сам отец Лука Голод не пытался очернить архимандрита Филиппа (Морозова), хотя прекрасно мог понимать, что именно этот пастырь дает против него признательные показания. Из

---

¹ Соколова Л. [Электронный ресурс]. Влияние западничества на изучение истории Псковской Православной Миссии. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/22/vliyanie_zapadnichestva_na_izuchenie_istorii_pskovskoj_pravoslavnoj_missii_19411944/ Свободный. Яз.рус. Последнее обращение. 10.01.2013.

² LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.L.36.

ответов следователям на вопрос о личности архимандрита отец Лука говорит только о желании первого стать епископом, что не произошло из-за конфликтов со священноначалием, и, даже, на провокационный вопрос об отношении Морозова к Советскому Союзу, протоиерей отвечает, что о политических взглядах архимандрита Филиппа он ничего не знает.¹ Что касается периода нацистской оккупации, то по этому поводу отец Лука заявил о том, что не знал, где работал в это время архимандрит, считая, что об этом могут знать только лишь монахи Свято-Духового монастыря литовской столицы.

Гораздо более сложным является вопрос о сотрудничестве с органами СД протоиерея Василия Виноградова. С 1910 по 1919 гг. он преподавал в Московской Духовной Академии, был профессором пастырского богословия, автором многих работ по Православному учению. С 1918 по 1924 гг. Виноградов был председателем и членом Московского Епархиального Совета. В 1921 г. Василий Петрович находился в заключении в Архангельске. После освобождения Патриарх Тихон (Беллавин) рукополагает его в сан иерея, однако вскоре оба они арестовываются большевистскими властями. Весь год он находится в московских и владимирских тюрьмах. Служа после освобождения в Тихвинском храме столицы, он несколько раз арестовывался и в общей сложности шесть лет своей жизни провел в советских лагерях. Незадолго до нападения нацистов на СССР отец Василий Виноградов служил в селе Федоровское Угодско-Заводского района Калужской епархии. После одной из ссылок в мае 1941 г. он приезжает в Москву к Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Сергию (Страгородскому) и во время этой встречи глава Московского Патриархата делится со священником своими мрачными мыслями по поводу будущего Русской Православной Церкви.²

Начало войны и нацистскую оккупацию Виноградов встретил в Можайске и с продвижением линии фронта он принимает решение эвакуироваться вглубь немецкого тыла и в 1941 г. прибывает в Вильнюс. Вскоре он становится наместником Свято-Духовского монастыря и ректором местных Богословских курсов. Во время своего пребывания в литовской столице он налаживает преподавание многих богословских предметов, прилагает много усилий для воспитания будущего балтийского и российского духовенства. В то же время существуют данные, что именно в этот период у отца Василия складываются «особые отношения» с органами СД.

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.L.18.

² Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. С.55-56.

Прежде всего, следует упомянуть о материалах связанных с архимандритом Филиппом (Морозовым). Повествуя советским следователям о разговоре с Мещерским, Морозов вспоминает как его собеседник говорил о том, что ему на Экзарха поступили доносы от протоиерея Василия Виноградова.¹ В вышеупомянутом августовском «заявлении» архимандрит Филипп подробнее описал роль отца Василия в убийстве митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского). В последние месяцы жизни Экзарха, судя по описанию архимандрита, возник резкий конфликт между владыкой Сергием (Воскресенским) и ректором пастырско-богословских курсов, который привел к тому, что отец Василий «открыто поносил» имя Экзарха перед прихожанами, перестал слушать его в монастырских и семинарских делах, называл его «пьяницей, безбожником и коммунистом».² Данный конфликт вынуждает Экзарха отстранить протоиерея Василия Виноградова от ректорства, должности монастырского благочинного и даже требует, чтобы последний покинул пределы Свято-Духового монастыря литовской столицы. Нацистская администрация, исходя из изложенной архимандритом Филиппом (Морозовым) концепции, встала на сторону Виноградова, что стало причиной разногласий с митрополитом Виленским и Литовским и в числе прочих причин привело к устранению Экзарха.

Достаточно интересным является тот факт, что через два дня после «Заявления архимандрита Филиппа (Морозова)» вышло «Заключение 2 управления НКГБ СССР о результатах проверки материалов по делу об убийстве экзарха Литвы, Латвии и Эстонии митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского)», в котором повторяются доводы архимандрита (который называется в документе источник «Крестиков»), согласно которым одним из поводов к расправе над Экзархом были доносы отца Василия Виноградова, озлобленного на то, что его митрополит Сергей (Воскресенский) уволил его со всех должностей как и протоиерея Луку Голода, который был недоволен тем, что его переместили с «лучшего прихода на худший».³

До сих пор нельзя полностью опровергнуть точку зрения архимандрита Филиппа (Морозова), несмотря на то, что он является более чем спорной личностью для того, чтобы принимать сказанное им, тем более адресованное для советских карательных служб, на веру. Мы можем только сделать предположение, что конфликт между Экзархом и ректором пастырско-богословских курсов в Вильнюсе действительно мог быть. В

---

¹ LYA.FK-1.Ар.58.В.Р-4012.L.33.

² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны ...С. 129.

³ Там же. С. 324-332.

частности, в Литовском Центральном Государственном архиве (LCVA) в одном из Фондов литовских органов СД под грифом «Geheim» («Секретно») сохранилась переведенная статья протоиерея Василия Виноградова под заглавием «Возведение Московского Митрополита Сергия на Трон Патриарха», в которой автор достаточно подробно описывал ситуацию в Русской Православной Церкви в довоенный период.¹ Вполне возможно, что многое высказанное в этой статье митрополиту Сергию (Воскресенскому), которой был лично предан своему учителю владыке Сергию (Страгородскому), могло не понравиться, как и излишняя самостоятельность протоиерея Василия Виноградова, который мог иметь свое, отличное от экзаршего, видение ситуации в среде православных приходов Балтии. В этом же Фонде содержится информация о том, что представители СД действительно имели встречи с Виноградовым, в которых кроме всего прочего касались и вопросов избрания в Москве Патриарха.² Однако окончательные выводы о том был или нет тесно связан с органами СД ректор пастырско-богословских курсов в литовской столице протоиерей Василий Виноградов делать рано, тем более голословно утверждать, что имеются сведения о его непосредственной вине в гибели владыки Сергия (Воскресенского).

К обвинению в сотрудничестве с немецкими карательными службами представителей православного духовенства мы еще вернемся когда будем говорить о ситуации на Северо-Западе России. Теперь нам кажется важным уделить внимание участию балтийского православного духовенства в широкомасштабных пропагандистских акциях нацистов, в ходе которых представители православного священства, и прежде всего Экзарх Сергей (Воскресенский), должны были высказывать свое отношение к войне и оккупации, в том числе оценивая происходящее с христианской точки зрения. Сразу же отметим вынужденность большинства таких заявлений с одной стороны, с другой - достаточное распространение «здравиц» в адрес Гитлера и его армий, что сейчас кажется из ряда вон выходящим. Очень ярким примером подобного рода обращений, из-за которых владыку Сергия (Воскресенского) некоторые современные исследователи обвиняют в полной поддержке идеологии национал-социализма и деятельности оккупационной администрации была его статья в связи с передачей 1026 православных духовных книг в конце ноября 1942 г. О роли этой акции и других пропагандистских шагов со стороны немцев мы еще расскажем в нашей следующей главе, сейчас же обратим внимание только на текст данной статьи. Напечатанная в рижско-псковской газете «За Родину» статья был озаглавлена так: «От имени русской православной церкви:

---

¹ LCVA. F.R-1399. Ap.1. B. 109.L.16-44.

² Ibid.L.45.

Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы!». В статье в частности говорилось: «В противоположность большевизму, который разрушал церкви, организовывал массовые ссылки и даже убийства духовенства, преследовал верующих, - национал – социалистическая Германия не только разрешает любую церковную деятельность, но и поддерживает ее всеми возможными мерами... Это – ясное доказательство того, что Германия великолепно понимает и ценит особенности других народов, их культуру.... Достопримечательно то, что штаб Розенберга, получивший в самом разгаре войны непосредственно от Адольфа Гитлера поручение – вести духовную борьбу против основ большевистского мировоззрения, теперь смог вручить экзарху 1026 священных книг. Одновременно с приказом об уничтожении губителя культуры Сталина, Адольф Гитлер издал указ о неприменном сохранении всех действительных церковных ценностей. В Советской России Библии были частью уничтожены, частью – выставлены с кощунственными надписями в антирелигиозных музеях. Немцы бережно сохранили эти духовные реликвии, заботливо очищали их от пыли и грязи, чтобы православная церковь сама могла бы ими воспользоваться. Среди рукописей находятся несколько роскошных изданий, отделанных серебром Евангелия и молитвенники 17 – 18 веков, а также рукописи 16, 17 и 18 веков.»¹ Затем приводится ответная речь представителя «штаба Розенберга», после чего Экзарх в ответ говорит: «Благодарю вас за спасение этих священных писаний не только, как представитель православной церкви Латвии, но также и всех церковей России, частью уже освобожденных германской армией, частью – еще страдающих под ярмом большевизма. Благодарность всех христиан выразится в общей борьбе с большевизмом. В этой борьбе, являющейся в то же время борьбой за свободу веры, примут участие не только церковные власти, но и весь народ. Прежде всего мы благодарим, великого германского Фюрера, спасающего Европу от красных захватчиков. Особенно благодарим Адольфа Гитлера, который в тяжелую годину войны нашел время позаботиться о сохранении культурных ценностей и велел вернуть русской Церкви ее имущество. Мы молим Всевышнего, чтобы он и впредь ниспослал Адольфу Гитлеру силу и крепость для окончательной победы над большевизмом.»² Отметим несколько примечательных черт данной статьи-обращения митрополита Сергия (Воскресенского). Во-первых, владыка постоянно обращается от лица всего православного духовенства – зачастую и на советских территориях – тем самым подчеркивая, а не ставя под сомнение, единство церкви, оправдывая столь неприятные для немецких властей просоветские

---

¹ Мухин В.Л. От имени русской православной церкви: Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы! // За Родину . 1942. 5 декабря.

² Там же.

воззвания и обращения митрополита Московского Сергия (Страгородского). Во-вторых, он часто говорит о тяжести военных условий, даже при восхвалении силы и мощи нацистской армии, ее фюрера. Именно на это, как нам кажется, следует делать упор, а не на вынужденные похвалы Гитлеру. Нельзя и опровергать значимость таких акций для Экзархата, ведь зачастую у священнослужителей появлялась единственная возможность спасения церковных ценностей, которые так долго были им не доступны и находились в музеях, специальных хранилищах или, что самое страшное, уничтожались или становились предметами антирелигиозной пропаганды. Примечательно будет также привести обращение владыки к своей пастве в день Светлой Пасхи 1943 г. В небольшом, но очень емком и глубоком по смыслу поздравлении всего верующего народа Балтии и Северо-Запада России не видно никаких открытых заявлений выражающих открытую поддержку деятельности нацистов, а говорится о значении этого праздника для населения оккупированной территории: «...Да укрепит всех нас победная песнь благовестия о славном Воскресении Христовом! Да умножаться его силы наши для создания новой, свободной, радостной жизни и да будет эта песнь залогом нашей нерушимой веры в воскресение нашей страждущей Церкви и Отечества нашего!».¹ Как мы видим Экзархом выбраны очень осторожные формулировки, направленные только на то, чтобы попытаться вселить в людей надежду на радостное будущее, без гонений и постоянных военных невзгод, помочь выжить в столь сложной ситуации: «Победоносное Воскресение Христа Спасителя да подаст нам сил духовных и телесных и да поможет нам оно с любовью перенести тяжкие, но неизбежные невзгоды военного времени, памятуя о страдании и подвиге тех, кто проливает кровь за нашу свободу».² Очень показательным является тот факт, что пастырь не называет конкретно тех, «кто страдает и проливает кровь» за местное население, в чем можно видеть определенную двусмысленность, скорее всего понятую митрополитом Сергием (Воскресенским) еще на примере довоенных взаимоотношений руководства Московской Патриархии с безбожными советскими властями.

Для примера возьмем и еще одно его поздравительное послание, обращенное к православным верующим, теперь по поводу Светлого Праздника Рождества 1944 г., как оказалось последнего в жизни Экзарха Сергия. Поздравляя паству в столь знаменательный день, он в то же время желает им в новолетии: «...Прежде всего, счастливого оборота событий на Востоке. Да разгонит Десница Божия нависшие над нами

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1285. Л.23-оборот.

² Там же.

тучи и блеснет завтра светлый луч победоносного солнца! Возвратятся с поли брани воины наши живы и здравы, возвратятся к осиротевшим семьям их отцы, к немощным старцам их дети. Да подаст Господь им и нам веру, мужество и терпение! Пожелаю благополучного устройства и нашей внутренней жизни, преуспевания в мирном труде и стойкого единодушия в общественных делах, а в делах частных – доброй взаимопомощи. Не забывая своего христианского званья и долга, поможем всем тем, на кого обрушилось бедствие. С этой стороны особое пожелание выражаю специально недавно учрежденному Русскому Комитету, - да принесет он действительное облегчение тем, чья участь вызывает в нас сочувствие и тревогу. Достигнуть же этого он может только при всеобщей нашей поддержке. Окажем ее ему в полной мере! Особое пожелание обращаю к прибывшим из Русских областей, - к многочисленным беженцам, встречающим Новый год в дали от родных очагов. Да пошлет им Всемилостивый Господь утешение, подаст им сил претерпевать невзгоды! Да прострет Он к ним руку помощи и воссоединит их семьи, возвратит их во благовремение на Родину! Наше же русское сердце не оскудеет в любви и щедрости в светлом деле воспитания и согревания русских сирот всем же вообще желаю духа мира и любви, незлобия и кротости!».¹ Отметим основную черту данного послания – в нем нет как хвалебных гимнов немецким оккупационным органам, а также воспевания фюрера, так и резких антисоветских выпадов, более того осуждения действий руководства Московского Патриархата. Обращаясь к простым людям в период праздника, Экзарх говорит о трудностях войны, желает скорейшего ее завершения. Видит он и последствия пагубной политики немецких властей так долго противившихся возникновению настоящих и независимых русских органов власти, подлинных перемен во внутренней оккупационной политике, что в конечном итоге и привело к очередному русскому рассеянию. Именно поэтому он столь четко и ясно говорит о том, что особенное его отношение к многочисленным беженцам. Упоминается Экзархом и Русский Комитет, одной из главных задач которого в Балтии была помощь русским беженцам, по своей воле или в силу политики нацистов оказавшихся вдали от родных мест. Вообще мы считаем, что отдельно следует выделить отношение балтийского духовенства к русской оккупационной администрации и особенно политическим и военным организациям, в особенности к тем, которых можно отнести к Русскому Освободительному Движению.

Выше мы уже говорили о возможных встречах отца Луки Голода с главой «Бюро поверенного по делам русского населения Литовского Генерального Округа» Алексеем Владимировичем Ставровским, в ходе которых они скорее всего не обменивались

---

¹ Двинский вестник. 1944. №1 (138). 1 января.

информацией для органов СД, а наоборот могли планировать дальнейшее поведение в менявшейся ситуации в Балтии, обсуждать внутреннее положение в среде местной русской диаспоры и многое другое. В тех же показаниях архимандрита Филиппа (Морозова) есть документы, согласно которым на территории оккупированной Литвы проходили некие «съезды духовенства», во время которых священников вынуждали принимать резко антисоветские заявления.¹ Однако, как справедливо отмечает Морозов, на них говорили об антирелигиозном терроре в Советском Союзе, об атеистической пропаганде и антихристианской сущности большевизма (хотя архимандрит и лукавит, говоря советским следователям на допросе, что советский режим только «якобы» безбожный и уничтожающий религию в Советской России). На вопрос следователей о контактах с офицерами Русской Освободительной армии или же другими представителями русских антикоммунистов Балтии, сам протоиерей Голод ответил, что знал Ставровского и имел с ним разногласия по поводу возможности ведения агитации среди прихожан о вступлении русских в ряды охранных отрядов полиции.² Также отец Лука Голод сознался в том, что он разослал по православным приходам Литвы распоряжение о соборе материальных средств для русских из РОА, а потом передал собранные средства владыке Ковенскому Даниилу (Юзвьюку).³ Важным фактором поддержки антисоветских организаций и вооруженных формирований именно в Балтии со стороны священников Прибалтийского Экзархата был тот факт, что на стороне автокефалистов был практически весь арсенал их «светских» этнических сторонников: пресса, представители в гражданском управлении и различных нацистских ведомствах. У русских же, чья судьба в Балтии при нацистах находилась под постоянной угрозой, долгое время не было ни влиятельных сторонников, ни своих печатных изданий. Во многом поэтому православным духовенством приветствовалось создание в ноябре 1943 г. организации «Русский Комитет в Латвии» во главе с Г.А. Алексеевым (уполномоченным по русским делам при организации «Народная помощь»). Особую роль в создании данной организации, одной из задач которой была всемерная поддержка не только русскому населению Балтии, но и все усиливавшемуся потоку беженцев из России, сыграли как сам Экзарх Сергей (Воскресенский), так и епископ Иоанн (Гарклав), организовавший сбор средств по латвийских приходам для создания «Русского Комитета» и отслуживший с митрополитом Виленским и Литовским праздничный молебен после создания

---

¹ LYA.FK-1.Ap.58.B.P-4012.L.32.

² Ibid. L.25.

³ Ibid. L.26-27.

организации.¹ Впоследствии основной направленностью деятельности данных структур как раз и будет участие в судьбе прибывающих с оккупированных российских земель граждан.

Своего рода печальным итогом смелой идеологической позиции православного духовенства Прибалтийского Экзархата в целом и в частности самого Экзарха Сергия (Воскресенского) стала гибель последнего, до сих пор вызывающая острые споры среди исследователей. Прежде всего, скажем несколько слов о предшествующим этой трагедии событиям. В 1944 г. Третий Рейх стал терпеть цепь военных и пропагандистских поражений и поэтому отныне германской администрации нужно было быстро обыграть своего врага на пропагандистском поле битвы. В отношении религиозной сферы нацистским пропагандистам теперь хотелось во что бы то ни стало противопоставить советскую и германскую религиозную политику, в том числе выявив антагонизм между ними. Особо обеспокоены немцы были избранием в Москве Патриархом Сергия (Страгородского). Для моральной «денонсации» данного события и признания его неканоничности разными православными юрисдикциями немцы проделали достаточно большую работу. Особенно в этой связи следует выделить Венское совещание православных иерархов РПЦЗ в 1943 г. Официально данное событие называлось «Архиерейским совещанием иерархов Русской Церкви за границей» и проходило с 21 по 26 октября 1943 г. в Вене при участии первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского), главы Средне-Европейского митрополичьего округа митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде), митрополита Западно-Европейского Серафима (Лукьянова), Пражского епископа Сергия, Потсдамского епископа Филиппа, Венского епископа Василия, настоятеля братства преподобного Иова Почаевского архимандрита Серафима, тогда еще мирянина и секретаря совещания Георгия Граббе, архиепископа Гродненского и Белостокского Венедикта, белорусского архимандрита Григория (Бартошевича) и нескольких священников из Германии и Бельгии. В ходе этой конференции-совещания были составлены два важнейших документа – «Воззвание ко всем верующим Православной Русской Церкви на Родине и в рассеянии сущим» и «Резолюция о том, чем Церковь может содействовать борьбе с большевистским безбожием». Все совещание и его итоговые документы, а также присутствие митрополита Анастасия (Грибановского) тщательно отслеживались нацистскими властями. Как отмечают исследователи, часть присутствующим в Вене в эти дни православных иерархов не поддерживала яро пронемецкую линию и не желала превращать чисто церковное

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 176.

собрание епископов в пропагандистскую акцию нацистов.¹ В резолюции же по поводу «содействия» борьбе с большевизмом завуалировано критиковалась нацистская политика по отношению к Православной Церкви, в том числе те ограничения, которые продолжали существовать в ее миссионерской работе, невозможность начать процесс активного воцерковления советских военнопленных и многое другое. В то же время факт остается фактом: собравшиеся единогласно не признали произошедшее в Москве в сентябре 1943 г. событие, чем продолжили свою еще довоенную линию по непризнанию власти владыки Сергия (Страгородского).

Требовали нацистские власти подобной акции и от Экзарха Сергия (Воскресенского). Определенным результатом их давления было решение созвать в Риге 5 апреля 1944 г. совещание архиереев Балтии. Немецкие власти ждали повторение того, что произошло в октябре 1943 г., то есть критики неканоничности избрания в Москве Патриархом Сергия (Страгородского). Однако собравшиеся хоть и не явно, но разграничили лживость политики советских властей и позиции находящихся по другую сторону фронта православных иерархов. Местное население открыто призывалось к сопротивлению «большевистским войскам», призывали посвятить все силы обороне от оных, характеризуя режим в СССР так: «Но большевизм несет с собой не только физическое истребление, не только ужасы огня и меча, пыток и казней. Большевизм несет с собой умерщвление духа. Отвергнув Бога, большевизм отверг и образ Божий в человеке. Для большевизма нет ничего святого ни на небесах, ни на земле. Большевизм попирает самое дорогое для человека – его свободу, его религию, его национальность. Большевизм все приносит в жертву сатанинскому замыслу мировой революции, которая должна уничтожить все религии, смешать все народы в одну безликую массу и поработить все человечество».² Как мы видим балтийские иерархи не только не уменьшили критику советского режима, а даже увеличили ее по мере приближения к оккупированным районам Красной армии. Также утверждается, что русский народ, не смотря на все гонения и попытки вселить в сознание людей атеизм и полное неприятие религии, большевистское мировоззрение не принял. Сам же режим, поняв всю губительность пропаганды идей революции стал обращаться, по мнению участников рижского совещания очень лживо, к национальным корням и Православной Вере. В частности по этому поводу сказано: «... Большевики претворяются, будто они теперь не те, какими

---

¹ Шкаровский М. В. Крест и свастика.... С.214-217.

² Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. ... С.568.

были четверть века назад, и будто противникам коммунизма теперь уже нечего их опасаться. Такое притворство, такая ложь, такая пропаганда свидетельствует о слабости большевиков, о том, что их неприкрашенный облик внушает отвращение, что их идеология утратила привлекательность, что продолжать войну собственными силами они не в состоянии, что вся их надежда теперь только на то, чтобы выиграть свою большевицкую войну силами небольшевицкими, а затем их же и раздавить. Борясь за собственное существование, большевики призывают теперь к патриотизму и религиозности русского народа, но если победят, то отомстят, ему за такую живучесть, его исконного, небольшевицкого духа, окончательно догрянут Церковь и вытравят из русской жизни все русское».¹

Очень четко проводится собственная линия балтийского духовенства, согласно которой изменения в религиозном курсе – это скорее вынужденная мера большевистских властей, которые поняли, что без возвращения к национальным ценностям и с отстаиванием своих атеистических марксистских тезисов сохранить власть, а тем более победить в войне невозможно. Слова, которые предсказывают будущие гонения по истине являются пророческими, ведь действительно кажущееся временное послабление по отношению к Русскому Православию продлится очень недолго и впоследствии волна за волной продолжатся аресты духовенства, закрытие храмов и очередной виток атеистической пропаганды. Показательно, что после этих слов идет линия незримого оправдания действий находящегося на советской территории православного духовенства: «... Большевизм всей тяжестью своей по-прежнему давит и на уцелевшие остатки православного духовенства. Церковь православная задыхается в большевицком плену. Клириков ее, вместе с прочими рабами и рабынями Сталина, гонят на фронт. Иерархов православных, начиная с Первосвятителя, принуждают к обнародованию унижительных посланий, продиктованных советскими палачами. К иерархам применяют при этом методы того же насилия, к какому прибегали в довоенное время... Лишь на показ для успеха своей заграничной пропаганды, они водружают на развалинах Церкви какую-то картонную декорацию, чтобы она прикрыла картонное здание, вновь отстроить которое они не позволяют..».²

В конце послания освобождение Православной Церкви связывается с освобождением от большевиков всей России, при этом местное население иерархи призывают вступать в ряды Русской Освободительной армии. При анализе всего послания

---

¹ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. ... С.569.

² Там же. С.570.

следует выделить несколько интересных черт. Первое, и это, пожалуй, самое главное и отличное от заявлений других православных юрисдикций, балтийские владыки во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским) условно говоря «выводят из под удара» находящихся на советской территории духовных лиц и прежде всего Патриарха Сергия (Страгородского) и его соратников, продолжая ранее выбранную линию оправдания воззваний последних против немецкой оккупационной политики вынужденностью и неимоверным давлением со стороны атеистических властей. Именно в этом кроется их каноническая и идеологическая позиция, очень смелая и отличная от генеральной пропагандистской линии берлинских властей. Второе: оставаясь верными московским церковным властям они яро критикуют идеологию большевизма, не верят в его трансформацию, с их точки зрения декоративную, ложную и вынужденную. В этой связи они близки к установленной нацистами пропагандистской линии, в некотором смысле действительно правдиво обличая «бутафорское» отношение Сталина и его окружения к Православию, влияние так называемого «международного фактора» в избрании в Москве Патриарха. Третье: они открыто заявляют, что не хотят возвращения советских властей и установленных ими порядков, призывают русских людей к сопротивлению и вступлению в ряды РОА. Последнее не следует абсолютизировать, так как очень сложно судить было ли это вынужденной мерой или искренней боязнью перед началом новых гонений и возможным угасанием с приходом «большевиков» активной приходской жизни. В этом же воззвании сказано очень важное и ставшее потом знаменитым изречение Экзарха Сергия (Воскресенского): «Сталин не Савл и Павлом не станет». Тем самым была проведена определенная черта между поддержкой и верностью своим церковным властям в Москве и полное неприятие «нового религиозного курса» советского руководства. Далее встает вполне ожидаемый вопрос: какова была реакция на это послание со стороны инспирировавшего критику избрания в Москве Патриарха нацистского режима и противоборствующего ему режима советского, на словах изменившего свое негативное отношение к религии? В принципе ни одну из двух этих воюющих сторон составленный балтийскими иерархами документ не удовлетворял: немцы требовали гораздо большего, а именно обстоятельной критики руководства Московской Патриархии, пошедшего в прямое услужение большевистским властям, советская же сторона явно не могла быть рада тому, что незадолго до освобождения от немцев оккупированных территорий православное духовенство так резко обличала ее власть и фактически призывала к активному сопротивлению процессу освобождения. Над всем этим стоит и трагическое событие конца апреля 1944 г. – убийство митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского).

Убийство это, можно по правде вписать в большую череду таинственных и до сих пор нераскрытых убийств двадцатого века, тем более, что и по сей день сложно дать какой-нибудь конкретный ответ на вопрос, кто именно погубил балтийского Экзарха. До сих пор наиболее распространена версия, согласно которой владыка, его водитель Петр Яковлевич Кулаков и следовавшие с ними в одной машине бывший артист Московского Большого театра Иннокентий Фокович Редикульцев с женой Марией Михайловной были убиты по приказанию оккупационных властей, возможно руками балтийских националистов, с целью устранения “неудобного” для нацистов иерарха. Впоследствии же эта трагедия была представлена немцами как карательная акция большевиков, о чем они тут же заявили на страницах подвластной печати, устроили в Риге пышные похороны погибших. В частности данную версию одним из первых ввел в историографию З.В. Балевиц.¹ Повторяют ее и некоторые современные специалисты в истории Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии.² В то же время существует альтернативная версия, сторонники которой видят «советский след» в данном злодеянии. В подтверждении ее приводят свидетельство бывшего миссионера, священника Николая Трубецкого, высказанное им корреспонденту «Вестника РХД» Николаю Шеметову и напечатанное в данном издании в 1978 г.³ Находясь в лагере в районе Инты, он имел беседу с другим заключенным, бывшим латвийским партизаном, который заявлял, что убийцами митрополита были переодетые в немецкую форму партизаны, в том числе и сам собеседник священника. В рядах сторонников «партизанского» участия в произошедшем такие церковные историки как протоиерей Георгий Митрофанов⁴ и иерей Илья Соловьев,⁵ которые прямо заявляют об организации убийства советскими властями. Основные материалы, которые проливают хоть какой-то свет на данный вопрос, будь то протоколы допросов православного духовенства

---

¹ Балевиц З.В. Указ. соч. С 84-85.

² Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убранные. Мученики и исповедники Северо – Запада России и Прибалтики (1940-1955). М.: Паломник, 1999. С. 23-24; Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб.: Сатисъ; Держава, 2005. С.196-197.

³ Шеметов Н. Единственная встреча // Вестник РХД. 1978. № 128. С. 249-250.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике.... С.108.

⁵ Обозный К.П. История Псковской Православной миссии. ... С.4-5.

советскими карательными органами или отчеты немецких властей о деятельности митрополита Сергия (Воскресенского) незадолго до гибели, тоже не ставят определенной точки в данном вопросе. Мы также не будем судить какая точка зрения наиболее близка к истине, так как мы уже говорили, что как у советской, так и у нацистской стороны были свои «счеты» к Экзарху, ведь его независимая позиция никак не могла вписаться в контекст как одной, так и другой религиозной политики. Действительно, владыку очень сложно представить как и в рядах послевоенного духовенства Московского Патриархата, поддерживающего «на словах» советский режим, так и в среде эмигрантского духовенства, особенно в составе Константинопольского Патриархата или Русской Православной Церкви Зарубежом, юрисдикций, которых он неоднократно, иногда очень обстоятельно, критиковал. Долгое время казалось, что точка зрения о немецкой мести неугодному Экзарху являлась главной и не подлежала какому-либо сомнению. Одним из главных свидетельств, которые доказывали данную позицию были протоколы допроса руководителя СС и полиции в Остланде и Севере России Фридриха Еккельна. В частности на допросе, датированном 31 декабря 1945 г. он подтвердил, что многие видные политические и общественные деятели балтийских государств были ликвидированы в годы нацистской оккупации немецкими карателями, в том числе и Экзарх Сергей (Воскресенский), которого он кроме всего прочего характеризовал как «антифашиста», давно находящегося под надзором Гестапо и СД.¹

В 1943 г. Еккельн имел встречу с Гиммлером, на которой последний интересовался судьбой митрополита Виленского и Литовского и даже заявлял, что «вопрос о нем скоро решит». Потом приказ о ликвидации владыки Сергия (Воскресенского), исходя из материалов того же допроса, подписал начальник Главного управления имперской безопасности СС (РСХА) Эрнст Кальтенбруннер, по которому и необходимо было ликвидировать Экзарха, представив данное злодеяние в виде преступления советских партизан (что, как говорил на допросе Фридрих Еккельн и было сделано). Во многих работах упоминается именно такая аргументация, как раз со ссылками на послевоенные допросы Еккельна. Однако отметим, что это всего лишь единственное растиражированное упоминание, которое представляет собой послевоенный допрос обреченного нацистского преступника, а ни какое-либо документальное подтверждение приказа о ликвидации Экзарха или материал допроса непосредственных исполнителей убийства. Нам кажется, что доверять подобному источнику на веру полностью невозможно, ибо как сам Еккельн, желая спасти себя от казни, мог признаться во многих преступлениях, так и сами

---

¹ Цит по: Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939-1945). СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. С.297.

советские карательные органы, если они являются организаторами убийства, добились бы от нацистского чиновника нужных для них признательных показаний.

Что касается обвинений а адрес реальных исполнителей убийства, то здесь нужно выделить историю с обвинением в расправе над Экзархом Сергием (Воскресенским) полковника Вооруженных сил Комитета Освобождения Народов России (ВС КОНР), старшего офицера пропаганды при штабе группы армий «Север» В.В. Позднякова и бывшего секретаря ГОУ КОНР Д.А. Левицкого. Автором данной «концепции» был поручик ВС КОНР Юрий Леонидович Хмыров, прошедший после войны заключение в сталинских лагерях и, после освобождения из спецпоселения, ставший активным просоветским пропагандистом, сотрудничавший с «Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом» и газетой «Голос Родины». Именно в этом издании в 1972 г. он и высказал мнение, согласно которому основная вина за убийство главы Прибалтийского Экзархата лежит на Позднякове и Левицком.¹ Однако данную концепцию опровергн в своих работах ведущий специалист по истории Русского Освободительного Движения и ВС КОНР К.М. Александров. В частности, он указал, что автор решил поведать читателям о данной истории, узнав об убийстве в 1946 г. в Мюнхене митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде), хотя данный владыка скончался при невыясненных обстоятельствах в 1950 г. Также К.М. Александров отмечает и другие фактические неточности, в особенности касающиеся пребывания Владимира Васильевича Позднякова в Риге. Появление же статьи Ю.Л. Хмырова петербургский исследователь связывает с ответом советских специальных служб на активную пропагандистскую деятельность В.В. Позднякова в эмиграции и выходом книг последнего по истории Русского Освободительного Движения². Что касается Дмитрия Александровича Левицкого, то в статье А.В. Герича убедительно доказывается, что Левицкий, некоторое время бывший секретарем владыки, не мог быть причастен к его убийству.³ В целом, мы можем отметить, что нам эта концепция тоже кажется достаточно сомнительной, ибо в статье Хмырова не приводится каких-либо четких доказательств причастности выше указанных лиц к убийству митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского).

О недавно опубликованных сведениях, связанных с показаниями архимандрита

---

¹ Хмыров (Долгорукий) Ю.П. Страшное злодеяние // Голос Родины (Москва). 1972. Март. № 24(1596).

² Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945. М: Посев, 2009. С.687-688.

³ Герич А.В. Из воспоминаний о митрополите Литовском и Виленском, Экзархе Латвии и Эстонии Сергии (Воскресенском) // Церковь и время. №35. М., 2006.

Филиппа (Морозова), мы уже частично говорили выше. К вышесказанному стоит только добавить, что помимо обвинений в адрес протоиереев Василия Виноградов и Луки Голода, в них содержится и достаточно детальное описание убийства. К причинам расправы над Экзархом архимандрит Филипп относил неуступчивость последнего в вопросе о непризнании Патриархом владыки Сергия (Страгородского), в частности даже заявляя об отклонении митрополитом Виленским и Литовским подобного требования от министра Восточных территорий Альфреда Розенберга, «недоверие» к Экзарху, которое было у нацистов с самого начала оккупации (особо отмечено, что в балтийской прессе постоянно заявлялось, что владыка есть никто иной как «большевистский агент»), популярность митрополита среди православных региона.¹ Также необходимо отметить, что в своем «заявлении» архимандрит Филипп (Морозов) сравнивает данное убийство с широкоизвестным «катынским делом» и убийством митрополита Волынского и Житомирского, Экзарха Украины Алексия (Громадского). Вполне возможно, что подобные сравнения либо были «надиктованы» советскими властями, либо архимандрит сам понял как можно было «обелить» себя перед новыми хозяевами. Привел в данном документе Морозов и свою «полную версию» произошедшего: 23 апреля четыре человека в немецкой форме украли автомобиль с бензином на станции, связав и заперев заведующего станцией и сторожа (что было сообщено оккупационной прессой), однако согласно «морозовской версии», это немцы легально взяли данный автомобиль (как сказано в документе это были «присяжные немецкие палачи на дальние расстояния»). Впоследствии эти люди спокойно вернули автомобиль в гараж. Итак, данная версия, выглядит довольно стройно, однако невольно напрашивается вопрос: откуда у архимандрита Филиппа (Морозова) такая уверенность в «нацистском следе» в убийстве?

О данной версии, судя по документу, архимандриту рассказал священник кафедрального города Вильнюс Лев Хило, узнавший об этом от самого сторожа гаража, из которого был украден автомобиль. Нам кажется, что все-таки главным аргументом в этом споре было желание архимандрита оправдать прежде всего самого себя, представив свое служение как подвиг и сопротивление нацизму с одной стороны, а с другой – доказать вернувшимся советским властям, что он являлся ближайшим к Экзарху в Литве пастырем. В частности в конце «заявления» архимандрит Филипп (Морозов) пишет: «Физическое расстройство и болезнь ног (ревматизм), нажитые мной при двухнедельном укрывательстве в сырых погребах под Вильно от угрозы вывоза меня немцами, не позволяют мне все это описать на деталях, которые, правда, касаются больше чисто дел церковных. Но уже и через подачу такого заявления я частично исполнил волю покойного

---

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 133.

митрополита, не отыскавши пока возможности сделать личный доклад Патриархии. Надеюсь, что Советское Правительство пойдет мне навстречу и поможет в этом отношении».¹

После таких фраз невольно создается впечатление, что данный документ был специально создан для того, чтобы быть «адресованным» для советских органов, убедить их в своей правоте и участии в сопротивлении нацистским властям в годы оккупации Балтии. В уже упоминаемом нами «Заключении 2 управления НКГБ СССР...», в котором говорится о результатах проверки материалов по убийству владыки Сергия (Воскресенского), берется на веру практически все, что представил в своем «заключении» архимандрит Филипп (Морозов). Также в этом документе приводятся свидетельства о том, что и сам Экзарх незадолго до своей трагической гибели вызывался немцами на допрос, в ходе которого понял, что доносы на него составляет отец Василий Виноградов (о чем митрополит Виленский и Литовский сообщал настоятелю Кафедрального собора Демьяченко).² Следует отметить, что предложенная Филиппом (Морозовым) «схема» убийства прекрасно подходила для советских властей: во-первых, по ней Экзарх на протяжении всей немецкой оккупации считался немцами «большевистским агентом», во-вторых, он был верен владыке Сергию (Страгородскому), избрание которого Патриархом Московским и всея Руси он не признавать отказался, за что и был убит гитлеровцами, в-третьих, предполагаемые исполнители убийства, доносчики на митрополита Сергия (Воскресенского) и германские чиновники, подписавшие смертный приговор балтийскому владыке, были за пределами Балтии. Правда, в документе отмечается, что и самого архимандрита Филиппа (Морозова) объявляли в сотрудничестве с нацистами, однако эта «сюжетная линия» советскими карателями не развивается.

Итак, можно констатировать факт того, что данный документ не является «ключом» к ответу на вопрос об организаторах и исполнителях убийства митрополита Литовского и Виленского. При всей заманчивости и на первый взгляд стройности версии архимандрита Филиппа (Морозова), нельзя отменить прошлое данного представителя Православной Церкви: его уклонение в Унию, служение в окружении владыки Феодосия (Феодосиева), ратование за проведение литовско-белорусской автокефалии в «Виленском крае» в 1940-1941 гг. и многое другое. Интересно, что в отчете оперативной группы «А» (Айнзацгруппы «А») о положении христианских конфессий в Балтии, специально отмечается, что в Литве у митрополита Сергия (Воскресенского), Экзарха Латвии и

---

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 136.

² Там же. С. 327.

Эстонии в Вильнюсе существует «сильная оппозиция, главный представитель которой архимандрит Филипп Морозов неоднократно упрекал Сергия в пробольшевистской направленности. Морозов разными путями пытался через переписку вступить в контакт с Варшавой и Берлином, дабы оттуда добиться отстранения Сергия от должности. Его оппозиция Сергию отчасти имеет под собой корыстные мотивы. Его конечная цель – создание самостоятельной литовской церкви под его собственным руководством».¹

Как мы видим в этот период Морозов ни как не стремился не только помогать Экзарху, но даже хотел занять его место и в годы оккупации, в особенности после смерти владыки Феодосия (Феодосиева), продолжал отстаивать идею местной автокефалии. В тоже время обвиненный им перед советскими властями протоиерей Лука Голод, еще раз напомним у двух пастырей были личные неприязненные отношения, наоборот всегда стоял за единство с Московским Патриархатом и состоял в переписке с Экзархом Сергием (Воскресенским).

Достаточно интересную точку зрения, не широко прокомментированную современными исследователями изложил участник Русского Освободительного Движения, узник советских лагерей Леонид Александрович Самутин. В частности, он связывает гибель митрополита Виленского и Литовского с последствиями знаменитого покушения против Адольфа Гитлера в ходе «заговора 20 июля», многие члены которого благожелательно относились к русским антикоммунистам. В то же время следует отметить, что Леонид Александрович путает дату убийства Экзарха, относя злодеяние к июлю 1944 г., а не к апрелю.²

Также следует отметить, что в Литовском Центральном Государственном Архиве (LCVA) хранятся фотографии, связанные с убийством владыки Сергия (Воскресенского).³ К сожалению, никакими комментариями данные материалы не сопровождаются, но если предположить, что эти фотографии были сделаны немецкими органами СД для расследования убийства Экзарха, то наиболее популярная версия о «немецком следе» в убийстве быстро рассыпается. Нам кажется, что до сих пока рано делать окончательные выводы о том, кто же все-таки является главным виновником смерти митрополита Виленского и Литовского. Специалистам остается только дальше искать архивный материал, способный пролить свет на эту запутанную историю.

В целом, подводя итог идеологического аспекта деятельности православных

---

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 551.

² Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб.: Белое и черное, 2002. С.169.

³ LCVA. F.R-1399. Ap.1. B. 108L.1-1-app.

приходов Балтии, следует отметить, что и в этом вопросе проявлялось острое соперничество между сторонниками владыки Сергия (Воскресенского) и балтийскими православными автокефалистами. И если за первыми было большая часть православных региона (за исключением некоторых районов Эстонии), то у вторых в начале нацистской оккупации на вооружении был весь арсенал периодики, издаваемой их светскими сторонниками. Постепенно балтийскому духовенству, признающему каноническую связь с Русской Православной Церковью, приходилось искать сторонников в местных русских организациях, и особенно тех, которые так или иначе были связаны с Русским Освободительным Движением (подробнее этот процесс мы рассмотрим в следующей главе, когда будем рассматривать похожие вопросы на Северо-Западе России). Еще одной «составной частью» этого вопроса является проблема сотрудничества части православного духовенства с органами немецкого СД. Следует отметить, что до сих пор не существует точных доказательств того, что подобное сотрудничество имело систематический характер, а многие его «факты» зачастую являются оговорами и наветами как карательных органов, так и представителей другой части духовенства. Квинтэссенцией сложности и противоречивости сотрудничества части духовенства с национал-социалистами была гибель главы Прибалтийского Экзархата митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского) в конце апреля 1944 г. И поныне до конца неизвестно кто являлся исполнителем данного злодеяния. Однако следует отметить, что постоянные угрозы как с немецкой, так и с советской стороны в адрес данного владыки, показывают весь трагизм служения и миссионерского подвига владыки Сергия (Воскресенского) в военные годы.

§3. Православные приходы Балтии во второй половине 1944-1945

22.

Прежде чем перейти к описанию дел в среде православных приходов Балтии в послевоенный период, скажем несколько слов об управлении Прибалтийским Экзархатом после трагической гибели Экзарха Сергия (Воскресенского). Примечательно, что предвидя возможность своего раннего и насильственного ухода из жизни Экзарх, видимо следуя заветам своего учителя Сергия (Страгородского), составил завещание, в котором в частности говорилось : «...Сообразуясь с постановлениями Архиерейского Собрания в Псковско-Печерском монастыре 29-30 августа об обеспечении преемства в управлении Экзархатом пункт второй протокола сего совещания и приложение к оному ПОСТАНОВЛЯЮ в случае моей смерти, а равно в случае тяжелой болезни или иной причины, невозможности управлять Экзархатом, управление таковым передается моему

Заместителю, призываемому к исправлению сей должности, в порядке ниже перечисленных кандидатур и обязанному, как только откроется к тому невозбранная возможность, представить на усмотрение Патриархии доклад о делах и всей жизни Экзархата.

1 кандидат. Даниил епископ Ковенский,

2 кандидат. Иоанн епископ Рижский,

3 кандидат. Павел епископ Нарвский.»¹

В данном случае хорошо видно, что Экзарх Сергей (Воскресенский) понимал, что, несмотря на свой не слишком большой для епископа возраста, он находится перед смертельной опасностью. Интересно отметить, что даже в своем завещании во время оккупации Экзарх как бы обращается к авторитету Московской Патриархии, до конца остается верен ее заветам и ее руководству. Своими преемниками он назначил ближайшее окружение, верных себе людей, не раз проверенных в период борьбы с балтийскими автокефалистами. Будущее епископов Балтии было очень разным, в принципе оно показывает сложную судьбу всего православного духовенства в минувшем веке.

Так, ставший архиепископом Литовским и Виленским Даниил (Юзвюк) с июля 1944 г. находился в лагере Фридрихсвальд, вместе с многими другими духовными лицами. В победном мае 1945 г. его освободили оттуда американские войска. До конца года он проживал на территории Чехословакии, а затем вернулся в СССР и стал архиепископом Пинским и Полесским. Однако его служение на территории Белоруссии в 1950 г. закончилось как только советское руководство вновь раскрутило маховик репрессий против православного священства, особенно того, которое служило на оккупированных территориях. Осужденный на 25 лет заключения владыка вышел из иркутских лагерей по амнистии 1955 г., когда ему было 75 лет. Дальнейшее местом своего пребывания для него стали храмы Одесской области, где он иногда служил на покое до своей смерти в августе 1965 г.

Хранитель чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери Рижский владыка Иоанн (Гарклав) выбрал иной путь: из Чехословакии он эвакуировался сначала в Западную Германию, а потом и в Соединенные Штаты Америки, где вошел в состав тогда еще «Американской митрополии», а затем автокефальной Православной Церкви в Америке, став сначала епископом Детройским и Кливлендским, а затем архиепископом Чикагским и Миннеапольским. Подробное описание жизни и служения владыки Иоанна на фоне происходящих в церковной жизни событий, а также истории пребывания и

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 77 apr.26.

возвращения Тихвинской чудотворной иконы можно найти в не раз цитируемой нами работе латвийского историка А.В. Гаврилина.¹

Третий же кандидат на управление Прибалтийским Экзархатом, эстонский владыка Павел (Дмитровский), продолжил служение в Эстонии и был назначен новым Патриархом Московским и Всея Руси Алексием I (Симанским) архиепископом Эстонским и Таллинским, однако вскоре после окончания войны, 2 февраля 1946 г., на 75 году жизни он отошел в мир иной. Такова судьба епископов-соратников митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), сложная и противоречивая как и вся история Русского Православия в двадцатом веке.

После же освобождения Балтии от нацистов православные приходы оказались в крайне удручающей ситуации. Начать описание нам кажется целесообразным с литовских православных приходов, где в этот период полностью утихли «страсти» по вопросу о «литовско-белорусской автокефалии». Главой православных в Литве стал владыка Корнилий (Попов), долгое время до этого пребывавший в обновленческом расколе и только во время войны принесший за это покаяние. Уже в 1945 г. священноначалию поступают жалобы от духовенства и рядовых верующих в связи с тем, что на местах новые власти очень часто чинят препятствия функционированию православных приходов. Так, протоиерей Иосиф Дзичковский обращал внимание на то, что милиция заставляет причт столичной Знаменской церкви в срочном порядке освободить квартиры в церковном доме с той формулировкой, что раньше они принадлежали выехавшим оттуда представителям польской национальности.²

В следующем рапорте владыке Корнилию (Попову) тот же пастырь отмечает, что здание церковного дома принадлежало Православной Церкви с самого момента строительства храма в честь Иконы Божией Матери «Знамение», то есть с 1904 г.³ Протоиерей Николай Недвецкий просил возвратить своему приходу в Кеданяй два национализированных дома общей площадью 140 квадратных метров.⁴ Однако особенно тяжелая ситуация сложилась в среде православных Клайпеды: куда уже в 1945 г. приехало около 100 новых русских семей, которые требовали организации религиозной жизни. Вскоре было передано специальное прошение, в котором говорилось, что до войны в

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы....

² LCVA. F.R-238. Ap.3. B.2. L.10.

³ Ibid. L.11.

⁴ Ibid. L.34.

городе существовала православная церковь, которая была разрушена и теперь более чем 9000 православных верующих просят передать им здание немецкой лютеранской кирхи.¹

Вскоре протоиерей Иоанн Левицкий отправил рапорт владыке Виленскому и Литовскому архиепископу Корнилию (Попову) о том, что 3 сентября 1945 г. он посетил Клайпеду с тем, чтобы встретиться с местной православной общиной и побеседовать с ее активными членами о нуждах верующих, а также рассмотреть вопрос о возможности организации в городе православного храма, в то время как председатель местного горисполкома Бергас по неизвестным причинам не разрешил организацию этой встречи.² С течением времени количество русских, многие из которых считали себя православными верующими, в Клайпедe только увеличивалось, и согласие на организацию в городе православного прихода от советских властей было получено.³ В то же время реальное открытие православного храма в бывшей лютеранской кирхе состоялось только через несколько лет. Постепенно стали повторяться и те меры по отношению к православному духовенству, которые уже были «опробованы» атеистическими властями на освобожденных от немецких войск территориях России. В частности, православное духовенство Каунаса очень скоро было вынуждено участвовать в заготовке дров и других «мероприятиях» новых властей,⁴ а в не раз упоминаемых нами Векшнях настоятельский дом был занят иными лицами.⁵ Духовное образование православных в Литве тоже вскоре было запрещено. Что же касается волн репрессий против православных пастырей Литвы, то основной их пик приходится на послевоенные годы.

Если начать анализ ситуации в Латвии и особенно Эстонии, то там национальные противоречия не утихали еще долго и после окончания нацистской оккупации. Как мы уже отмечали, Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви и сам митрополит Александр (Паулус) эвакуировались сначала на территорию Германии, а затем их любезно приняла Швеция. Именно там владыка Александр и восстановит Синод в конце 1940-х гг. для управления разбросанными по миру эстонскими православными приходами под омофором Константинопольского Патриархата. Неутомимый владыка был, пожалуй, одним из последних лидеров православных автокефалистов, кто до последнего своего дня

---

¹ LCVA. F.R-238. Ap.3. B.2.. L.47.

² Ibid.L.49.

³ Ibid.L.50.

⁴ Ibid. L.58-59.

⁵ Ibid.53.

продолжал управлять приходами и не подчинился воле Московский Патриархии. Однако оставшихся на территории Эстонии его сторонников, в частности рьяного борца с властью Экзарха Сергия (Воскресенского) Петра Пяхкеля, ждала незавидная судьба: он был арестован советскими карательными органами и через несколько лет умер в заключении. Интересным фактом является тот, что 2 июля 1945 г. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Эстонской ССР Карсаков просил светские власти Печер оказать содействие получению архиерейского облачения, которое, как отмечалось в документе, принадлежало Эстонскому Епархиальному Совету, хранящиеся в квартире протоиерея Пяхкеля, для чего в Печеры были командированы член Епархиального Совета Иоанн Мельтсаар и псаломщик Казанской церкви Вячеслав Якобс.¹

В то же самое время во главе религиозной жизни православных приходов Эстонии с возвращением советских властей прочно встал архиепископ Павел (Дмитровский). 29 ноября он и Нарвский Епархиальный Совет выпустили воззвание «ко всем православным приходам ЭССР с их духовенством и верными чадами Церкви», в котором уже четко и ясно выразили свою верность новой гражданской власти. В противовес пронемецким заявлениям времен нацистской оккупации теперь заявлялось: «...Дружеское сотрудничество православных эстонцев и русских с весны 1941 г., получившее моральную поддержку в единении Православной Церкви ЭССР с Московским Патриархатом, не вязалось с разрушительными целями врага, который стремится не к единению народов, а к разъединению и возбуждению их друг против друга. Им и удалось разрушить братскую семью – единую Православную Церковь в ЭССР, благодаря линии взятой Таллинским Митрополитом Александром, который с приходом немцев начал самоуправно управлять местной Церковью, разорвав сношения с Московским Патриархатом, откуда и получили мы православную веру, и духовенство и поддержкой и заботами которого смогли вырасти и морально развиться в жизнеспособную Церковь.»²

Из этого воззвания очень хорошо видно, что новые церковные власти отныне приписывали идею автокефалии нацистским оккупантам, пытаясь тем самым показать надуманность и привнесенность идеи независимости Эстонской Православной Церкви от Московской Патриархии. В то же время не раз в нем подчеркивается именно желание владыки Александра (Паулуса) оказывать поддержку подобным «немецким планам», в противовес чему всегда находящийся в подчинении Прибалтийского Экзархата епископ Павел (Дмитровский) стал активно защищать канонические правила.

---

¹ ERAF.F.R-1961.N.1.A.5.L.63.

² ERAF.F.R-1961.N.2s.A.2.L.19-19-ар.

Постепенно авторы буквально «демонизируют» личность Таллиннского митрополита, приписывая ему прямое сотрудничество с нацистами, что сделало его «проводником их захватнической политики», пренебрежение мнением церковного народа, разделение своей деятельностью православных верующих на «национальные группы», обман доверия мирян, а также «нежелание отвечать за свои изменнические дела перед народным правосудием» и бегство по этой причине в Германию с отступающими частями Вермахта. Отметим члены Синода и составление «рапорта о самовольных действиях» митрополита Александра (Паулуса) на имя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Алексия (Симанского). В конце составители призывали православных верующих к сотрудничеству и всякому содействию наступающим частям Красной армии. По мнению авторов воззвания, представители Таллиннской епархии были вынуждены оставаться в юрисдикции митрополита Александра вопреки собственному желанию. Очень примечателен факт того, кто именно оставил свою подпись под воззванием: сам архиепископ Павел, протоиерей Х.Винк, члены Синода протоиереи и представители мирян: А.Ангельярс, И.Юмарик, А.Пуншун, Р.Коеметс, К.Пуу, а также секретарь Синода отец Николая Кокла. Исходя из списка данных фамилий, вполне можно сделать вывод о том, что не только и не столько окружение владыки Павла (Дмитровского), но и те, кто являлся активным сторонником митрополита Александра (Паулуса) теперь заявляли о своей лояльности советским властям.

Произошло вскоре и полное воссоединение приходов Эстонии с Московской Патриархией. 5 марта 1945 г. в помещении Нарвского Епархиального Совета в столице Эстонской ССР состоялось совещание уполномоченного Московским Патриархатом временного управляющего Ленинградской епархией владыки Григория (Чукова) с представителями бывшего Синода ЭПЦ, из которого присутствовали председатель Синода протоиерей Христофор Винк, секретарь протоиерей Николай Кокла, псаломщик Константин Пуу и юрисконсульт Андрей Пуншун. Главной целью совещания была ликвидация «эстонской схизмы» по желанию оставшихся на территории Эстонии представителей Синода и с согласия новоизбранного Патриарха Московского Алексия (Симанского).

Естественно достаточно жесткие оценки давались на этом совещании деятельности митрополита Александра (Паулуса) в годы войны, особо отмечалось, что его позиция очень сильно повлияла на нестроения в религиозной жизни Балтии в не без того тяжелый период немецкой оккупации. Отмечалось, тогда, что отныне роспуску подлежит и «так называемый Синод». В докладах бывших «раскольников» отмечалось, что из 119 православных приходов «александровского толка», сейчас получено только 21 заявление

о воссоединение с Российской Церковью, хотя «московского гостя» заверили, что в Патриархию скоро поступят заявления и от остальных приходов.

Было принято решение и о дальнейшей судьбе оставшихся в Эстонии «руководителей раскола»: «Переходя к вопросу о практическом оформлении воссоединения эстонского клира и мирян с Московской Патриархией, - Высокопреосвященный Архиепископ ГРИГОРИЙ указал, что поскольку члены Синода являлись наиболее активными соучастниками бывшего Эстонского Митрополита АЛЕКСАНДРА /Паулус/ в деле ограничения и поддержания схизмы, - их нравственная ответственность перед Московской Патриархией за отторжение клира и мирян Эстонской Епархии от спасительного единения с Матерью-Церковью Российской, а следовательно и за задержку дела спасения верующих Эстонской Епархии, значительно усугубляется по сравнению с клиром и мирянами, не участвовавшими непосредственно в организации схизмы, в силу чего и покаяние Членов Синода должно быть наложено в выражениях, отражающих сознанию ими своей сугубой вины перед Матерью-Церковью Российской».¹

Наконец, обсуждался и национальный аспект нынешнего бытия православных приходов Эстонии в изменяющихся условиях, выразившийся в вопросе о том, как будет формироваться учреждаемый Эстонский Епархиальный Совет, который должен был прийти на смену Синоду ЭАПЦ. Так, если протоиерей Христофор Винк хотел увеличить представительство в новом органе этнических эстонцев, в то время как представитель мирян Пуншун поддержал инициативу архиепископа Григория (Чукова), по которой в состав Епархиального Совета на паритетных началах включались и эстонцы, и русские по два человека от каждой национальности. В то же время важно отметить, что был поднят вопрос о законности хиротоний, совершенных митрополитом Александром во время нацистской оккупации, однако эту проблему, как и проблемы организации управления епархией было решено вынести на решение Патриарха Алексия (Симанского). На следующий день, 6 марта 1945 г., в Никольском храме эстонской столицы протоиереи Иоанн Богоявленский, Георгий Алексеев, Александр Осипов и другие таллинские священники служили вместе с прибывшим из России архиепископом Григорием, а протоиереи Винк, Н.Кокла, Ангерьяс, миряне Пуншун и Пуу принесли чин покаяния в расколе и принесли обещание в дальнейшем быть верными Московской Патриархии.²

Тем самым чисто формально раскол в жизни православных приходов Эстонии был преодолен, хотя большинство проблем решено тогда не было. Безусловно, теперь было понятно, что члены Эстонского Синода вынуждены были отступить от своей позиции, а

---

¹ ERAF.F.R-1961.N.1.A.2.L.5-6.

² Ibid.L.9-10.

глава ЭАПЦ выбрал отныне изгнание вместе с некоторым количеством своих сторонников – священников и небольшой частью мирян. В состав же новообразованного Эстонского Епархиального Совета вошли: протоиерей Иоанн Богоявленский – в качестве его председателя, иерей Александр Осипов как член-секретарь и отец Михаил Ридигер как кандидат в члены-все от русских представителей; от эстонцев же вошли: протоиерей Николай Кокла, отец Иоанн Мельтсаар - как члены Совета и Ангерьяс как кандидат в члены Синода.

Однако в этот период православные приходы Эстонии испытывают серьезный кризис. Заметно это даже в том, что советские чиновники, отвечающие теперь за «православные вопросы» испытывали трудности в работе. Так, уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Эстонской ССР Нефед Карсаков писал председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Георгию Карпову о том, что он не имеет помещения для работы, а обещанное ему помещение на Ратушной площади, горисполкомом выделено не было. Такая же ситуация в июне 1945 г. сложилась и со зданием Эстонского Епархиального Совета на улице Pikk №64, которое заняла проектная контора уполномоченного промкооперации при СНК ЭССР.¹ Исходя из других архивных данных, этот вопрос не был решен на протяжении нескольких лет, что вызывало большое недовольство уполномоченного. На местах новые власти, как и в Литве, достаточно пренебрежительно относились к православному духовенству, очень часто православные священники привлекались к лесозаготовкам и другим видам тяжелого физического труда. Тот же Карсаков отмечал в своем письме заместителю председателя СНК ЭССР О. Сепре, что: «...Необходимо отметить, что работники уездных и волостных исполкомов не имеют никакого уважения к духовному сану и смотрят на них как на простых обывателей».² Достаточно остро встала проблема передачи зданий, принадлежащих религиозным общинам местным властям. В данный вопрос пришлось напрямую «вникать» руководству Эстонии. Уже очень скоро управляющий делами СНК ЭССР Боркман послал уездным исполкомам вот такое распоряжение в декабре 1945 г.: «По поступившим данным в СНК ЭССР известно, что местные исполнительные комитеты оставили многие религиозные общины без необходимых помещений... Помещения, принадлежащие религиозным общинам /не национализированные/ отняты от них. Создалось положение, что у духовенства не имеется необходимых служебных, а также и жилых помещений. Вопрос нужно немедленно разъяснить, все дома принадлежащие

---

¹ ERAF.F.R-1961.N.1.A.2.L.55.

² Ibid. L.125.

приходу и не национализированные нужно вернуть обратно в их пользование, а там, где дома национализированы, нужно духовенству обеспечить необходимые служебные и жилые помещения...».¹

Однако, не взирая на царящий произвол, епархиальные власти Эстонии должны были снова и снова воспевать советскую власть. Так, особо важным событием, которое было выделено владыкой Павлом (Дмитровским) специальным воззванием было пятилетие «добровольного вхождения Эстонии в состав Советского Союза». В этом воззвании в частности говорилось: «21 июля сего 1945 года народы Эстонии отмечают знаменательную годовщину своей государственной и общественной жизни. Пять лет тому назад решением эстонского народа Эстония вошла в семью народов Советского Союза... Установилась у нас советская власть, и открылась давно желанная для православного населения Эстонии возможность воссоединения с духовной Матерью – Церковью Русской. ... Мирно и невозбранно со стороны гражданской власти потекла жизнь Эстонской Православной епархии, но не надолго... С чувством благодарной радости встречена была Армия-Освободительница. Эстония вздохнула свободно. Церковная жизнь потекла по нормальному руслу. Церковный раскол безболезненно был изжит, представители Эстонской епархии в качестве полноправных членов приняли участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви; храмы ремонтируются, священнослужители беспрепятственно исполняют свой пастырский долг; советская власть во всем идет навстречу пожеланиям церкви и верующих.».² »

Красной линией проходит в данном воззвании и линия критики митрополита Александра (Паулуса) и его сторонников. Данный документ прекрасно показывает большую степень зависимости православных приходов Эстонии от вернувшихся в Балтию советских властей, которые теперь требовали со стороны пастырей горячей поддержки своей деятельности, причем как до войны, так и во время, а также после нее. Сами же власти относились к духовенству с недоверием. В апреле 1945 г. Карсаков отправил Карпову секретный отчет о положении дел в местных православных приходах, где давал многим местным пастырям довольно нелестные характеристики. Вот, что он говорил о главном стороннике владыки Александра в Нарве протоиерее Павле Калинкине, не сумевшем или не захотевшим эвакуироваться в Германию вместе с главой ЭАПЦ: «...неоднократно выступал с благодарственными молебнами и антисоветскими проповедями, восхваляя «новые немецкие порядки» и возводя клевету на Советскую власть. Находясь в тесной связи с немецкими ставленником митрополитом Александром,

---

¹ ERAF.F.R-1961.N.1.A.2.L.129.

² ERAF.F.R-1961.N.2s.A.2.L.54-54-app.

проводил активную работу по расколу православной церкви в Эстонии и разрыву ее связей с Московской Патриаршей Церковью.»¹

Отдельно был отмечен факт того, что отец Павел в годы войны был корреспондентом газет «Северное слово» и «Новое время» и писал резко антисоветские статьи по указанию редакторов этих изданий, с которыми был лично знаком. В довершении и без того нелестной характеристики отмечается, что сейчас протоиерей Павел Калинин арестован и привлекается по статье 58-1. Также в этом рапорте дается краткая, также отнюдь не положительная характеристика тех пастырей, которые входили в состав Псковской Православной Миссии и ныне находились под арестом, а именно: Владимиру Ирадионову, Ливерию Воронову и Федору Юдину. Из собственно служивших в Эстонии священнослужителей также упоминался в документе священник Копельской таллинской церкви Леонид Лавров, который тоже обвинялся в содействии митрополиту Александру и резкой пронемецкой антисоветской агитации и дьякон Симеоновской церкви Александр Гадалин. Важно отметить, что в этой, предназначенной сугубо для внутреннего пользования бумаге, давались характеристики и нынешнему руководству Эстонской епархии, в большинстве случаев тоже далекие от объективности. Так, в отношении самого архиепископа Павла (Дмитровского) отмечалось, что он «в ряде случаев шел на компромисс с оккупационными властями» и в 1943 г. подписал указание не служить по приходам своей епархии панихиду по скончавшемуся в Москве Патриарху Сергию (Страгородскому). Насчет всего православного духовенства в целом, отмечалось, что оно в данный момент только лишь занято «покаянием» и желает в изменившейся политической ситуации «выйти сухим из воды».²

В целом первый, послевоенный период в жизни православных приходов Балтии был отмечен абсолютно разными по характеру и результатам явлениями. Во-первых, широко развернулась волна репрессий против тех клириков, которые хоть как-то себя проявили в годы немецкой оккупации, печатали антисоветские статьи или попадали под подозрение в обвинениях в пронацистских проповедях. Отличительной чертой Эстонии была та, что здесь не было большего количества представителей Псковской Православной Миссии, как, например, в Латвии, и советские карательные органы зачастую хотели отыграться на представителях «александровской схизмы». Во-вторых, здесь также как и по всей Балтии и в некоторых районах России имело место открытое пренебрежение советских властей на местах к деятельности Православной Церкви. Руководимые «большевистским рвением» или же давним национальным пренебрежением к «русской

---

¹ ERAF.F.R-1961.N.2s.A.2L.10-11.

² Ibid. L.12-13.

вере» местные власти всячески пытались отобрать у православных верующих храмовые здания и тем более дома причта, использовать православных священников в качестве работников по восстановлению разрушенного народного хозяйства, в первую очередь в тяжелом физическом труде. В-третьих, проявилась и еще одна проблема: если в Латвии и тем более в Литве не было столь жесткого разделения в годы нацистской оккупации на «промосковские» и «антимосковские» приходы, в Эстонии подобное деление было и, несмотря на все заявления и рапорты, советских и церковных властей о разрешении конфликта, он был далек от окончательной развязки.

В то же время и самому владыке Александру (Паулусу) удалось устроиться вместе с частью своей паствы и 22 священнослужителями за рубежами Эстонии. Еще в Германии при нацистах ему удается создать первый православный приход своей юрисдикции в изгнании. После того, как Третий Рейх потерпел поражение во Второй Мировой войне, духовенство, как и миряне Эстонской Апостольской Православной Церкви оказались в разных странах мира, однако центром данной юрисдикции стала Швеция, где проживало большое количество эстонских изгнанников (с 1947 г. владыка Александр (Паулус) окончательно осел в Стокгольме). Постепенно к эмигрантам, в том числе к эстонцам, стало приходить понимание того, что новой войны, которая могла бы освободить Балтию от советских властей, не будет, и надежды многих ярых антикоммунистов на окончательную ссору бывших союзников по антигитлеровской коалиции не сбылись. Вместе с этим они поняли того, что теперь следует как можно быстрее устраивать жизнь на новом месте. Исходя и из этих целей, владыка Александр (Паулус) издает уставные положения, по которым будет функционировать его церковная юрисдикция, состоящая из 12 приходов, 6 из которых находилась на территории Швеции. Тем самым митрополит Александр (Паулус) с клиром и паствой фактически возвращался под юрисдикцию Константинопольского Патриархата в составе Западно- и Среднеевропейского Экзархата как объединение православных эстонцев. Через год в 1948 г. митрополит Александр учреждает Синод ЭАПЦ в изгнании.

Путь данной церковной юрисдикции был достаточно тернистым, как впрочем и всех вынужденно ушедших с немцами на Запад представителей православного духовенства, однако владыке Александру удалось и в столь сложный момент создать достаточно четкую структуру управления, просуществовавшую более десятка лет и пережившую его создателя (мы не будем подробно останавливаться на жизни эстонских православных приходов в изгнании, ибо этот вопрос напрямую не входит в раздел исследуемых нами проблем). По одной из версий, незадолго до своей кончины, последовавшей 18 октября 1953 г., митрополит Александр (Паулус) принял решение

распустить Синод, что написал в своем завещании, что однако не было исполнено его наследниками.¹ Ключевую роль в дальнейшей жизни православных приходов эстонцев-эмигрантов стал играть отец Юри Вяльбе, посвященный вскоре в епископа Равеннского (после его кончины в 1961 г. жизнь православных эстонцев – изгнанников полностью стала проходить в составе Вселенского Патриархата).

К сожалению, нам сложно установить имели ли какое-то влияние на православную жизнь в Эстонии православные эстонцы-эмигранты, хотя нам кажется, что при установившейся в Эстонии советской системе такое влияние было сведено к минимуму. Между тем появлялись все новые и новые проблемы в созданной с освобождением Эстонии от нацистов системе управления православными приходами Эстонии. Так, настоятель Георгиевской православной церкви в городе Тарту охарактеризовывая ситуацию со своим приходом в рапорте митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову), которому подчинялась теперь Эстонская епархия, делился и своими впечатлениями об общей ситуации с православными приходами Эстонии, отмечая, что: «Епархиальный Совет недостаточно активен в укреплении и распространении Православной Веры среди Эстонской епархии, которую он характеризует как «постепенно вымирающую», в то время как лютеранская консистория делает все, чтобы помочь своей Церкви.»² Особенно отмечает пастырь, что в городе совершенно не ведется никакая миссионерская работа, не сохранилось и столь необходимая в столь сложной обстановке духовная литература, в том числе молитвенники, поминальники и что самое страшное со временем иссякли запасы богослужебных книг и на эстонском языке. Также он отметил, как ему кажется, пагубное наследие «реформ» митрополита Александра (Паулуса) в период Эстонской Апостольской Православной Церкви: «...большим злом является все усиливающиеся проникновение в Эстонскую православную церковь лютеранских обычаев и забвение элементарных уставных порядков православной литургии. Сюда следует причислить: употребление в 99% всех эстонских православных церквей в любых частях богослужебных хоралов вместо установленных молитв и песнопений; столь же распространенное наречение младенцев при крещении неправославными именами; крещение православными священниками, по желанию родителей, в лютеранство – без миропомазания ... Венчание в кирхе при наличии рядом православного храма...»³ Как

---

¹ Игорь Прекуп, свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: Trukis Astrukis, 1998. С.32.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13. Д.1. Л.19-20.

³ Там же.

видно из этого рапорта, а впоследствии приводятся еще более веские признаки лютеранского влияния в эстонских православных приходах, проблем у Московской Патриархии во вновь присоединенных приходах было великое множество и, если теперь открытой оппозиции влиянию Москвы не было, заложенные в прежние годы автокефалистами традиции только усиливались, к тому же свою пагубную роль здесь играла и Лютеранская Церковь, свободная от «русского влияния». Выход виделся в частности в том, чтобы в Эстонию был назначен сильный и влиятельный епископ: «Нужна сильная рука епископа, чтобы это олютеранивание приостановить и побороть. Но Совет боится назначения епископа. В Совете говорят : «назначить легко, а как от него потом избавишься»....».¹ Во многом данные тенденции усилились после смерти достаточно влиятельного архиепископа Павла (Дмитровского). Новым владыкой стал, несколько лет управляющий православными приходами Эстонии, епископ Исидор (Богоявленский), бывший ранее известным таллинским священником. Однако и с его приходом к управлению, можно констатировать факт того, что руководство Церкви не было полностью готово привнести в эстонские православные приходы единство, «потушить» национальные противоречия, обостренные в период Второй Мировой войны. Неумолимо и безостановочно шел процесс перехода части верующих православных эстонцев в лютеранскую веру, а православные приходы становились все более «русскими». Невольно в голову приходят аналогии с временем, когда в ЭАПЦ пытались сохранить хотя бы видимость паритета в управлении Церковью между этническими русскими и этническими эстонцами, с постепенным доминированием последних, отныне же все проходило с точностью наоборот. Из этнических эстонцев в состав Епархиального Совета вошли те православные пастыри, которые зарекомендовали себя во время войны как якобы сторонники советской политики, а некоторые из них, в частности священники Иоанн Мельтсаар и Николай Кокла, были впоследствии награждены новыми властями медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».² В 1947 г. в состав Эстонского Епархиального Совета входили двое этнических русских и трое этнических эстонцев, но руководство Московской Патриархии решило состав «уравновесить», хотя вскоре проблема была разрешена сама по себе: член Совета протоиерей Антоний Ангерьяс письменно заявил, что не может более продолжать службу в качестве

---

¹Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13. Д.1Л.20.

².Там же.Л.16.

приходского священника и члена Эстонского Епархиального Совета.¹ В апреле 1947 г. Православную Церковь в Эстонии постигла еще одна невосполнимая утрата: скончался архиепископ Николай (Лейсман), находившийся на покое.² Возникали и некоторые территориальные споры: так, довольно долго тянулась внутрицерковная тяжба по поводу обслуживания Меексикского (Мегузинского) прихода между местным настоятелем иеромонахом Лазарем и священником Тайловского прихода Псковской епархии отцом Эллимом Верхоустиным из-за не до конца определенных границ епархий.³ Вообще в этот период возникло несколько подобных споров, ибо не была четко определена возможность клирика одной епархии служить на территории другой.

Особо следует остановиться и на вопросе продолжения участия эстонского православного духовенства в политических кампаниях советских властей. К примеру, 21 июля православные священники вынуждены были упоминать при богослужении «торжественные» события десятилетней давности, а именно образование Эстонской ССР, в честь чего член Епархиального Совета протоиерей Георгий Алексеев произнес на «праздничном» молебствовании особую речь.⁴ Также необходимо было оглашать с амвона верующим и все международные события, связанные с Русской Православной Церковью, к примеру специальные воззвания, призванные представить в положительном свете церковно-государственные отношения в СССР на международной арене. Важно заметить, что некоторые современные публицисты и даже историки, называющие себя к тому же православными христианами, очень часто трактуют подобные послания и обращения как искреннее отношение православного клира и большего числа паствы, а в особенности епископата Московской Патриархии к советским властям и лично Сталину. На самом же деле православные пастыри прекрасно понимали, что власти, иногда, хоть и «заигрывающие» с Русской Православной Церковью, на самом деле никогда не отходили от атеистических постулатов марксизма и государственного атеизма, а в Православной Церкви нуждались только как в выразителе согласия со своими действиями, в особенности в вопросах внешней политики. Никакого реального восхищения «талантами» деятелей партии никогда не было, а современные печатные труды и фильмы, в которых высказываются кощунственные тезисы о «православной царе Иосифе Сталине»

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13. Д.1 Л.22.

² Там же. Л.76-77.

³ Там же. Л.53-59.

⁴ Там же. Л.46-оборот.

не более чем выдумка современных политиканов и сталинистов, которые отныне прикрываются «православными знаменами».

Иная ситуация складывалась в православных приходах Латвии. Прежде всего, следует отметить эмигрантскую судьбу сторонников автокефалии Латвийской Православной Церкви и, прежде всего, митрополита Августина (Петерсона). Владыка Августин (Петерсон) как и митрополит Александр (Паулус) попытался организовать Православную Церковь в изгнании, в основном обслуживающую эвакуированных из Советского Союза православных верующих, этнических латышей. Однако такой сильной структуры, как более деятельному митрополиту Александру (Паулусу), «вечно болящему» владыке создать не удалось, хотя подобные попытки он предпринимал. В частности, по данным А.В. Гаврилина вокруг митрополита Августина сплотилось всего трое пастырей, которым владыка обещал рукоположение в епископов: отец Георгий Фрейманис, бывший баптистский проповедник (в конце 1945 – начале 1946 гг. он был секретарем владыки после того как был рукоположен в православного священника митрополитом Берлинским и Германским Русской Православной Церкви Зарубежом Серафимом (Ляде), однако вскоре был снят за самоуправство и был назначен на приход в Эслинг), отец Иоанн Бриедис (страдал тяжелым нервным расстройством) и отец Владимир Шкилиньш, который окормлял британскую зону оккупации Германии (у него были проблемы с алкоголем).¹ В то же время митрополит Августин (Петерсон) страдал туберкулезом, астмой, склерозом, хроническим бронхитом, к тому же со временем у него постоянно ослабевало зрение. Тем не менее за границей Советского Союза он продолжил негласное «заочное сопротивление» с владыкой Иоанном (Гарклавом). Владыка Августин развернул достаточно широкую газетную кампанию на страницах латышской эмигрантской прессы, главной целью которой было желание представить владыку Иоанна в качестве русофила и ярого сторонника Московского Патриархата, пренебрегающего интересами этнических латышей. В то же самое время во второй половине 1946 г. бывший глава Латвийской Православной Церкви предпринимает удачную попытку освободиться от наложенного запрещения в священнослужении. Так, с помощью своего личного обращения в Архиерейский Синод РПЦЗ, а также с помощью профессора Старца, которого бывший глава Латвийской Православной Церкви попросил помочь в вопросе о снятии запрещения, он был 30 сентября 1946 г. освобожден Архиерейским Синодом РПЦЗ от запрещения в служении (интересно отметить, что особенно «давил» предстоятель ЛПЦ на то, что он стоит на краю могилы и не хочет уходить в мир иной под запретом). А незадолго до

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 277.

отмены запрещения, 8 августа 1946 г., митрополит Августин (Петерсон) в местечке Фелбах недалеко от Штутгарта собрал своих сторонников: священников Бриедиса, Мурниекса, Лиепиньша, Фрейманиса, мирян Старца, Мурниекса, Квиеситиса и своего сына с целью составления обращения к Экзарху Константинопольского Патриархата в Западной и Восточной Европе митрополиту Фиатирскому Герману (Стренопоулосу) с просьбой восстановления отношений между Вселенским Патриархатом и Латвийской Православной Церковью.¹ Интересно ответить, что уже 14 сентября митрополит Герман (Стренопоулос) написал лично профессору Старцу что Константинопольский Патриарх ответил на прошение латышских клириков положительно, несмотря на абсолютную неканоничность подобных действий. Одновременно с этим владыка Иоанн (Гарклав) решил, несмотря на резкие выпады митрополита Августина, пойти с ним на переговоры для пресечения разделений в среде православных выходцев из Латвии. С бывшим главой Латвийской Православной Церкви встречается протоиерей Леонид Ладинский. Однако теперь, с одной стороны признав пагубность разделения православных приходов Латвии в изгнании, владыка Августин выдвинул абсолютно неприемлимые требования, а именно: правящим архиереем с титулом епископа Рижского он видел только себя, в то время как владыка Иоанн получал бы новый титул, вопрос о принадлежности к какой-либо юрисдикции вообще не затрагивался, в то же время следовало помянуть митрополита Серафима (Ляде), так как ныне латвийские приходы находятся на территории Германии. Безусловным фактом является тот, что на подобные условия ни сам епископ Иоанн (Гарклав), ни большинство пастырей и мирян пойти не могло, тем более что в данной тяжелейшей ситуации изгнания невозможно было созвать суд епископов для разъяснения данных проблем. Также все понимали, что митрополит Августин (Петерсон) стар и болен и выдвигаемые им требования являются просто-напросто капризами и прихотями неавторитетного иерарха. Тем не менее владыка Иоанн (Гарклав) и в этой экстремальной ситуации предпринял попытку наладить отношения с бывшим главой ЛПЦ для чего 20 октября того же 1946 г. отправился в Фелбах и провел с ним переговоры, в ходе которых было принято компромиссное решение об образовании Латвийской Православной Церкви в эмиграции, автономной церковной организации во главе с митрополитом Августином (Петерсоном), а сам владыка Иоанн именовался бы епископом Рижским и управлял ЛПЦ в эмиграции в случае болезни владыки Августина. Однако даже такое соглашение не положило конец распрям между митрополитом Августином (Петерсоном) и большинством православных священников и верующих данной юрисдикции. Уже очень

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 283.

скоро в адрес епископа Рижского поступили обвинения в том, что но якобы вывез с территории Латвии все деньги и церковные драгоценности принадлежащие православным балтийской страны. К тому же своей медлительностью, нежеланием, да и неспособностью владыка Августин затягивал большинство дел, требующих неотложного решения, тем не менее не желая передавать какие-либо функции епископу Иоанну (Гарклаву). Вместе с этим, митрополит Августин (Петерсон) все больше окружал себя сомнительными личностями: так, своего любимца Антония Граматиньша он в июле 1947 г. рукоположил в священники, а в ноябре того же года наградил золотым крестом, в мае следующего 1948 г. уже возвел в протоиереи.¹ Однако Граматиньш не знал православного богослужения и только в мае 1948 г. первый раз провел службу. Несмотря на данную странность, владыка Августин продолжил «повышать по служебной лестнице» своего сторонника: в июне 1950 г. он становится администратором Латвийской Православной Церкви в Великобритании, занимая данную должность до апреля 1953 г., когда митрополит решил все же лишить своего ставленника столь высокого поста. Важно отметить, что все это время владыка Августин (Петерсон) находился в Фельбахе в семье своего сына и не мог принимать особого участия в жизни латвийских православных приходов в изгнании.² Плохое здоровье, вкупе с возрастом и тяжелым характером обуславливали парадоксальное поведение митрополита Августина (Петерсона), не желавшего с одной стороны выпускать из своих рук управление Латвийской Православной Церкви в изгнании (хотя признание его руководства состоялось только по доброй воли епископа Иоанна (Гарклава)), с другой стороны не сумевшего осуществлять управление данной церковной юрисдикцией. Постепенно покинули митрополита и последние его сторонники: отец Владимир Шкилиньш и отец Иоанн Лиепиньш приняли решение о переходе в лоно Русской Православной Церкви Зарубежом, отец Георгий Фрейманис перешел в число сторонников владыки Иоанна (Гарклава), а отец Иоанн Бриедис трагически погиб в автомобильной катастрофе. Постепенно происходило и переселение латвийских православных верующих и окормлявших их пастырей по всему миру. Многие из них переходили в разные юрисдикции, однако основная часть перешла в конце 1940-х-начале 1950-х гг. в состав Американской Митрополии, впоследствии Православной Церкви в Америке или Русской Православной Церкви Зарубежом (подробно этот вопрос рассмотрен в последней

---

¹ Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы... С. 278.

² Гаврилин А.В. Современное положение Православной Церкви в Латвии и Эстонии: проблемы и их истоки. // XI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 2001 г. М.: Изд-во Свято-Тихоновского Богословского института, 2001. С.229.

монографии профессора А.В. Гаврилина),¹ однако этот вопрос находится уже вне хронологических и тематических рамок нашего исследования. Что же касается «проконстантинопольского» автокефалистского движения, то отметим, что оно пошло на угасание после кончины немощного митрополита Августина (Петерсона) в 1955 г. в баварском Гаутинге. Сейчас функционирует только один приход данной юрисдикции, то есть Латвийской Православной Церкви в эмиграции, который окормляет отец Александр Чернейс (находится он в Латвии).² Немаловажно отметить, что в современной независимой Латвии, где «автокефалистские споры» в Православной Церкви не имеют столь высокого накала как в соседней Эстонии, Латвийская Православная Церковь Московского Патриархата отдает должное послевоенному служению владыки Августина за пределами Латвии, в частности отмечая: «Это было время самоотверженного архипастырского служения по окормлению людей, оторванных от Родины, для которых единственной поддержкой в тяжелой жизни было Святое Православие. Архипастырь разделил со своей паствой все тяготы и лишения жизни в эмиграции, оказывая неоценимую духовную поддержку людям, часто жившим на грани отчаяния. Возможность молиться за богослужением на родном языке несло много радости и утешения православным латышам, жившим за пределами Латвии.»³ Очень важным событием в истории современного Православия в Латвии является перезахоронение останков главы Латвийской Православной Церкви митрополита Августина (Петерсона) 10 августа 2011 г. на кладбище в Косе в волости Скуенес Цесисского района, рядом со своими родителями, о чем просил сам митрополит в своем завещании. Символично, что перезахоронение совершил нынешний глава Латвийской Православной Церкви Московского Патриархата митрополит Рижский и всея Латвии Александр (Кудряшов).⁴ Возможно такое событие могло объединить нынешних православных латышей и русских и закончить многолетние споры по поводу автокефалии Православной Церкви в Латвии.

---

¹ Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М. Общество любителей Церковной Истории, 2013.

² Гаврилин А.В. Современное положение Православной Церкви в Латвии и Эстонии...С.229.

³ [Электронный ресурс].Режим доступа:<http://pravoslavie.lv/index.php?newid=3954/> Свободный. Яз. рус.Последнее обращение. 07.06.2013.

⁴ [Электронный ресурс].Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1596315.html>.Свободный. Яз.рус. Последнее обращение 08.06.2013.

Однако в то время как латвийские православные священники и миряне налаживали приходскую жизнь в тяжелый момент изгнания, их собратья в Латвии прекрасно ощутили в этот период особенности «нового религиозного курса» и нового периода советизации. Следует отметить достаточно примечательную статью Майрите Ерцмане об истории Кафедрального Христорождественского собора Риги в период с конца 1944 до 1961 гг., то есть с момента окончания нацистской оккупации латвийской столицы до закрытия собора атеистическими властями.¹ На примере главного православного храма Латвии можно прекрасно проследить и жизнь православных приходов республики в новых, не менее сложных условиях, чем при немецкой оккупации, условиях. Уже с января 1945 г. храм разрешалось использовать только для богослужений, полностью была ограничена любая другая деятельность духовенства. Примечательно, что до августа 1947 г. Латвийская епархия находилась в ведении Литовского владыки Корнилия (Попова), который лишь изредка посещал Латвию. В 1947 г. в Латвию был назначен митрополит Вениамин (Федченков), человек широко известный, хотя и спорный в среде зарубежных православных архиереев. Долгое время служивший за границами Советского Союза, хотя и активно агитировавших за юрисдикционную принадлежность Московской Патриархии и советский патриотизм, владыка Вениамин в начале своей службы на территории Латвии добился некоторых успехов, таких как: издание четырех номеров бюллетеня Рижской епархии под названием «Вести» (хотя атеистические власти всячески сокращали наполняемость данного издания, а потом и вовсе его закрыли), организация скита под видом архиерейской дачи в Дубултах под Ригой, также он пытался организовать двухлетние курсы повышения квалификации православных священников, что однако разрешено властями не было. Во многом именно смелая попытка организации подобных курсов с привлечением таких преподавателей как тот же отец Иоанн Янсон привела к перемещению митрополита Вениамина (Федченкова) на Юг России. Судя по всему, своей независимой позицией митрополит Вениамин с одной стороны снискал необычайную любовь у православных верующих, а с другой атеистические власти были недовольны его «реформами», а также чрезмерной, с их точки зрения, активностью, что и предопределило его перемещение. Однако репрессии и ограничение деятельности Русской Православной Церкви в Латвии проходили скорее по литовскому, а не по эстонскому сценарию, национальные противоречия в той степени как в Эстонии в Латвии не проявлялись, а были связаны с общей политикой ресоветизации балтийских стран после окончания нацистской оккупации региона.

---

¹ Ерцмане М. История прихода Христорождественского собора после 2-ой мировой войны (1944-1961 гг.)// Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 127-160.

Анализируя бытие православных приходов после окончания немецкой оккупации в Балтии, можно прийти к выводу, что они имели много схожих проблем с другими православными приходами Советского Союза: храмы были разрушены или сильно повреждены, часть священнослужителей оказалась в заключении за свое служение во время немецкой оккупации, материальное положение приходов оставляло желать много лучшего, некоторые храмы местные советские власти отбирали под хозяйственные и иные нужды и противостояли передаче их Православной Церкви, обострились национальные противоречия, которые не улеглись и после окончания войны. С другой стороны, важно отметить другое: на присоединенных к СССР балтийских территориях имелось огромное количество православных церквей, которые теперь было очень сложно в одночасье закрыть, а духовенство репрессировать. Местному же православному духовенству, отныне нужно было всячески выказывать лояльность и поддержку советским властям, которые лишь отчасти делали вид, что «забыли» об антирелигиозной сущности своей идеологии.

Глава 3. Идеологический аспект деятельности Псковской Православной Миссии.

§1. Прибытие первых миссионеров из Балтии на Северо-Запад России и начало работы Псковской Миссии. Возвращение местных пастырей к служению. Отношение местного населения к Православию.

В предыдущей главе мы уже рассказывали об особенностях организации Псковской Миссии, формировании первого состава ее участников и отправке их на российскую территорию. Однако церковное возрождение на Северо-Западе России началось еще до прибытия первой группы миссионеров. Первое богослужение после начала оккупации провел протоиерей Сергей Ефимов. Судьба этого пастыря, да к тому же и первого начальника Псковской Православной Миссии очень показательна для того времени. Родившийся в 1878 г. в нижегородской губернии Сергей Иванович Ефимов успел окончить губернскую Духовную Семинарию, а затем и Миссионерские курсы в столице Российской Империи, а с 1913 по 1917 гг. он был епархиальным миссионером Псковской епархии. В дальнейшем он смог попасть на территорию ставшей независимой Латвии, где долгое время служил на разных приходах, а по некоторым сведениям с установлением в стране советского режима устраивал вместе со своими прихожанами поиск инвентаря для освящения церквей Псковщины.¹ С нападением немцев на Советский Союз, он уже 23 июня был арестован НКВД и перевезен в тюрьму города Острова, где от неминуемой гибели его спасла только немецкая оккупация. Первое богослужение, освобожденный немцами пастырь провел 14 августа в погосте Елины, недалеко от Острова: «Неожиданно, под грохот взрывающихся снарядов и бомб, распахнулись тяжелые двери тюрьмы и я, вместе с другими узниками Островской тюрьмы, получив свободу, сквозь огонь горевшего города был выведен храбрыми германскими солдатами на безопасное место и смог поведать сидевшим доселе во тьме большевизма о милосердии к ним нашего Спасителя...Нужно быть очевидцем совершившегося события, чтобы понять всю важность его. Достаточно сказать, что ни одного богомольца нельзя было заметить, у которого не блестели бы на глазах слезы. То были слезы радости, слезы счастья о возвращении русскому сердцу драгоценного сокровища, наследия предков - свободной веры православной»² Интересная деталь, которую, как нам кажется, надо сразу же отметить – в опубликованном в начале 1943 г. очерке мы видим довольно

---

¹ Голиков А., свящ., Фомин С.Указ. соч. С. 87.

² ГАПО Ф.1633. Оп. 1Д.19. Л.18.

бросающийся в глаза нюанс – яркое противопоставление жизни отца Сергия как духовного лица в советское время, то есть пребывание в заключении, и освобождение священника после занятия Острова немцами. На примере этого и многих других подобных «противопоставлений» можно много спекулировать, выводя из этого заключение о полном подчинении миссионеров идеологической и пропагандистской линии оккупантов, но ведь уже здесь мы видим, что протоиерей описывает действительно имевшее место событие, случай из своей жизни, а не выдуманный панегирик, видим существенное различие в политике двух режимов по отношению к пастырям. Говорить же о каком-то изначально заданном, пронацистском векторе при характеристике события говорить не приходится.

17 августа именно протоиерей Сергей Ефимов назначается митрополитом Сергием (Воскресенским) первым начальником Псковской Православной Миссии. В этот же день пастырь проводит первое богослужение и в оккупированном Пскове в Кафедральном Свято-Троицком соборе. Во время крестного хода пелись среди лета пасхальные песнопения, что особо отмечает важность происходящего события для народа. 19 августа, после прибытия группы миссионеров из Латвии, было совершено торжественное богослужение в праздник Преображения Господня при участии всех священников. Постепенно проходил процесс распределения духовенства по районам, входящим в окормление Псковской Духовной Миссии. Для нашей темы представляется очень важным рассмотрение процесса отношения местного населения к своим новым пастырям, так как именно исходя из этого впоследствии можно будет судить о его реакции на статьи, проповеди и высказывания священства по многим политическим, церковно-политическим и в целом «идеологическим» вопросам. Для понимания столь сложной проблемы обратимся к материалам самих пастырей. В своем рапорте, датированном 2 сентября 1941 г. своему священноначалию в Ригу отец Алексей Ионов отмечает, что в формирующемся приходе при храме Жен Мироносиц в городе Острове, где он служит с 27 августа, его радушно приняли, временно поселили в доме ветерана советско-финской войны Егорова при возможности скорого наделения собственной жилплощадью со стороны образованных местных городских властей. Сразу же появились и активные в организационном плане миряне, была сформирована хозяйственная комиссия для восстановления Троицкого собора города, так как при 6-тысячном населении та маленькая кладбищенская церковь в которой служит отец Алексей может вместить в себя только 150 человек. Богослужения совершаются часто: по средам, пятницам, субботам и в праздничные дни. Всего за один воскресный день было крещено 90 детей в возрасте от одного месяца до семи лет (!). Важно, что постепенно Ионов находит и людей ранее так

или иначе имевших отношение к священническому сану: так, находящийся в городе престарелый протоиерей Александр Беляев передает приходу антимины, а земским начальником становится супруг дочери убитого протоиерея Рудин.¹ Среди главных проблем (к сожалению, она до самого окончания немецкой оккупации региона не будет разрешена) упоминается невозможность устроить богослужения в лагерях для военнопленных.

Однако не стоит рассматривать процесс только лишь в идиллических тонах. Все-таки 24-летие большевистского владычества не могло пройти даром для местного населения. Часть его вначале воспринимала религиозные чувства и приверженность к ним как своего рода «иммунитет» от возможных репрессий новых властей, доказательство своего внутреннего противодействия советским властям. Так, изъявивший желание участвовать в работе Миссии молодой священник из Латвии Георгий Тайлов вспоминал как жители образцового колхоза «Новый путь», расположенного в селе Васильевское выкрали из храма погоста города Печаны иконы, которые они вернули только после беседы с прибывшим отцом Георгием.² Довольно объективной кажется характеристика, данная впоследствии бывшим миссионером архимандритом Кириллом (Начисом): «В церковном плане как все было? Храмы и церковный народ... Народ жаждал молиться, жаждал покаяния. И стали молиться.... Верующих, церковных людей не так много оставалось, молодежи тоже не много было – шла война. Но было много человеческой боли, и нужно было ее преодолеть. И храмы были переполнены народом: слезы, молитвы, плач. Так проходили службы. За богослужениями в храме молились истово....».³

Не менее важным процессом являлось не только отправка священников с территории Балтии, но и «легализация» местного духовенства, представители которого долгое время не имели возможности служить, были арестованы, находились в заключении или перешли на гражданскую службу. Процесс этот был длительным, но динамичным, так как огромная часть таких людей не могла найти себе иных средств к существованию в столь сложной обстановке, да и истосковалась по церковной службе. Тот же отец Георгий Тайлов приводит прекрасный пример того, как монахини закрытого большевиками

---

¹ LVVA. F.7469. a.2. 192 apr.27.

² Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941-1944 гг. // Православная жизнь (Приложение к «Православной Руси»). 2001. № 1.С.6-7.

³ Кирилл (Начис), архим. Сохраним лучшее наших отцов. . С.30.

Козьегорского монастыря Петербургской епархии прятались в бане сестер одной из монахинь и пришли к открывающемуся храму сразу после начала его возрождения.¹

Постепенно все новые и новые назначаемые из Балтии священнослужители проводили процесс своего рода «разведки» в среде местного населения, выявляя тех лиц, которые когда-либо принадлежали к священническому сану, но по вполне понятным причинам сложного времени гонений не служили на приходах. Одним из показательных примеров судьбы не имевшего возможности служить в советское время священника является биография отца Александра Чернавского. Родившийся в 1887 г. в селе План Саратовской губернии пастырь, окончивший сначала Вольское Духовное училище, а потом и Кузнецкое городское училище в Саратовской губернии, он успел два года поработать в качестве учителя планской мужской школы, после чего до ноября 1911 г. находился на военной службе. Год свадьбы Александра Михайловича Чернавского совпал с началом его служения в качестве псаломщика в родном для него (там служил его отец) Михайло-Архангельском храме села План. Однако служение отца Александра прерывает начавшаяся Первая Мировая война, на фронтах которой он находится с 1914 по 1918 гг. После демобилизации он вернулся к прежнему месту служения псаломщиком на своей малой родине, хотя через два года его перемещают в село Сосновка. Местный епископ Иов перемещает в 1921 г. Александра в село Старое Чирково, рукополагая при этом в сан диакона. В последующие годы диакон Чернавский меняет несколько мест своего служения в своей епархии, пока епископ Симеон в 1929 г. не назначает его священником в родное село План. По неизвестным нам обстоятельствам, возможно в следствии закрытия родного храма, в том же году он переходит на гражданскую службу в кузнецкий совхоз «Трудовой Путь». В 1942 г. не служивший столько лет пастырь определяется руководителем Псковской Православной Миссии отцом Кириллом Зайцем священником на Талабские острова (остров Таллабик «Псковское озеро»). Однако и здесь отцу Александру не удалось спокойно продолжить свое пастырское служение: в октябре 1943 г. он арестовывается немецким командованием и перемещается на латвийскую территорию, где служит псаломщиком в деревнях Зальва и Лаудон (возможно из-за «политических проблем» епископ Иоанн (Гарклав) лишает его права служения священником). Впоследствии отец Александр продолжил свое служение на Псковской земле и после нацистской оккупации региона.²

---

¹ Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе....С.7

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13в. Д. 105 (51). С.1-3.

Другой классический пример бытия священнослужителя Северо-Запада России в предвоенный период может явить собой биография отца Никандра Михайловича Горностаева. Этот священнослужитель был диаконом, а затем священником в храме в Опоках (закрытом в 1941 г.). После этого пастырю пришлось устроиться уборщиком на городском базаре. С момента организации Псковской Миссии ему удается вернуться к служению в городе Красный Великолукского района, а потом в Кресто-Воздвиженской церкви, находящейся в Велье Пушкиногорского района.¹ Схожую ношу нес и новгородский священник Федор Михайлович Березняковский. Будущий пастырь родился в 1868 г. в селе Дмитриевское Тутаевского уезда Ярославской губернии в семье священника. В 1891 г. Федор окончил Ярославскую Духовную Семинарию и через три года был рукоположен в диаконы Ростовским Епископом Никоном. Успевший послужить учителем церковно-приходской школы Березняковский с 1894 до 1930 гг. является священником в селе Княжний Городок. В злополучный для него 1930 г. он арестовывается, а после освобождения в 1933 г. высылается из Ярославской области и поселяется в Новгороде. Теперь уже стареющий священнослужитель вынужден стать сторожем, посещая в воскресные и праздничные дни храмы и помогая местным священникам при требоисправлении. Только с организацией Псковской Миссии благочинным протоиереем Василием Николаевским он вернулся к священническому служению в селе Георгий под Новгородом, а потом в село Васильевское тех же мест.² Интересна и формулировка отца Федора составленная им в своем послужном списке после войны, в которой он объясняет свое служение на оккупированной территории: «когда были открыты церкви», не говоря с одной стороны об оккупации, но и не сгущая краски по поводу «пропагандисткой» акции немцев по отношению к православным верующим.³

Не менее интересна и судьба игумена Валентина (Лелянова). Родившийся в 1878 г. в Вязьме и окончивший местное 6-классное училище, уже в 1896 г. он пришел на Коневецкий Рождественский монастырь. В 1908 г. Лелянов принимает монашество с именем Валентин. Через несколько лет его в Выборге рукополагают во иеродиаконья (рукоположением проводит архиепископ Сергей (Страгородский)). В 1912 г. в монастыре его рукополагают во иеромонаха, а вскоре его направляют на Коневское подворье на Загородном проспекте столицы Российской Империи. В 1915 г. Валентин возвращается на Коневец, из которого он выедет на подворье в августе революционного 1917 г. 28 октября

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д. 76 (21). С.2.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 112(8). С.2

³ Там же. С.4.

новые власти подворье закрывают и монах начинает служить в Знаменской церкви у Московского вокзала. В 1933 г. его арестовывают и на 5 лет высылают во Владивосток, откуда он возвращается через полтора года, так как был амнистирован по инвалидности. Поселившись в Новгороде монах Валентин назначается отцом Василием Николаевским в село Вязницы на Новгородчине, где служит на протяжении практически двух лет до эвакуации в Латвию.¹

Также не безынтересным нам кажется обратиться к биографиям священнослужителей, которые вернулись во время войны к служению, активно при этом сотрудничая с советскими партизанами. Показательным примером в этой связи может служить биография отца Федора Пузанова. Будущий пастырь родился в июне 1888 г. в селе Алферовка Енотаевской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии в семье псаломщика. В 1895 г. Федор заканчивает Земскую школу в селе Каменка Уфимской губернии. После этого Пузанов вел крестьянскую жизнь, во время Первой Мировой войны воевал на полях сражений, за что получил Георгиевские Кресты 2-ой, 3-ей, 4-ой степени и Медаль 4-ой степени. В 1918-1920-х гг. он служит псаломщиком в селе Каменка, где ранее окончил школу, а затем исполняет те же обязанности в селе Новоспасском. В 1923 г. он посвящается во диакона Бугурусланским епископом Самарской епархии Алексием (специального духовного образования отец Федор не имел), а в 1926 г. он назначается епископом Иоанном Петропавловским священником к церкви станицы Становая Петропавловской области. В 1928 г. Федор Пузанов арестовывается органами НКВД по 111 статье и осуждается на три года заключения и высылке, откуда он смог уехать в Новгородскую область в 1932 г. На протяжении девяти лет до момента образования Псковской Православной Миссии он был простым рабочим. Скорее всего, еще до официального вхождения в состав Миссии он священствует в храме в Чудове. 9 марта 1942 г. он был назначен Псковской Миссией настоятелем храма в Хохловых горках.²

Еще один сотрудничавший с партизанами священник Илья Фомич Богданов родился в крестьянской семье в июле 1882 г. в деревне Кубасово Новосельского уезда Псковской губернии. Закончив сельскую школу, он долгое время исполнял обязанности пономаря, а затем и псаломщика при местной Николаевской церкви. После долгого перерыва он смог вернуться к исполнению данного служения только в период оккупации, а затем был посвящен по распоряжению Экзарха митрополита Виленского и Литовского

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 118(14). С.2-5.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 192(188). С.1-4.

Сергия (Воскресенского) епископом Ковенским Даниилом (Юзвьюком) в Риге 14 февраля 1942 г. во диаконы, а через 7 дней в священники и был определен Миссией сначала к Мелетовской Свято-Троицкой церкви, затем, по ходатайству земляков, к Николаевской церкви в Кубасове и к Дмитриевской церкви в селе Молоди. С разрешения Особого отдела партизанской разведки в конце декабря все того же 1943 г. он становится настоятелем Христорождественской церкви в селе Белая под Гдовом.¹

Также важным нам представляется описание биографий тех представителей духовенства, которые обвиняются некоторыми современными авторами в активном сотрудничестве с оккупационными карательными органами (о чем отдельно скажем впоследствии). Одним из них является отец Василий Николаевич Апраксин. Родился он в декабре 1891 г. в селе Симкино в Симбирской губернии, как и многие священнослужители Псковской Православной Миссии, в семье псаломщика. Впоследствии Василий Николаевич заканчивает четыре курса Симбирской Духовной Семинарии и Пастырские курсы, руководимые ректором этой семинарии. Свое обучение Апраксин совмещал со службой псаломщика в различных селах и городах родных мест. В 1920 г. местный архиепископ Александр рукополагает его в сан священника и назначает на приход в село Тазино. Дальнейшее его служение вознаграждается священноначалием в 1921 г. – набедренником, в 1922 г. - скуфьей, а в 1923 г. - камилавкой. В 1929 г. Алатырским епископом Серафимом его перемещают в село Поводимое в Дубенском районе Мордовской АССР. В 1930 г. отец Василий арестовывается по статье 59-2 и попадает на пять лет в заключение. На службу же в Псковскую Православную Миссию он попадает напрямик из немецкого лагеря в Гатчине. Именно в этот период Василий Апраксин начинает свое служение в местном соборе и других храмах окрестностей.² Другой обвиненный советскими властями в сотрудничестве с оккупантами отец Федор Забелин имел очень долгий пастырский путь священнослужения. Федор Федорович родился 16 января 1868 г. в Новгороде в семье священника. Впоследствии он закончил курс Новгородской Духовной Семинарии и в 1904 г. Гдовским владыкой Кириллом был рукоположен в священнический сан. Долгий священнический путь отца Федора был наполнен разными назначениями на приходы, продолжал он свое служение и во время Первой Мировой войны и после нее. В 1930-е гг. последними его назначениями были Екатерининский собор в Детском селе, в котором он являлся сначала вторым

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д. 113 (6). С.1-4.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д.2 . С.1-15.

священником, а затем и настоятельствовал. Позже Забелин являлся благочинным первого Детскосельского округа. В 1938 г. его перемещают в Знаменскую церковь, откуда он насильно был немцами эвакуирован в город Гатчину, где впоследствии продолжил свое служение.¹ Интересен и жизненный путь протоиерея Михаила Степановича Образцова, тоже находившегося в довоенный период в заключении. Этот пастырь был родом из Тверской губернии, где в 1891 г. закончил в селе Емельянове начальную сельскую школу, а через год столичное городское училище. В 1896 г. Михаил заканчивает четырехклассное Андреевское Училище и готовится к поступлению в Петроградский Учительский институт, который заканчивает в 1901 г. Вскоре он преподает в Гвозденской церковно-приходской школе. Впоследствии Образцов оканчивает курс Духовной Семинарии и в 1911 г. становится священником Кунестской Петропавловской церкви Гдовского уезда. За время своего служения он награждался : в 1912 г. – набедренником, в 1915 г. – скуфьей, в 1920 г. - камилавкой, в 1925 г. - наперсным крестом, а в 1930 г. возводится в сан протоиерея. Служение в своем храме отец Михаил прерывает в 1934 г., скорее всего в связи с заключением или по закрытию храма. В 1937 г. он становится учителем в школе для взрослых при Октябрьской железной дороге в Новгороде, перейдя через год в детскую семилетнюю школу, где сразу становится завучем, а в 1939 г. - директором. К делу преподавания Михаил Образцов подходит очень обстоятельно, заканчивая в это время заочное отделение Института Усовершенствования учителей в Ленинграде. В 1941 г. отец Михаил возвращается к служению, став настоятелем сначала Лазаревской Церкви села Ям Новгородской области, а потом Успенской церкви в Городце под Лугой.²

Еще одним примером судьбы представителя духовенства претерпевающего гонения и репрессии в богоборческие времена и вернувшегося к своему служению с образованием Псковской Православной Миссии может служить биография отца Петра Жаркова. Отличительной чертой его жизненного пути является невозможность окончить духовное образование: в 1911 г. он закончил Рязанскую Духовную семинарию, до 1917 г. успел прослушать курс в Казанской Духовной Академии, второй курс в Ленинградском Богословском институте, третий- на Высших Богословских курсах в Ленинграде в 1928-1929 гг. С 1929 г. отец Петр находится на протяжении 5 лет в административной высылке по печально известной 58 статье, после чего работал на станции на Новгородчине.

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д. 103 . С.1-3.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д. 217 . С.4-19.

Возвращается к священнослужению он только в 1941 г., когда начинает служить в Псковской Православной Миссии.¹

Некоторые пастыри лишались возможности служить в приходах, которым посвящали десятилетия благотворной работы на ниве Божией. К примеру, диакон Николай Николаевич Десятинский, служивший в Новгородской губернии псаломщиком с 1894 по 1917 гг., а затем диаконом в подберезковом Григория-Богословском храме лишился работы в 1938 г. по закрытии родной церкви, после чего был вынужден заниматься тяжелым физическим трудом. Только образование Псковской Православной Миссии дало Десятинскому возможность вернуться к диаконским обязанностям в погосте Сиротино на Псковщине.² Также показательна и судьба псаломщика Иоанна Степановича Копылова, родившегося в 1882 г. в диаконской семье на Талабских островах. В 1901 г. он заканчивает четыре класса Псковской Духовной Семинарии и становится псаломщиком Покровской церкви села Духново Новоржевского уезда Тверской губернии, где прослужил до 1908 г. Возвращается Копылов к обязанностям псаломщика в 1911 г., но уже Казанской церкви погоста Кириллово в Островском уезде, где он служил чуть больше полугода. После этого следует перерыв в тридцать лет, на протяжении которого Иоанн Степанович работает на иных работах и только образование Псковской Православной Миссии дает ему возможность вернуться в состав священнослужителей, в результате чего с сентября 1942 г. по август 1943 г. он служит псаломщиком в Никольской церкви погоста Сунгуры Дновского района. В 1943 г. Иоанн Копылов рукополагается епископом Рижским Иоанном (Гарклавом) 4 августа во диаконы, а через два дня – во иереи. На протяжении почти годичного периода отец Иоанн является настоятелем Дворецкой Спасо-Преображенской церкви, продолжив служение после оккупации.³

Естественно перед новыми назначениями и рукоположениями благочинными и руководством Псковской Православной Миссии проводились соответствующие беседы, ознакомление с пастырским путем того или иного человека, проверялись данные о его обучении в духовных и иных учебных заведениях, проводились необходимые экзамены (широко известный случай, а котором мы впоследствии обязательно скажем с самосвятом Иоанном Амозовым является одним из редких исключений из этого правила). Большинство священнослужителей сразу входили в Псковскую Миссию, отдавая все свои

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д.98.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 133(29). С.2-3.

³ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 157(53). С.1-4.

силы на служение Господу Богу и окормлению местного населения, которое они знали, живя и даже работая с ним на гражданском поприще в довоенные годы, не понаслышке. К.П. Обозный выделяет особую роль в рукоположения новых священников для Псковской Православной Миссии епископа Рижского Иоанна (Гарклава), который осуществлял рукоположения в столице Латвии не только для местного служения, но и для Северо-Запада России.¹ Безусловно, освещение жизненных путей священников Миссии, которые были рукоположены или вернулись к своему служению, благодаря возникновению Псковской Православной Миссии, можно продолжать еще очень долго, но мы попытаемся выделить некие общие черты в этом сложном процессе.

Во-первых, абсолютное большинство таких священников до приезда первой группы миссионеров из Риги не служили в храмах, хотя были отдельные случаи начала служения еще до середины августа 1941 г., например в личном деле диакона Николая Спиридоновича Спиридонова, отмечается, что он начал служение в церкви одного из дновских погостов еще с 14 августа 1941 г.² Условно таких миссионеров можно поделить на несколько групп. Первая состоит из тех, кто являлся уроженцами Северо-Запада России и перестал служить в своих храмах по их закрытию, перейдя на гражданские специальности, иногда даже полностью “инкорпорировавшись” в советскую действительность. Ко второй отнесем священнослужителей, которые остались лишены своих храмов, часто пройдя через горнило арестов и ссылок, работали на неквалифицированных работах, занимались тяжелой физической работой или оставались в силу преклонного возраста или невозможности найти другую работу на иждивении родственников или бывших прихожан. Третья группа состоит, и она довольно многочисленная, из клириков, которые были осуждены в связи со своим саном по довольно стандартному набору статей уголовного кодекса в других регионах СССР и потом были высланы из своего региона на Северо-Запад, где снова вернулись к служению после образования Псковской Миссии. Четвертая группа состоит из тех, кто в той или иной степени имел отношение к Православной Церкви в дореволюционные или ранние годы большевистской власти и решил выбрать священнический путь после большого перерыва благодаря деятельности Миссии. Наконец, следует отметить, что в связи с новыми рукоположениями или возвращением части духовенства к служению за годы работы Миссии приезжали и священники из Латвии, к примеру Николай Жунда, Виктор

---

¹ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. .... С. 126-127.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д. 137 (67). С.2.

Першин, Роман Берзиньш, Александр Дрявинцев и др., из Эстонии: Александр Захаров, Михаил Рауд, Николай Недремский и др., из Литвы прибыл отец Николай Миронович.

В связи с этим еще раз хочется подчеркнуть, те цели и задачи, которые ставили перед собой миссионеры, приехавшие из Балтии для окормления населения оккупированных районов Северо-Запада России. Нам кажется, что очень уж упрощенным довольно распространённое в советской и некоторой части российской историографии мнение, по которому Псковская Православная Миссия, названная в силу исторических обстоятельств «Православной Миссией в освобожденных областях России» является проектом немецких органов СД для замирения местного населения, а тем более как нацистский проект создания проповедников нового типа, объединяющих идеологию национал-социализма с Христианством. Ведь исходя из таких позиций, можно вывести мнение о том, что все представители духовенства ждали оккупации и были готовы пойти в услужение немцам для исполнения своих корыстных целей или из мести советской власти. Иногда создается впечатление, что любой клирик, который находился в заключении по политическим или другим статьям был потенциальным нацистом и врагом русского народа. К примеру, отец Георгий Сперанский был осужден на два срока: с 1927 по 1931 гг. в связи со сбором добровольных пожертвований на ремонт своего храма, а с 1938 г. по неуплате налога.¹ Нам представляется, в основе осуждения того или иного пастыря была его принадлежность к священническому сану, а никакая-то мифическая созданная следователями «антисоветская деятельность». Также нам кажется, что если бы Псковская Православная Миссия не была образована священноначалием Балтии и лично митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским), то процесс религиозного возрождения на оккупированной территории Северо-Запада России носил бы не столь массовый и более хаотичный характер, как он носил в других занятых немцами и их союзниками районах России, не оставил бы в дальнейшем таких больших всходов для верующего православного населения, в том числе и воцерковленного во время войны и таких огромных проблем для временно приостановивших, но никогда не забывавших о своем паровом катке безбожия большевистских властях.

§2. Отношение членов Псковской Православной Миссии к большевизму и советским репрессиям. Оценка священниками досоветской истории России. Взгляды священников на будущее России.

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 197(93). С.2-3.

Поднимая крайне важный вопрос о выработанной Псковской Православной Миссией идеологии необходимо сказать несколько слов о том каким образом и как ее можно «обнаружить» в потоке нацистской пропаганды, направленной на укрепление оккупационной власти в России. На всей занятой немецкими войсками территории активно издавались периодические издания в той или иной степени выполняющие задачу популяризации и проведения в жизнь их политики. Долгое время в историографии принято было огульно считать такие издания исключительно пронацистскими, направленными на полное замирение местного населения и абсолютное его подчинение. Однако при анализе некоторых материалов данной периодики это мнение не всегда и не везде подтверждается. Зачастую некоторые работники данных печатных изданий, помимо необходимых и зачастую даже для них самих неприятных материалов, пытались поднимать такие важные для местного населения вопросы как взгляды на отечественную историю, особенно на ее большевистский период, образование и культуру в дореволюционной России и после событий 1917 г., аграрную политику в истории нашей страны и, конечно, Православную Церковь, ее святыни и ценности для русского человека. Нельзя сказать, что это были откровенно антинацистские темы, но все они никак не вписывались в распространенное в руководстве Третьего Рейха мнение о славянах и их культуре. Подобные периодические издания были в большинстве своем регионального охвата и освещали происходящие на той или иной оккупированной территории события. Отдельные издания были тематическими и адресовывались той или иной группе местного населения, к примеру журнал «Вольный пахарь» был ориентирован на крестьянскую читательскую аудиторию. Для нас более всего интересны те русскоязычные издания, которые в большей мере рассказывали о происходящем с Псковской Православной Миссией, в которых публиковались очерки и статьи о процессе религиозного возрождения на Северо-Западе России, материалы самих священнослужителей, их оценка происходящего во время войны и до ее начала. К таким следует прежде всего отнести газету «За Родину», которая издавалась в городе Пскове, а впоследствии в Риге, одноименное издание, которое стало выходить практически сразу после начала оккупации в городе Дно, газету «Псковский вестник», ориентированную на Северо-Запад газету «Правда», «Гдовский вестник» из Гдова, «Лужский вестник», издававшийся соответственно в Луге, выходившее в Латвии русскоязычное издание «Двинский вестник», таллинскую («ревельскую») газету «Северное слово», широко распространенный на всей оккупированной территории России журнал «Новый путь», издаваемые для русских добровольческих частей издания «Заря» и «Доброволец», а также известное берлинское издание «Новое слово».

Большинство печатных изданий, выходявших в оккупации были политическими и ставили перед собой прежде всего идеологические задачи. Интерес представляет и то, какие задачи ставили перед собой сами работники подобных изданий. В апрельском номере псковской газеты «Правда» за 1942 г. о значении оккупационной прессы говорилось в ключе ее противопоставления с советской печатью так: «Большевикам не удалось задуть свободное русское слово, и оно, как подснежник вырвалось наружу при первом блеске весны политического и национального освобождения. Русское население освобожденных областей, которое большевики насильственно пичкали своей тошнотворной и отравленной ядом коммунистической пропаганды периодической печатью, возродились к новой жизни, с огромной жадой набрасываются на новые, настоящие русские газеты, чтобы узнать из них действительную правду о том, что происходит на свете и - что важнее всего - на противобольшевицком фронте. ....».¹

Безусловно, во всем этом слышатся ноты поддержки национал-социализма и действий оккупационных властей, однако из многих статей, издававшихся на занятых территориях зачастую надо вычленять панегирики «Великогерманскому Рейху и его Вождю Адольфу Гитлеру», чтобы попытаться понять, что стоит за тем или иным тезисом: слепое следование вдоль течения изменившейся ситуации или реальная боль за свою отчизну, так как в редакциях этих изданий работали очень разные люди: от бывших активных членов партии, вдруг изменивших свое отношение к советскому строю с абсолютно положительного до крайне отрицательного, до настоящих антикоммунистов и патриотов России, веривших и надеющихся на ее скорое возрождение. В этой связи нельзя не упомянуть воспоминания сотрудницы псковско-рижской газеты «За Родину» Веры Александровны Пирожковой, в которых рассматривается весь процесс оккупации «изнутри», с точки зрения интеллигенции.² Видимо понимали журналисты периодики и то, что постепенно на занятых районах появятся те силы, которые будут противостоять не только, а в некоторых случаях не столько нацистской политике, но и работникам местной администрации, в том числе и тем, кто работал в печати. Вот как об этом говорилось в одном из номеров «За Родину»: «Большевики, пользуясь грубой ложью, пришли к власти. В период своей власти они прибегали к самой низкой и циничной лжи. Только большевики способны были при наличии сплошного голода, нищеты, самого дикого террора петь: Я другой такой страны не знаю .. Уходя большевики, оставляют своего

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.656. Л.11.

² Пирожкова В.А. Мои три жизни. СПб.: Издательство «Журнал «Нева»», 2002.

верного помощника - грубую, а порою дикую ложь. Оставшиеся в тылу большевистские агенты и теперь сеют в народе большевистскую грязную и грубую ложь.»¹

Довольно примечателен и механизм распространения прессы по оккупированной территории Северо-Запада России в годы войны. В основные районы газеты доставлялись сразу же в день выхода за исключением части деревень, куда они доходили через местных почтальонов на следующий день. Конечно, все это было рассчитано из такой логики чтобы в каждом населенном пункте, даже самом маленьком селе была хотя бы пара номеров. Районы разбивались на центры распространения газет над которыми стояла центральная экспедиция, которая доставляла номера изданий специальному лицу – уполномоченному по району. Тот, в свою очередь, получая за это финансовое вознаграждение, обязывался через местных почтальонов распространить ее по всем близ лежащим пунктам своего района. На издания действовали подписки, в крупных населенных пунктах они продавались в киосках, к тому же еще вывешивались на специальных стендах – досках объявлений.

Конечно, главенствующее место следует уделить главному печатному органу Псковской Православной Миссии – журналу «Православный Христианин». Безусловно, появление такого издания было еще одной из заслуг клириков Псковской Православной Миссии. Характерен довольно ранний период появления этого издания – первый номер вышел в годовщину «освобождения от большевиков». Да, с одной стороны, некоторые издания такие как «Правда» или «Псковский вестник» или «первопроходец» - дновская газета «За Родину» появились еще раньше, практически сразу после оккупации, но, с другой стороны, «Православный Христианин» стал выходить практически в одно время с главной газетой оккупированной территории Северо-Запада России - псковско-рижской газетой «За Родину». За весь оккупационный период вышло 22 номера «Православного Христианина», причем иногда один номер был сдвоенным или даже строенным (чаще всего данная ситуация была обусловлена меняющейся военной обстановкой и проблемами с финансированием издания). Редакция, печатавшая журнал, находилась в Риге, но некоторые исследователи отмечают, что сбор, подготовка и написание материала осуществлялись миссионерами в Пскове.² Распространялось издание в основном на канонической территории Псковской Миссии, причем пользовалось очень большим спросом среди местного населения, несмотря на довольно скромные тиражи.³

---

¹ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.651. Л.11.

² Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. ....С.270.

³Там же. С. 270-271.

Современный исследователь Б.Н. Ковалев, очень критически оценивающий деятельность Миссии, высказывает точку зрения, что в журнале из-за обязательной цензуры немецких пропагандистских служб было не столь много чисто церковных материалов: «Все номера этого журнала предварительно проходили цензуру со стороны немецких пропагандистских служб. И если в них было «слишком много православия и слишком мало антибольшевистских материалов», их выпуск не разрешался».¹ Нам кажется не совсем верным тезис о слишком уж пронацистской направленности «Православного Христианина». Мы постараемся остановиться на всех материалах так или иначе касающихся Псковской Миссии, в особенности тех, которые были написаны самим духовенством, а потом отдельно остановимся на участии клириков в пропагандистских акциях нацистов, сравним точки зрения на внутрироссийские, особенно церковные проблемы светских авторов оккупированных районов России с позициями духовенства.

Сейчас сложно будет установить какая из статей того или иного священника-миссионера была первой из изданных в печати оккупированных районов Северо-Запада, так как множество номеров было с годами утеряно, а местное население боялось их хранить из-за опасности репрессий со стороны советских властей. Некие материалы о Миссии, ее составе и деятельности печатались практически сразу после приезда первой группы латвийских пастырей в Псков в августе 1941 г. Зачастую редакции издававшихся под оккупацией газет непосредственно помогали деятельности Псковской Православной Миссии. Ярчайшим примером этому может служить факт того, что в псковско-рижском издании газеты «За Родину» в 1942 г. из номера в номер печаталось такое вот любопытное объявление: «Требуются православные священники. В освобожденных областях православные храмы открываются один за другим, но многие церкви еще не могут открыть своих дверей из-за отсутствия духовенства. Чтобы получить сведения о количестве подходящих к духовному сану лиц в каждой отдельной области, кандидатов на духовные должности просят зарегистрироваться в редакции газеты своей области или района. Из числа зарегистрированных кандидатов экзархат православной церкви изберет нужных священников.»² Как мы видим, редакция этого издания выполняла крайне важную для первого года служения Псковской Миссии работу, помогая восстановить приходскую систему. С другой стороны, имели место и некоторые разногласия между

---

¹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 497.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.651. Л.21

публикуемыми в периодических изданиях статьями и заметками о Православной Церкви. Пример с владыкой Иоанном (Гарклавом) мы уже описывали ранее, теперь отметим несоответствие в информации о церковной жизни в одном из номеров «Двинского вестника», после чего было постановлено, что отныне печатаемая в периодических изданиях информация так или иначе затрагивающая вопросы церковной жизни должна черпать такую информацию только после получения письменных сведений от Латвийской Епархиальной Канцелярии.¹

Что же касается собственно «идеологических проблем», то точно одним из первых подобных по тематике материалов Миссии стала статья-воззвание из сентябрьского номера дновской газеты «За Родину», автором которой является отец Иаков Начис.² В своей небольшой статье отец Иаков характеризует военные действия как «пронесшуюся страшную бурю», которая, правда, смела со своего пути все ужасы советского строя. Большевиков миссионер открыто называет садистами и сатанистами, которые, благодаря неистовствам своей сначала небольшой партии вырвали из человеческой среды «миллионы наших братьев и сестер, наших архипастырей и пастырей, людей всякого звания и состояния, взрослых и малых детей». Священник говорит, что в отношении России как бы исполняются слова Пророка о том, все в язвах и все сердце исчахло, нигде нет здорового места (имеется ввиду собирательный образ России). Пастырь упоминает и о том, что гонения выливались в кощунственные превращения храмов и монастырей в «места нечистых развлечений», уничтожались святые мощи и иконы. К тому же упоминает пастырь и о заступничестве над Отечеством как святых митрополитов Русского Средневековья Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, Патриарха Ермогена и святых подвижников Сергия Радонежского и Серафима Саровского, так и новых священномучеников и мучеников, которые пострадали и были уничтожены безбожными властями за прошедшие неполные двадцать пять лет своего владычества, в частности о Патриархе Тихоне, Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Петре и митрополите Петроградском и Гдовском Вениамине. Есть в воззвании и тема давних пророчеств, в частности Серафима Саровского, московского митрополита Филарета и отца Иоанна Кронштадтского о наступающих в России темных временах (о чем в советские времена естественно не говорилось). Нападение гитлеровской Германии на СССР называется освобождением, но без долгих панегириков «вождю Великогерманского

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 77 apr.1 l 102.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.131. Л.2-2-б.

Рейха». Освобождение от большевизма не представлялось как торжество постулатов национал-социализма или слепого подчинения оккупационным властям, а скорее как освобождение от гонений и воинствующего атеизма: «...близка гибель большевизма-коммунизма и близок тот день, когда мы в радости духовной воспоем победный гимн победителю смерти Христу Господу. Какая несказанная радость ожидает нас, ожидает все народы России.»¹. Поднята отцом Иаковым и очень важная для русского народа тема покаяния за грехи, без которого невозможно и будущее возрождение страны и ее возвращение к Христианству. В конце статьи есть и реляции по отношению к Гитлеру и его армии, но они, как и в большинстве подобных статей миссионеров, выглядят как необходимая для самосохранения инородная для основной части статьи вставка. Главные же мотивы: покаяние, возвращение к национальным традициям, возвращение к Христовой Вере видны невооруженным взглядом.

Не менее жестко и обстоятельно звучит критика и со страниц первого номера главного миссионерского журнала - «Православного Христианина». Кроме всего прочего отметим, что этот номер журнала был приурочен к годовщине оккупации, и с немецкой стороны он должен был являться некой демонстрацией благоприятных изменений в церковной среде на занятой территории, что видно даже из эмблемы «Православного Христианина», печатавшейся в нескольких номерах: посередине стоящий древний храм, расположенное за ним солнце с надписью «Придите ко Мне – все труждающиеся и обреченные - и Я успокою вас», а с одной стороны от храма – сгоревшие дома и церкви (видно имеется ввиду советская территория), с другой же – работающие фабрики, хорошая дорога и отделанный заново храм (аллегория земли, находящейся под оккупацией). Интересно и то, что верующие стекаются к храму с обеих сторон, в результате чего как бы стирается линия фронта. Во многом в этом есть и аллегория бытия и самой Московский Патриархии – компромиссы с далекими от Христианства государственными системами для достижения цели воцерковления населения и реанимирования приходской системы. Вполне возможно, что из-за такой довольно смелой эмблемы, в последних номерах «Православного Христианина» ее уже встретить нельзя. Если вернуться собственно к первому номеру издания, то в его вступительной статье помимо довольно лестных характеристик по поводу изменений в народной жизни за истекший год называется и причина создания подобного печатного органа: «Церковное слово, умолкшее под штыками чекистов, в концлагерях и в застенках НКВД, уже в течение года звучит свободно из уст пастырских с церковных амвонов. С настоящего

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.131. Л.2-2-б.

момента оно еще с большей силой разнесется по нашей земле, оно придет в наши дома, в наши избы – печатным словом.»¹ В этих словах безусловно есть и общее с тем, что объявлялось при создании других, нецерковных, оккупационных органов печати, с той лишь разницей, что «Православный Христианин» прежде всего нес слово Христианского Вероучения. Тут же жестко и определенно звучит критика прошедших лет атеистического властвования: «Год минул с того момента, когда над мечтавшим о мировом владычестве, в течение 24-х страшных лет тяготевшим над измученным русским народом безбожным большевизмом, был занесен грозный и карающий меч Божьего правосудия.... Освободившаяся земля быстро сумела отряхнуться от кошмарного 24-х летнего сна, встать на ноги и вступить в новую жизнь. ... Во многом изменилась жизнь в освобожденных областях за истекший год. Открылись поруганные храмы. Вернулась земля в руки трудолюбивого крестьянства. Обеспечена свобода вероисповедания....»² Несмотря на слишком идиллически прорисованную картину первого года оккупации, можно сказать, что миссионеры действительно выделили те позитивные моменты, которые произошли за это время, прежде всего заостря внимание на религиозное возрождение, охарактеризовав советский режим как «кошмарный сон», вынужденно умалчивая о реальном отношении нацизма к местному населению.

Одной из главных тем, затрагиваемых в «Православном Христианине» и тех, которые касались вопросов светские автора говоря о Православной Церкви являлась тема истории церковно-государственных отношений в прошедший период гонений. Отличительной чертой «Православного Христианина» была кроме статей и обращений духовенства печатаемая чуть ли не в каждом номере рубрика «Великие люди и вера в Бога», в которой приводились цитаты многих известных большинству советских граждан писателей, общественных и политических деятелей, научных гениев (ведь противоречие науки и религии было главным заклинанием коммунистов в их борьбе с Православием) твердо верующих в Бога и высказывающихся когда-либо по этой теме (причем и русских, и иностранцев, то есть не только православных). Среди них мы встречаем немецкого канцлера Бисмарка, знаменитого итальянского педагога Песталоцци, физиолога и патологоанатома Вихрова, Гете, академика Павлова, Жан-Жака Руссо, самого Чарльза Дарвина и многих других.

Одно из главных мест в процессе оценки событий большевистского периода российской истории заняло отношение православного клира к событиям 1917 г. На эту

---

¹ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 18. Д.6. Л.1.

² Там же.

тему в №4 «Православного Христианина» выходит статья отца Иоанна Легкого под заглавием «Тяжелые годовщины и памятники славы (К 25-летию октябрьской революции)», в которой священник проводит линию противопоставления этого праздника, являвшегося главным днем в советском календаре, с такими знаменательными датами в истории России как Бородинская битва, свержение татарского ига, тысячелетие основания Российского государства, вопрошая: «Давали ли октябрьские праздники тот подъем духа, который испытывала русская душа, отмечая столетия со дня крещения Руси? Вызывали ли Ленины и Сталины тот восторг, который чувствовала в себе русская душа, вспоминая равноапостольного князя Владимира, Александра Невского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского и проч.? Кто из творцов октябрьской революции остался в благодатной памяти русского народа так, как Суворов, Кутузов?...». ¹

Годовщины октября Иоанн Легкий характеризует как «годовщины траура, дни тризны над поруганным и отвергнутым священным наследием предков», издевательство над русским национальным достоянием. Несмотря на то, что к преступлениям большевизма он относит закрытие храмов и монастырей, их разрушение (приводится пример Саровской и Оптиной пустыней), главным злодеянием миссионер называет превращение русского человека в советского, давая точную характеристику различий двух этих понятий: «На место вытравленного русского национального самосознания с его верой в Бога, в душу советского человека творцы октябрьской революции внедряли туманные утопические идеалы интернационализма и мировой революции. И в результате упадок духа, национального самосознания и утрата веры вплоть до богоборчества, страшные следы которого мы видели всюду на Русской земле, во многих русских душах.» ²

Своеобразной аллегорией угасания русской души служит описание разрушения храма Христа Спасителя, служившего к тому же памятником погибшим героям Отечественной войны 1812 г. Именно этот величественный собор изображен и на первой странице номера, что еще больше усиливает эффект от зверств большевистских властей. Возрождение русского самосознания отец Иоанн связывает как ранее и отец Иаков Начис с покаянием и возвращением к Христианской Вере. Данная статья является чуть ли не первой из печатавшихся в «Православном Христианине», и она задает определенный тон последующей оценке истории прошедшего советского периода истории России в этом периодическом издании.

---

¹ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://feodorovna.ucoz.lv/publ/izdaniya_pskovskoj_missii/zhurnal_quot_pra_voslavnyj_khristianin_quot/4_nojabr_1942_g_1_j_god_izd/27-1-0-69.html Свободный. Яз. рус. Последнее обращение & 20.03.2013.

² Там же.

Еще одно стандартное описание периода советского владычества миссионерами звучало так: «Угасла лампада, умолкли хвалебные гимны в честь Богородицы пред ее чудотворной иконой. Их заменили тихие молитвенные вздохи и украдкой оброненные слезы тех многих верных сынов Церкви и Отечества, которые, под видом посетителей музея, приходят сюда, чтобы подкрепить свою веру и обновить надежду на скорую помощь Владычицы в избавлении Москвы и всей России от второго татарского ига большевизма». ¹ Конечно сравнение проведенных после революции 1917 г. лет с многолетним татарским игом крайне необычно и более чем примечательно, так как сам намек на такое сравнение кажется очень символичным и назидательным.

Не менее критично относился к 25 безбожным годам и последний глава Миссии протоиерей Кирилл Зайц. Так, в начале 1943 г. он на страницах «Православного Христианина» выступает с довольно новаторской темой «Роль женщины в борьбе за Церковь Христову», где характеризует большевизм «коварным врагом христиан, уничтожавшим их сотнями и тысячами». ² Попытку «изгнать Христа из мира» и «пошатнуть Камень церкви» пастырь называет «сатанинской гордостью» большевизма. Признавая отступления многих русских людей от веры своих предков, священник обращается именно к женщинам, сохранившим свою веру и пронесшим ее через 25 летний период гонений и церковного запустения. Именно на них священник возлагает надежду на изменения в душах людей и возвращение русских в лоно Православной Церкви. Помимо женщин, наиболее сохранивших религиозное рвение в безбожные годы, отец Кирилл Зайц призывал к воцерковлению советской молодежи. В отличие от многих других миссионеров, глава Псковской Миссии имел опыт борьбы с сектантами и считал, что похожими методами прошедшей эпохи, которые ранее применялись в борьбе с сектами через беседы и наставления, нужно сражаться и за души атеистов. Свой рапорт митрополиту Сергию (Воскресенскому), напечатанный в одном из номеров «Православного Христианина», пастырь так и называет «Религиозные беседы – могучая сила борьбы с безбожием». Исправлять проблемы неверия молодого поколения миссионер предлагает не только богослужениями, но и выездами священнослужителей для бесед с молодежью в сельские и труднодоступные районы, чему сам служит примером (28 февраля 1943 г. он совершил такую поездку на Талабские острова). Тут же в небольшой статье «Молодежь и Церковь» он говорит об удачных результатах таких поездок, отмечая

---

¹ ГАПО Ф.1633. Оп. 1Д.19. Л.17.

² Там же.

успехи и в другой среде новокрещенных – учащихся.

Особое содержание имели выступления и статьи миссионеров, связанные с христианскими праздниками, особенно с главными. На Рождество Христово или на Пасху на страницах как «Православного Христианина», так и местной светской периодической печати публиковались поздравления и послания духовенства, в которых неизменно отражалось и нынешнее положение дел и прошлый период церковной истории. Помимо Прибалтийского Экзарха митрополита Сергия (Воскресенского) и руководителей Псковской Миссии можно особо отметить обращения духовенства «с мест». Примечательным нам кажется в первую очередь отметить обращение отца Василия Рушанова, миссионера глубокой веры, погибшего в смертельном противостоянии воюющих сторон. Будущий пастырь родился в семье единоверческого священника Евстратия Рушанова из Режиц (впоследствии латвийский город Резекне). В период с 1926 по 1930 гг. он проходил обучение в возрожденной владыкой Иоанном (Поммером) Рижской Духовной Семинарии, которую он окончил в числе первых выпускников. Активно Василий писал и в журнал «Вера и жизнь», одним из главных печатных органов Латвийской Православной Церкви. После этого Рушанов пополняет число тех будущих миссионеров, которые окончили Свято-Сергиев Православный институт в Париже. В конце 1930-х гг. он служит в качестве диакона в храме Иоанна Предтечи в Московском предместье латвийской столицы. В числе первых миссионеров он попадает на Северо-Запад России, где служит в Меженцах, Славковичах, городе Дно. С 1942 г. отец Василий к тому же является и благочинным Порховско-Дновского округа. 16 марта 1943 г. его жизнь трагически оборвалась. Данная трагедия произошла во время перестрелки между партизанами и оккупантами, и мы наверняка никогда не узнаем от чьей именно пули погиб молодой священник-миссионер. Вот как характеризовали отца Василия Рушанова в мартирологе, опубликованном в дновской газете «За Родину»: «...Кроме высоких качеств души, о. Василий обладал неиссякаемой энергией, он был большим общественным деятелем и замечательным проповедником. Под его руководством началась работа по восстановлению храма, начался сбор средств для ремонта и украшения здания церкви... Организованный им комитет народной взаимопомощи оказал поддержку беженцам из всех пострадавших от войны мест. Имя отца Василия было хорошо известно во всех районах, прилегающих к г. Дно, население питало к нему чувство глубокого уважения и любви...».¹ Безусловно, в газете издаваемой под оккупацией могла быть изложена только одна точка зрения на произошедшее, а именно гибель молодого пастыря от руки

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1280. Л.64-оборот.

«бандитов»-партизан. В частности очень характерно говорится в связи с гибелью Рушанова и о влиянии на произошедшее «нового курса» Сталина: «...За спиной убийцы каждый видит деспотическую фигуру Сталина – вдохновителя всех злодеяний против русского народа. На пороге своей гибели он пытается внушить обманутому народу, что он не является врагом религии, что он не ненавидит ее служителей, но факты выдают эту звериную сущность...». ¹ Помогает пролить свет на произошедшее и материалы Епархиального Совета Латвийской епархии. Во время злополучной перестрелки отец Василий находился вместе с агрономом в служебной кабинке товарного вагона, когда при приближении поезда к железнодорожному мосту стали раздаваться выстрелы, в результате одна из пуль пробила стенку кабинки и попала священнику в бедро, вызвав кровоизлияние, от которого он, практически не приходя в сознание, умер, не помогла и оказанная по прибытию в Порхов медицинская помощь. ² Чин погребения невинно убиенного молодого священника совершил начальник Псковской Православной Миссии протоиерей Кирилл Зайц 23 марта 1943 г. Важно отметить, что узнав об этой трагедии Экзарх Сергей (Воскресенский) распорядился поминать в течении года отца Василия в рижском Кафедральном соборе и по месту служения Рушанова в Иоанновской кладбищенской церкви. ³ Мы не случайно столь пространно описали биографию, служение, обстоятельства кончины и реакцию на них со стороны оккупационной прессы и руководства Псковской Православной Миссии и Прибалтийского Экзархата. На примере этого трагического и к счастью экстраординарного случая для истории Псковской Миссии можно рассмотреть как оккупационные власти пытались получить пропагандистские дивиденды со столь трагического события. В отличие от них для священства это было скорее тяжелой утратой, гибелью одного из самых молодых и активных пастырей Миссии. В то же время, возвращаясь к наследию этого клирика, следует отметить, что отец Василий успел проявить себя и как активный проповедник и критик безбожного строя. Так, пространно высказываясь об истории праздника Рождества Христова, о его сути и месте в жизни православного человека, о грехе и об искуплении, о греховности всего человеческого мира, он дал и краткие характеристики современного положения. Современное ему время он прямо называет «еретическим», а власти, которые находятся по другую сторону фронта «сатанинскими», подчеркивая их антирелигиозный характер. Россия для него была «многострадальной Родиной», в которой до сих пор верующие

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1280. Л.64-оборот.

² LVVA. F.7469. a.1. 138 apr. l. 6.

³ Ibid.

пребывают «в красной неволе» и не могут вместе с ними праздновать светлый праздник Рождества. Если и упоминал отец Василий о немецкой армии и властях, то только лишь в ключе дарования свободы вероисповедания и возможности вновь проповедовать Евангельское слово среди русского населения. Пастырь с оптимизмом смотрел в будущее и надеялся, что в скором времени он сможет пропеть ангельскую песнь вместе «со своими находящимися в неволе братьями».¹ Именно связь в этой печатной проповеди библейской истории с современностью, как нельзя лучше может показать стремление православных миссионеров отобразить все те несправедливости, которые принесла большевистская власть Церкви и народу и выразить надежду на скорейшее изменение сложившейся ситуации. Важно отметить, что подобные заявления, носившие ярко критический по отношению к антирелигиозной политике большевиков взгляд, безусловно читались и «брались на карандаш» советским подпольем, что, возможно, могло обеспечить столь трагический конец молодого пастыря.

Крайне важно отметить, что в отличие от нацистской пропаганды как в журнале «Православный Христианин», так и в других статьях, авторами которых были псковские миссионеры, мы очень редко можем увидеть антисемитские тезисы. Так общеизвестно, что немцы утрировали антисемитские темы в своей пропаганде, обвиняя еврейский народ во многих проблемах мировой истории: начиная от распятия Иисуса Христа до возникновения и распространения учения Карла Маркса. Великое множество работ самого разного формата и жанра, написанные в Третьем Рейхе старались с помощью печатного слова, карикатуры, сомнительных исторических справок выявить «главного врага» мирового человечества – еврейский народ. При этом следует отметить, что в дореволюционной России, как и в некоторых эмигрантских кругах, православное духовенство не стеснялось поднимать антисемитскую тему, обвиняя евреев во многих смертных грехах (чего стоит довольно близкое к определенным кругам Русской Церкви сочинение Сергея Нилуса «Протоколы сионских мудрецов», распространяемое массовыми тиражами в нацистской Германии). Были основания к критике евреев и у самих православных, особенно у тех, кто пережил долгие годы большевистского владычества (к примеру главный профессиональный всесоюзный «безбожник» Емельян Михайлович Ярославский по рождению был Минеем Израилевичем Губельманом). Несмотря на все это, псковские миссионеры в своем печатном издании никогда не опускались до таких сомнительных высказываний и статей, в особенности при освещении истории основных христианских праздников. В официальных заявлениях и циркулярах

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1280. Л.2.

«Православной Миссии в освобожденных областях России» нет даже широко распропагандированного термина «жидобольшевизм», который заменяет жесткий, вынужденный, но гораздо более нейтральный термин «иудобольшевизм». Попытки некоторых исследователей, в частности С.К. Бернева, обвинить в антисемитизме Прибалтийского Экзарха Сергия (Воскресенского) нам кажутся неуместными, ибо если владыка и допускал некоторые антиеврейские высказывания, то зачастую они были или приписаны ему нацистской печатью и пропагандой или были необходимы и являлись чем-то вынужденным и не выходящим из ряда вон (для сравнения можно привести красивые фразы о поддержке советского строя православных иерархов Московского Патриархата как в довоенное, так и в послевоенное время).

Очень важно теперь задаться вопросом о том каким видели клирики Псковской Православной Миссии будущее России и задумывались ли они вообще о нем. Сразу отметим, что миссионеры стояли на пронемецкой позиции и, хотя редко открыто желали победы германскому оружию, но постоянно надеялись на падение ненавистного богоборческого строя в связи с поражениями Красной армии. Конкретные формы капитуляции, подписания мирного договора между властями Третьего Рейха и мифическим «новым правительством России» не обсуждались и не ставились на повестку дня ни в «Православном Христианине», ни в других издаваемых в Балтии и Северо-Западе России печатных изданиях. Не было выработано священнослужителями и конкретной программы преобразований в России, даже вопросы по церковным проблемам общероссийского масштаба, к примеру о восстановлении Патриаршества, не нашли отражения в работах православного духовенства. Тем не менее некие правила и предпосылки к возрождению России были очерчены, причем в центре каждого из них находилось Христианское Вероучение. Так, с первых номеров было заявлено, что любое положительное изменение в России на том этапе невозможно без покаяния, ибо именно через него можно очиститься от греха безбожия: «Только покайся в этом грехе и бесповоротно возвратись на путь веры, освященный в русской истории трудами жизни святых князей Владимира и Александра Невского, преподобного Сергия Радонежского и Серафима Саровского и многих других, каждый русский человек, каждая русская семья, общество и русский народ получают возможность и силы здорового развития всех своих талантов и возможностей, осуществления мечты лучших сынов своей родины, замысла Божия о русском народе, идеала Святой Руси.»¹ Однако помимо покаяния вплетался и

---

¹ ГАПО Ф.1633. Оп. 1Д.19. Л.7.

сюжет надежды на будущее, которое будет проходить уже в мирное время, после окончания кровопролитной бойни.

Однако кроме этих путей ничего более конкретного миссионеры, к сожалению, не предлагали. И, если в первом номере «Православного Христианина» еще говорилось об «общем деле восстановления нашей Родины и воспитания нового поколения», «выздоровления в твердой вере в светлое будущее нашего народа и душевного исцеления»,¹ то потом подобные заявления постепенно уходят на второй план и в конце концов пропадают со страниц журнала и статей духовенства из другой оккупационной периодики. Скорее всего, это непосредственно связано с общей тенденцией всех русскоязычных газет, издаваемых на оккупированной территории: если сначала войны победа Германии казалась неизбежной и многие строили предположения по поводу будущего страны после смены режима, то теперь все становилось очень неопределенно и любые размышления о будущем России могли быть восприняты местным населением как ложь, направленная на замирение русского народа. Видно не исключением стала в этой связи и Псковская Миссия. Священники столкнулись и с более важными проблемами – чем больше отступала германская армия, тем больше сокращался и ареал ее действий, и тут уж было не до мыслей о послевоенном устройстве страны.

§3. Взаимоотношения православного клира Северо-Запада России с представителями эмигрантских политических организаций и Русским Освободительным Движением.

Возникший в период войны и оккупации своеобразный «идеологический вакуум», связанный прежде всего с жесткими установками национал-социалистических властей, могла заполнить та часть эмиграции и оказавшегося в плену и в оккупации советского населения, представляющая себя некой «третьей силой», воюющей как против Адольфа Гитлера, так и против Иосифа Сталина. Мы уже писали о том, что некоторые члены Псковской Православной Миссии были представителями балтийских довоенных антикоммунистических организаций антисоветского и христианского направления, в частности РСХД. Пожалуй, именно миссионеры были первыми членами созданных вне СССР политических организаций, проникших на оккупированную немцами территорию после ее оккупации. Попадали на Псковскую землю и представители других организаций, в частности НТС (Национально-Трудового Союза). Стоявшая на позициях «солидаризма»,

---

¹ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 18. Д.6.

данная политическая организация, включавшая в себя в основном молодое поколение эмигрантов, распространяло свое влияние по многим местам проживания русских изгнанников, переправляла, иногда успешно, своих членов в Советский Союз. Член Псковской Православной Миссии Ростислав Владимирович Полчанинов, о биографии которого мы впоследствии расскажем подробнее, отмечает, что уже осенью 1941 г. проживающий на территории Югославии инженер Константин Анисимович Кирий, сумел при довольно сносном отношении нацистов к проникновению русской эмиграции на территорию СССР в первые месяцы войны, попасть во Псков.¹ С собой этот член НТС привез конспекты по «Национально-политической подготовке» и, пожалуй, самую известную идеологическую работу НТС времен Второй Мировой войны – «Зеленый роман», в котором содержалась обстоятельная критика марксизма и коммунистической доктрины в СССР. Ссылаясь на изданный Брюно послевоенный некролог Кирия, Полчанинов отмечает, что Константин Анисимович до самой смерти хранил в память о России свечу с псковской заутрени. Постепенно проникновение НТС на Северо-Запад России продолжилось, к тому же в союз вступали и новые члены, так Кирий привлек к его деятельности заведующего госпиталем доктора Горицкого и работника СД Лабутина. Вскоре вокруг Горицкого собирается целая подпольная ячейка НТС. В марте 1943 г. пребывает в Псков из Риги и Ростислав Владимирович Полчанинов. Нам кажется полезным остановиться на биографии этого человека, одного из последних ныне живущих членов Псковской Православной Миссии. Родился Ростислав Владимирович во время Гражданской войны в Новочеркасске в семье полковника, участника Белого Движения. После исхода Белой армии из Крыма Полчанинов попадает на территорию Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, где впоследствии учится на юридическом факультете Белградского университета. В 1931 г. он вступает в Национальную организацию русских скаутов, а в 1934 г. в «сокольскую организацию». Затем после различных жизненных хитросплетений, которые Ростислав Полчанинов описал в книге своих воспоминаний², он оказался во Пскове. Примечательно, что приехавший на территорию Северо-Запада России эмигрант имел направление к отцу Георгию Бенигсену, к которому он и отправился после разрешения «паспортных вопросов» в местной полиции. Красочно член НТС описал свое знакомство с этим пастырем: «...Отец Георгий проживал в доме напротив кладбища в конце Петровского (в советское время Плехановского)

---

¹ Полчанинов Р. НТС во Пскове 1941-1943. Посев. №6 .2001. С. 41.

² Полчанинов Р.В. Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания. 1941-1951. М.: Посев, 2009.

посада...Отец Георгий был предупрежден о моем прибытии. Он меня очень радушно встретил, сказал, что давно ждал себе помощника, накормил обедом и тут же обсудил со мной все дела. В доме, где жил о. Георгий, размещались приют, школа, Надежда Георгиевна Одинокова, которая заведовала приютом, ее сестра Зинаида и Анна Акимова, на которой держалось все хозяйство...».¹ Гость довольно быстро обустроивается на новом месте, получает отдельную комнату и начинает работать в школе, преподавая ученикам Новый Завет и Литургию. Постепенно у него складываются доверительные отношения с отцом Георгием, который в конце 1943 г. сам вступает в НТС. Судя по всему принял священника в солидаристы еще один оказавшейся на Северо-Западе член НТС Павел Васильевич Жадан, который впоследствии вспоминал: «Групп и звеньев НТС во Пскове не было. Встречались в индивидуальном порядке. Осенью 1943 г. я принимал вступительное обязательство от пяти новых членов Союза: священника о. Георгия, поручика РОА Самутина (позже он был выдан датчанами советским властям) и одной девушки и молодой пары, впоследствии оставшихся в СССР.».²

Еще двумя связанными с Псковской Православной Миссией членами организации были Константин Кравченко и Раиса Матвеева-Рацевич, люди с довольно интересной и примечательной биографией. Константин Кравченко родился в Двинске (Даугавпилсе) в 1918 г. в многолетней религиозной семье, его родители пели в церковном хоре. Сам Кравченко с детства прислуживал в алтаре, а после окончания государственной гимназии поступил сначала на богословский факультет Латвийского университета, а затем перешел для изучения русской истории на историко-филологический факультет, совмещая учебу с работой кассира в Кафедральном Христорождественском соборе Риги. Попав в 1941 г. на оккупированную территорию он работал псаломщиком на приходах входящих в окормление Псковской Православной Миссии до февраля 1944 г., когда ему пришлось эвакуироваться в связи с изменением линии фронта.³ Описывая жизнь Константина Иосифовича Надежда Фельдман-Кравченко отмечает, что участие оного в Псковской Миссии было обусловлено еще и нежеланием быть мобилизованным в немецкую армию для участия в «братоубийственной войне».⁴ Константин Иванович был очень деятельным

---

¹ Полчанинов Р.В. Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания. 1941-1951. М.: Посев, 2009. С.104-105.

² Жадан П.В. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. М: Терра, 1991. С.161.

³ LVVA. F.7469. a.2. 219 apr.2.

⁴ Фельдман-Кравченко. Н. Не сломить клевете силы духа: Памяти К. И. Кравченка С. 272.

человеком, так как в Миссии он также работал казначеем, завхозом, заведовал свечным заводом и иконописной мастерской, занимался проведением работ по организации ремонта и восстановления богослужебных и иных здания Псковской Миссии, часто ездил по территории Северо-Запада России по командировкам от ее Управления. Не меньше сил прилагал он и к работе с детьми и молодежью. Эта работа не только не поддерживалась немецкими властями, но и приводила к репрессиям: на Кравченка был составлен обстоятельный донос из-за его доклада на учительской конференции в Пскове, на которой он говорил о моральной силе русского народа, указывая на пример князя Александра Невского, а затем сделал перед русской молодежью доклад под заглавием «О смысле страданий», на котором присутствовал агент СД. Результатом таких выступлений было запрещение Кравченку выступать с обширными докладами. Надежда Фельдман-Кравченко также отмечает философский ум и невероятную начитанность Константина Иосифовича, знал он и многих видных членов Русского Студенческого Христианского Движения, в частности «Мать Марию» Скобцову (Кузьмину-Караваеву), приезжавшую в Балтию в предвоенные годы.¹ Несмотря на все достоинства, после войны Кравченко был арестован советскими карательными органами и был приговорен к расстрелу, замененному двадцатью годами Исправительно-Трудовых лагерей, из которых вышел в 1955 г. по инвалидности. Всего Константин Иосифович Кравченко прожил 55 лет и скончался в 1973 г. сломленным и больным после советских лагерей.

Не менее интересна и судьба Раисы Ионовны Матвеевы – Рацевич. Дочь родителей - беженцев из столицы Российской Империи, она родилась и выросла уже в независимой Эстонии. Первый раз об НТС Раиса Ионовна узнала при знакомстве со своим будущим супругом Леонидом Дмитриевичем Матвеевым, а затем принимала участие в полуподпольной деятельности Национально-Трудового Союза Нового Поколения в Нарве, также принимая активное участие в деятельности РСХД.² Ее 28-летний супруг после прихода советских войска был ровно за год до начала Великой Отечественной войны, 22 июня 1940 г. , арестован органами «нового эстонского правопорядка», и как она через много лет узнала, расстрелян 3 июля 1941 г. в Ленинграде. После оккупации Балтии и Северо-Запада России немецкими войсками она устраивается в Псков телефонисткой при немецкой службе занятости, однако вскоре, встретив свою давнюю подругу Зинаиду

---

¹ Фельдман-Кравченко. Н. Указ. соч. С.276-277.

² НТС в Прибалтике: От Нарвы до Норильска. Интервью с Раисой Ионовной Матвеевой-Рацевич. Посев. №11. 1999. С. 35.

Соколовскую, члена РСХД, переходит к преподаванию Закона Божия. Постепенно «вживаясь» в быт оккупированного Пскова Раиса Ивановна знакомится и с Ростиславом Владимировичем Полчаниновым, который дает ей задание организовать кружок для девочек, среди которых нужно будет вести и агитационную работу. О причинах побудивших Матвееву – Рацевич совершить столь опасное дело она впоследствии говорила так: «..Здесь в России, когда кругом немцы, а история России испоганена и начинается с 1917 г., где в основе интернационал, где и говорить слово «Россия» нельзя – необходимо пробуждать национальное сознание...».¹

На одной из псковских колоколен и был устроен кружок, а на некоторые его заседания приходил и выступал с речами и поучениями руководитель Псковской Православной Миссии протоиерей Кирилл Зайц. Схожие функции выполнял и кружок для совместного чтения Евангелия при Варлаамовской церкви города Пскова во главе которого стоял Василий Васильевич Миротворский, член РСХД из Печор. Большим успехом этого кружка стала организованная летом 1942 г. паломническая поездка русских девочек в Псково-Печерский монастырь и Старый Изборск. Работа таких благотворительных и просветительских школ, в руководстве которых находились члены Национально-Трудового Союза Нового Поколения и Русского Студенческого Христианского Движения не прошли незамеченными: в конце апреля в светлые пасхальные дни во время своей пастырской поездки по Северо-Западу России приют и школу при Дмитриевской церкви посетил Экзарх Сергей (Воскресенский).

Во время праздника произошло знаменательное событие: отец Георгий Бенигсен поднял хранившийся все советское время у одного псковича бело-сине-красный российский флаг, что было очень рискованным шагом в условиях нацистской оккупации. Воспитанники Дмитриевского и Варлаамовского приходов пели религиозные песни и стихи, ими же была сыграна перед владыкой пьеса «Лгунишки», к тому же был продемонстрирован первый и последний номер Варлаамовской стенгазеты «Возрождение». О положительной реакции на работу членов Псковской Миссии, состоявших в НТС и РСХД, Виленского и Литовского митрополита можно судить исходя из организации по его указу 15 мая того же года «Стола по распространению христианской культуры среди молодежи» во главе которого встал отец Георгий, а его помощником стал Ростислав Владимирович Полчанинов. Однако был ли такой успех и широкий отклик обусловлен членством работников приходских школ и приютов в РСХД и НТС? Пожалуй, однозначно ответить на данный вопрос трудно, но при всем этом факт

---

¹ Под оккупацией. в 1941-194 гг. Статьи и воспоминания... С. 139.

остается фактом, именно члены этих политических и религиозных организаций смогли развернуть кипучую деятельность в отношении родившихся и растущих в большевистской идеологии детей и юношества. Смысл этого процесса отец Георгий Бенигсен характеризовал в виде борьбы за души населения России : «...Власть лезла грязными руками в душу каждого ребенка, стараясь наполнить ее материалистическим мировоззрением. Детский сад, школа, вуз, пионерская и комсомольская организации, вот те страшные круги ада, которые проходила неопытная, мягкая детская душа в советском «краю». Слава Богу, славянская душа постояла за себя. Она осталась христианской. Она так и не смогла впитать до конца чуждые ей материалистические доктрины Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Редкие исключения только подтверждают общее правило. А исключения действительно редки, ибо эти юные души оставались попросту пустыми и впитывали то, что несли мы, с жадностью иссохшей земли, пьющей благотворный летний дождь».¹

Тем не менее не все «взрослое» население понимало и принимало тезисы Национально-Трудового Союза. Вот что в этой связи вспоминал Р.В. Полчанинов: «Все мы, члены НТС, приехали во Псков служить России и русскому народу. Мы считали, что наша работа в Православной Миссии и была той союзнической работой, к которой мы готовились за границей. Конечно, мы всегда отстаивали наш взгляд на русскую историю и на поработивших Россию большевиков. Как я помню, все наши собеседники были настроены против Сталина, но многие защищали Ленина, связывая его с относительным благополучием в годы НЭПа, и думали, что если бы он не умер, то Россия стала бы нормальным правовым государством.»² Сложным является и вопрос влияния идеологии НТС на членов, и прежде всего клириков Псковской Православной Миссии. По самым оптимистическим расчетам число членов Псковской Православной Миссии входивших в Национально-Трудовой Союз не превышало одного десятка. Именно поэтому пример Георгия Бенигсена является для нас из ряда вон выходящим, положительным примером влияния той или иной политической организации на процесс религиозного возрождения и воцерковление детей и молодежи на оккупированной территории. Отец Георгий действительно принимал самое активное участие на политических собраниях оккупационного периода. В этой связи Вера Пирожкова записала впоследствии в своем дневнике, «...Затем выступал руководитель секции работы с населением – о. Георгий

---

¹ Бенигсен Георгий., протоиерей. Указ. соч. С. 137.

² Полчанинов Р. НТС во Пскове 1941-1943.. Посев. №6 .2001. С. 43-44.

Бенигсен. Он говорил хорошо, с литературной точки зрения лучше всех остальных. Говорил о необходимости организации помощи населению, тоже об организации курсов сестер милосердия и о помощи семьям добровольцев, особенно павших».¹ И хотя данная цитата относится к более позднему периоду, важно отметить невероятную активность этого молодого священника, принявшего духовный сан незадолго до создания Псковской Православной Миссии.

Деятельность Национально-Трудового Союза проходила в регионе своим чередом. Северо-Запад России считался важным регионом для этой организации, сюда приезжали видные «солидаристы» из других частей СССР и Европы. Так, летом 1943 г. Псков посетил преподаватель школы пропагандистов РОА в Вустрау Роман Николаевич Редлих, которому город показывал Ростислав Владимирович Полчанинов, получивший во время этой «экскурсии» издаваемую в Вустрау литературу и периодику.² К тому же Редлих расспрашивал Полчанинова как руководитель подпольной союзной работы о числе сторонников НТС в регионе и о составе организации на Северо-Западе. Примечательно отметить и посещение Пскова легендарным Борисом Софроновичем Ковердой, известным совершением в 1927 г. убийства советского полпреда Воейкова в Варшаве (как показывают новейшие исследования в годы Второй Мировой войны Коверда являлся членом созданного Абвером Зондерштаба «Р»-Особого штаба «Россия»³). В Псков же он кроме всего прочего привез ладан, который передал Псковской Православной Миссии, клирики которой использовали вместо ладана сушеную ромашку. В ответ священнослужители попросили Р.В. Полчанинова показать дарителю город, что и было сделано.⁴

Общее руководство НТС в Пскове возглавлял опытный подпольщик из эстонской столицы Андрей Александрович Тенсон. Он занимался подрывной антисоветской деятельностью еще до войны, за что был в 1938 г. отправлен в ссылку на остров Сааремаа, после чего ему удалось покинуть территорию Балтии. Тенсон имел и некоторые связи в местном самоуправлении, что помогло ему, к примеру, устроить приехавшего во Псков Павла Васильевича Жадана секретарем городского управления. Но, несмотря на многие

---

¹ Пирожкова В.А. Мои три жизни.... С. 185.

² Полчанинов Р.В. Молодежь Русского Зарубежья... С. 140.

³ Грибков И.В., Жуков Д. А., Ковтун И.И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011. С. 53.

⁴ Полчанинов Р.В. Молодежь Русского Зарубежья... С. 107-108.

положительные моменты деятельности представителей НТС под нацистской оккупацией, были в их работе и очень спорные деяния. Одним из них является сотрудничество НТС с немецкими военными и карательными органами. В одном из современных исследований, фундаментально рассматривающих историю Зондерштаба «Р» приводится ссылка на материалы госбезопасности СССР, согласно которым многие «солидаристы» сотрудничали с Абвером, в том числе Андрей Тенсон упоминается как резидент сначала в Порхове, а потом в Гдове, а Ростислав Полчанинов как курьер резидентской службы «D» в городе Выру и Минске.¹ Мы не будем подробно касаться данного вопроса, столь сложного, и далекого от нашей прямой темы, заметив, что в рассмотрении этой проблемы следует быть как можно более объективным.

Но все же решающее влияние на идеологические вопросы на оккупированной территории Северо-Запада России оказало формирующееся в годы Второй Мировой войны Русское Освободительное Движение, Русская Освободительная армия и многие другие близкие к ним организации. Большое влияние оказало появление оных и на Псковскую Православную Миссию. На протяжении всей Великой Отечественной войны Псковская Миссия была едва ли не единственной русской организацией на оккупированной территории Советского Союза. Все создаваемые легальные гражданские, карательные, воинские и иные организации были разобщены и не имели ни особого политического веса, ни стройной и четкой идеологии. В то же время часть германского военного командования и гражданского управления осознавала необходимость создания какой-либо русской силы, способной встать во главе антисталинского сопротивления внутри России, даже сформировать альтернативное Кремлю правительство. Однако долгое время у немецкого высшего руководства, и особенно у главных идеологов нацизма Гитлера и Розенберга, не хватало ни политической дальнорзости, ни государственной воли, для осуществления этого из-за своего откровенно расистского отношения к славянам. С другой стороны, офицеры и работающие в пропагандистской машине Третьего Рейха деятели понимали, что для наиболее действенной агитационной кампании в среде населения оккупированных районов и солдат Красной армии им нужны знаковые фигуры из бывшего советского, преимущественно военного руководства, способные своим авторитетом привлечь русских на немецкую сторону. Хорошо понимали тупиковость участия в войне против Советского Союза в той или иной степени зависимости от нацистов и многие русские эмигранты, искренне желавшие освободить свою Родину от большевизма, в то же время не превратив ее в колонию

---

¹ Грибков И.В., Жуков Д. А., Ковтун И.И. Указ. соч. С. 211-212.

«Великогермании». В 1942 г. на авансцене идеологического противостояния появляется фигура советского генерала Андрея Андреевича Власова, согласившегося на сотрудничество с врагом Советского Союза. Мы не будем подробно останавливаться как на биографии данной исторической личности, так и на подробной истории формировавшегося с его переходом Русского Освободительного Движения и Русской Освободительной Армии, ибо эта тема находится за рамками исследуемых нами вопросов (отметим только что наиболее важные мемуарные работы по данной проблеме были изданы после войны в издательстве «Посев»)¹. Нас прежде всего интересует вопрос о степени идеологической близости Псковской Православной Миссии и Русского Освободительного Движения. Ответить на этот вопрос можно исходя из двух позиций: во-первых, надо рассмотреть основные установки формировавшегося в годы войны Движения, особенно периода возникновения Комитета Освобождения Народов России, установки по вопросу религиозной свободы и роли Православия в видимой грядущей посткоммунистической России, во-вторых, исследовать личные взаимоотношения деятелей РОД и православных миссионеров.

Последние годы в среде церковной и религиозной публицистики идет жаркий спор по поводу религиозности самого генерала Власова. Конкретный ответ на этот вопрос не дает никто: ни оправдывающий Андрея Андреевича петербургский протоиерей Георгий Митрофанов, ни основные критики «власовцев» из среды историков и части духовенства. Главной ссылкой при доказательстве как одной, так и другой точки зрения является изданная зарубежом книга главного духовного лица Русского Освободительного Движения протоиерея Александра Киселева о моральном облике Власова.² Действительно, недоучившийся в революционное время в нижегородской Духовной Семинарии советский генерал во время своей службы в Красной армии никак не выказывал свое отношение к религии.

После же попадания на противоположную сторону фронта он иногда высказывал свое личное отношение к ней. Некоторый свет на этот сложный и неоднозначный вопрос может пролить один из соратников бывшего советского генерала эмигрант Первой волны Константин Григорьевич Кромиади. В частности, он приводит слова самого Власова: «Верить или не верить – это дело совести каждого человека и никто никого в этом не

---

¹ Казанцев А. Третья сила. М.:Посев, 1994; Штрик-Штрикфельдт.В.К. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М: Посев, 1993.

² Киселев А. прот. Облик генерала Власова (Записки военного священника). Нью-Йорк: Книгоиздательство «Путь жизни», 1978.

должен неволять. Тем более, что насилие над человеческой волей в корне противоречит христианскому учению. Я вполне понимаю и отдаю должное той большой и благородной роли, которую сыграли религия и церковь в истории русского народа, но полагаю, что занимаясь обслуживанием религиозных потребностей народа, его воспитанием в культурно - религиозном отношении и вопросами благотворительного характера, церковь не должна снисходить до вмешательства в политические и государственные дела, дабы тем самым сохранить свой высокий авторитет в глазах нашего народа, который, переживая большевистские гонения, остался глубоко религиозным.»¹ Еще одно любопытное свидетельство нам оставляет еще один виднейший сподвижник Андрея Андреевича, немец Вильфрид Карлович Штрик – Штрикфельдт, передавая размышления Власова о Боге и вере после их совместного посещения католического собора святого Стефана в Вене: «Я хотел бы снова уметь молиться так, как эти люди, - сказал Власов, выйдя из собора. – Я потерял свою детскую веру, но я чувствую, что есть выше нас Сила и что человек теряет свое духовное «я», если отрывается от нее. И чем больше я думаю об этом, тем яснее мне видится, что этот отрыв от Высшей Силы, от Бога, и есть корень всех зол, которыми больны сегодня и отдельные люди, и народы. У них нет больше ничего, что держало бы их на правильном пути. Только я не могу больше вернуться к простой детской вере и верить в то, что Сила над нами есть наш личный Бог, наш Бог-Отец.»² В самые же сложные моменты своей жизни, уже понимая всю обреченность своего положения Власов, не отпуская из рук бутылку, вспоминал и о Боге: «... А теперь я хочу забыться... Я знаю свой долг и не спрячусь от ответственности. Прошу у Бога силы выдержать все до конца.»³

Еще одно любопытное мнение высказал сопровождавший Власова во время его известной поездки по Северо-Западу России немецкий ротмистр Э. К. Делилингсхаузен, в частности заявлявший: «А. А. Власов был очень религиозен. Он часто говорил, что с большим удовольствием ходил бы в церковь, да что скажет народ на той стороне, как он на это посмотрит. А. А. все сделал, чтобы увеличить влияние Церкви в Русском освободительном движении. Благодаря его личной инициативе и по его приказам, православное духовенство имело широкий доступ ко всем русским частям. Как бывший

---

¹ Киселев А. прот.. Указ. соч.... С. 207.

² Штрик-Штрикфельдт.В.К. Указ.соч..... С. 243.

³ Там же. С. 382.

семинарист, А. А. знал великолепно всю церковную службу. Во время объезда Северного фронта, на одном обеде, устроенном в его честь, на котором присутствовали представители русского гражданского управления, немецкий комендант обратился ко мне с предложением, чтобы прочли молитву, как это делается у русских. На это местный священник, присутствовавший на обеде, предложил спеть “Христос Воскресе”... А. А., обладая сильным басом, громче всех пел, что немало поразило присутствовавших немцев и русских. Однажды А. А. был на крестинах крестным отцом. Держа младенца на руках, он пел всю службу, чем поразил священника и маленькое общество присутствовавших».¹ Тем не менее в период нахождения в Германии генерал не посещал еженедельно православный храм, не приобщался к Святым Тайнам, не исповедовался, то есть его нельзя назвать православным христианином в классическом понимании этого слова, что во многом объясняется его биографией, службой в Красной армии и всеми остальными атрибутами советской действительности.

Несколько в ином облики мы видим генерала А.А. Власова во время его немногочисленных поездок по территории Балтии и России. Нас прежде всего будет интересовать поездка Власова в конце апреля-начале мая 1943 г. по оккупированному Северо-Западу России и Балтии, в ходе которой он провел много встреч с представителями многих местных русских органов власти, работниками печатных изданий, населением и представителями духовенства. В частности, петербургский историк К.М. Александров описывая биографические данные генерала отмечает, что в ходе визита Андрей Власов посетил Гребенщиковскую старообрядческую общину, познакомился с Патриаршим Экзархом Прибалтики митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским), получив у него, как впоследствии и от игумена Псково-Печерского монастыря Павла (Горшкова) благословение на военно-политическую деятельность.²

Генерал, судя по данным нацистских ведомств, высказывался о Православии и Церкви так: «Россию без Церкви представить нельзя. В национальном возрождении Церковь играет ведущую роль. Люди старшего поколения, несмотря ни на что, остались верующими. Однако т.к. в большевистском государстве любое религиозное воспитание было запрещено, молодежь почти ничего не знает о Церкви. Она не настроена ни

---

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение. Вестник церковной истории. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006, № 4. С. 151.

² Александров К.М. Указ.соч. С.269.

атеистически, ни церковно. В освобожденных немцами областях молодые следуют за старшими и возвращаются в Церковь.»¹ Безусловно, что такое суждение может многое поменять в общепринятых мнениях о религиозной составляющей Русского Освободительного Движения, к тому же виден и факт признания Власовым успехов Псковской Миссии на ниве воцерковления русского населения. Во время частых встреч с духовенством генерал рассказывал и о своем обучении в нижегородской семинарии (в которой преподавал во время обучения Власова будущий патриарх Сергей (Страгородский)), наизусть воспроизводил православный Символ Веры, читал на русском и на греческом отрывок из псалма катехизиса Филарета.² Сейчас трудно сказать было ли это специальными заготовками лидера Русского Освободительного Движения, служившими ему своеобразным ключом к сердцам православного клира и мирян России или он действительно сохранил знание божественных текстов еще со своих семинарских лет. С другой стороны, бывший кадровый офицер Красной армии хотел вовлечь в формируемое движение многих видных русских деятелей, в том числе и из духовной среды, ради чего он должен был высказывать исключительно положительные мнения о религии и Православной Церкви. Всегда радушно принимали Власова и других представителей РОД члены Псковской Православной Миссии. В частности, Константин Григорьевич Кромиади впоследствии вспоминал: «Вернувшись домой с пожара, наша штабная группа поехала в Псков, в церковь. Это был праздник Константина и Елены, и в соборе служил митрополит Сергей, исключительно одаренный пастырь и великолепный проповедник. Собор был полон молящимися, но Владыко заметил нашу группу и пригласил нас в миссию на чашку чая. Приглашенных оказалось много. Когда за столом разговор зашел о случившемся ночью бедствии, Владыко поблагодарил солдат и офицеров РОА и дал нам свое благословение за оказанную помощь... Гвардейский батальон РОА приобрел очень много друзей и доброжелателей...».³ В общем, встречи как самого Власова, так и его соратников с митрополитом Сергием (Воскресенским) и с псковским духовенством проходили в довольно доверительной и дружественной обстановке. Более того, документы свидетельствуют о том, что переводчик генерала, во время его поездки работавший в псковско-рижской газете «За Родину» Анисимов при встрече с митрополитом Сергием (Воскресенским) все в том же 1943 г. просил его не

---

¹ Григорьев Г., свящ. Указ. соч. С.214.

² Там же. С.216.

³ Кромиади К.Г. Указ.соч.. С.116-117.

только помочь в создании инициативных групп для продвижения идей Русского Освободительного Движения в Латвии, Литве и Эстонии, но и содействовать своеобразному «трудоустройству» Власова, желающего иметь отношения ни к немецким, а именно к русским организациям, самой независимой из которых как раз и была на тот момент Псковская Миссия (владыка дал согласие на изготовление документов для проезда Власова).¹ Видимо, большую роль сыграли многие довольно независимые высказывания генерала, в которых он давал понять, что будет защищать прежде всего российские, а не нацистские интересы и проводить собственную политику, особенно в деле сохранения Россией своих исконных территорий и даже Украины. К тому же многим, и не только работникам Псковской Православной Миссии, А.А. Власов казался надеждой на возможное изменение положения в занятых территориях, движением к началу формирования реальных органов управления страной местным населением, и самое главное альтернативой советскому строю и его богоборческой идеологии, к которой православным не было причин положительно относиться. Также остро мог встать и вопрос отношения «Власовского движения» не только к РПЦ, но и к другим религиозным юрисдикциям, в особенности к Русской Православной Церкви Зарубежом, иерархии которой оказывали генералу и его начинанию поддержку.

Важным моментом, способным пролить свет на отношение генерала Власова к Русской Православной Церкви Зарубежом и к Прибалтийскому Экзархату и Псковской Православной Миссии, а также на взаимоотношения разных религиозных центров между собой может стать появление на Северо-Западе России архимандрита «Карловацкой Церкви» Гермогена (Кивачука) и реакцию на его приезд в составе окружения лидера Русского Освободительного Движения лично митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) и духовенства вверенной ему Псковской Миссии. Окормлявший зарождавшееся под контролем нацистов антикоммунистическое движение русских эмигрантов и советских военнопленных пастырь был уроженцем города Ровно, впоследствии закончившим теологический факультет Кембриджа. Его основное служение началось в конце 1930-х-начале 1940-х гг. при митрополите Берлинском и Германском Серафиме (Ляде), при этом он являлся священником в построенном в 1938 г. Кафедральном Свято-Воскресенском соборе в Берлине и секретарем владыки Серафима. С момента нападения Германии на СССР он включается и в активную антикоммунистическую борьбу, становясь священником в Русской Национальной Народной армии (или Русский батальон специального назначения, сформированный в

---

¹ Григорьев Г., свящ. Указ.соч. С.216-217.

марте 1942 г. и просуществовавший до августа того же года из советских военнопленных во главе с эмигрантами Игорем Сахаровым и Константином Кромиади). Впоследствии архимандрит Гермоген влился в формирующееся Русское Освободительное Движение, попав с его первыми частями и на территорию Северо-Запада России. Участник «Власовского движения» Леонид Самутин впоследствии вспоминал: «...К новому для меня лицу, симпатичному, совсем еще не старому, капитану с рыжеватой бородкой и усами, удивительно похожему на последнего нашего царя – Николая II – мои новые покровители и спасители, обращались неожиданно – странно называя его «отец Гермоген»... Происходя из Ровно, из западных украинцев, этот священник с капитанскими погонами на плечах и трехцветной бело-сине-красной кокардой на фуражке, тем не менее, по своим убеждениям, взглядам и образованию был совершенно русским, националистически, т.е. антисоветски настроенным человеком...».¹ Автор воспоминаний отмечает, что архимандрит окончил богословский факультет Варшавского университета и как лучший выпускник этого факультета был отправлен учиться на теологический факультет Кэмбриджского университета. Также Самутин отдельно выделил, что Гермоген кроме русского, украинского и польского языков, свободно владел немецким и английским языками и немного французским. В обращении, как отмечает тот же Самутин, к «подсоветским» людям архимандрит Гермоген был сначала покровительственно-небрежным, но затем простым и обходительным. Судя по-всему, Кивачук был довольно авантюрной личностью, о чем можно судить и по его биографии, и по внешнему виду, в частности к своему и так слишком военнизированному «одеянию» он носил еще и пистолет системы «Вальтер».

Скорее всего, именно такой человек мог устроить как духовник формирующейся Русской Освободительной армии и немецкие власти, видевшие антисоветский настрой пастыря и его долгое служение в столице Третьего Рейха, и РПЦЗ, особенно митрополит Серафим (Ляде), понимавший всю сложность ситуации и поэтому отправивший столь одаренного и известного ему священнослужителя на оккупированную территорию России в составе «власовцев». Судя по всему, владыка Гермоген и его духовное начальство слышали о Псковской Православной Миссии и ее успехах в деле окормления населения оккупированных территорий Северо-Запада России, возможно, хотели установить с миссионерами контакт. Так, 16 мая 1943 г. произошла встреча бывшего секретаря митрополита Серафима (Ляде) с главой Миссии отцом Кириллом Зайцем, на которой обсуждалась возможность сослужения военного священника частей Русской

---

¹ Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб: Белое и черное, 2002. С. 119-120.

Освободительной армии с духовенством Псковской Миссии в Кафедральном Свято-Троицком соборе, на что латвийский священник ответил отказом, сославшись на мнение Экзарха Сергия (Воскресенского). Как отмечает М.В. Шкаровский, Виленский и Литовский митрополит еще при своей первой встрече с пленным генералом говорил о зависимости «карловчан» от заграничных властей, в особенности немецких и об их полной оторванности от местного населения, общение с которым «зарубежникам» было долгое время невозможно.¹ К тому же уже на этой встрече Экзарх выдвинул идею созыва Синода иерархов Русской Православной Церкви для консолидации находящегося под оккупацией православного духовенства. 17 мая 1943 г. он отказывает архимандриту Гермогену (Кивачуку) в возможности служения с псковскими миссионерами, выпустив специальный меморандум №122 по данной проблеме. В нем Прибалтийский Экзарх Московской Патриархии дает очень жесткую оценку Русской Православной Церкви Зарубежом: «Карловацкий архиерейский синод представляет церковную эмигрантскую организацию, которая с нарушением канонического права откололась от Церкви России. Политически этот схизматический синод всегда выступал за основанную на принципе монархического легитимизма реставрацию династии Романовых».²

Владыка Сергей (Воскресенский) приводит довольно веские, с его точки зрения, аргументы «раскольничества» РПЦЗ и лично архимандрита Гермогена (Кивачука), начиная от критики политики отношения «зарубежников» к каноничности нынешнего руководства Московского Патриархата и лично митрополита Сергия (Страгородского) и заканчивая довольно двусмысленным тезисом о том, что в случае поминания во время богослужений архимандритом Гермагеном своего руководителя Берлинского митрополита Серафима (Ляде) сей факт может быть воспринят частью местного населения, особенно того, которое попало под пропаганду партизан, как полное подчинение Православной Церкви немецким властям. К тому же Экзарх вновь здесь проявляет себя как верный «сергианин», считая признание канонической верности Московскому Патриархату единственно верным решением. Дает он и довольно спорную трактовку резко антинацистских и просоветских выступлений и обращений Московского Митрополита: «В своих сделанных политических высказываниях Московский митрополит никогда не призывает к борьбе за большевизм, а всегда только к борьбе за Отчизну и

---

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и владимирское движение. Вестник церковной истории. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006, № 4. С. 151.

² Он же. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 гг. М: Изд-во Крутицкого подворья, 2003. С. 232.

Церковь. Чтобы убедительно противодействовать его политическим прокламациям, недостаточно указывать на то, что он своей верностью фактически поддерживает господство большевиков, но необходимо убедительно разъяснить, что борьбу русских за свободу своей Отчизны и борьбу православных за свободу своей Церкви можно вести только на стороне немцев... Но я хотел бы подчеркнуть, что охват православных с целью включения в борьбу за Церковь произойдет успешно только при условии, что Церковь на занятой территории избежит внешнего вида схизмы с Матерью-Церковью. В противном случае православные по эту и ту сторону фронта никогда не будут убеждены в том, что немцы действительно не нарушают свободу Церкви, не разобьют ее на якобы автокефальные, а в действительности схизматические части и, в случае немецкой победы, Церкви не грозит уничтожение ее законной канонической иерархии, чьими представителями в настоящее время являются Местоблюститель Патриаршего престола и подчиненные ему юрисдикционные архиереи».¹

Дальше митрополит Сергей (Воскресенский) показывает всю гибельность составления «контрпрокламаций» по высказываемому московским владыкой, пытаюсь вновь и вновь показать всю сложность его положения на данном этапе. Касаясь этого вопроса, Экзарх хотел поднять проблему создания единого ведомства на занятой немцами территории для консолидации архиереев в едином органе, который при продвижении Вермахта на Восток будет включать все новые и новые территории, а также консолидирует духовенство для окормления частей Русской Освободительной армии, чтобы бить большевизм «сжатым кулаком, а не растопыренными пальцами». Строго придерживаясь данной линии он запретил как в мае, так и впоследствии Гермогену (Кивачуку) участвовать в богослужениях вместе с священниками Псковской Православной Миссии. Решение данного конкретного случая Виленский митрополит видел в принесении публичного покаяния «карловчанином» из РОА в рижском Кафедральном соборе. Архимандрит Гермоген (Кивачук) в свою очередь 5 июля того же 1943 г. решает направить Прибалтийскому Экзарху прошение, в котором было сказано: «Припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, я смиренно прошу принять меня в лоно Матери Церкви, с тем чтобы я мог под руководством Вашего Высокопреосвященства отдать все свои силы на службу нашей страдающей, искренне любимой Русской Церкви».² Возможно архимандрит Гермоген участвовал в некоторых

---

¹ Шкаровский М.В. Политика Третьего Рейха ...С.254-255.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение....С.155.

богослужениях в храмах Северо-Запада России, и даже мог стать епископом Ревельским и Эстонским, но официального воссоединения с Прибалтийским Экзархатом Русской Православной Церкви так и не состоялось по причине удаления частей РОА с территории служения Псковской Православной Миссии. Однако правильно ли поступил Экзарх Сергей (Воскресенский), чиня препятствия совместному служению подчиненного духовенства с клириками Русской Православной Церкви Зарубежом? Сейчас на этот вопрос очень сложно ответить. Безусловно, у Литовского митрополита было особое отношение к «карловацкому» духовенству, которое он уже с момента редакторства «Журнала Московской Патриархии» в 1930-х гг. считал схизматическим, отстаивая при этом точку зрения митрополита Сергия (Страгородского). Остался верен этой позиции он и под оккупацией, не изменив взглядам своего учителя «Сергия Старшего», хотя это могло принести ему определенные политические очки. С другой стороны, владыка Сергей (Воскресенский) предложил альтернативный вариант создания единого органа управления православными приходами оккупированных территорий России для консолидации сил и последующего полного восстановления структуры Московского Патриархата и, что немало важно, окормления формирующихся частей Русской Освободительной армии и Русского Освободительного Движения в целом.

Духовенство Псковской Православной Миссии тоже принимало участие в окормлении формирующихся частей Русской Освободительной армии. Еще в декабре 1942 г. первые подобные богослужения проводили отцы Кирилл Зайц и Иоанн Легкий, а впоследствии Николай Шенрок и Георгий Бенигсен в Пскове и Саввиной пустыни.¹ Мы уже отмечали выше, что часть миссионеров, в основном родом из Латвии, участвовали во встречах с приехавшим на Северо-Запад России генералом, беседовали с ним, слушали его выступления перед местным населением, соглашались с высказываемой им программой антисталинской борьбы и планом будущего устройства Отчизны. Именно это, вкупе с подчеркнуто уважительным отношением генерала к Православию и приводит к благословению его начинания Экзархом Сергием (Воскресенским) и архимандритом Павлом (Горшковым), а также участием священников Псковской Православной Миссии в деятельности создаваемых под эгидой Русского Освободительного Движения «Русского Комитета», для пропаганды которого миссионеры Бенигсен, Караваев, Перминов и Кравченко прочитали серию докладов в Пскове, Порхове, Острове, Гдове и Новоселье, участвовали в организации духовных концертов псковских церковных хоров в здании «Русского Комитета», по радио и в печати отстаивали идею создания Русской

---

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение... С. 153.

Освободительной армии. Выше мы уже приводили цитату из воспоминаний В.А. Пирожковой, в которой она характеризует организаторские и политические способности отца Георгия Бенигсена, так вот они как раз были проявлены им во время работы «Русского Комитета». Руководитель Псковской Православной Миссии протоиерей Кирилл Зайц выпускает 9 июня 1943 г. специальный циркуляр, в котором он предписывал благочинным представить в Управление Псковской Миссии сведения о популярности идеи Русского Освободительного Движения в среде местного населения, сравнить отношения прихожан к «Власовскому движению» и к партизанским отрядам и их действиям, для того чтобы выявить на чьей же стороне находится расположение жителей Северо-Запада России. Из Струг Красных пришел ответ настоятеля местного храма, в котором говорилось, «что Власовское движение среди населения мало известно и население об нем ничего не говорит; или мало об нем знает, или мало интересуется».¹ О том же писал в Управление Миссии и отец Георгий Тайлов.²

Если мы зададимся вопросом о причинах такого отношения к Русской Освободительной армии и Русскому Освободительному Движению, то тут следует отметить три важные причины этого процесса. Во-первых, только небольшая часть населения Северо-Запада России могла так сказать «вживую» увидеть генерала Власова и ознакомиться с высказываемой им идеологией, что было очень важно в столь сложное и поворотное время. Во-вторых, следует отметить довольно позднее появление формирующихся частей РОА и плененного генерала Власова на оккупированных территориях, да и к тому же долгое время о «русских добровольческих частях», воюющих в рядах Вермахта против Сталина и его диктатуры говорилось, но на деле никто их не видел и возможность организации реальной русской национальной боевой единицы, способной на деле противостоять большевизму, никто не верил, так как это было для немцев слишком долго пропагандистским мифом, а не настоящим делом (известно, что после этой поездки и весьма смелых высказываний во время нее генерал Власов на несколько месяцев был исключен нацистами из активной политической деятельности). В-третьих, существенную роль по ослаблению влияния формирующегося РОД играли советские партизаны, для которых как и для московских властей было крайне опасным появление каких-либо русских антисоветских частей, высказывающих отличную от большевистской идеологию и заявляющих о возможности создания русского

---

¹ ГАПО Ф.1633. Оп. 1Д.2. Л.4.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение....С.154.

национального антикоммунистического движения, направленного на построение независимого государства с временным союзом с Третьим Рейхом. Еще большее опасение у партизан вызывала возможная поддержка идей высказываемых генералом Власовым Псковской Православной Миссией, имеющей огромное уважение у большей части населения оккупированного Северо-Запада России. Мы не будем отдельно останавливаться на сложных и противоречивых взаимоотношениях православных миссионеров и партизан, отметим лишь один очень характерный момент отношения последних к идеологии Псковской Православной Миссии. Так отец Иаков Начис в своем рапорте митрополиту Сергию (Воскресенскому) в марте 1943 г. писал по поводу отношения своих прихожан к журналу «Православный Христианин»: первый номер газеты «Православный христианин» очень быстро разошелся и в большом количестве, но когда были привезены другие номера, то в моем районе уже почти никто не хотел их покупать, между тем, молитвословы, как и прежде, буквально расхватывались. Этот факт меня заинтересовал и я неоднократно предлагал верующим покупать газету, но безуспешно.: - газеты оставались лежать на свечных ящиках. Из частных разговоров с крестьянами выяснилось, что им запрещено покупать эту газету партизанами, потому что она немецкая-фашистская». ¹ О какой поддержке «Власовского движения» можно говорить в этом случае, если такое отношение было даже к довольно сдержанному «Православному Христианину»? А были ли бы религиозны и привержены к Православию пошедшие служить в Русскую Освободительную армию? Ответить на этот вопрос однозначно очень сложно, так как само Русское Освободительное Движение состояло из представителей разных социальных групп с очень разным уровнем образования, происхождения и воспитания. Естественно, что те члены РОД и РОА, которые происходили из среды русской эмиграции, как Кромиади или Ламздорф, были более воцерковлены, чем множество рядовых добровольцев, многие из которых успели впитать советский образ мышления и идеологические установки большевизма. Тем не менее и они могли попасть, находясь на Северо-Западе России, под влияние проповеди членов Псковской Православной Миссии. Прообраз будущей Русской Освободительной армии – гвардейский русский Первый маршевый батальон находился под Псковом на станции Стремутка. Судя по материалам издаваемой в оккупированном Северо-Западе России периодики войны РОА и псковское духовенство часто встречались как в храме, так и вне его. В частности и те и другие принимали участие в пропагандистских акциях оккупантов. К примеру, 22 июня 1943 г. широко праздновали двухлетие «освобождения», в ходе

---

¹ ГАПО Ф.1633. Оп. 1Д.2. Л.8-8-оборот.

которого сначала были отслужены благодарственные молебны, а затем, днем, прошел широко известный парад Русской Освободительной армии.¹ Совместно происходили празднования и в Сольцах, в которых после торжественного богослужения перед местным населением и военными частями Вермахта и Русской Освободительной армии выступали как православные священники, так и офицеры новых соединений.² В некоторых других статьях говорилось об участии солдат РОА в богослужениях, об их беседах со священниками. Степень воцерковления формирующихся частей «власовцев» установить пока не представляется возможным, но, конечно, то религиозное возрождение, которое они видели на территории служения Псковской Православной Миссии не могло не врезаться в их сознание и, возможно, изменить их отношение к Богу и Православной Вере.

Многие современные критики идеологии Русского Освободительного Движения часто говорят, что в этой организации мало место уделялось религиозным вопросам, а в основных программных документах, таких как «Пражский Манифест Комитета Освобождения народов России» говорится лишь о «свободе совести», без конкретного упоминания Русской Православной Церкви и ее возможной роли в будущем постсталинском русском государстве. Конечно, данный факт сейчас очень резонирует, если говорить о формировании русского национального государства, но с другой стороны в то время, после двадцати пяти лет атеистического владычества, ситуация была несколько иной. Важно отметить, что Русское Православие не было в тот момент едино: Русская Православная Церковь Зарубежом была более консервативной его частью, долгое время она стояла на позициях восстановления монархии Дома Романовых, что никак не соотносилось с советской действительностью, где монархическая идея не была популярна и была опорочена большевистской пропагандой, большое количество духовенства этой юрисдикции было очень далеко от реалий жизни в Советском Союзе и не могло понять чаяний «подсоветских» людей, а Западноевропейский Экзархат русских приходов Константинопольского Патриархата был очень ограничен в своих действиях, к тому же к нему неблагосклонно, если не сказать откровенно враждебно, относились обе основные воюющие стороны: как Советский Союз, никогда, за исключением времени «обновленческого раскола» и заигрываний с кемалистской Турцией, не питавших к Вселенскому Патриархату теплых чувств, так и Третий Рейх, справедливо видевший в

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1282. Л.126.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1295. Л.19.

этой Церкви влияние Великобритании и Франции. Московская же Патриархия, то есть та ее часть, которая находилась по советскую сторону фронта, шла в фарватере политики советских властей и поддерживала их как на внутренней, так и на международной арене. Поэтому довольно странно, как нам представляется, требовать от лидеров РОД какой-то определенности в вопросе поддержки той или иной юрисдикции или конкретного выделения особой роли Православной Церкви в Новой России, которую они чаяли создать. Важно отметить и то, что КОНР не мыслился как чисто русская национальная организация, а как, скорее, прообраз всей будущей России с ее неоднородным национальным населением. К тому же, как уже нами отмечалось выше, во «Власовское движение», входили очень разные люди с разными точками зрения на будущее России и на место религии в ней. В частности, более критично относились к руководству Московской Патриархии и лично митрополиту, а впоследствии Патриарху Сергию (Страгородскому) в периодике «власовцев», чем в его руководстве. Религиозный вопрос не был решающим в бойне Второй Мировой войны, он лишь умело использовался в пропагандистской войне противоборствующих сторон.

С другой стороны, высказанные генералом Андреем Власовым и его окружением идеи нашли отклик у части православного духовенства Псковской Православной Миссии. В частности, уже после трагедии эвакуации части русского населения Северо-Запада России в Балтию священники Иоанн Легкий и особенно Георгий Бенигсен сначала принимали участие в «Русском комитете» и «Народной помощи», поддерживали идею Русской Освободительной армии и даже участвовали в берлинских совещаниях РПЦЗ и РОД. Поддерживали «Власовское движение» и многие «светские» члены Псковской Православной Миссии, в частности Иван Давыдович Гримм стал главой юридического отдела Комитета Освобождения Народов России, также вошел в КОНР секретарь убиенного Экзарха Сергия (Воскресенского) Д.А. Левицкий.¹ Видимо эта часть Псковской Православной Миссии поверила в возможность военного противостояния богоборческому режиму, пусть и вместе с Третьим Рейхом, и продолжила впоследствии свою работу на ниве служения этому движению. Говорить же о полном сходстве идеологических установок Русского Освободительного Движения, вылившегося в конце войны в Комитет Освобождения Народов России и Псковской Православной Миссии нельзя. Миссионеры, как мы уже говорили, не предлагали каких-либо конкретных вариантов будущего устройства России, заявляя лишь о необходимости покаяния русского народа за грех атеизма и большевизма, и о том, что будущая небольшевицкая

---

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение....С.157.

страна должна будет строиться на основе Христианского Вероучения. Не смогла Миссия по причине нехватки времени и очень позднего появления генерала Власова на оккупированной территории России, популяризировать РОД. Также нам кажется, что не с проста к «Власовскому движению» примкнули в основном миссионеры из Балтии, так как они в гораздо меньшей степени ощутили на себе влияние двадцатипятилетней большевистской пропаганды, и к тому же некоторые из них были членами таких организаций как Русское Студенческое Христианское Движение или (и) Национально-Трудовой Союз. Местное население к тому времени, несмотря на попытки местных русских пропагандистов по популяризации Русской Освободительной армии и личности генерала Власова, относилось к оным прохладно: идеологическую нишу разными способами уверенно заполняли советские партизаны.

§4. Участие представителей Псковской Православной Миссии в пропагандистских акциях Третьего Рейха на оккупированной территории Северо-Запада России. Сотрудничество духовенства с немецкими органами СД.

Начиная анализ степени и значения участия духовенства Псковской Православной Миссии в нацистских пропагандистских акциях, отметим сразу две важные особенности. Во-первых, Псковская Миссия была образована при помощи и поддержке немецких властей. И, даже несмотря на то что, у православных клириков и Экзарха Сергия (Воскресенского) были диаметрально противоположные взгляды на смысл служения миссионеров на оккупированных районах Северо-Запада России, тем не менее при большевистской власти такого массового религиозного возрождения православных приходов и воцерковления так долго находившегося под влиянием атеистической пропаганды населения быть никак не могло. Во-вторых, допуская религиозное возрождения «новые хозяева» России не хотели упускать рычагов давления на Миссию и часто требовали поддержки, в том числе и самой широкой, многих своих пропагандистских шагов. Исходя из этого и священнослужители должны были принимать участие в акциях оккупационных властей, поддерживая многие их политические маневры по отношению к местному населению (очень разные по своей сути и играющие часто разные роли в жизни местного населения). Нацисты хотели представить все свои действия на контрасте с большевистской политикой: закрытию церквей, поруганию религиозных святынь и расстрелам духовенства в довоенные и военные годы по другую сторону фронта они противопоставляли процесс активного религиозного возрождения, введения

преподавания Закона Божьего (хотя очень выборочно и неполно) и др.; столь ненавистной русскому крестьянству колхозной системе – мнимую на деле «передачу» земель в частное пользование индивидуальному хозяину, господству «жидовской» и интернациональной культуры – возвращение к истокам русской национальной культуры, возвращение к именам Достоевского, Пушкина, Лескова, Шмелева и знакомству с новыми писателями и мыслителями, к примеру с Василием Никифоровым-Волгиным или Иваном Солоневичем. Теперь остановимся на «религиозном контексте» этого противоречивого процесса поподробнее.

Первым и, пожалуй, главным пропагандистским тезисом немецких властей на оккупированных территориях России (на других территориях этот тезис часто смыкался с освобождением от «русского шовинизма» и носил совсем другой оттенок) было «освобождение» местного населения от порабощавшего его безбожного и открыто террористического режима, длившегося на протяжении 24 лет, начиная с октября 1917 г. и заканчивая 22 июня 1941 г. (или другой датой занятия германскими властями той или иной российской местности). Мы уже упоминали о том, что во время широко известного празднования двухлетия «освобождения» в Пскове 22 июня 1943 г., когда после богослужения и выступления представителей немецкого командования и местной администрации состоялся парад формирующейся Русской Освободительной армии. Однако богослужения происходили не только в главном городе оккупированного Северо-Запада, но и в других местах. Приведем одно из показательных описаний, «празднования» сей даты в том же году в Гдове: «Гдовичи торжественно отметили вторую годовщину освобождения города. Еще накануне здание городского управления было украшено зеленью, русскими и германскими флагами. Перед иконой Казанской Божией Матери местное духовенство отслужило благодарственный молебен. Начальник района Колтышев произнес большую речь о прошлом, настоящем и будущем города Гдова. По окончании речи хор исполнил песню – марш русских добровольцев «Мы идем». Вечером гдовичи собрались в саду, где состоялся концерт». ¹ Как мы видим во многих районных (волостных) центрах именно с богослужения начинались данные «празднования», видно с данью традиции празднований как в дореволюционной России, так и в других странах Европы с традиционными системами ценностей, (в более мелких населенных пунктах, данный тезис хорошо демонстрирует празднование в Ушаках). ² Не всегда участию

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.72.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1295. Л.42.

православного духовенства отводилась главная роль в этих «торжествах» и, просматривая описания этих торжеств, нам кажется, что это делалось не с проста, так как главный упор в выступлениях как немецких, так и русских представителей зачастую делался на «жидобольшевистскую тематику». В частности на псковских «празднованиях» 1943 г. говорилось: «Русский народ стоит перед угрозой физического уничтожения...Жида давно поработили нас, как нацию, теперь они пытаются спасти свою шкуру ценою нашей, русской крови. Они гонят стариков, женщин и детей на фронт, на верную гибель. Они жестоко расправляются в тылу с каждым, кто проявит слабость, кто падает, обессиленный от голода, у станка или плуга. Они заливают кровью деревни и города, которые им удастся временно занять вновь».¹ Нам кажется, что такая риторика не была свойственна православному духовенству Псковской Миссии, члены которой не являлись политиками, умело лавирующими в мутной воде идеологического противостояния двух антихристианских режимов: нацистского и большевистского.

Некоторые торжества были похожи не на традиционные празднования религиозных и государственных праздников в Российской Империи, а скорее на большевистские манифестации, с той лишь разницей, что вместо прославления «великого наследия Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина» и «великой октябрьской социалистической революции» говорилось о «третьей революции» и о лозунге «Свобода или смерть» в борьбе с советским режимом. При всем этом в освещении этих «знаменательных» событий крупным планом выделялись и крестные ходы, в частности в Гатчине, с такими подписями: «День освобождения от большевицкого ига - 22 июня – в освобожденных областях России был отпразднован при живом участии и содействии всего населения. В восстановленных церквях, которые большевиками в свое время были превращены в кинотеатры, гимнастические залы и оборонительные сооружения, ныне при большом стечении народа, происходили благодарственные богослужения и крестные ходы».² Инициатива участия православного духовенства Северо-Запада России в подобных пропагандистских акциях нацистской власти, безусловно, исходила от оккупационной администрации. Так, К.П. Обозный приводит пример этого процесса, в частности весной 1942 г. в Управление Псковской Православной Миссии из местного СД пришло предписание, согласно которому необходимо было составить для подчиненного духовенства специальный циркуляр «О служении благодарственных молебнов в

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.6-оборот.

² Там же.

годовщину занятиями немцами того или иного населенного пункта».¹ В принципе нацисты хотели видеть довольно однотипное поведение духовенства Миссии в эти дни: крестный ход с участием прихожан на главную площадь, где проходили основные торжества, а затем «благодарственная» речь священника, в котором обязательно следовало упомянуть мощь и силу «Великогерманской армии» и его вождя Адольфа Гитлера. Попытались обыграть местные пропагандисты проведения торжеств и с воскресным днем: в частности все хоры города Дно должны были прибыть к местной церкви Михаила Архангела и принять участие в благодарственном молебствовании по случаю первой годовщины освобождения от большевиков.² В принципе большинство подобных празднований «освобождений» мало отличались друг от друга, с той лишь разницей, что где-то местные власти отводили духовенству больше места в них, требуя речей и панегириков в адрес «великого» фюрера, а где-то им не нужен был даже крестный ход, так как основной пропагандистский упор делался на другое, к примеру, на подразделения РОА.

Помимо «празднования дней освобождения» у немецкой администрации были и другие поводы привлечь православных миссионеров Северо-Запада к своим пропагандистским акциям, в частности глубоко анонсированной оккупационной периодикой очень противоречивый жест «уничтожения колхозной системы». Безусловно, немцы знали как до войны, так и после занятия территории Советского Союза о всех недостатках советской колхозной системы и ненависти к ней огромного количества крестьян. Как справедливо отмечает К.П. Обозный, сразу же после занятия северо-западных российских территорий Вермахтом колхозы, которые пользовались опекой и полной поддержкой большевистских властей, прекратили свое существование, к тому же изменилось и налоговое обложение крестьянских хозяйств: «Продналог, установленный немецкими властями, был гораздо ниже, чем при советской власти. Это создавало благоприятные условия для развития единоличного сельского хозяйства и позволяло снабжать продуктами не только немцев, но и... партизанские отряды».³ Конечно, «колхозная реформа», чаемая практически всем населением России должна была стать венцом определенного этапа нацистской оккупационной политики на занятой немецкой армией территории, переход земли в «частные руки» также рассматривался с

---

¹ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. ... С.428-429.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.649. Л.7-оборот.

³ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. ... С.425.

пропагандистской стороны и как разделение населения на разные категории, как заявлялось трудолюбивый крестьянин получает большее количество земли, чем «лодырь и бездельник». Также необходимо отметить, что данные изменения проводились на разных оккупированных территориях различно, и если на украинской территории часто допускались большие поблажки, то российский крестьян в этой связи был обделен в гораздо большей степени. 15 февраля 1942 г. «новый аграрный закон» германскими властями был подписан. 16 февраля министерство Альфреда Розенберга выпустило пропагандистское распоряжение, в котором определялись основные тезисы по популяризации данного решения, в частности было провозглашено преобразование советских коллективных хозяйств в общинные хозяйства, которые представлялись временной мерой обусловленной трудностями военного времени, после чего вся земля перейдет в частные руки российского крестьянства, совхозы отныне становились государственными хозяйствами, а машинно-тракторные станции – государственными базами, переходившими под оккупационное управление, также было определено образование «земледельческого товарищества», главной целью которого декларировалось возможность приобретения дорогостоящей и редкой техники, оно же коллективно обрабатывало землю, хотя после окончания сева и происходило межевание земли, с запланированным сбором урожая каждым единоличным хозяйством, также в отдельных местах создавалась система хуторов и отрубов, в которые крестьяне отделялись от какой-либо формы коллективного пользования землей и должны были платить только сельскохозяйственный налог; создавались земельные управления по районам, округам, областям с конечным подчинением Германскому Главному земельному управлению.¹ Конечно, в «декларации» данные меры кажутся исключительными и положительными, резко контрастирующими с введенной большевиками системой колхозного строительства, однако на деле процесс был гораздо более противоречивым со множеством отрицательных последствий для местного крестьянства. Эту противоречивость, и даже ложность германского аграрного курса показывает новгородский исследователь Б.Н. Ковалев, посвящая в своей книге о «повседневной» жизни населения оккупированных российских территории этому вопросу обстоятельную главу.² В то же время нельзя отметить и некоторые положительные черты данного немецкого мероприятия, в частности в монографии К.П. Обозного приводится свидетельство одной из жительниц оккупированных районов: «Знаешь, как мы зажили в те годы! Зерна в амбарах у всех было

---

¹ Ермолов И. Указ. соч. С. 170-171.

² Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения. ... С. 223-250.

полно. Продуктами на зиму запаслись в достатке. Коров держали, поросят выращивали. Некоторые даже обзавелись лошадками, запрещенными при колхозах. Работали с удовольствием, и на гулянки, на праздники хватало времени...».¹ В нашу задачу не входит оценка данного мероприятия немецких властей, отметим, что восстановление событий и характеристика данного процесса по разным регионам Советского Союза еще ждет своего кропотливого исследователя. Теперь вернемся к основному интересующему нас вопросу: как члены Псковской Православной Миссии отреагировали на данную «реформу» оккупантов. Здесь мы видим практически идентичную формулу, как и с «празднованием годовщин освобождения»: псковский СД направляет в Управление Миссии предложение, в котором просит напечатать и распространить воззвание Псковской Православной Миссии по данному деянию, размножить его и распространить по округам, отслужить в установленные дни обнаружения «нового аграрного закона» благодарственные молебны, организовать крестные ходы и принять участие в выступлениях в центре того или иного города по этому важному событию. Псковская Миссия составила специальное воззвание по этому поводу, в котором говорилось: «Вождь германского народа Адольф Гитлер издал приказ о проведении земельной реформы в освобожденных от советской тирании областях России. Измученный русский крестьянин долго ждал этой реформы. Колхозы уничтожены (выделено жирным шрифтом в газете), основывается общинное хозяйство, которое представляет собой переходную форму к частному хозяйству отдельного крестьянина. Это означает, что крестьяне скоро смогут обрабатывать землю при наличии нормальных условий работы. Годы советского рабства навсегда отошли в прошлое... Но этот сон, эта ночь кончаются. В стране пробуждается новая жизнь (выделено жирным шрифтом в газете).»² Прежде всего, отметим, что с одной стороны Управление Миссии отметило все основные моменты пропагандистской кампании, проводимой гитлеровцами на оккупированной российской территории: особо отмечается роль Гитлера в процессе «освобождения» и проведения реальных и нереальных реформ, дается характеристика колхозной системы в Советском Союзе, хотя она краткая и простая, образно, с религиозной точки зрения, характеризуется вся сущность коммунистического режима. В то же время редакция газеты «За Родину» за зря отдельно выделяет слова об уничтожении колхозов и пробуждении новой жизни, этим как бы особо выделяется начало перемен, передается психологическая установка на положительное изменение положения дел в сельском хозяйстве и системе землепользования. Однако

---

¹ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. ... С.427.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.9-оборот.

можно ли клеймить православных миссионеров в составлении подобных воззваний для местного населения? Нам не кажется, что следует отвечать на этот вопрос однозначно утвердительно. Во-первых, в тот период еще не просуществовавшая и год Псковская Миссия находилась в огромной зависимости от оккупационной администрации и поэтому не могла проявлять открытую оппозиционность сложившемуся режиму. Во-вторых, и это представляется очень важным, тогда нельзя было предугадать результаты этой «реформы», определить степень и глубину ее проведения. В-третьих, не стоит удивляться и панегирикам в адрес фюрера, его армии и его администрации: как это не прискорбно бы звучало, но для очень большого количества епископата, рядового духовенства и мирян в двадцатом веке было довольно привычным поддерживать как те или иные меры, так и в целом политику властей, идеологические установки которых были резко антихристианскими. Не стала исключением в этой связи и «земельная реформа», о значимости которой говорит и широкое ее освещение в оккупационной периодике, и упоминание в дальнейшем как чуть ли не главного достижения немецкой администрации в сравнении с большевистскими годами.

Мы не будем останавливаться на «торжествах» в отдельных районах, так как участие в них духовенства очень походило на участие клириков в «днях освобождения». Похожими праздниками были также праздники жатвы и еще некоторые пропагандистские мероприятия проводимые местной администрацией. Не во всех из них находилось место православному духовенству. Ярким примером может стать празднование 1 мая, так как если до оккупации этот день был одним из основных в советском календаре, то теперь, на контрасте с довоенным временем, этот день стал праздником победы германской нации и германского рабочего класса в борьбе с плутократией, «жидовским засильем» и «жидовским капиталом». Внешняя канва праздника как будто существенно не поменялась: такие же манифестации с транспарантами, правда, лозунги уже другие.

Другое значение имели торжества, которые тоже носили ярко выраженный пропагандистский характер, однако в большей степени приносили положительные результаты местному, особенно верующему, населению. Выше мы уже приводили пример передачи Псковской Православной Миссии богослужебных книг. Однако венцом подобной политики и самым важным событием стала передача миссионерам и прихожанам Чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. В руки Вермахта икона попала при до сих пор не выясненных обстоятельствах. Согласно одной точки зрения, эта святыня действительно была спасена немецкими солдатами из горящего Успенского собора города Тихвина в конце 1941 г., другой – соотносящейся с составленным 7 апреля 1942 г. старожилами города актом, икона была похищена оккупантами при сожжении ими

трех церквей и пяти корпусов Тихвинского монастыря. Мы не будем углубляться в этот спор, скажем лишь, что в конце 1941 г. чудотворный лик Богородицы, как многие другие ценности, был доставлен в комендатуру города Пскова, где и хранился продолжительное время. Вскоре коменданту города пришла идея не только передать святыню православному клиру для проведения богослужений, но и сделать это как можно более помпезно и зрелищно. Просил об ее передаче и протоиерей Кирилл Зайц.

Первым шагом на пути к возвращению святыни православным верующим стала довольно символическая передача иконы в период новогодних празднований 1 января 1942 г. В честь данного знаменательного и счастливого для каждого православного христианина был совершен торжественный крестный ход, который возглавил сам отец Кирилл. Во время него священник остановился и у здания немецкой комендатуры, особо поблагодарив новые власти за возможность приобщения к чудотворной иконе. Однако тогда окончательной передаче святыни не состоялось - еще несколько месяцев она хранилась в оружейной комнате комендатуры. Этому недоразумению есть довольно четкое объяснение – об иконе и ее роли в пропаганде Третьего Рейха знали партизаны, которые могли предпринять шаги по похищению образа Богородицы (что подтверждают такие исследователи как С.К. Бернев¹). В течении двух следующих месяцев икона находилась в Кафедральном соборе только по праздничным дням и воскресеньям. В конце января был совершен еще один крестный ход в ознаменование очередного счастливого события. Закончился процесс возвращения 22 марта 1942 г., по случаю чего была организована большая пропагандистская акция, ходу которой было выделено немалое место на страницах оккупационной периодики. Так, миссионеры даже попали на широко известную (и часто используемую современными российскими документалистами) кинохронику. В передовице главного рупора Северо-Запада России времен оккупации – рижско-псковской газеты «За Родину» передача Тихвинской иконы Божией Матери характеризовалась как «всемирное торжество во Пскове», причем определенная медлительность в процессе возвращения святыни Православной Церкви объяснялось так: «Деятельность православной Миссии в занятых немецкими войсками областях уже настолько окрепла, что Миссия в настоящее время сама в состоянии заботиться о дальнейшей охране исторической Святыни. Поэтому германское командование нашло возможность передать Тихвинскую Святыню в верные руки православной Миссии».² Нам

---

¹ Бернев С.К. Судьба святыни. Кто и как вывез чудотворную икону Тихвинской Божией Матери из России. // Русь Православная. СПб. 2001. №11-12. С. 3.

² ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.10-оборот.

кажется, что в этой связи можно отметить определенное лукавство оккупантов: даже несмотря на возможные провокации со стороны партизанских отрядов, следовало бы отчетливо понимать как германцам нужна была именно сильная пропагандистская подоплека этого деяния, ведь если вдуматься это очень сильно «было» по советским агитационным тезисам о разрушении нацистами на оккупированных территориях памятников культуры. В этой связи немецкая администрация могла сделать прекрасный акцент: при большевиках церкви в лучшем случае переоборудовались в музеи, а в худшем разрушались, иконы или уничтожались или находились в запустении (в том числе и в антирелигиозных музеях), а теперь «храбрый германский солдат» вынес икону из Тихвина, который Вермахту пришлось оставить. Значимость происходящего события показывает и присутствие на торжествах германского генерала, который произнес речь после завершения крестных ходов на главной площади города. В газете «За Родину» речь характеризовалась так: «...генерал обратился к собравшимся с речью, в которой указал, что германские войска взяли под свою охрану Святую икону, чтобы сохранить ее от уничтожения и сберечь для русских верующих. В заключение своей краткой речи, германский генерал выразил пожелание, чтобы для измученного русского народа и в области религии наступил расцвет новой жизни... У многих на глазах виднелись слезы радости. Все русские люди ведь уверены в лучшем будущем, под немецким руководством, уверены в работе, в хлебе и обеспеченном существовании».¹ Как мы видим, данный текст полон преувеличений заслуг немцев, дело даже доходит до тезиса о счастье только под «немецким руководством». Это, безусловно, очень высокомерный тезис характерный скорее для начала войны, но никак для более поздних периодов, когда на фронтах удача стала постепенно отворачиваться от армий Третьего Рейха. Далее характеризуются ответные слова начальника Псковской Православной Миссии протоиерея Кирилла Зайца: «В кратких словах он описал, как с опасностью для своей жизни немецкие солдаты спасли русскую православную святыню и подчеркнул то трогательное внимание по отношению к чувствам верующих, с каким святыня была сохранена в Псковской комендатуре. «Мы приложим все свои силы», сказал о. Кирилл, «чтобы и в нашей жизни в тылу фронта также быть всегда готовыми ко всяким жертвам, пренебрегать своими личными интересами, и стремиться к новой светлой будущности для нашего народа и народов Европы, как это делают германские солдаты на фронте»».² Отметим несколько отличительных черт «ответа» отца Кирилла. Во-первых, и это довольно важно, он не восхвалял долго и

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.10-оборот.

² Там же.

обстоятельно лично «великого фюрера», без которого «освобождение было бы невозможно» (скорее всего в оккупационной печати такой момент не преминули бы упустить), хотя вполне мог бы, так как деяние это было действительно очень значимым для православного клира и паствы. Во-вторых, факт, при всех «пронацистских пассажах», остается фактом: немецкая администрация вернула высоко чтимую святыню, которая долгое время была недоступна верующим. Даже если провести некие параллели с советскими «поблажками» по отношению к Православной Церкви как во время так и после войны, то итог будет не в пользу большевиков: их «передачи» не всегда освещались в прессе, да и присутствие высокопоставленных чиновников на таких мероприятиях не очень то приветствовалось. Завершается «красивый жест» нацистской администрации по отношению к православному населению оккупированных районов Северо-Запада России взаимным рукопожатием германского генерала и протоиерея Кирилла Зайца, а также, после ухода «немецкой части празднующих», шествием около пяти тысяч псковских верующих и благодарственным молебном о даровании «победы армии-освободительницы».

С точки зрения пропаганды, сами торжества и статьи их освещающие выработаны тщательно с возможностью получения как можно большего эффекта от агитации, даже подобранные фотографии говорят об этом, помимо сцены рукопожатия на заднем плане которого виднеется флаг со свастикой (та же свастика виднеется и на входе в ворота Псковского Кремля, присутствует фотографии Чудотворной иконы Тихвинской иконы Божией Матери, женщин с детьми с надписью «маленькие участники всенародного торжества», идущих по улицам молящихся) данное событие блестяще обыгранно. Поистине выбраны самые лучшие ракурсы, что создает и в большой степени реально передает ощущения от этого знаменательного события.

Передача Тихвинской иконы Божией Матери действительно было важным событием в жизни каждого верующего, вселяло в него надежду на какое-то, пусть самое далекое и пока невидимое будущее, которое будет наполнено счастьем и религиозной свободой. Такие «сильные» с пропагандистской точки зрения «реверансы» нацистов в сторону Православия не могли не заметить и в Москве, этого очень опасались, так как долго противопоставить что-либо подобной религиозной политике советским властям было нечего: для большинства истинно верующих они оставались гонителями и губителями Веры и Церкви.

Особо следует остановиться и на сотрудничестве членов Псковской Православной Миссии с немецкими органами СД. Служба имперской безопасности СД, подчиненная лично рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, была, пожалуй, самой сильной

организационной структурой Рейха, имевшей огромную картотеку с именами врагов нацистского режима и разветвленную сеть информаторов. Возглавляемая убежденными нацистами, бескомпромиссная в своей деятельности, эта организация искала своих агентов в среде местного русского населения, пытаясь взять благодаря этому жизнь в оккупированных районах под свой тотальный контроль. Самой спорной фигурой, но в тоже время ключевой в понимании степени влияния органов СД на Псковскую Миссию, является ее глава протоиерей Кирилл Зайц. О том, что отец Кирилл является агентом СД он сам заявил на допросе советским карательным органам после войны, но данные сведения можно подвергнуть сомнению. Если же посмотреть все циркуляры, которые отправлялись в приходы на местах, то они всегда составлялись от имени отца Кирилла Зайца, а в них зачастую действительно проводилась пронемецкая линия: предлагалось отправлять сведения о местном населении, отношении волостных старост к религии и многое другое.¹ Наладил отношения с органами СД священник уже после организации «Православной Миссии в освобожденных областях России», и действительно обязался (в этом сходятся практически все авторы) содействовать службе безопасности, скрывая при этом свое с ней сотрудничество. Впоследствии, попавший под надзор СД, протоиерей не мог не выказывать покорность новым властям и поэтому участвовал во многих пропагандистских кампаниях оккупантов и письменно призывал к участию в них остальных клириков (о чем подробно писали выше). Но, несмотря даже на послевоенные признания на допросах, нам отнюдь не кажется, что отец Кирилл был пешкой в немецкой пропагандистской игре, а сотрудничал с специальными службами Рейха для укрепления мощи и целостности Псковской Миссии.

По-иному можно оценить работу на СД благочинного Ушаковского и Гатчинского округа Ивана Васильевича Амозова. Бывший псаломщик в царское время, а затем убежденный коммунист и чекист, не только произносил частые проповеди в честь вождя Всегерманского Рейха Адольфа Гитлера, но и устроил у себя в округе настоящую диктатуру: издевался над пожилыми монашествующими и старцами, писал доносы на священнослужителей и мирян.² Отличился он и в том, что по-иному относился к представителям Московской Патриархии, оставшимся на другую сторону фронта, пренебрегая тем самым линией Экзарха Сергия (Воскресенского). Нам кажется, что следует остановиться поподробнее на биографии этой самой «темной» фигуры в истории Псковской Православной Миссии. Родился Иван Амозов в семье церковного старосты в

---

¹ Веверс Я.Я. Указ.соч. С.11-14.

² Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите...С.244.

1886 г., видимо благодаря чему он закончил два класса Петроградской Духовной Семинарии. Недоучившийся семинарист Иоанн отправляется затем послушником сначала в Александро-Свирский монастырь, а потом на Валаам. Разочарованный в служении Богу молодой человек решил включиться в столичную жизнь и отправился для этого в Санкт-Петербург, устроившись на гвоздильный завод молотобойцем. Но через год данная профессия Амосову надоедает и он отправляется в «паломничество» по Святым местам Российской Империи, побывав в Тихвинском, Осташковском, Валдайском, Старорусском, Полоцком монастырях и Киево-Печерской лавре. Но и это духовное путешествие не направило его к принятию монашества, а наоборот «вернуло» к жизни в столице, где он устроился на кожевенном заводе Брусницыных. Работая на данном предприятии, Иван Васильевич успел поучаствовать в забастовке, после чего отправился в родное село, «опасаясь репрессий».¹ Вскоре он снова отправляется в паломничество, и в одном из скитов в котором он ненадолго «подвизался» его замечает викарный епископ Андронник. С помощью этого владыки Амосов поступает на курсы псаломщиков, после окончания которых становится псаломщиком и служит на новгородских приходах.

В 1909 г. опять очередное радикальное изменение в жизненном пути: Амосов решает вернуться на столичный гвоздильный завод, работая на котором принимает участие в забастовках, после чего на четыре года высылается властями в город Златоуст. Там этот авантюрист входит в марксистские кружки, знакомясь с местными «лидерами рабочего движения» и выполняет некоторые их поручения. В 1914 г., видимо в связи с разразившейся Первой Мировой войной он возвращается к обязанностям псаломщика во избежание мобилизации. Но и тут Амосова постигает фиаско, в связи с отменой «брони» на псаломщиков его отправили в действующую армию на фронт. Через месяц службы он дезертирует и определяется после поимки за нарушение присяги в дисциплинарный батальон, в котором пребывает до начала 1917 г. В январе Иван Амосов подает прошение об отправке на фронт, но не успевает послужить Родине, приняв участие в событиях февраля 1917 г. в Петрограде. Здесь же он встречает своих «друзей» из Златоуста и снова «увлекается марксизмом». В декабре 1919 г. мы видим бывшего монастырского послушника в рядах большевистской партии, участвующего кроме всего прочего в агитационно-пропагандистской работе, в том числе занимая такие важные посты как председатель трибунала войск ВОХР Приволжского военного округа и наркомом юстиции в Кабарде. В 1920-начале 1930-х гг. этот карьерист занимает довольно высокие должности на территории многих уголков Советского Союза, в том числе в Москве и Ленинграде. С

---

¹ Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. ...С. 352-353.

1933 г. Амосов работает в спецотделе прокуратуры СССР помощником прокурора при Особоуполномоченном ОГПУ СССР, через год став начальником политотдела Московской областной милиции. С осени 1935 г. Амосов становится членом Спецколлегии Областного суда в Ленинграде, после чего он был назначен помощником начальника политотдела Ленинградской областной и городской милиции. Именно в этот период невероятный циник временно «прокололся» и был исключен из партии, арестован и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей за незаконное присвоение себе в 1922 г. ордена Красного Знамени и приписки себе партийного стажа с 1910 г. В лагере на Колыме Амосов находился до июня 1941 г. С приходом нацистских властей карьера Ивана Васильевича снова круто меняется. Еще до захвата части территории немцами он решил отправиться к своей семье в Ленинград, но был задержан оккупационными властями и отправлен в находившийся во Мге лагерь.¹

Быстро разобравшись в новой для себя ситуации, он решает вновь «вернуться к священническому сану», в чем ему помогли воспоминания о дореволюционном служении псаломщиком и паломничества по Святым местам. Для этого Амосову подвернулся отличный случай: в лагерь для отпевания умерших военнопленных пришел священник Соболев, к которому смог войти в доверие «узник советского режима», заявивший что являлся до 1912 г. диаконом, а следующие десять лет служивший священником, за что и был репрессирован большевистскими властями. Несколько первых месяцев своего «служения» этот самосвят служил в деревне Лезье, после чего по распоряжению военного коменданта был вынужден отправиться в Псков в Псковскую Миссию для регистрации. Как не странно, но с этой задачей Амосов справился блестяще: члены Управления Миссии, в том числе священники Кирилл Зайц и Георгий Бенигсен сначала поверили сбивчивым рассказам визитера, особенно в ключе упомянутых им тягот и гонений со стороны большевиков (как мы показывали в предыдущей главе очень большое количество местного духовенства влившегося в Псковскую Православную Миссию прошли в Советском Союзе через аресты и лагеря) и он не только был зачислен в клир, но и получил право управлять восемью приходами в прифронтовой зоне.

Уже очень скоро авантюрист заручился поддержкой новых своих хозяев – органов СД, с которыми очень тесно сотрудничал, составлял доносы на других клириков Миссии, в том числе и на ее руководство, шантажировал и унижал многих пастырей, в общем чувствовал себя полновластным хозяином во вверенной территории. Возможно именно благодаря действиям Амосова были расстреляны немцами за связь с партизанами и

---

¹ Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите.... С.232.

просоветские взгляды священники Александр Петров и Иоанн Суслов. Озадаченные столь мерзкими и богопротивными выходками члена Миссии, ее руководители решают перевести его поближе к Пскову, сначала в Камно, а затем в Любятово. Но и там на все конфликты и подозрения в самозванстве бывший большевик отвечал безудержным потоком доносов в СД. Но на этот раз его навязчивость и услужливость насторожила даже искушенных немецких карателей, которые обратились в Псковскую Православную Миссию с требованием разъяснений по «делу Амозова».

Интересно отметить что и в Литовском Государственном Центральном архиве также отложились документы немецких органов СД, по которым действительно подтверждается, что Иван Амозов был под постоянным надзором германских карателей и они постепенно стали подозревать его в самоуправстве.¹ Однако в то же самое время они понимали, что такие люди как Иван Васильевич являются достаточно ценными для Третьего Рейха «кадрами» и «преданными немецким властям» людьми. Исходя из этого некоторые чиновники СД хотели в октябре 1943 г. «спрятать» Амозова хотя бы в монастыре в Вильнюсе, тем самым на время «спасти» самосвята от взора как представителей Псковской Православной Миссии, так и Экзарха Сергия (Воскресенского).² В тоже время немцы отмечали и «большие заслуги» отца Иоанна именно в его «служении» на Северо-Западе России». Руководствуясь информацией возмущенных прихожан и видя все гнусные дела «отца Иоанна» Экзарх Сергей (Воскресенский) принимает решение о запрещении обнаруженного самосвята в священнослужении.

Устраненный от приходской жизни Амозов быстро опускается и уходит в запой, чем вызывает жалость у отца Кирилла Зайца, решившего назначить его на торошинский приход, в котором притворщик вернулся к порочной практике доносов и пренебрежительному отношению к местному населению. Эвакуация забросила Амозова в эстонскую столицу, где он был арестован сначала эстонской полицией, а затем, после прихода советских войск, был арестован в Ленинграде. Следует отметить, что несмотря на внушительный срок (двадцать лет ИТЛ) Иван Васильевич активно «сотрудничал со следствием» и дал множество показаний обличающих других миссионеров. Впоследствии этот «бывший миссионер» смог получить пенсионные поправки «встроившись» в волну критики сталинского террора после прихода к власти Хрущева.

«Проявил» себя Амозов и в плане проведения в жизнь немецкой пропаганды. В уже упомянутой нами статье, содержащей завуалированную критику руководства Московской

---

¹ LCVA. F.R-1399. Ap.1. B. 109.L.113.

² Ibid. L.114-114-app.

Патриархии он рисует далекую от правды автобиографию. В начале «рассказа» Амосов предстает перед нами в образе только что освободившегося из лагерей священника, приехавшего в Ленинград для решения своей дальнейшей пастырской участи. В городе он узнает, что теперь главную роль при назначениях и перемещениях духовенства играет не правящий архиерей, а «благочинный» в лице заседающей в Смольном «еврейки Татаринцевой».¹ Как мы видим, авантюрист и самосвят сразу поймал основные вехи пропагандистских установок гитлеровцев и поэтому сразу включил в «автобиографию» элемент антисемитизма. Дальше он, как бы узнает что теперь правящий владыка Алексей (Симанский) никакое свое действие не может совершить без одобрения и прямой санкции этой властной женщины: «А митрополитом, говорят, у нас сейчас Алексей Симанский, только без Татаринцевой и он ничего не сделает. Она и камилавки раздает и митрой награждает. То есть официально то камилавку дает митрополит, но только тому, кому она скажет. А за что же, спрашиваю, она дает? Сам знаешь, говорят, не маленький».² Нам кажется, что комментарии здесь излишни. Можно отметить только насколько много цинизма и лжи в Иване Амосове и как умело орудует он политической ситуацией, угождая любым властям и придумывая всякого рода небывлицы. Постепенно степень его вранья все больше усиливается. Затем «вернувшийся из застенков советских лагерей клирик» решает не вымалывать назначение у большевистской чиновницы, а пойти напрямик к владыке Алексею (Симанскому), которого Амосов «знал еще по Новгороду». «Собравшись с духом» этот «борец за правду» направляется в ленинградский Николо-Богоявленский Морской собор. При описании собора проявляются очередные нотки цинизма, в частности самосвят «вспоминает» богато украшенный храм и отдельные покои для Алексея. В уста владыки Амосов вкладывает совершенно дикие по смыслу и содержанию слова: «Да никак говорят это ты, о Иван? А ведь мы тебя за упокой записали, неужто тебя еще не расстреляли?». ³ Здесь конечно степень цинизма и приспособленчества Амосова в очередной раз нас поражает. Несмотря на то, что у руководства Патриархии действительно были связи с советскими учреждениями, которые при этом очень зорко следили за жизнью Православной Церкви, самосвят переворачивает этот процесс с ног на голову, превращая его в полный абсурд. В дальнейшем он усиливает этот эффект: «вернувшийся с соловецких лагерей священник» просит владыку Алексея о возможности возвращения к служению, упомянув, что теперь у него новое имя, на что

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.4.

² Там же.

³ Там же.

архиерей отреагировал весьма странно – побледнел и сказал, чтобы Амосов пришел к нему через неделю, во время пребывания Симанского в Великом Новгороде. Затем бывший большевик еще больше усиливает негативное отношение читателя к митрополиту Алексию, заявляя, что приехав в Новгород, Амосов остановился у бывшей экономки владыки, кроме всего прочего сказавшей: «О, говорит, отец Иван, перед вами не скрою, забывать меня владыка стал, там у него в Питере завилась одна... Ну, все мы грешные, утешаюсь как могу...».¹

Большая фантазия осведомителя карательных спецслужб привела Амосова к описанию столь спорных моментов биографии архипастырей, причем не известно придумал ли он сам этот «сюжет» или подчеркнул из грязных слухов. Но апогеем рассказа по всем законам жанра должна была стать встреча с владыкой Алексием на новгородском вокзале. Тут очень явно проявляется тема критики взаимоотношений руководства Московской Патриархии с органами НКВД: «...гляжу - Господи Иисус! Выходит мой владыка в штатном и с портфелем, а с ним рядом гепеушник с двумя ромбами. Чувствую я что приросли у меня ноги к земле. Сели они в машину и поехали».² Продолжая и усиливая линию сотрудничества митрополита Ленинградского с НКВД, Амосов «вспоминает» как он, по совету знающей Марии Павловны, отправляется на Московскую улицу, на которой видит стоящую у здания НКВД машину, в которую недавно садился владыка. Снова дадим слово самосвяту: «..Спустился я под горку в скверик, сел и думаю: мимо не пройдет. Сижу я так час, два сижу - идет и веселый такой портфельчиком помахивает. Я - прямо наперерез, - Благословите, говорю, преосвященнейший владыка. ...он изменился: Кто вы такой? Я вас не знаю».³ Заканчивается этот сюжет словесной «перепалкой» митрополита Ленинградского и «священника», в результате чего владыка Алексей (Симанский) дает понять просителю, что теперь он ничего не решает в вопросе назначения клириков на приходы, тем более тех, кто побывал в заключении, к тому же говорит с Иваном Амосовым грубо и вызывающе, давая понять «откуда» он только что вышел, посоветовав в конце концов обратиться к той же женщине в Смольный.

По закону подобного жанра «биографический рассказ» заканчивается тяжелыми раздумьями самосвята о судьбах Православной Церкви в России и о предательстве ее интересов со стороны архиереев, к тому же за социальное происхождение и поддельный

---

¹ ЦГАИПД. Ф.0-116. Оп.9. Д.1286. Л.4.

² Там же.

³ Там же.

паспорт Амозов «подучает» десять лет ИТЛ. Такой рассказ поражает степенью своего цинизма, бахвальства и хорошо показывает сущность Ивана Васильевича Амозова. Этот хитрый авантюрист действительно мог быстро разобраться в стремительно меняющейся политической ситуации, учесть вкусы и особенности идеологических установок того или иного времени и тех или иных властей. Так, он очень быстро разгадал ключ к сердцу нацистов, не спроста включив в свою «автобиографию» элементы антисемитизма, критику руководства Московской Патриархии, что во время выхода статьи было необходимо немецкой пропаганде в России, и даже некоторые грязные с моральной точки зрения моменты.

Вполне возможно данная статья была ничем иным как банальным «заказом» СД, который часто поручал своему агенту Амозову подобные «дела». В связи с этим некоторые не совсем объективные историки пытаются на его примере вывести образ типичного члена «Православной Миссии а освобожденных областях», то есть абсолютно не любящего свою Родину карьериста, не гнушающегося любыми средствами для удовлетворения собственных корыстных целей. Нам же кажется, что такое мнение абсурдно и предвзято. В гораздо большей степени правдой было бы акцентировать причастность Амозова не к Православной Церкви, а к большевистской партии и советским учреждениям, служба в которых означала, наряду с постоянным метанием из одной стороны в другую, от одних «хозяев» к другим, от храмового амвона к кобуре пистолета, с многочисленными допросами и наветами на остальных священников как советским, так и нацистским карателям. Личность Ивана Амозова действительно в отрицательном смысле уникальна в плеяде священников Псковской Православной Миссии.

Существуют подозрения некоторых исследователей в том, что и другие миссионеры активно сотрудничали с немецкими карательными службами. Однако в большинстве случаев данные подозрения слабо документально подтверждены или же зачастую опираются только на послевоенные допросы представителей Православной Церкви, служивших в годы войны на оккупированной территории. В качестве примера нам кажется разумным привести пример «активного сотрудничества с врагом» духовенства Псково-Печерского монастыря. Данный вопрос активно прорабатывался еще советскими историками (взять хотя бы уже упоминавшуюся нами работу Г.И. Геродника)¹, однако теперь многие называющие себя православными публицисты и историки стоят на просоветских позициях. Особенно в этой связи следует выделить

---

¹ Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М.: Госполитиздат, 1963.

публицистические работы уже не раз упоминаемой нами Л.И. Соколовой, в которых очень часто помимо анализа того или иного документа, печатаются тексты протоколов допросов православного духовенства и активных мирян советскими карательными органами. В одной из последних статей¹ эта петербургская исследовательница особо фокусирует свое внимание на личности наместника Псково-Печерского монастыря игумена Павла (Горшкова). В частности, приводятся материалы допроса владыки Павла от 21 января 1945 г., в ходе которого он признает себя виновным в антисоветской деятельности, в том, что ждал прихода немцев и поэтому решил не эвакуироваться вглубь Советского Союза, а после начала нацистской оккупации прославлял германскую армию и немецкую власть в заявлениях и проповедях, а также выдавал, сотрудничая с органами СД, представителей советского подполья. Среди конкретных фактов подобного «сотрудничества» упоминает игумен Павел (Горшков) «выдачу» немцам трех советских разведчиков в конце 1941 г., а также «сигнал» нацистам о том, что летом 1944 г. в районе города Печеры появился партизанский отряд для борьбы с которым гитлеровцы отправили карательный отряд.

Кроме того, в выложенных в Интернет Лидией Ивановной материалах есть протоколы допросов служившего в деревне Каменные Погосты священника Ильи Никифоровича Никифорова, который признается в том, что проводил пронацистскую пропаганду, на что его подвиг отец Иоанн Легкий, к тому же в этом допросе упоминается, что пропаганда новых властей среди местного населения была одним из главных условий для вступления в Псковскую Православную Миссию. Также много места уделяется показаниям Татьяны Архиповны Хитровой. Интересно, что приводится не только протоколы допросы этой служившей в Псковской Миссии женщины, но и перенос от 1990 г. магнитной записи письменного протокола беседы Татьяны Архиповны с наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Алипием (Вороновым). Беседа эта состоялась в монастыре в 1968 г. Важно отметить, что в ходе беседы женщина упоминает о том, в ходе допроса к ней применялись жесткие его формы, в частности следователь говорил, что «всем вам пели в рот», бил и ее и игумена Павла (Горшкова), принуждал оговаривать себя и признаваться в активном сотрудничестве с нацистами, в том, что она и ее окружение сдавали представителей советского подполья, участвуя тем самым в активном сотрудничестве с органами СД. Допрос Татьяны Архиповны Хитровой вел следователь Петр Иванович Жидаль, который в дальнейшем получил

---

¹ Лидия Соколова [Электронный ресурс]. Вновь о Псковской православной миссии. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/11/vnov_o_pskovskojpravoslavnojmissii/ Свободный. Яз. рус. Последнее обращение. 22.06. 2013.

административное взыскание и был уволен из органов. Интересно, что допрос от 27 октября 1944 г. был начат в 21 час, а закончен в 2 часа ночи следующего дня, в то время как Т.А. Хитрова успела ответить только на несколько вопросов, хотя и призналась в том, что выдавала нацистам советских подпольщиков. Допросы проходившие в следующие дни также длились по несколько часов с «незначительными перерывами». В ходе них Татьяна Архиповна призналась в том, что сдала органам СД, с которыми судя по материалам протоколов допроса она официально сотрудничала, многих печерских евреев, после чего они были немцами уничтожены. Возможно, этот факт и вызвал потасовку между следователем и подозреваемой. В разговоре с архимандритом Алипием в 1968 г. отсидевшая десять лет в советских лагерях Т.А. Хитрова вспоминала, что следователь Жидаль бил ее по груди и по лицу, на что она на одном из допросов «ответила» ударом по следователю стулом и методами самообороны. Примечательно, что Л.И. Соколова особо отмечает, что следователь П.И. Жидаль был этническим евреем и что показания подозреваемой, в которых она сознавалась в том, что выдавала немцам евреев могли привести к драке (в тексте чувствуется негласная нотка оправдания деятельности советского следователя).¹ В другой части авторского комментария допроса Татьяны Архиповны виден еще более странный авторский пассаж: «Из беседы с Т. Хитровой в 1968 году видно, что не следователь действительно ударил ее, а она замахнулась на него стулом, разбросала дела «евонные» и ударила кулаком, после чего следователя отправили в больницу. Но ведь ни о каких пытках речи нет! Наоборот бьют следователя источенные заключенные...».²

Довольно странно сочувствие именно к следователю, а не к допрашиваемой, к тому же Лидия Ивановна особо отмечает, что именно сотрудника советских карательных органов отправили в больницу, а не пострадавшую женщину. Скорее всего, и это убеждение проходит красной линией через все работы Соколовой, автор хочет доказать разницу между теми представителями православного духовенства, которые были репрессированы советскими властями в 1920-1930-е гг., ибо их она считает мучениками, особо акцентируя внимание на те жесткие меры которые против них применялись во время следствия, с теми, кто проходил по делам, связанным с Псковской Православной Миссией или вообще «по служению» на оккупированной территории, которые

---

¹ Соколова Л. [Электронный ресурс]. Вновь о Псковской православной миссии. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/11/vnov_o_pskovskoj_pravoslavnoj_missii/ Свободный. Яз. рус. Последнее обращение. 22.06. 2013.

² Там же.

мучениками и ревностными пастырями для нее не являются, а представляют собой банальных изменников (да и «особенности» ведения следствия исходя из ее концепции во время и после войны «сильно изменились»). В тоже самое время некоторые показания не поддаются никакому здравому смыслу, в частности о игумене Павле (Горшкове) говорится, что он съедал в тяжелое военное время по пять яиц в день и требовал еще!

Следует отметить, что все обвинения выдвигаемые против православного духовенства, служившего на оккупированной территории необходимо разделять на несколько групп. Так, к первой группе можно отнести обвинения в том, что руководители Миссии, в частности протоиерей Кирилл Зайц, действительно вынуждены были в проповедях и на страницах печати в буквальном смысле слово славить Вермахт и германскую оккупационную администрацию. В большинстве случаев подобные факты свидетельствует о том, что пастыри не представляли собой какой-то чаемый национал-социалистами «новый вид проповедников», способных «замирять» местное население, а наоборот старались и реально проводили религиозное возрождение на Северо-Западе России, несмотря на все противодействия, исходящие как с одной, так и с другой стороны фронта. Конечно, в начале оккупации у некоторых представителей духовенства могли быть какие-то надежды на оккупационную администрацию, к примеру на то, что после атеистического террора, который уже начал охватывать «добровольно присоединенные» к СССР территории и практически привел к полному уничтожению религиозной жизни на Северо-Западе России, придет реальное освобождение, то уже в первые месяцы оккупации эти надежды отчетливо оказались тщетными. Новая надежда появилась только с именем генерала А.А. Власова и слухами об организации Русского Освободительного Движения и Русской Освободительной армии. Именно поэтому появление в Балтии и особенно на Северо-Западе России самого генерала и его окружения вызвало в среде православного духовенства необычайный подъем и поддержку высказываемых генералом идей.

Совершенно иным, как нам кажется, является вопрос о том, в какой степени реально сотрудничали представители духовенства Псковской Миссии и активные миряне с органами СД, а именно сдавали немцам представителей советского подполья, партизан и связанных с советскими специальными органами жителей Северо-Запада России. Отдельно, безусловно, следует выделить личность Ивана Васильевича Амозова, который действительно являлся человеком беспринципным и готовым пойти в услужении любой власти, подстроиться под идеологии, найти к ним свой «ключ». Нам кажется, что данную личность следует скорее отнести не к православному священству, а к органам советского НКВД, в которых Амозов работал в межвоенное время. Отметим, что и в линии

канонической оценки деятелей Московского Патриарха Иван Васильевич также «разительно от всех отличался», распространяя в оккупационной печати «небылицы» о Ленинградском митрополите Алексии (Симанском). Однако остальная часть духовенства старалась всячески придерживаться канонической линии принятой Экзархом Сергием (Воскресенским), направленной на юрисдикционную принадлежность к Русской Православной Церкви. Всячески пыталось духовенство Миссии и уйти от сотрудничества с органами СД, и большинство обвинений в данном сотрудничестве относится уже к послевоенному времени и основывается на материалах допросов священников советскими карательными органами при весьма сомнительных обстоятельных и оговорах.

§5. Православные приходы Северо-Запада России в 1944-1945 годы. Наследие Псковской Православной Миссии.

После изменения линии фронта и в связи с оставлением Вермахтом Северо-Запада России большая часть членов Псковской Православной Миссии и их паствы оказывается на территории Балтии, где были образованы Внутренняя Православная Миссия в Латвии и Внутренняя Православная Миссия в Литве, главной целью которых было окормление эвакуированного, зачастую против собственной воли, населения и сохранение от разорения и поругания православных святынь. Прежде всего отметим то, что в этот период участие священников Миссии в пропагандистских кампаниях Третьего Рейха было еще более незначительным, чем в последний период оккупации Северо-Запада России, а основная работа духовных лиц полностью состояла в проведении богослужений в лагерях для эвакуированных, размещении увезенного церковного наследия, обустройстве клира в новых условиях и сослужения с местным православным духовенством. Очень важно отметить, что в этот период бывшее под почти четверть века имевшим силу давлением атеистической пропаганды российское население и в этот сложный и противоречивый для себя период, когда чувствовалась со всех сторон обреченность и ощущался безудержный страх за свое будущее, не погасило в себе Христово Учение, умело возвращенное ему деятелями Псковской Православной Миссии. Так, служивший после эвакуации на балтийской земле отец Виктор Першин в своих рапортах отмечал, что в столь тяжелое время верующие продолжают посещать богослужения, хотя посещения их затруднено работами, крестят своих детей, многие из которых родились незадолго до начала войны и в начальный ее период,¹ большая часть присутствующих на службах приобщались к

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 142 apr.32.

Святым Тайнам (так, иногда присутствовали от 50-60 человек до более сотни, из которых в среднем 70 % причащались),¹ на праздники собиралось еще большее количество молящихся. Особенно много эвакуированного населения пришло в тот день, когда служилась панихида по убиенному митрополиту Литовскому и Виленскому Экзарху Прибалтики Сергию (Воскресенскому), тот же отец Виктор замечал, что в тот момент когда произносилось слово о жизни и деяниях покойного пастыря все молящиеся плакали,² такой же наплыв верующих наблюдался только в день памяти святого Георгия Победоносца, когда по традиции окроплялся скот.³ В рапортах этого и других священников Внутренней Миссии в Латвии постоянно отмечается религиозный порыв российского населения, которое посещало службы, читало издаваемую в балтийском регионе православную периодику и принимало участие в религиозно-философских беседах, вели которые известные клирики Латвийской епархии и представители «верующего крыла» местной профессуры. Можно с большой долей уверенности утверждать, что жизнь православных верующих как из самой Балтии, так и из северо-западных территорий России в этот период продолжалась, несмотря на все тяготы, а также препоны, чинимые немецкой администрацией. Сейчас сложно говорить, да и этот вопрос невозможно рассмотреть в контексте нашего исследования, как относились верующие к изменению ситуации на фронте и скорому приходу (возвращению) советских войск, а следовательно и советских порядков. Просоветское подполье проделало довольно впечатляющую работу по развенчанию тезиса об антинациональном характере власти, в том числе и в «православном вопросе».

Одним из отражений этого процесса может быть и участие в этом подполье клириков Псковской Православной Миссии, оставшихся, кстати, на территории Северо-Запада России и не эвакуированных в Балтию с немецкими воинскими частями, в частности отцов Ильи Богданова и Федора Пузанова. Наиболее благожелательное отношение со стороны советских властей, если вообще можно упоминать такое выражение по отношению к православному духовенству Советского Союза, ждало именно этих клириков. Так, отец Илья Богданов 8 июля 1944 г. назначается архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым) настоятелем Бельской церкви и благочинным Псковского округа. Однако благочинным Псковского округа отец

---

¹ LVVA. F.7469. a.1. 142 apr.9.

² Ibid. apr.65.

³ Ibid. apr. 87.

Илья пробыл недолго и уже в конце того же 1944 г. был снят с этой должности по личному ходатайству.¹ Вот как бывший миссионер объяснял свое желание покинуть высокий пост псковского благочинного: «Во избежание всякого рода недоразумения прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, если возможно, снять с меня должность Благочинного и назначить другого, по Вашему усмотрению. Я являюсь младшим священником и по своему смирению не могу руководить старшими, видя какую-либо несправедливость приходится делать замечания, то за это получаешь упреки как младший священник и сознаешь, что поступают справедливо».² Возможно, данный факт назначения связан с сотрудничеством пастыря во время оккупации с советскими партизанами, однако управленческих навыков он при этом не имел, а послевоенное назначение было скорее своего рода «благодарностью» со стороны советских властей. Впоследствии отец Илья Богданов стал служить в Никольской церкви в селе Любятово.

Благочинным Дновского района стал еще один активный советский патриот – отец Федор Пузанов. Впоследствии отец Федор служил в Новгородской епархии в селах Углы и Молочково. Судя по всему, награжденный государственной наградой священник тоже не имел особых управленческих навыков и поэтому не так долго занимал пост благочинного. В частности в его характеристики указывается: «...Характерные стороны его личности вырабатывались влиянием духа времени, господствовавшем в царской армии с одной стороны, - немецкой культуры с другой стороны, а когда вернулся на родину и стал членом клира Православной церкви пришлось ему подчиниться третьему фактору, весьма влиятельному по тому времени – церковному жизнеустроению. В государственной жизни господствующим стало социалистическое жизнеустроение неблагоприятствовавшее церковности. О. ФЕДОР принял последнее, не изменив своему служению церкви, как клирик и до сего времени нелицемерно любит свои пастырские обязанности. По причине малого образования, душепастырский характер о. ФЕДОРА не имеет цельности и всякого рода мирские злые вещи находили в характере его уязвимые места, вживались в психику и конечно давали показатели...».³ Как мы видим, несмотря на отношение прихожан и заслуги перед Отечеством, отец Федор не представляет тип священника, который имеет необходимый уровень духовного образования для управления благочиниями.

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д. 113 (6). Л.4.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 26(2). Д.1. Л.290.

³ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13А. Д. 192(188). Л.4-оборот.

Назначение подобных клириков на столь высокие посты конечно не является их виной или виной священноначалия, а представляет собой трагедию Русской Православной Церкви в советское время, когда те или иные назначения происходили в соответствии с пожеланиями или по прямой указке атеистических властей, которые проверяли каждое духовное лицо на лояльность к собственной власти. В этой связи, как нам кажется, следует отличать деятельность тех или иных клириков на ниве подпольной деятельности с тем, какими они были организаторами и управленцами. Здесь очень важно отметить, что большинство благочинных и членов Управления Псковской Православной Миссии были выходцами из Балтии, которые получили прекрасное духовное образование, в том числе и в Свято-Сергиевом институте в Париже, были готовы к организации приходской жизни даже на такой сложной территории как подвергавшийся столь долго безбожной пропаганде и агитации Северо-Запад России. Однако множество таких клириков не смогло продолжить своего служения в изменившейся политической ситуации. Самым ярким примером в этой связи является, конечно, глава Псковской Православной Миссии, а впоследствии начальник Внутренних Миссий в Латвии и Литве отец Кирилл Зайц.

Последним местом его служения стал литовский Шауляй, где он и был арестован в августе 1944 г. по обвинению в измене Родине. В то время, когда шло следствие по его делу он находился в тюрьмах в Вильнюсе, Ленинграде и Москве. После длительных и тщательных допросов протоиерей был приговорен к 20 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без права обжалования этого приговора и с лишением прав на пять лет с полной конфискацией имущества (по печально известной 58 статье). Местом заключения был выбран Карагандинский лагерь или Карлаг, где в октябре 1948 г. на восьмидесятом году своей жизни отец Кирилл скончался. Не вышел из советских лагерей и его заместитель и один из главных соратников протоиерей Николай Жунда, который, получив такой же как отец Кирилл Зайц срок, попал в лагерь в Дудинке в Красноярском крае. Скончался пастырь в красноярской тюремной больнице от туберкулеза только переступив порог в 40 лет жизни. Большой срок заключения пришлось вынести и другому руководителю Псковской Православной Миссии протоиерею Сергию Ефимову: он был осужден на 10 лет ИТЛ и отправлен в Караганду, однако в 1955 г. вышел по амнистии и вернулся в Ригу, где служил до своей кончины в середине 1960-х гг. Особо отметим, что возвращение к служению того или иного священника после освобождения из лагерей всегда сопровождалось препятствиями со стороны властей. Характерно в этой связи судьба уже упоминавшегося нами отца Василия Апраксина. Он был осужден на 10 лет и после отбытия наказания направлен без определения срока в Красноярский край в

ссылку.¹ После этого ему удалось вернуться в Гатчину, где проживала его семья. Его приютил отец Петр Белавский в качестве регента при Покровской церкви, впоследствии Апраксин стал управлять хором в гатчинском Павловском соборе. Сейчас довольно сложно определить точное число духовенства Псковской Православной Миссии, которое прошло через сталинские лагеря. К.П. Обозный определяет их минимальное число в 60-65 человек,² хотя скорее всего гораздо большее число клириков было после войны репрессировано. Из числа тех, кто пережил лагеря и вышел из них было немало пастырей, чье имя прославилось на весь православный мир и до сих пор известно в Русской Православной Церкви. Ярчайшим примером в этой связи может стать судьба протоиерея Ливерия Воронова. Будущий пастырь, который к тому же являлся племянником известного архиепископа Феофана (Быстрова), в советское время выбрал для себя путь химика. Окончив школу фабрично-заводского ученичества, он получает специальность электрохимика и работает в начале 1930-х гг. в Государственном институте прикладной химии Ленинграда. В конце этого же десятилетия он с отличием оканчивает Ленинградский химико-технологический институт по специальности инженера-технолога и поступает в аспирантуру. Оказавшись осенью 1941 г. вместе с супругой в Вырице он попал под немецкую оккупацию. С конца 1941 г. по апрель 1943 г. отец Ливерий служит псаломщиком в храмах Ордежского района. В апреле 1943 г. в Кафедральном Троицком соборе Пскова Экзархом Сергием (Воскресенским) он был рукоположен в сан диакона, а через два дня в сан священника. В мае-августе 1943 г. он служил начальником канцелярии Псковской Православной Миссии, клириком в храмах Пскова и Гдова. В связи с изменением обстановки на фронте отец Ливерий эвакуируется в Эстонию, где епископ Нарвский Павел (Дмитровский) назначает его священником на нарвские приходы. Впоследствии он служил в эстонской столице и в Вильянди, от эвакуации же отказался и в октябре 1944 г. был арестован и приговорен к 15 годам лишения свободы. Заключение отца Ливерия закончилось в апреле 1955 г. Получив от властей реабилитацию и прослужив несколько лет в церкви Рождества Богородицы в Вологде, Ливерий Воронов решил заняться духовным образованием и окончил Ленинградские Духовную Семинарию и Духовную Академию. После этого в 1961 г. он получает награду от Патриарха Алексия I (Симанского) и начинает свою преподавательскую деятельность, став доцентом по кафедре Истории и разбора западных исповеданий, ибо его диссертация на соискание

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д.2 . Л.15-оборот.

² Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг... С.510-511.

степени кандидата богословия затрагивала вопросы Англиканства.¹ В 1962 г. отец Ливерий становится членом Отдела Внешних церковных сношений и на этом поприще он проявил себя как деятельный специалист в экуменических вопросах, ни раз участвуя в международных богословских Комиссиях, был он и членом Центрального комитета Всемирного Совета Церквей от Московской Патриархии, являлся наблюдателем на Третьей сессии Второго Ватиканского Собора. В 1971 г. он получает степень магистра богословия. Много отец Ливерий оставил после себя и печатных работ, получивших широкую известность как в отечественных, так и зарубежных христианских кругах. Однако уже к началу-середине 1970-х гг. начинается новая «черная полоса» в жизни отца Ливерия, его, после стольких заслуг и наград, снимают с некоторых должностей и, он, как сам он признавался митрополиту, становится «персоной нон-грата».² В последние годы жизнь отца Ливерия постепенно налаживается: в 1986 г. он становится доктором богословия за совокупность научно-богословских трудов. Скончался отец Ливерий Воронов в 1995 г.

Еще одной известнейшей фигурой в среде ленинградской-петербургской духовной школы служившей в годы оккупации в Балтии и на Северо-Западе России был архимандрит Кирилл (Начис), к чьим воспоминаниям мы не раз обращались. После освобождения из ссылки он также обучался в Ленинградских Духовной Семинарии и Духовной Академии, получил степень кандидата богословия и остался преподавать в духовных школах города на Неве, совмещая этот род деятельности со служением в ленинградских храмах. С 1988 г., уже в эпоху перемен он становится духовником Санкт-Петербургских духовных школ, а в период 1994-1995 гг. является наместником Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. Последние годы своей жизни владыка посвятил возрождению петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря, в котором и скончался 10 марта 2008 г.

Очень интересна и судьба последнего ныне живущего клирика Псковской Православной Миссии отца Георгия Тайлова. После ареста он провел 11 лет в лагерях, а затем вернулся к служению в родной Латвии, священствуя во многих храмах Риги, в том числе в Свято-Троицком женском монастыре. С 1992 г. протоиерей Георгий Тайлов активно возрождает храм Святого Николая Чудотворца в латвийском городе Огре, где по сей день является настоятелем (о любви прихожан храма к своему пастырю и о его роли в

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д.256. Л.1-15.

² Там же. Л.27.

его восстановлении автору этих строк засвидетельствовали работники причта этой церкви).

Большую роль сыграли в церковной истории и менее известные члены Псковской Миссии. В этой связи нельзя не сказать о судьбе протодиакона Михаила Николаевича Яковлева. Родился Михаил Николаевич 23 октября 1889 г. в погосте Никола-Корба в Костромской губернии в семье протоиерея и дочери священника. Михаил тоже решил пойти по духовному пути и учился в Кинешемском Духовном Училище и Костромской Духовной Семинарии. В ноябре 1914 г. он был посвящен в диаконы в костромском Кафедральном соборе Кинешемским епископом Севастианом.¹ Служение свое Михаил Яковлев в период 1920-х гг. продолжил в ленинградских храмах, получив в этот период многие церковные награды. В 1925 г. он перешел на служение в храм Воскресения Христова при Новодевичьем монастыре, а затем служил в церкви Михаила Архангела на Английском проспекте, где настоятелем был протоиерей Михаил Чельцов. С января 1928 г. он исполняет диаконские обязанности в храме Воскресения Христова (Спас-на-крови) при отце Василии Верюжском.² В сложный период после выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) Михаил Яковлев входит в число иосифлян, за принадлежность к которым в 1931 г. арестовывается по печально известной 58 статье. Вернуться к служению ему удастся только во время оккупации, когда начальник Псковской Православной Миссии отец Кирилл Зайц назначает Михаила Яковлева диаконом при церкви Святых Апостолов Петра и Павла в городе Любань. После эвакуации Яковлев по распоряжению владыки Иоанна (Гарклава) служит в городе Бауске в Латвии при церкви Великомученика Георгия. Затем его перемещают по распоряжению Экзаршей канцелярии в Ригу в Александро-Невскую церковь. В дальнейшем Яковлев был эвакуирован в Судетскую область, где поочередно прислуживал у владыки Иоанна (Гарклава) и владыки Даниила (Юзвюка).³ По представлению епископа Иоанна владыка Даниил наградил Михаила Яковлева за усердное служение саном протодиакона в октябре 1945 г. Однако в конце октября он был принят на протодиаконское место Пражским епископом Сергием (Королевым). Впоследствии ему удается получить место штатного протодиакона при Успенской православной церкви в пражской столице по распоряжению нового Чешского епископа Елевферия (Воронцова). Однако владыка Сергей (Королев) не

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д.387. Л.2-оборот.

² Там же.Л.4.

³ Там же. Л.3.

желал оставлять полюбившегося ему протодиакона в Чехии и попросил владыку Елевферия хотя бы на время отпустить Михаила Яковлева в Вену.¹ Там Михаил Николаевич обучил одного старого русского эмигранта протодиаконскому служению. Также бывшему члену Псковской Православной Миссии пришлось послужить с 1950 г. и при Пряшевском епископе Алексия (Дехтерева), с которым он к тому же совершал и зарубежные поездки, в частности в венгерскую столицу Будапешт.² Однако уже в начале 1950-х гг. Михаил Яковлев желает продолжить свое служение на Родине и в феврале 1952 г. по разрешению Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) он возвращается в Советский Союз. Служение в СССР Михаил Яковлев начинает диаконом на вакансии псаломщика в Петропавловской церкви в новгородском Валдае. Наконец, в 1958 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) переводит его на ту же должность к Павловскому собору в Гатчине. Впоследствии, когда Яковлев находился на покое 80-летним стариком он и тогда хотел хоть иногда совершать богослужения: «Я чувствую, что срок моего земного поприща все более и более сокращается, почему и обращаюсь к вам, о. Петр, с покорной просьбой исходатайствовать мне перед его Высокопреосвященством митрополитом Никодимом благословение на совершение богослужения в великие праздники (дванадесятые). Радость участия в богослужении избавляет меня от глубокого уныния, которое временами одолевает меня и лишает молитвенной теплоты».³ Как видно, даже в столь преклонном возрасте этот достойнейший пастырь желал продолжать служить при любых условиях и в любых храмах. Особо отметим, что если бы не было Псковской Православной Миссии, он вряд ли бы смог вернуться к служению в Церкви. Жизнь Михаила Яковлева отображает и всю историю Русской Православной Церкви в прошлом столетии: детство в священнической семье, учеба в духовных учебных заведениях, начало служения и признание со стороны священноначалия, участие в «иосифлянстве» и суровое наказание за это, возвращение к служению в годы оккупации, эвакуация вместе с прихожанами сначала в Балтию, а затем в Центральную Европу, служение при вернувшихся в лоно Московского Патриархата епархиях, возвращение в СССР и служение на менее значительных приходах вплоть до своей кончины.

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 3(2). Д.387. Л.107.

² Там же. Л.4-оборот.

³ Там же. Л.163.

Помимо судеб отдельных священников следует сказать несколько слов и о бытии самих православных приходов Северо-Запада России в первые послевоенные годы. Так, можно уверенно констатировать довольно примечательный факт: после того как советская власть вернулась на территорию России и Балтии, она стала возвращать свои довоенные порядки, которые заключались в том числе в аресте неугодного ей духовенства и ограничении приходской жизни, несмотря на заявленный, прежде всего для «внешнего пользователя», так называемый «новый религиозный курс». В частности, уже в феврале 1944 г. в Совет по делам Русской Православной Церкви было отправлено послание, в котором спрашивалось как поступать с теми православными церквями, на которых во время войны во время богослужений совершался колокольный звон, на что последовал такой ответ: «В действующих церквях, в которых службы производятся с колокольным звоном, колокола снимать не следует, но колокольный звон не производить, объяснив это условиями военного времени».¹ В деревне Котлы церковь была открыта незадолго до отступления немцев в здании бывшего в позднее советское время клуба, а так как официального заявления от местных крестьян не поступило, ее власти решили использовать в качестве объекта для военных.² Не хватало теперь на территории Северо-Запада России и православного духовенства, эвакуированного немцами на Запад. В частности в июне 1944 г. сотрудничавший с советским подпольем отец Илья Богданов в своем рапорте владыке Григорию (Чукову) отмечал: «...Народ бедствует, жаждет слова Божия, но нет священников. В двух районах остался я один и то Господь сохранил меня чудесным образом, а остальные, которые уехали сами к немцам, а которых захватили после объявления и увозили неизвестно куда. Верующие просят вас, Ваше Высокопреосвященство, как бы улучшить положение церквей в Новосельском р-не, что довожу до Вашего сведения».³

Также следует отметить, что на первом этапе после освобождения оккупированных районов Красной армией разрешение на богослужения православному духовенству давали новообразованные светские органы власти. Так, служащий в Кингисеппе (Ямбурге) отец Николай Аннинский писал владыке Алексию (Симанскому): «...В настоящее время, при вступлении наших войск в гор. Кингисепп, мне было разрешено Кингисеппским Райисполкомом исполнять требы, до согласования данного вопроса с Вами, Ваше

---

¹ ЦГА СПб. Ф.9324. Оп.1. Д.9. Л.4-5.

² Там же. Л.16-17.

³ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 26(3). Д.1. Л.175.

Высокопреосвященство, а 16-го февраля 1944 г. меня призвали на оборонные работы и тем самым прекратилось всякое обслуживание верующего населения...».¹ То есть мы видим, что никакого почтения к рядовому православному священнику у властей не было, и любое, даже не самое важное дело духовным лицам теперь необходимо было согласовывать с новыми местными властями, которые иногда не гнушались, как впрочем и немцы, использовать их в неслужебных работах, в том числе в тяжелом физическом труде. Также встали вопросы и о поименовании новых властей, необходимых командировках к священноначалию в Ленинград. В частности протоиерей Александр Степанов из деревне Ямсковицы уже 20 апреля 1944 г. писал своему благочинному: «...Прошу вас, о. Благодичинный, выслать формулу поименования духовной и гражданских властей, т.к. мною все время совершалось поименование по данным ранее формулам. Секретарь райкома мне сказал, что командировка в Л-град дается только по вызову вышестоящих властей. Поэтому прошу исходатайствовать мне командировку для личного доклада Владыке – Митрополиту и вам о положении церквей округа».²

Вскоре новые власти переходят к прямому самоуправству: иногда с мест стали приходить вот такие отчеты: «Ваше Высокопреосвященство, Глубокоуважаемый Отец Протопресвитер. Прошу Вас выслушать священника Баданова – Псковской епархии – у него закрывают храм повидимому без ведома Совета по делам Р.П.Ц. По ложной мотивировке храм сей никогда не был клубом. Все те прихожане, чтобы удовлетворить хотя и обоснованное домогательство колхоза, берутся уплатить деньгами стоимость деревянного храма, чтобы оставить его за собой. Прошу Вас оказать содействие».³ Другой стороной данного процесса было появление разных «самосвятских» общин. Так в другом отчете отмечалось: «В некоторых приходах, за отсутствие священника, происходят самочинные собрания верующих, которые по великим праздникам, как, например, Пасха, Рождество Христово, Крещение Господне, а также в дни поименования усопших и др. собираются в храм на молитвенные собрания под руководством старика... поднимают крестные ходы, совершают панихиды, провожают умерших, в некоторых случаях, даже отпев усопших».⁴ В другом отчете такие общины характеризовались так:

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 26(3). Л.204-205.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 26(2). Д.1. Л.2.

³ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В.. Д.2. Л.51.

⁴ Там же. Л.1.

«...Устраивают самочинные собрания и беседы (не имея от какого-либо пастыря Православной Церкви благословления). Пить вино, стричь волосы, подчиняться Сов. власти, носить крест под рубашкой, обращаться за помощью к врачам и врачебным средствам и многое другое есть грех... Возбраняют поступать в современную духовн. семинарию, что мол де там учат сов. политике и приготавливают красных попов. Кто их не слушает они запугивают, что мы Вас отлучим от какой то церкви. Вообще занимаются большей частью самосвятством. Что нужно спасаться в одиночку и не слушать никого кроме внушения Божия свыше полагаемым на сердце каждого, а пользоваться руководством Церкви опасно, она заблуждается и т.д...».¹ Сложно точно установить почему стали возникать такие вот «самосвятские» общины, но вполне возможно, что они появлялись и из-за разочарования в религиозной политике советского государства и сотрудничестве части духовенства с вернувшимися властями. Между тем, возвращенный в годы оккупации православным духовенством дух Христианства остался в местном населении и теперь, при разочаровании в политике атеистических властей. Именно поэтому особо следовало бы отметить антигосударственный и резко антисоветский характер воззрений «самосвятков».

Параллельно с этим постепенно усиливается процесс передачи церквей «под колхозные нужды». Показателен, в этой связи случай с храмом Николая Чудотворца в Острове, иконы которого находились в Свято-Троицком Кафедральном соборе этого же города, сама же церковь была занята под заготовку зерна, в результате чего уполномоченный этого храма Петров Василий Петрович от имени прихожан просил у владыки: «.По просьбе прихожан нашей церкви прошу Вас, ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, указать, как начать мне это благоугодное дело, а прихожане в лице меня просят Вас, ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, открыть нашу древнюю святыню, чтобы в ней и нам приносить Всевышнему свои молитвы, как приносили отцы и деды, поэтому и приносим Вас, ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, ответить нам по адресу...».² Через несколько лет прошение прихожан этой церкви было повторено.³ Как мы видим, народ жаждал молиться и не понимал почему им, вытерпевшим тяготы войны и потерявшим на ней своих близких приходилось лишаться возможности посещать храм, приобщаться к Святым Тайнам,

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В.. Д.4. Л.8.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В.. Д.41(25). Л.2.

³ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В Д.34(18). Л.3.

крестить детей и совершать все остальные церковные таинства. Особо обидно было то, что церкви снова беспощадно превращались в склады зерна или места для танцев и кинотеатры.

Также сложно шел процесс восстановления и регистрации тех православных церквей, которые были уничтожены в ходе военных действий или были сожжены нацистами при отступлении. В этой связи очень показателен случай с церковью в селе Дубровно в Порховском районе Псковской области. Она была сожжена в начале войны, но затем в 1943 г. еще во время оккупации храм был отстроен местными верующими, но не был освящен и богослужения в нем не проводились. До 1947 г. местное население ходатайствовало об открытии своей церкви через Епархиальное Управление и наконец в сентябре этого года церковь официально была гражданской властью внесена в список действующих храмов Псковской области. Вскоре был назначен священник к церкви, отец Василий Баданов, который при участии верующих прилегающих 40 деревень и сел торжественно освятил сей храм. Между тем некий Фомин стал чинить православной церкви постоянные препоны, в том числе заявляя, что верующие и настоятель отец Василий не заплатили ему деньги за финансовые услуги в результате чего существование данного прихода было поставлено под угрозу.¹ Скорее всего роль в этом щекотливом «финансовом деле» сыграла проведенная государством денежная реформа. Некоторые прихожане мечтали об открытии храма, пусть даже небольшого, посылая владыке в Ленинград такие вот послания: «...Милосердный Владыко, просим Вашего разрешения, чтобы у нас тоже как нибудь была бы маленькая церковь; ведь священников учится много или пусть бы хоть в год приезжали эти за 30 км. бы покрестить, взять молитву, причастить младенца и провести мертвого, а то ведь мы хороним как скотину. И младенцы, как дикие зайцы, не понимают, что за церковь. Ведь советская власть одна и законы тоже должны существовать одинаково, и нам обидно, и Москва имеет церкви, Ленинград – тоже и даже наш областной г. Псков и район вокруг себя, но о нас грешных никто не побеспокоится».²

Можно отметить одну очень примечательную особенность в этой связи: население Северо-Запада России отныне перестает бояться советских властей, открыто требуя окормления своих сел и деревень православным духовенством. Нам кажется, что особая роль в той связи принадлежит как раз Псковской Православной Миссии, которая смогла вселить в население как ранее оккупированных районов, так и смежных с ними дух

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д.29(19). Л.1.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д.29(11). Л.3.

Христианства, и население теперь не могло жить без Таинств Крещения, Причащения Святых Тайн и погребения усопших. Очень важно отметить и борьбу за приход жителей Гдова, в котором ранее было множество православных церквей. Многие храмы Гдова были разрушены и отныне местные верующие слезно просили назначить им священника, хотя бы в сохранившуюся после окончания боевых действий кладбищенскую церковь. Верующие Гдова не теряли надежды и писали о сохранившихся в городе храмах: «В настоящее время, покорнейше, просим Вас, Отче... помогите нам, позаботиться о нас грешных. Ведь, нас – тысячи верующих православных христиан, годы находимся без духовной пищи и не слышим апостольского слова, то, высокопреосвященнейший, просим прислать к нам священника. Ну, конечно, у нас в упомянутом г. Гдове разбиты до тла два великолепных храма, но в настоящее время есть уцелевшая на кладбище маленькая часовня, как таковая посвящена церковью во имя Пр. Марии Магдалины, где на первое время, можно совершать литургию, куда и сейчас приходят верующие. И еще имеется в городе уцелевший храм во имя Пятницы - Параскевы и Флора и Лавра. Но, как у нас нет священника, то храм этот занят властью под клуб. В нем нужен только внутренний ремонт на первое время, и если бы – прислали к нам священника, ...Присланный Вами священник будет обеспечен верующими и будет доволен...».¹ Несмотря на обращения, еще очень долго тянулось дело с открытием прихода и назначением на него клирика. Ранее известный на всю Россию, в том числе и своими православными церквями, город оставался без церковной жизни. В следующей «жалобе» на имя Патриарха Алексия I (Симанского) церковная двадцатка прихожан кладбищенской церкви Гдова решила отметить, что храмы города были уничтожены нацистами, в то же время отмечая, что они не раз обращались к разным советским инстанциям с требованиями открытия храма в городе.² Те же в свою очередь не хотели пойти верующим гдовичам навстречу, ибо их вполне устраивало такое положение дел. Данная катастрофическая ситуация для города Гдова протянулась практически до конца прошлого столетия. Лишь в конце 1980-х гг. процесс начал сдвигаться с мертвой точки усилиями местных верующих и отца Михаила Женочкина, который испросил благословение на восстановление в Гдове Свято-Державного Димитриевского собора в Гдовской крепости. После сбора необходимых средств храм наконец был построен и в нем начались богослужения. Впоследствии отец Михаил выпустил небольшую книжку об истории храма и общей духовной жизни города

---

¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В. Д.29(11)..Л.7.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В.. Д.25(9). Л.27.

Гдова.¹ Был упомянут в ней и оккупационный период, в частности в ней упоминалось служение отца Иоанна Легкого, чей портрет и по сей день висит на стенде в этом замечательном храме.

Некоторые храмы Псковщины и по прошествии нескольких лет не возродились и сохраняли в себе разрушения и страдания страшных военных лет. К примеру, православная церковь Спаса Нерукотворного в деревне Вережаны на противоположном берегу города Острова еще в 1951 г. была превращена в складское помещение, от надгробных памятников остались только следы, также храм разрушался от пробоины снарядом алтарного перекрытия. Верующие же деревни обращали внимание ленинградского владыки на то, что сей православный храм был построен семейством Симанских, предками Патриарха Алексия I, которые к тому же были здесь погребены, что могло бы хоть как-то увеличить надежды на спасение церкви.²

Конечно, мы описали далеко не все случаи послевоенной борьбы верующих за свои горячо любимые православные храмы. Отметим лишь одну общую и крайне важную черту – большое количество людей, в том числе и молодых, верило в то, что церкви можно вернуть и продолжить в них служение, несмотря на иногда полное пренебрежение светских властей. Многие, не боясь карательных мер, отмечали, что храмы закрывались и разрушались не только нацистами при отступлении, но и советскими властями до войны, а некоторые после «под шумок» были превращены местной советской администрацией в музеи, клубы, склады и зернохранилища. Да, такой открытой антирелигиозной пропаганды как в 1920-1930-е гг. уже не было, но, если в Москве Церкви уделялось какое-то внимание, на местах свобода ее деятельности постоянно ограничивалась, причем сразу после окончания войны, еще во время властвования Иосифа Сталина. Также не было и широкого процесса открытия и даже ремонта православных храмов, тем более какой-нибудь миссионерской работы как во время немецкой оккупации. Однако открытые благодаря Псковской Православной Миссии храмы отныне стали постоянной «головной болью» для атеистических властей, однако в сердца местных верующих эти «оккупационные церкви» вселяли надежду на открытие и восстановление приходской жизни, продолжение религиозного возрождения, начавшегося под нацистской оккупацией. Заложенные же Псковской Православной Миссией плоды остались в сердцах

---

¹ Женочкин М., прот. Свято-Державный Димитриевский собор в крепости города Гдова. Историческое описание и современное возрождение. Псков:ГППО «Дом печати».

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп. 13В.. Д.18(2). Л.3.

местного населения на многие годы. Одна из жительниц оккупированного Пскова впоследствии вспоминала, что на всю жизнь запомнила служение членов Миссии: «Многих прекрасных людей, выбравших для себя жертвенный путь миссионерства военного времени, уже нет в живых... Они всегда в моей памяти, дорогие для меня люди, с которыми свела судьба в военные годы».¹

Рассматривая идеологические вопросы деятельности православных приходов Северо-Запада России в годы нацистской оккупации региона, мы пришли к следующим выводам. Первое: «Православная Миссия в освобожденных областях России», называемая с самых первых месяцев своего основания Псковской Православной Миссией, была организована по задумке Экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) в начале июля 1941 г. после того как он осознал возможность организации духовной жизни на оккупированной территории России с помощью отправки в Псков первой группы миссионеров – православных священников из Латвии. Немецкие власти сыграли в деле организации Миссии важную роль, однако Псковская Миссия отнюдь не отвечала функции замирения местного населения с помощью «слова Божия», как утверждают некоторые современные авторы.

Второе: В годы нацистской оккупации региона члены Миссии организовали широкую издательскую, просветительскую и образовательную деятельность, которая помогала им высказывать свое отношение к важнейшим «идеологическим» вопросам тех лет. В частности, большинство миссионеров крайне отрицательно относились к предшествующему 25-летнему владычеству большевиков, особенно обличая атеизм советских властей. Также православные священники приводили конкретные данные о репрессиях большевиков против Православной Церкви и верующих, сведения о разрушенных храмах и поруганных святынях. Особую роль сыграл в этом вопросе издаваемый Псковской Миссией журнал «Православный Христианин». Однако своей собственной идеологии и тем более плана по переустройству небольшевицкой России миссионеры так и не выработали.

Третье: Члены Псковской Православной Миссии так или иначе участвовали в пропагандистских кампаниях оккупационных властей, но в большинстве случаев такое участие носило вынужденный характер или являлось ответным шагом по отношению к немецкой администрации со стороны православных клириков (яркий пример передачи Тихвинской иконы Божией Матери).

Четвертое: Активно сотрудничала с немецкими органами СД только небольшая

---

¹ Яковлева М.. Ольгина отчина. Псков: Об-ние псковских писателей, 2001. С.108-109

часть псковских миссионеров, причем наиболее яркие примеры такого сотрудничества связаны с именами таких откровенных самосвятов как Иоанн Амосов.

Пятое: Наиболее близки представителям православных приходов Северо-Запада России были идеи высказываемые представителями части эмигрантских политических организаций (к примеру НТС) и лиц, связанных с Русским Освободительным Движением и лично генералом А.А. Власовым. В то же время очень позднее легитимация русского антисоветского движения германскими властями способствовали в большинстве своем равнодушному отношению к идеям РОД со стороны пасомых Псковской Православной Миссии.

Шестое: Псковская Православная Миссия оставила после себя не только сотни открытых приходов и тысячи воцерковленных жителей Северо-Запада России, но и научила их отстаивать свое законное право на организацию собственной религиозной жизни, что особенно ярко выразилось в первые послевоенные годы.

Заключение.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить основные выводы к которым мы пришли. Автокефалистское движение в Балтии, выражавшееся в том, что православные приходы образовавшихся после окончания Первой Мировой войны на обломках Российской Империи стран стремились к ограничению русского влияния в стране и переходу из омофора Московского Патриархата в лоно Вселенского Патриархата имело место во всех трех государствах Балтии. Ранее всего и с наибольшей остротой данные противоречия обострились в Эстонии, где и светские власти, и часть пастырей и мирян стремились к независимости от Москвы. Во главе автокефалистского движения и впоследствии Эстонской Апостольской Православной Церкви встал митрополит Александр (Паулус), деятельный и независимый владыка, сумевший добиться достаточно независимого положения для своей церковной юрисдикции. В то же время в межвоенные годы в среде русскоязычных православных приходов Эстонии, в особенности в районе Печер, возникло сильное движение против насильственной эстонизации всех православных приходов, негласным лидером которого стал владыка Иоанн (Булин). Впоследствии пастырь был удален с территории Эстонии и несколько лет находился вне Балтии. Именно ограничение русского влияния, выливавшееся во второй половине 1930-х гг. в открытое ограничение деятельности русскоязычных священников, привело к тому, что часть эстонского православного духовенства с надеждой встретило возможное воссоединение с Московской Патриархией после известных событий 1939-1940 гг. В тоже время и сам митрополит Александр (Паулус) не смог, да и не захотел организовать сильного сопротивления планам руководства Русской Православной Церкви по присоединению ЭАПЦ к МП.

Что касается ситуации в соседней Латвии, то следует прежде всего отметить, что в данной балтийской республике процесс «латышизации» местных православных приходов начался только во второй половине 1930-х гг. В этом заслуга главы православных в Латвии владыки Иоанна (Поммера), который на многие годы смог оттянуть этот процесс и вместо курса на борьбу с русским влиянием в Православной Церкви в Латвии главным «идеологическим» врагом объявил большевизм, что могло объединить православных Латвии: как этнических латышей, так и этнических русских. Однако убийство главы Латвийской Православной Церкви в 1934 г. привело к тому, что светские и военные власти Латвии вмешались в дела Латвийской Православной Церкви и настояли на том, что новым главой ЛППЦ стал владыка Августин (Петерсон), пастырь в Латвии непопулярный, хотя и связанный с военными и политическими кругами страны. Одновременно с

избраением Августина начался процесс перехода православных приходов Латвии под омофор Константинопольской Православной Церкви, а также был дан старт тем внутрицерковным реформам, которые уже были проведены в Эстонии. У части православных мирян и пастырей Латвии данный процесс вызвал неприятие, в особенности в аспекте «календарных» вопросов и настойчивой и насильственной латышизации всех приходов страны. Однако без поддержки светских властей стоящие во главе Латвийской Православной Церкви после 1936 г. лица не могли отстаивать независимость своей позиции и поэтому с падением благоприятствующего к ним режима, они потеряли доверие у православного населения Латвии.

Кардинально отличалась ситуация в православных приходах Литвы, которые были в юрисдикционном отношении разделены: большинство из них подчинялось одному из последних сторонников Московской Патриархии в Европе владыке Елевферию (Богоявленскому), в то время как приходы находящиеся в оккупированном Польшей так называемом «Виленском крае» в большей степени насильно присоединены к Польской Православной Церкви. Важно отметить, что владыка Елевферий в буквальном смысле был выдвинут с территории «Виленского края» польскими властями и заменен бывшим Смоленским и Лидским епископом Феодосием (Феодосиевым). Так, если на территории Литвы ограничения в отношении православных пришлись только на первые годы независимости этого балтийского государства, в оккупированном Польшей «Виленском крае» процесс насильственной полонизации и «пацификации» продолжался вплоть до поражения Польши во Второй Мировой войне. Данный процесс выливался не только в ограничении миссионерской, благотворительной, образовательной и иной деятельности Православной Церкви, но и в передаче множества церковных зданий католикам и униатам, а также прямых репрессиях против тех представителей православного духовенства, которые резко критиковали действия польских светских и церковных властей и сохраняли каноническую принадлежность Русской Православной Церкви. Хорошим примером в этой связи может стать биография протоиерея Луки Голода, служение которого ни раз руководством Польской Православной Церкви запрещалось, некоторое время он был вынужден находиться вне «Виленского края» и даже в заключении. Однако с того момента как польской государственности в 1939 г. был на определенный срок положен конец, «Виленский край» был возвращен Литве и вскоре главой местных православных приходов себя объявил митрополит Елевферий (Богоявленский). Данное решение было поддержано Московским Патриархатом и поначалу местное духовенство, в том числе владыка Феодосий (Феодосиев), признало власть владыки Елевферия над Литовской и Виленской епархией. Но после того как

митрополит Литовский и Виленский начал проводить на территории Вильнюса «реформы», в частности организовав Литовский Епархиальный Совет из своих прибывших из Каунаса сторонников, отстранив некоторых священников от служения, а также иногда выказывая непризнание большинства произошедших в регионе за период его отсутствия перемен, в бывшем «Виленском крае» возникла широкая оппозиция курсу митрополита Елевферия (Богоявленского), во главе которой встал не только отстраненный владыка Феодосий, но и другие запрещенные в служении православные пастыри среди которых особенно следует выделить архимандрита Филиппа (Морозова). Именно этот представитель Православной Церкви, успевший некоторое время в межвоенный период послужить в униатстве, но вернувшийся после покаяния в лоно Православия, начал публицистическую и газетную кампанию против действий прибывшего из Каунаса митрополита Елевферия и его сторонников. Данную позицию очень быстро поддержали представители белорусской общественности Вильнюса, которые, в частности с помощью издаваемой ими же периодической печати, к примеру газеты «Крыніца», организовали широкую кампанию, в ходе которой утверждали, что в среде местных православных приходов активно начался процесс русификации, заключающийся в том числе в том, что новое руководство Православной Церкви Литвы состоит из эмигрантов, «бывших людей», которые готовы, пренебрегая интересами местного белорусского и украинского православного населения, установить систему «обер-прокуратуры» по типу существовавшей во времена Российской Империи. В противовес этому противники линии митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского) высказывали идею проведения так называемой «литовско-белорусской автокефалии» местных православных приходов по типу произошедших в Финляндии, Эстонии и особенно Латвии изменений. Против такой позиции выступили представители русской эмиграции Вильнюса, многие русскоязычные церковные и светские публицисты, в том числе такие как Д.А. Ишевский, который мог быть агентом влияния не только Московского Патриархата, но и Москвы в целом. Сторонники противоположной автокефалистской позиции утверждали, что идея проведения литовско-белорусской автокефалии абсурдна и потому что в регионе нет достаточного количества приходов, а также нет надлежащего числа иерархов. Также они отмечали, что автокефалисты состоят из бывших полонизаторов и пацификаторов и тех, кто находился под католическим и униатским влиянием. К числу сторонников литовско-белорусской автокефалии добавились и некоторые миряне Вильнюса, в особенности те, кто был недоволен заменой священнослужителей (особенно много нареканий у части православного населения литовской столицы стало возвращение к служению протоиерея Луки Голода). Квинтэссенцией данного противостояния стало обращение владыки

Феодосия (Феодосиева) к Константинопольскому Патриарху Вениамину с посланием, в котором просил покаяния из-за своего перехода под омофор Московской Патриархии, а также обосновывал неканоничность действий митрополита Елевферия (Богоявленского) и просил принять православные приходы региона в лоно Вселенской Патриархии. Начавшийся процесс советизации стран Балтии, а потом разразившаяся война, положили конец планам архиепископа Феодосия (Феодосиева) и его сторонников. Оставшиеся годы он был вынужден провести в Свято-Духовском монастыре в Вильнюсе, где он и скончался в 1942 г. В период нацистской оккупации часть православных священников и мирян, сплотившихся вокруг архимандрита Филиппа (Морозова), хотела продолжить проводить принятую линию, что однако им так и не удалось.

В Латвии и Эстонии процессу «возвращения» местных православных под омофор Русской Православной Церкви помог назначенный в Балтию владыка Сергей (Воскресенский) сменивший митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского) после смерти последнего в канун 1941 г. Сергей «Младший», верный соратник митрополита Сергия (Страгородского), был одним из первых по-настоящему «советских» епископов, чье становление прошло уже в годы атеистической власти. Он был назначен в Балтию для решения важнейших вопросов с православными приходами региона. Имевший довоенные связи с советскими специальными органами, молодой «московский» владыка сумел убедить «лидеров» Православных Церквей Латвии и Эстонии принести покаяние и вернуться в состав Русской Церкви. Во многом данное событие было обусловлено незаурядными способностями «московского назначенца», а также пассивностью глав Латвийской Православной Церкви и Эстонской Апостольской Православной Церкви. С другой стороны, впоследствии, уже находясь в послевоенной эмиграции, сторонники автокефалии утверждали, что они были принуждены к покаянию не только представителями Московской Патриархии, но и советскими карательными органами, которые стояли за спиной представителей Русской Православной Церкви. Однако нам кажется, что переход большинства православных приходов Латвии и Эстонии под омофор Москвы связан в первую очередь с политикой владыки Сергия (Воскресенского), который в начале 1941 г. стал Экзархом Прибалтики, то есть возглавил все православные приходы Балтии. Сразу же он начал активно искать и сторонников своей позиции, найдя их практически во всех частях региона. За небольшой предвоенный период владыке Сергию (Воскресенскому) удалось решить большинство острых вопросов в среде православных приходов региона, хотя многие национальные противоречия были попросту забыты на время. Активно шел процесс возвращения к служению многих ранее терпевших несправедливое запрещение священников, а также происходили хиротонии

новых священников, часть из которых впоследствии волеется в ряды Псковской Православной Миссии.

В этот же период начинается активный процесс репрессий против православного духовенства и мирян балтийских стран. Интересно отметить, что они были направлены как против тех, кто поддерживал идею наибольшей независимости Латвийской и Эстонской Православных Церквей от русского влияния, так в наибольшей степени и против тех, кто отстаивал традиции Российской Православной Церкви. Во многом это было обусловлено тем, что именно эта группа православных священников и мирян состояла в политических и религиозных организациях русской эмиграции, таких, к примеру, как Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД), что вызывало особое подозрение у новых властей, желавших уничтожить любое русское, в том числе православное наследие и организации, имеющие своей целью его сохранить. Другой группой православных пастырей, попавших под моховик сталинских репрессий 1940-начала 1941 гг. были военные священники, члены политических организаций межвоенных балтийских стран, и тех пастырей, которые служили в Белых армиях России и национальных армиях стран Балтии в период гражданских войн. Особый всплеск репрессий приходился на весну 1941 г., а также на первые месяцы июня 1941 г. и только начавшаяся Великая Отечественная война и последовавшая за ней нацистская оккупация приостановили этот процесс.

После нападения Третьего Рейха на Советский Союз владыка Сергия (Воскресенский) не эвакуируется вглубь страны, а принимает решение остаться на территории Балтии. Некоторое время он находится в заключении, причем местные латышские националисты желали его ликвидировать, но потом священники Иоанн Янсон и Георгий Бенигсен смогли добиться освобождения Экзарха из заключения. Скорее всего, именно в период заключения и возникает идея организации специальной Миссии для возрождения религиозной жизни на Северо-Западе России, чего слезно желало и местное население. Немецкие власти поддержали такую инициативу так как им нужно было с одной стороны «замирить» местное население, а с другой сделать решающий ход в пропагандистской войне с советскими властями. Также важно отметить, что часть нацистских политиков и местных националистов желала «выдавить» Православие из балтийского региона. Первые выехавшие на территорию России православные священники представляли собой самую образованную часть православного духовенства Латвии, часть из них получило образование в Свято-Сергиевом институте в Париже или балтийских и польских православных духовных школах. Немаловажно отметить, что большинство пастырей было молодыми по возрасту людьми. Постепенно стали

возвращаться к служению и те священники и монашествующие, которые были лишены возможности служить в советское время. Многие из них находились в заключении и обрели свободу только в суматохе военного времени, другие были заняты тяжелым физическим трудом, третьи владели жалкое существование на иждивении родственников и верных прихожан. Постепенно при содействии местной русской администрации и верующих мирян религиозная жизнь в регионе налаживается, массово открываются оскверненные ранее храмы, рукополагаются новые священнослужители, население крестит детей, венчается, приобщается Святых Тайн.

В Балтии, наоборот, с началом нацистской оккупации обостряются национальные противоречия и бывшие главы Латвийской Православной Церкви и Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополиты Августин (Петерсон) и Александр (Паулус) снова пытаются вернуться к управлению. С одной стороны, данный процесс был инспирирован снизу, часть духовенства и мирян желала освободиться от канонического подчинения Московской Патриархии во что бы то ни стало, с другой и вошедшие в организованные нацистами органы местного самоуправления политики желали возрождения управления православными приходами Латвии и Эстонии местными «проэстонскими» церковными властями.

Что касается идеологического аспекта деятельности православных приходов Балтии, то и по этому вопросу существовали острые противоречия между сторонниками Экзарха и приверженцами балтийских автокефалистов. И если за первыми было большая часть православных региона (за исключением некоторых районов Эстонии), то у вторых в начале немецкой оккупации был на вооружении большой арсенал периодики, издаваемой их светскими сторонниками. Постепенно балтийском духовенству, признающему каноническую связь с Русской Православной Церковью, приходилось искать сторонников в местных русских организациях, и особенно тех, которые так или иначе были связаны с Русским Освободительным Движением, что впоследствии особенно видно на примере взаимоотношений деятелей Движения с православными священниками на Северо-Западе России.

Еще одной «составной частью» этого вопроса является проблема сотрудничества части православного духовенства с органами немецкого СД. Следует отметить, что до сих пор не существует точных доказательств того, что подобное сотрудничество имело систематический характер, а многие его «факты» зачастую являются оговорами и наветами как карательных органов, так и представителей «другой» части духовенства. Квинтэссенцией сложности и противоречивости сотрудничества части духовенства с национал-социалистами была судьба главы Прибалтийского Экзархата митрополита

Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского) в конце апреля 1944 г. До сих пор между историками идет жаркая дискуссия: было ли это акцией мести немецких нацистов и (или) местных националистов за «несговорчивость» владыки или же его решили устранить советские органы госбезопасности, которым не могло понравиться, что Экзарх на протяжении всей оккупации осуждал большевизм, а незадолго до своей гибели изрек ставшую знаменитой фразу: «Сталин-не Савл и Павлом не станет». Мы тоже не можем окончательно ответить на этот сложный вопрос, ибо причины к «ликвидации» владыки Сергия (Воскресенского) действительно были и у той и у другой воюющей стороны.

В вопросе взаимоотношений православного духовенства Псковской Православной Миссии с немецкой администрацией мы приходим к выводу, что процесс религиозного возрождения православной приходской жизни на данной территории не мог происходить без видимой поддержки духовенством действий нацистских властей. Поддержку эту можно разделить на несколько частей: вынужденное участие в пропагандистских и агитационных кампаниях оккупационных властей, участие в акциях, которые вели к улучшению положения Православной Церкви и положения их прихожан. Безусловно, что небольшая часть панегириков в адрес «великого фюрера» Адольфа Гитлера и его армии, которая выпускалась членами Псковской Православной Миссии, являлась вынужденными шагами, которые могли хоть как - то облегчить приходскую жизнь. Самыми основными событиями, в канун которых выпускались подобные воззвания, были «праздники освобождения», то есть годовщины дней, в которые Вермахт занял ту или иную местность Северо-Запада России или 22 день июня. Иногда клирики, особенно руководство Миссии, вынуждены были принимать участие в «шествиях и митингах» по этим случаям, на словах поддерживая политику немецких властей. Однако даже в этих случаях священники Псковской Православной Миссии пытались напомнить местному населению об исторических традициях русского народа, а не слепо повторять заклинания нацистской пропаганды. Некоторые акции новых властей вселяли надежду на лучшую жизнь местного населения, но на деле оказывались лишь пропагандистским ходом (как, к примеру, «колхозная реформа»). Совершенно иного рода были те действия оккупантов, которые приносили реальную пользу православному клиру и мирянам Северо-Запада России. К таким «акциям» можно причислить возвращение Православной Церкви Кафедрального собора Пскова, превращенного большевиками в антирелигиозный музей, богослужебных книг, которые были созданы несколько веков назад и, конечно, возвращение Иконы Тихвинской Божией Матери. Безусловно, в этих случаях миссионеры

должны были выказывать поддержку немецкой администрации, так как возвращение этих святынь было просто необходимо пастырям и верующим.

Зачастую по поводу важнейших «идеологических» вопросов миссионеры высказывались на страницах оккупационной периодической печати, в особенности в псковско-рижской газете «За Родину», газете «За Родину», издаваемой в городе Дно, таллиннской газете «Северное слово» и некоторых других. Особо следует отметить, что Псковская Православная Миссия была одной из немногих церковных «юрисдикций» на оккупированной территории России, имеющей собственный печатный орган – журнал «Православный Христианин». В этом печатном издании часто печатались не только христианские материалы, но и статьи о гонениях на Православие в советский период, отношении науки и религии, которые отнюдь не противоречат друг другу, смысле и антихристианской сущности большевизма, роли молодежи и женщин в Православной Церкви, и многое другое. В некоторых номерах, особенно в первом, имелись и «пропагандистские материалы», то есть те которые имели определенные панегирики в адрес немцев, но их число было не велико, тем более не соответствует действительности тезис о «профашистской направленности журнала». Не было в нем и паразитирования на антисемитских тезисах, кликушества по поводу «жидобольшевизма», что было распространено как в гражданской оккупационной прессе, так в трудах и статьях некоторых представителей дореволюционного и эмигрантского православного духовенства. События прошлых лет описывались миссионерами и работниками этого издания достаточно объективно и полно, часто местное население вновь узнавало о героях и исторических событиях минувших веков. Никаких конкретных планов на будущее политическое устройство России, возможности заключения «почетного мира с Германией» и других важных политических процессов в «Православном Христианине» нет, однако всегда упоминается, что любые политические изменения должны проходить на основе Христианского Вероучения.

Нишу в «идеологическом» зазоре жизни на территории Северо-Западе России могли занять созданные в эмиграции до и во время войны политические и военно-политические организации, часть из которых явно или скрыто поддерживали и псковские миссионеры. Во время войны самую активную деятельность на оккупированной нацистами территории удалось развернуть Народно-Трудовому Союзу, основанному на идеологии солидаризма, некоторым представителям которого удалось, к примеру Ростиславу Полчанинову или Раисе Матвеевой-Рацевич, наладить контакт с частью миссионеров. Особо следует отметить в этой связи фигуру священника Георгия Бенигсена, который в годы войны развил активную просветительную деятельность,

организовал школу. Впоследствии именно этот пастырь самым активным образом принял участие в создаваемых политических объединениях и антибольшевистских комитетах русского населения. Однако самую важную роль в «идеологии» русского населения оккупированных регионов России сыграло, формируемое в годы войны и чаемое некоторыми представителями интеллигенции и народа, в том числе и православными священниками, Русское Освободительное Движение во главе с генералом Андреем Власовым. До сих пор не закончен спор о личной религиозности лидера РОД, однако во время своей поездки по Северо-Западу России в 1943 г. Власов всячески выказывал свое уважение к Русской Православной Церкви и непрестанно говорил о ее значении в истории и культуре России. Именно тогда часть миссионеров, в основном представителей Управления Миссии, увидело в высказанных генералом идеях некий прообраз чаемой небольшевистской России и поддержало его начинания. Встречи священников с представителями РОД, участие в совместных «праздниках» и другие события способствовали их «взаимопроникновению». В то же время, популяризировать идею Русской Освободительной армии среди местного населения не удалось, о чем сообщали в своих рапортах и сами миссионеры, во многом из-за неопределенности и неясности ее будущего. Отметим также, что часть священников Псковской Миссии уже после эвакуации с российской территории поддержали идеи декларируемые Комитетом Освобождения Народов России. Заметим отдельно, что основной роли в «пропаганде» идей РОД в период оккупации православные миссионеры не играли.

Также особо следует остановиться на вопросе юрисдикционного и в том числе политического спора между представителями Русской Православной Церкви Зарубежом и священством Прибалтийского Экзархата и Псковской Православной Миссии. Как известно, митрополит Сергей (Воскресенский) еще до войны был ярким критиком всяческих с точки зрения руководства Московской Патриархии, «расколов», в том числе и «карловацкого». Во время же оккупации вместе с вооруженными силами формирующейся Русской Освободительной армии на территории Северо-Запада оказался и представитель «зарубебников» архимандрит Гермоген (Кивачук). Этот выходец из Западной Украины, человек с одной стороны весьма образованный, с другой стороны яркой авантюристической направленности, до войны прислуживал митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде) и специально был отправлен им в столь нелегкое служение в рядах формирующих русских антикоммунистических военных формирований. Владыка Гермоген не раз, находясь на Северо-Западе России, делал попытки принять участие в богослужениях Псковской Миссии, обращался как в руководство Миссии, так и лично к митрополиту Сергию (Воскресенскому) с этой

просьбой, однако последний был непреклонен: до конца своих дней оставаясь «сергианином» он считал, что представитель «Карловацкой Церкви» не может служить в православных храмах без покаяния. Скорее всего, архимандриту Гермогену так и не удалось принять участие в службах псковского духовенства.

Что касается вопроса сотрудничества членов Псковской Православной Миссии с немецкими карательными органами, то здесь следует разделить два момента: необходимое сотрудничество представителей Управления Миссии, которые были под неусыпным немецким контролем и должны были составлять оккупантам отчеты, рапорты и другие документы, иногда к тому же пытались скрыть от них моменты, которые могли бы навредить православному духовенству и местному населению, и с другой стороны «доносительство» на своих ближних, прямое пособничество карательным действиям нацистов. Что касается второго то лишь ничтожно малая часть миссионеров Северо-Запада России оказывала подобные «услуги» немцам, главным образом здесь следует отметить личность священника Иоанна Амосова, который на самом деле был не представителем духовенства, а «самосвятом», к тому же служившим в советских компетентных органах до войны. Именно «благодаря» его пагубным действиям многие миряне и представители духовенства терпели бедствия, что однако никак не должно приводить к мысли, что по этому исключительному случаю можно судить о моральных качествах псковских миссионеров в целом. Попытки же некоторых современных исследователей продолжить и развить принятые в советской историографии тезисы о «предательской сущности» Псковской Миссии, основанные в том числе на таком предвзятом источнике как протоколы допросов священников со стороны советских карательных служб, не соответствуют действительности и требуют внимательного и тщательного изучения подобного рода источников, в которых всегда следует разделять «оговоры» и реальные признания.

Важно отметить, что оставленное миссионерами наследие заключалось не только в количестве открытых храмов. Псковские священники вселили в население Северо-Запада России надежду, на то, что можно крестить детей и венчаться, приобщаться Святых тайн и отпевать усопших, вселили и уверенность в том, что можно и нужно требовать у безбожных властей сохранения своих храмов и пастырей. После окончания войны старый порядок, хоть и не в тех ужасающих размерах вернулся: снова некоторые церкви становились зернохранилищами, клубами, кинотеатрами и уже и не антирелигиозными, но все же музеями. Зачастую за каждый храм нужно было вести упорную борьбу.

Особую «головную боль» для советских властей составляли православные церкви и монастыри на территории Балтии, в которой большевики не успели массово расстроить

религиозную жизнь. Сама же жизнь православных приходов Балтии в послевоенное время представляло весьма неоднозначное явление. С одной стороны, в Эстонии происходил явный и принимающий угрожающие размеры процесс перехода этнических православных эстонцев в лютеранство, так как теперь Православная Церковь стала восприниматься в том числе и как орудие русификации и даже советского влияния. Часть православного духовенства Эстонии тоже стала отходить от Православия. С другой стороны, многие не поддерживаемые большей частью православных верующих богослужебные реформы, особенно «календарная», стали пересматриваться и от этих нововведений стали отходить. Постепенно с советизацией балтийских республик неумолимо шел и процесс ограничения церковной собственности и запрещения миссионерской и просветительной деятельности православных приходов. Представители же местного православного духовенства, в особенности церковное священноначалие, полностью перешли на позиции поддержки новых властей, резко осудив политику своих предшественников межвоенного периода. Оказавшиеся в эмиграции православные миряне и верующие пытались отстоять свою каноническую линию и в изгнании, хотя в целом и безрезультатно. Все споры, вызванные в том числе и давлением советской власти на Православную Церковь откликаются сейчас и обостряют и без того очень сложный национальный вопрос в Балтии.

Некоторые вопросы входящие в проблему изучения идеологического и национального аспектов деятельности православных приходов Балтии и Северо-Запада России еще требуют своего продолжения, в частности вопрос о бытии православных представителей финно-угорских народов под финской и немецкой оккупацией, жизни монастырей региона в годы войны, участия представителей духовенства в кампании по вербовки православных в латвийские и эстонские дивизии СС и многое другое. Хочется верить, что со временем и эти темы найдут своего исследователя.

Список источников и литературы

I. Архивные материалы.

1. Центральный Государственный архив города Санкт-Петербурга.

Ф. 3355. (Коллекция документов немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области).

Ф.9324. (Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по городу Ленинграду и области).

2. Государственный архив Псковской области.

Ф.Р-1633. Псковская Православная Миссия периода времени немецко-фашистской оккупации 1941-1944.

3. Архив Санкт-Петербургской епархии.

Ф.1. Опись 3. Дела духовенства Ленинградской епархии.

Ф.1.Опись 13. Эстонская епархия.

Ф.1. Опись 13А. Дела Новгородской епархии.

Ф.1.Опись 13В. Псковская епархия. Послужные списки духовенства. Дела Псково-Печерского монастыря. Реорганизация приходов Псковской епархии;

Ф.1. Опись 26(2). Переписка с благочинными.

Ф.1. Опись 26(3). Переписка с духовенством.

4. Центральный Государственный архив Историко-политических документов.

Ф.О-116. (Ленинградский штаб партизанского движения).

5. Латвийский Государственный исторический архив. (LVVA).

F.7469. Latvijas Pareizticīgā Baznīca Sinode.

F.1370. Iekšlietu ministrijas Baznīca un konfesiju departamentīt.1

F.Р-1005. Редакция газеты «За Родину».

6. Эстонский Исторический архив. (ЕАА).

F.1655. Eesti Apostolik Oigeusu Kirik Sinod.

F.5355. Eesti Apostoliku Oigeusu Kirik eksiilis.

7. Государственный архив Эстонии. (ЕРА).

R-1961. NSVL. Ministrite Nõukogu ja Vene Oigeusu Kirikuasjade Nõukogu Volinik ENSVs.

ERAF.130SM. ENSV Riikliku Julgeoleku Komitee lopetatud uurimistoimikute kollektsoon.

8. Литовский Особый архив. (ЛYA).

FK-1.Ар.58.В.Р-13752 (Семеновас Стефан Варфоломеевич).

FK-1.Ар.58.В.Р-9041 (Насекайло Евгений Сидорович).

FK-1.Ар.58.В.Р-4012. (Голод Лука Филимонович).

9. Литовский Центральный Государственный архив. (LCVA).

F.391.Ар.4.В.695.

F.R-1399.

F.R-238.Ар.3.В.2. Заявления, прошения, поступившие от верующих в 1945 г.

II. Периодическая печать.

1. Двинский вестник. 1944. №1 (138). 1 января.

2. За Родину. 1942. 5 декабря.

3. Журнал Московской Патриархии. 1931. №№1-6; 1932. №№7/8-11/12; 1933. №№13-16/17; 1934.18/19-22; 1935. №23/24.

4. Православный Христианин. Псков, 1942. №№1,2/3,4,5; 1943. №№6/7,8/9,10/11, 15/16/17; 1944. №№ 18/19, 20/21, 22.

URL:http://feodorovna.ucoz.lv/publ/izdanija_pskovskoj_missii/zhurnal_quot_pravoslavnyj_khristianin_quot/27.

III. Сборники документов.

1. Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, Позднейшие документы и переписка о преемстве Высшей церковной власти 1917-1943/Сост. М.Е. Губонин. М.: ПТСБИ, 1994. 1064 с.

2. Православие в Эстонии. Т.2. Документы. / Под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010. 656 с.

3. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. 768 с.

4. Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов. (Сборник документов). М: Изд-во Крутицкого подворья, 2003. 364 с.

5. The Autonomus Orthodox Church of Estonia. L'Eglise autonome orthodoxe d'Estonia / Approche historique etnomocunonoquel. Thessalonoquen: editions pektajis. D. ParaTHomas et R.P. Matthias. H. Palli. Bibliotheque Nomocanonique, 2002. 460p.

IV. Воспоминания.

1. Бенигсен Г., прот. Христос Победитель // Вестник РХД. 1993. №168.
2. Воспоминания о Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941-1944 гг. // Православная жизнь (Приложение к <<Православной Руси>>). 2001. № 1.
3. Герих А. Сергей, митрополит Литовский. Вестник РХД. 2003, № 186.
4. Жадан П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о гражданской и второй мировой войне. М.:Терра,1991.. 239 с.
5. Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний отца Архимандрита Алексея (Чернай). Сан-Франциско: Глобус, 1981. 228 с.
6. Казанцев А. Третья сила. М.:Посев, 1994 343 с.
7. Кирилл (Начис) архим. Было много боли, и надо было ее преодолеть// Морская газета. 2002. 17 августа.
8. Кирилл (Начис), архим. Сохраним лучшее наших отцов. СПб: Абрис, 2001. 192 с.
9. Киселев. А. прот. Облик генерала Власова (Записки военного священника). Нью-Йорк: Книгоиздательство «Путь жизни», 1978. 205 с.
10. Кромиади К.Г. «За Землю, За Волю!». Воспоминания соратника генерала Власова. М: Вече, 2011.346 с.
11. Митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. О моем пути. Таллин: Типография «Sata», 2009. 256 с.
12. НТС в Прибалтике: От Нарвы до Норильска. Интервью с Раисой Ионовной Матвеевой-Рацевич. Посев. №11. 1999.
13. Пирожкова В.А. Мои три жизни. Автобиографические очерки. СПб.:Нева, 2002. 616 с.
14. Поведский В., прот. Таллинский пастырь. Письма, проповеди, воспоминания. Таллин: Православное издательское общество священномученика Исидора Юрьевского, 2001. 288 с.
15. Полчанинов Р. В. Молодежь русского Зарубежья. Воспоминания 1941-1951 гг. М: Посев, 2009. 432 с.
16. Полчанинов Р. НТС во Пскове 1941-1943.. Посев. №6 .2001.
17. Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб.: Белое и черное, 2002. 320 с.
18. Рутченко-Рутыч Н.Н.. Среди земных тревог. Воспоминания. М: Русский путь, 2012. 608 с.
19. «Свершилось. Пришли немцы» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М.:РОССПЭН, 2012. 328 с.
20. Свенцицкий. А.Б. Они были последними? М.: Грааль, 1997. 191 с.

21. Трубецкой М. Свидетельство (из архива Н. А. Струве) // Вестник РХД. 2003. № 186.
22. Фельдман-Кравченко. Н. Не сломить клевете силы духа: Памяти К. И. Кравченка // Вестник РХД. 1990. № 1.
23. Чер В. Возвращение., СПб.: Дидактика Плюс, 2002. 194 с.
24. Шеметов Н. Единственная встреча // Вестник РХД. 1978. № 128
25. Штрик-Штрикфельдт В.К.. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М: Посев, 1993. 448 с.
26. Яковлева. М. Ольгина отчина. Псков:Об-ние псковских писателей, 2001 112 с.

VI. Литература.

1. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945. М: Посев, 2009. 1120 с.
2. Патриарх Алексей II. Православие в Эстонии. М.: Церков.-науч. Центр «Православная энциклопедия», 1999. 703 с.
3. Патриарх Алексей II “Бог миловал, Все в его руках. // Известия. 2002. 10 декабря. С.1-2.
4. Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. №№ 13, 14, 15.
5. Арефьева. И. Гибель эзарха под Ковно URL: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/129-gibel-ekzarkha-pod-kovno> (Последнее обращение: 29.02.2013).
6. Арефьева. И. И СМЕНИЛИ РЯСЫ НА ТЮРЕМНЫЕ РОБЫ. URL: (Последнее обращение:29.02.2013).
7. Арефьева. И. Особенности репрессий духовенства Литвы в 1939-1958 гг. и «собственноручные показания» о. Евгения Насекайло. URL: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/128-osobennosti-repressij-dukhovenstva-litvy-v-1939-1958-g-g-i-sobstvennoruchnye-pokazaniya-o-evgeniya-nasekajlo> (Последнее обращение: 29.02.2013).
8. Бах Д., Смирнов В. Немецкие следы в одном русском городе. Псков: Ред.Газ. “Новости Пскова”, 1997. 205 с.
9. Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920-1940. Сб.докладов. Рига, 1962.
10. Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941-1944). Рига: Зинатне, 1967. 92 с.
11. Балевиц З.В.. Старообрядчество в Латвии без прикрас. Сб.документов. Рига: Латвийское государственное издательство, 1961. 200 с.

12. Беглов А. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное подполье в СССР. М.: Арфа, 2008. 352 с.
13. Беглов А. «Миссионерская разведка» отца Николая Трубецкого. Как начиналась Псковская миссия // Альфа и Омега. 2001. №2 (28).
14. Бернев С.К. Образование Псковской православной миссии // Жизнь и безопасность. СПб. 2004. №1-2.
15. Бернев С.К. «Православная миссия» в оккупированном Пскове. «Докладная записка управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г.» // Исторический архив. 2008. №5.
16. Бернев С.К. Русская святыня за рубежом // Жизнь и безопасность. СПб. 2002. №4.
17. Бернев С.К. Русская святыня в эмиграции // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и матер. всерос. науч. конф. / РГИ СПбГУ; СПбГУКИ. СПб., 2004. 18.
18. Бернев С.К. Псковская православная миссия. Факты и документы. // Жизнь и безопасность. 2003. №3-4.
19. Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : дис. ... канд. ист.наук СПб., 2008.
20. Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах. : автореф. дис. ... канд. ист.наук СПб., 2008.
21. Васильева О.Ю. Жребий митрополита Сергия. Наука и религия. 1995. №5.
22. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927-1943 годах // Вопросы истории. 1994. №4.
23. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 212 с.
24. Веверс Я.Я. Православная духовная миссия – агентура немецкой разведки (материал в помощь лектору). Рига: Общество “Знание” Латвийской ССР, 1973. 22 с.
25. Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М: Рейтар, «Форма-Т», 2009. 528 с.
26. Галкин А.К., Бовкало А.А. Новгородская епархия в годы оккупации (1941-1944) // София (Новгород). 1995. №2.
27. Галкин А.К. Бовкало А.А. Псковская духовная миссия и монастыри на северо-западе России // Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского Богословского института. М., 1997.
28. Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М.: Общество любителей Церковной Истории, 2013. 407 с.

29. Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.
30. Гаврилин А.В. Современное положение Православной Церкви в Латвии и Эстонии: проблемы и их истоки. // XI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 2001 г. М.:Изд-во Свято-Тихоновского Богословского института, 2001.
31. Гаврилин А. В. Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии. Церковь и время. М. 2010. №52(3).
34. Геродник Г. И. Правда о Псково-Печерском монастыре. М.: Госполитиздат, 1963. 111 с.
35. Глобализм и религия антихриста. М: Долой зло!, 2011. 376 с.
36. Голиков Андрей, свящ., Фомин С. Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо – Запада России и Прибалтики (1940-1955). М.: Паломник, 1999. 221 с.
37. Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат 1988. 302 с.
38. Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1941-1945. М.:АСТ,2005. 544 с.
39. Граббе. Г. протопресвит. Правда о Русской Церкви на родинь и зарубежомь (По по поводу книги С.В. Троицкого «О неправдъ карловацкого раскола»). Джорданнвиль, Типографія преп. Юва Почаевского, 1984. 218 с.
40. Грибков И.В., Жуков Д. А., Ковтун И.И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011. 468 с.
42. Григорий Д. Папатомаc., архим. Несчастье быть маленькою церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллин, 2007. С.141-240.
43. Григорьев Г., свящ. Патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский): дис. ... канд. богослов. Сергиев Посад, 2004. 280 с.
44. Дмитриев В. Гонения на Православную Церковь в Эстонии со стороны Советского Союза в период 1940-1941 годов. (Дипломная работа). СПбДА. 2005.
45. Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии. // Из истории Христианской Церкви на Родине и За Рубежом в XX столетии. М: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С.173-318.
46. Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками 1941-1945. М: ЗАО Центрполиграф, 2010. 384 с.
47. Ерцмане М. История прихода Христорождественского собора после 2-ой мировой войны (1944-1961 гг.)// Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 127-160.

48. Ефимов А.Н Процесс закрытия церквей и обновленческое движение в Пскове в 20-30 гг. XXв. // Псков. 2001. № 14.
49. Михаил Женочкин., прот. Свято-Державный Димитриевский собор в крепости города Гдова. Историческое описание и современное духовное возрождение. Псков: ГППО «Дом печати». 47 с.
50. Зотова – Печерская Т. П. Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М.: Приход сошествия святого Духа, 2006. 208 с.
51. Из опыта новомучеников и исповедников Российских. Материалы семинаров Преображенского содружества малых православных братств. Материалы семинаров. М: Культурно-просветительный центр «Преображение», 2011. 190 с
52. История России. XX Век: Т.2.1939-2007. М:Астрель: АСТ, 2010. 848 с.
53. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939-1945). СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. 376 с.
54. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. М.: Аст: Транзиткнига, 2004. 486 с.
55. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет: Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009. 371 с.
56. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 624 с.
57. Корнилов. А.А. Духовенство перемещенных лиц. Н. Новгород: НИЛ «Русское Зарубежье»,2002. 119 с.
58. Корнилов А.А. На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек. Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004.
59. Корнилов А.А.. На реках Австрийских. Духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг (1945-1952 гг.). Н. Новгород: ФМО ННГУ НИЛ «Русское Зарубежье», 2006. 116 с.
60. Корнилов А.А. «Переправимся на ту сторону...» Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лет Шляйсгайм (1945-1951 гг.). Н. Новгород-Мюнхен: ФМО ННГУ, НИЛ «Русское Зарубежье», Обитель преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 2011. 140 с.
61. Корнилов А.А. Преобразование России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941-1945). Н. Новгород: ИФ ННГУ, 2000. 192 с.
62. Кулис А. К вопросу об автокефалии Латвийской Православной Церкви в 30-х годах XXвека. // Православие в Латвии: Исторические очерки 1. Рига, 1993.

63. Кумыш В., священник. Священномученики Эстонской Церкви, в Юрьеве пострадавшие. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 144 с.; Он же. Сотрудники и братья убиенных за Слово Божие. СПб.: Ника, 2001. 80 с.
64. Лебедев К., диакон. Церковная жизнь в оккупированных районах Ленинградской области в 1941 – 1944 годах. (Дипломная работа). СПбДА. 2005.
65. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Книга 1. СПб: Нева, 2004. 555 с.
66. Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М.: Мысль, 1971. 319 с.
67. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941-1945. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) - Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 451 с.
68. Макарова М.Т. Школы Псковского края в годы Великой Отечественной войны // Псков, 2005. №23.
69. Аркадий Маковецкий, прот. Белая Церковь: вдали от атеистического террора. СПб: Питер, 2009. 315 с.
70. Митрофанов Г. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009. 240 с.
71. Митрофанов Г., прот. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М: Арефа, Лепта Книга, 2011. 272 с.
72. Национал-социализм и Христианство: Сборник. / Сост. Нуйкин В.Э. Ужгород, Эстакада. 2009. 156 с.
73. Никитин В.А. Святейший Патриарх Алексей II. Жизнь и деяния во славу Божию. М.: КРП Олимп, 2009. 639 с.
74. Новинский. В., прот. Очерк история Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005. 562 с.
75. Обозный К.П. Добрый воин Христов (памяти протопресвитера Алексея Ионова) // Псковский летописец. Краеведческий альманах. 2011.№1(5).
76. Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. 608 с.
77. Обозный К.П. Псковская Православная миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941-1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
78. Обозный К.П. Псковская Миссия в 1941–1944гг. Миссионерский аспект деятельности // Православная община. 2000. №№55,56.

79. Обозный К.П. Псковская Православная Миссия.(Памяти протоиерея Николая Колиберского) // Псковские хроники. Вып.3. Псков, 2002.
80. Обозный К.П. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (Прибалтийский Экзархат и Псковская Миссия): помощь советским военнопленным 1941-1944гг. // Псков. 2005. №23.
81. Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997.
82. Окроков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М: Русский путь, 2007. 294 с.
83. Пирумов С. Помнить все.... Русь Православная. СПб. №11-12.
84. Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж: YMCA-PRESS, 1993. 311 с.
85. Попов В. прот. Память о. Константина Шаховского // Вестник Рхд. Париж-Нью-Йорк-Москва. № 181. (3).
86. Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в 20 веке. М.: Республика, 1995. 509 с.
87. Попов А. Пора проснуться! Гонение на православных и русских в Польше в XX в. СПб: Община Казанской церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря, 1993. 79 с.
88. Попова О.В. Благотворительная деятельность Псковской Православной Миссии (1941-1944) // Псков. 1997. №7.
89. Правда о генерале Власове: сб. статей. СПб.: Русский остров, 2009. 224 с.
90. Православие в Балтии. №10. Рига. 2013.
91. Православие в Латвии: Исторические очерки 1. Рига, 1993.
92. Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997.
93. Православие в Эстонии. Т.1. Исследования. / Под ред. прот. Н. Балашова, С.Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010. 320 с.
94. Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: Trukis Astrukis, 1998. 187 с.
95. Прекуп И. прот., Балашов Н. Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллин, 2013. 132 с.
96. Псарев А.В. Жизнеописание архиепископа Леонтия Чилийского (1904-1971 гг.) // Православная жизнь. (Приложение к «Православной Руси». Джорданвилль. №3 (555). 1996.
97. Псков. Очерки истории. Под ред. В.П Иванова. Л.: Лениздат, 1971. 368 с.

98. Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия. М.-Псков: Духовное преображение, 2005. 744 с.
99. Рар Г. (А.Ветров) Плененная Церковь. Очерк взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Мюнхен: Посев, 1954. 114 с.
100. Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. 216 с.
101. Русское национальное меньшинство в Эстонии. / Под ред. С.Г.Исакова. Тарту: Крипта, 2000. 448 с.
102. С Богом в оккупации: сб. статей. СПб.: Агат, 2002. 192 с.
103. Салениеце И. Жители Латвии и воины двух армий в годы Второй мировой войны. //Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX-середина XXв. Международный коллоквиум (Санкт-Петербург, 17-20 июня 2013 г.): Научные доклад. СПб.: Нестор-История, 2013. С.242-254.
104. Сахаров С.П. Рижские православные пастыри за сто лет (1836-1936). Daugavpils: Издатель С.П. Сахаров, 1937.
105. Свитич А.К. Православная церковь в Польше и её автокефалия. - Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1959. 231 с.
106. Сегень А.Ю. Поп. М: Вече, 2009. 336 с.
107. Серапинас В. Подвижник благочестия протоиерей Лука Голод. URL: <http://cerkov.by/page/podvizhnik-blagochestija-protoierej-luka-golod> (Последнее обращение: 1.04. 2013).
108. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2001. Вып. 26-27.
109. Соколова Л. Влияние западничества на изучение истории псковской православной миссии 1941-1944. URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/22/vliyanie_zapadnichestva_na_izuchenie_istorii_pskovskoj_pravoslavnoj_missii_19411944.
110. Соколова Л. Вновь о Псковской православной миссии. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/11/vnov_o_pskovskoj_pravoslavnoj_missii/ (Последнее обращение: 22.06. 2013).
111. Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941-1945 гг. М.: Вече, 2000. 304 с.
112. Суглобов Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. 144 с.
113. Труфанов. Из истории Рижской Духовной семинарии (1926-1936 гг.). // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997.
114. Церпицкая О. Л. Русская православная Церковь и освободительное движение на оккупированных территориях (Псковская миссия): новый раздел в преподавании истории

Великой Отечественной войны // Проблемы преподавания истории Второй мировой войны: материалы II-й международной научно-практической конференции. 5 - 7 мая 2005г., Санкт-Петербург // Российский государственный гидрометеорологический университет. - СПб., 2005.

115. Шевченко Т.И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917-1957). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 504 с.

116. Шевченко Т.И. Игумен Харитон. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь; ИПО «У Никитских ворот», 2011. 544 с.

117. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 521 с.

118. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

119. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение. Вестник церковной истории. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006, № 4.

120. Шкаровский М.В. Русская Церковь и Третий Рейх. М.: Вече, 2010. 464 с.

121. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого подворья; 1999. 400 с.

122. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб.: Сатисъ; Держава, 2005. 624 с.

123. Шлевис. Г. Православные храмы Литвы. Вильнюс: SAVO, 2005. 559 с.

124. Шлевис Г. Митрополит Сергей (Воскресенский). Жизнь и судьба. URL: <http://www.kolos.lt/ru/stranicy-istorii/246-mitropolit-sergij-voskresenskij-zhizn-i-sudba> (Последнее обращение: 30.02. 2013).

125. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. пособие по курсу “Отечественная история”. Тольятти: Тольят. Акад. Гос. сервиса, 2004. 271 с.

126. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945гг. Самара: Изд-во самар. ун-та, 2001. 242с.

127. Alekseev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, 1976.

128.. Fireside H. Icon and swastika. Cambridge: Russian research center studies. 1971.

129. Pospelovsky, D. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer, 3 vols.: 1. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies; 2. Soviet

Antireligious Campaigns and Persecutions; 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. London: Macmillan, New York: St. Martin's, 1987—1988.

130. Sebastian R.. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Wien: PETER LANG, 2012. 334 p